Родимый край… Как ласка матери,
как нежный зов ее над колыбелью,
теплом и радостью трепещет в сердце
волшебный звук знакомых слов…

Ф. Крюков

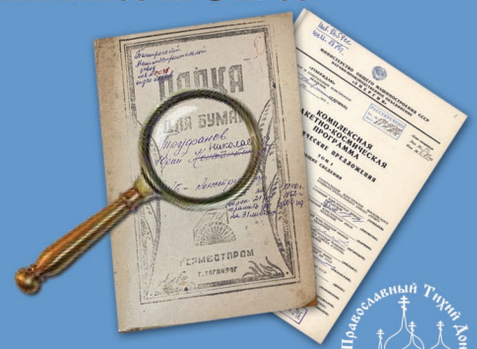

Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова 2025

Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова

2025

ФОНД ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение Ростовской области
«Константиновский педагогический колледж»
Ростовское региональное отделение Союза краеведов России
Общественное объединение «Константиновский краевед»

Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова

2025

Альтаир
Ростов-на-Дону
2026

ББК 63(3)2
О34

12+

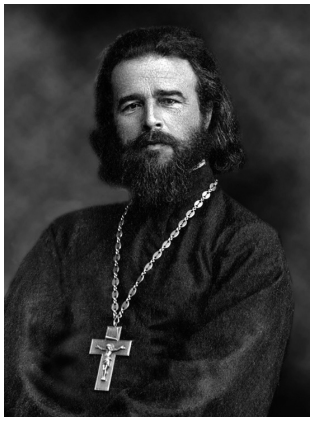
Организаторы Чтений выражают благодарность
Фонду имени священника Илии Попова
за издание данного сборника.

О 34 Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2026. – 460 с.: ил.

Сборник содержит материалы 18-х Константиновских краеведческих чтений им. А. Кошманова, проходивших 10–11 октября 2025 года на базе Константиновского педагогического колледжа и этно-археологического комплекса «Затерянный мир».

ISBN 978-5-91951-894-5 ББК 63(3)2

© Коллектив авторов, 2026
© Оформление ООО «Альтаир», 2026

Протоиерей Илия Попов 1871—1937

Протоиерей Илия Попов — сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное (Мф. 5:10)

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

Эта книга издана при содействии Фонда имени священника Илии Попова

Краеведение. Общие работы. Города, станицы, хутора донского края

Н. А. Мининков

«Выскочка из мужиков, разбогатевший кулак»[1]: столичный журналист о Ростове конца XIX в.

Исторический феномен бурного пореформенного роста Ростова вызывал значительный интерес русских и зарубежных современников. К наиболее яркому выражению этого интереса может быть отнесена статья столичного журналиста Н. Кольцова «С низовьев Дона», которая публиковалась в 1882 г. в трех номерах демократического журнала «Дело». С глубоким знанием положения в крае и с цифровыми выкладками автор показал сложность и внутреннюю противоречивость развития города, выделил яркие культурно-исторические типы среди жителей и многочисленных прибывающих в поисках работы.

Отмена крепостного права и буржуазные реформы времени Александра II стали причиной бурного роста ряда южных городов Российской империи, в том числе Ростова. К семидесятым – началу восьмидесятых годов уже было очень заметно противоречие между значительной численностью населения этого города, большим количеством предприятий, и его уездным статусом на юго-восточной окраине Екатеринославской губернии, в сравнительном

[1] *Кольцов Н.* С низовьев Дона // Дело. 1882. № 8. С. 300.

отдалении от губернского центра. Городом с пестрым в этническом и культурном отношении населением, в который стекалось на сезонные заработки множество людей из внутренних губерний, о котором немало рассказывали, вызывал интерес в обществе. Поэтому не случайно в журнале «Дело» появилась большая корреспонденция журналиста Н. Кольцова, помещенная в трех номерах за 1882 г.

Журнал «Дело» обратил внимание на Ростов и в целом на низовья Дона поэтому не случайно. Тем более, определялось такое внимание общим демократическим характером журнала, который предопределил особый интерес к процессам формирования и развития нового буржуазного общества и его городского строя, хорошо заметного в пореформенном Ростове, в соседстве с территориями распространения традиционного казачьего и крестьянского уклада. Кроме того, сам журнал представлялся как издание литературной и научной направленности[2]. Корреспонденция «С низовьев Дона» в полной мере подтверждает такую направленность журнала, поскольку в ней проявился хороший литературный уровень, умение автора создавать яркие образы людей, встречавшихся им в Ростове. Что же касается научной стороны, то автор использовал цифровые выкладки и сведения о некоторых конкретных сторонах экономической жизни, которые дают не меньшее представление об экономике и социальных отношениях в городе и в его округе, чем специальные академические исследования, правда, без следов критики источников, содержащих эти данные. Все это свидетельствует о высоком уровне журнала и о культуре его подписчиков.

В самой корреспонденции выделяется несколько четко выраженных тематических узлов. Начинается статья со сравнения Таганрога и Ростова, и жизни в этих городах. Затем Н. Кольцов остановился на причинах быстрого пореформенного роста Ростова. Но далее по контрасту журналист показал противоречие между быстрым экономическим и демографическим ростом города и условиями жизни в городе, которые не соответствовали представле-

[2] *Есин Б. И.* Демократический журнал «Дело». М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 47.

ниям нового времени о комфортной городской инфраструктуре и о бытовых условиях жизни в городе, об особенностях городской культуры. Не только город, но и его жители со своей своеобразной культурой и разнообразные по своему характеру отношения между ними также были в центре внимания автора, причем он давал краткие, но выразительные характеристики некоторым типичным представителям разных слоев городского населения. Несомненно, что тема Ростова непосредственно связана с темой реки Дон, поскольку особенностью повседневного быта значительной части городских жителей была река. Поэтому он также остановился на характеристике жизни в Азове и в близлежащих казачьих и крестьянских поселениях, находившихся ниже Ростова по Дону и по азовскому побережью.

Наглядным выражением наступления нового времени в общем развитии страны через два десятилетия после крестьянской реформы Н. Кольцов видел изменение в положении более старого Таганрога и более нового Ростова. Говоря о Таганроге, он писал, что, как это было заметно, «какая-то печать смерти висит над этим дряхлеющим городом», «Таганрог ужасно напоминает кладбище», а «мертвенность» «начинает делаться даже поэтичной»[3]. Совершенно иное впечатление, отмечал журналист, производил Ростов. «Шум, толпа, сутолока, грязь, грабеж», – вот что бросалось в глаза автору. Но в целом, по его общей оценке, «город хороший, бойкий, промышленный, производящий много ценностей и наживающий еще больше барышей». Город, по его словам, «богатый», и «обладает … всеми атрибутами цивилизации», но делает при этом характерную оговорку – «до известной степени»[4]. Оговорка не случайная, поскольку далее он приводил характерную деталь, относившуюся к городскому благоустройству. Так, на Садовой, «в небольшой показной части города», мостовые были лучше, чем в Петербурге на Невском. Но этот, по его словам, «благословенный

[3] *Кольцов Н.* Указ. соч. С. 285.

[4] Там же. С. 286.

уголок», «очень невелик», «и по всему остальному Ростову просто невозможно ходить, не ломая ног»[5].

Тем не менее, город развивался, и автора, наблюдавшего местную повседневность, поражала, по его словам, «красота человеческого труда», которую можно было наблюдать на длинной набережной, где все время прибывали суда, которые требовалось разгружать. Он показал впечатляющую картину такой разгрузки, когда «под сорокоградусными жаркими лучами» южного солнца «пятипудовые мешки летят на спины грузчиков»[6]. Но о хорошо известном травматизме рабочих, не удивительном при такой работе, журналист не писал[7]. В городе он наблюдал множество людей, прибывших на заработки из внутренней России на своих возах, причем с семьями, и приводил сведения, когда видел страшную бедность «этих скитальцев», когда «цены на труд должны слагаться под аккомпанемент плача голодных детей», когда можно было увидеть ребенка в 12 лет «с косой, в полной амуниции косаря».

Бедность в городе уживалась в непосредственной близости с богатством. «Господин города – "коммерсант", как здесь выражаются, и он, а не мужик, создает отличительную физиономию города»[8], – писал Н. Кольцов. Но Ростов, отмечал он, отличался от ряда других городов, возникавших «по предначертанию свыше». Ростов не был похож, по его словам, на города, даже новые, возникавшие «по соображениям начальства», и относился к немногочисленной группе «самовольно развивавшихся городов», «уселся в неуказном месте и вышел в люди исключительно собственными усилиями»[9], и никогда не имел покровительства сверху. Журналист подчеркивал, что возникновение и развитие Ростова происходило, в отличие от городов, пользовавшихся вниманием и благосклонностью начальства, самостоятельно, исключительно с опорой на

[5] *Кольцов Н.* Указ. соч. С. 287.

[6] Там же. С. 288.

[7] О тяжелом труде грузчиков в порту см.: *Поташев Ф. И., Поташева М. А.* Град Ростов. Ч. 4. Набережные Дона и Темерника. Ростов-на-Дону: Изд-во NB, 2014. С. 80, 81.

[8] *Кольцов Н.* Указ. соч. С. 290.

[9] Там же. С. 289.

собственные силы и возможности. Он для этого приводил со ссылкой на книгу В. Броневского об истории войска Донского краткую историю города начиная с образования Темерницкой таможни, которое он отнес к 1750 г.[10], и основания в 1761 г. крепости Святого Дмитрия Ростовского. По его словам, с утратой в скором времени стратегического значения утратил и «внимание начальства». С 1775 г., писал он, центром Азовской губернии стал Азов, а при Александре I особое внимание уделялось Таганрогу. Из этого, делал он вывод, Ростов «никогда не пользовался фавором»[11].

Н. Кольцов по-своему объяснял причины такого роста и развития города. По его мнению, дело заключалась даже не в предприимчивости самой по себе, но в том, «почему она искала и находила себе в Ростове более широкое применение, нежели в прочих местах»[12]. К такому применению он относил исключительно выгодное географическое положение города, который благодаря Дону и Азовскому морю был связан с территориями, которые он отнес «к числу богатейших в России», а также получал «доступ к заграничной торговле». Другой причиной были «социальные условия» соседней Донской области, которые, по его оценке, были «крайне неблагоприятны для занятий жителей торговлею и промыслами»[13], по причине особого положения казачьего сословия. Но он в то же время отмечал: «Хлебопашество, скотоводство, овцеводство, рыбная ловля представляют огромные источники богатства» в крае, и все это было следствием благоприятного географического положения. К этому добавились угольные копи, по его оценке, «богатейшие», а в дальнейшем железные дороги.

Такие же преимущества имела также Нахичевань. Однако этот город не смог ими воспользоваться, «вследствие замкнутости своего общества». Азову, считал он, мешало «обмеление старого

[10] Более точную дату, 1749 г., давал М. Б. Краснянский. См.: *Краснянский М. Б.* Исторический очерк гг. Ростова и Нахичевана н/Д по данным Городского музея в г. Ростове н-Д. Ростов на Дону: Тип. М. И. Гузман, 1911. С. 17, 19, 20.

[11] *Кольцов Н.* Указ. соч. С. 292.

[12] Там же. С. 298.

[13] Там же.

русла Дона», а Таганрог имел неудобное место для бухты, слишком мелкое, в Мариуполе и Бердянске условия для морского порта были, по его оценке, лучше. Таким образом, социокультурные особенности и географические условия были, по мысли автора, причинами роста и развития Ростова и упадка соседних городов. Вообще на рубеже XIX–XX вв. по вопросу о важнейших предпосылках общественного развития высказывались противоположные точки зрения. Так, с точки зрения немецкого географа и социолога Ф. Ратцеля, «почва», или окружающая среда определяет условия для развития общества[14]. Другую точку зрения выражал основатель французской географической школы П. Видаль де ла Блаш, указывавший, что решающие предпосылки для развития общества зависят от человека, и вообще говоривший о географии человека[15]. В рассуждениях Н. Кольцова вполне прослеживаются обе точки зрения, согласно которым быстрое развитие Ростова зависело как от особенностей его географии, так и от людей, которые обеспечили это развитие. Во всяком случае, это заметно в указании автора на то, что обстоятельства, завесившие от людей, могли способствовать или препятствовать развитию. Так, он отмечал, что такие недостатки Ростова, как второклассная таможня, стеснявшая торговые операции, недостатки моста через Дон, превратившегося «в нечто вроде порогов, заграждающих реку», а также тарифная политика являются причиной того, «что Ростов не воспользовался в должной мере выгодами своего положения»[16].

Успехи роста и развития города, как показывал Н. Кольцов, сочетались с бытовой неблагоустроенностью. «Грязь и нечистота в городе необычайная», – утверждал он, но все на деле сводилось «исключительно к показному шику». «Навоз, остатки сена, разный сор, выкидываемый из дворов на улицы – все это валяется и гниет повсюду», причем в мусоре могли даже прятаться «городские жу-

[14] *Завадье А. Ратцель* // Философская энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 469.

[15] *Видаль де ла Блаш П.* Географические картины Франции. Пер. с фр. М.: Центр романских языков ESPERANZA, 2020. С. 18–19.

[16] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 9. С. 85.

лики», а дохлые животные валялись даже на Московской улице, одной из центральных в городе[17]. На самом низком уровне находилась в городе также медицинская помощь. В доказательство крайне тяжелого ее положения журналист приводил высокую смертность, и со ссылкой на земскую медицину указывал, что на 1000 человек населения ежегодная смертность равна 30 человекам, причем особенно высокая смертность была среди рабочих[18].

Общее впечатление автора о городском благоустройстве в целом соответствовало впечатлениям других наблюдателей. Так, автор краткого описания города из «Живописной России» С. Давидович отмечал «превосходную природную пристань» в городе, указывал, что город «хорошо обстроен со стороны Дона, но окраины его, обращенные к Таганрогской дороге, имеют вид деревни». Также отмечалась бедность Ростова садами, в отличие «от других городов Новороссийского края»[19].

Переходя от культуры благоустройства и быта к духовной культуре города, Н. Кольцов сравнивал жизнь в Ростове с жизнью в столицах. «Скучная, бесцветная жизнь. Элемент общественный, политический не то что изгнан, а просто нет его даже и духу: изгонять нечего. Элемент умственный, эстетический отсутствует в такой же мере»[20]; эта длинная цитата в полной мере отражает впечатление приезжего столичного журналиста от общественной и культурной жизни Ростова. Объяснял это автор социокультурной причиной. Заслугой дворянства, поклонником которого он, по его словам, не был, он считал то, что оно, по крайней мере, внесло вклад в развитие культуры страны, и дворянин не только «подавлял», но и «развивал народ». Но в городе, где господствует «г. коммерсант», дворянства как социального слоя по существу нет, а сам «буржуа» сыграть роль, аналогичную дворянству, по наблюдению автора за ростовской жизнью, не может. Всеми его помыслами руководит «жажда наживы безмерная, беспредельная,

[17] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 8. С. 300.

[18] Там же. С. 306, 307.

[19] Живописная Россия. СПб.; М.: Тип. тов. М. О. Вольф, 1898. Т. 5. Ч. 2. С. 145.

[20] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 9. С. 70.

так что и конца этой жажды не предвидится»[21]. В этих словах вполне отразились народнические воззрения журналиста, основанные на неприятии капитализма и буржуазии, на идеализации социализма. В самом деле в Ростове «коммерсанты» внесли свой вклад в развитие местной культуры. Но в то время, когда в городе был Н. Кольцов, такой вклад еще не был заметен. Особенно удручающим было, по его мнению, состояние трех частных городских библиотек и местного театра, представляющего собой «деревянный сарай, грязный, ветхий», с низкопробным репертуаром[22]. Зрители, по словам автора, по-видимому, «думают, что самая цивилизация в этом и состоит»[23].

Не менее критически, с позиций народничества, Н. Кольцов заявлял о городском самоуправлении. На самом деле, писал он, самоуправление в городе такое же, «как во времена Сквозника-Дмухановского». «Несколько сотен плутократов», – «действительные граждане», а остальные «никакого отношения к самоуправлению не имеют, и никакими правами не пользуются»[24]. В стесненном местной цензурой состоянии была ростовская печать. Газета «Донская пчела» «цензурируется ростовским полицеймейстером, а в отсутствии его – частным приставом»[25], что мешало постановке и освещению в ней актуальных местных вопросов.

К таким острым вопросам относились социальные и межэтнические отношения. Н. Кольцов упоминал о «грандиозных беспорядках 1879 года», среди которых были случаи «избиения евреев»[26] в ряде городов. В Ростове, писал он, полиция погромов не допустила[27], однако отношение значительной части населения к евреям, по его указанию, было не менее негативным, чем в других городах. Существенной частью социальной ситуации в городе журналист

[21] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 9. С. 69.
[22] Там же. С. 71.
[23] Там же. С. 72.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же. С. 77.
[27] Там же. С. 78.

видел местный преступный мир, а также профессиональных нищих. Он, указывал автор, постоянно пополнялся за счет прибывавших в город людей, не имевших средств к существованию, причем городское кладбище было местом сосредоточения преступников и опасным местом для посещений, особенно по ночам. Вывод его о положении городского населения поэтому был весьма неутешителен. «Бесцеремонно действует здесь сверху, хищник-капиталист, но и маленький хищник внизу до сих пор не превращен в паразитарное насекомое, а все еще летает и клюет добычу, как вольный коршун»[28], – писал он.

Благоприятное географическое положение Ростова, по оценке Н. Кольцова, не было использовано в необходимой мере для торгово-экономического развития города. «Первобытные способы нагрузки, плохая набережная, засоренные гирла» служили серьезным препятствием[29]. Существенные недостатки имел железнодорожный мост через Дон Владикавказской железной дороги. Поскольку прохождение под ним имело для судов определенный риск, то он остается до сих пор «"Сциллой и Харибдой" Ростова, как выражаются обыватели», причем случались повреждения судов и даже крушения[30]. Причину автор видел в недостатках расчетов при проектировании моста. Но если Ростов в международной торговле испытывал трудности, то во внутренней торговле и в промышленности город стал важным центром всероссийского значения. Тем не менее, в развитии промышленности журналист замечал существенные недостатки. Причину он видел в самих особенностях города. «Неинтеллигентность города, барышнические инстинкты, и к сожалению, действительная легкость наживы, – все это мешает ростовцу поставить свою промышленность на правильную и широкую ногу»[31], – отмечал он. Но при этом он давал высокую оценку табачной фабрике Асмолова.

---

[28] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 9. С. 82.

[29] Там же. С. 85.

[30] Там же. С. 86.

[31] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 10. С. 55.

Неразрывную связь человека и природной среды, создающую возможности для развития общества, Н. Кольцов видел в связи между рекой Доном и местным населением. Связь эту он оценивал, как исключительно глубокую. С рыболовством связано население Ростова, но в еще большей степени казачье население станиц Гниловской и Елизаветинской и относящихся к ним хуторов, а также азовские мещане и крестьяне села Кагальник на Азовском море. Организации рыболовства в низовьях Дона автор уделял самое серьезное внимание. Он указывал, что, в соответствии с законом, рыболовство имело множество ограничений. Но речная полиция очень строго наказывала, указывал он, за нарушения крестьян и мещан, однако закрывала глаза на многие нарушения со стороны казаков. Такое отличие в отношении нарушителей, допускавшееся речной полицией он объяснял сословным устройством Области войска Донского и управлением полицией из Новочеркасска. Поэтому полиция была по существу казачьей[32]. Заметны глубокие познания автора в донском рыболовстве. Он знает местные названия рыбы (сула, чебак и т. д.), особенности сетей на каждую рыбу, а также тяжесть труда рыболовов и непостоянства заработка при таком тяжелом и опасном труде.

Таким образом, из корреспонденции Н. Кольцова, опубликованной в журнале «Дело», российский читатель получал разнообразные и весьма подробные сведения о низовьях Дона и особенно о городе Ростове, как о быстро развивающемся городе на юге страны, и о его проблемах, о его населении, о труде и образе жизни соседних близлежащих городских, казачьих и крестьянских поселений. Корреспонденция имела значение и для самого города, поскольку указывала на его реальные проблемы. Вскоре, через пять лет после публикации ее в журнале «Дело», был сделан определенный шаг в сторону их разрешения, когда город с уездом были переданы из Екатеринославской губернии в Область войска Донского, с которой город и округа имели значительно более тесные экономические связи, чем с отдаленным Екатеринославом.

[32] *Кольцов Н.* Указ. соч. // Дело. 1682. № 10. С. 81.

О. М. Морозова

Северокавказский край в карьерной вертикали чиновников Наркомата земледелия РСФСР

Работа над темой иностранных сельскохозяйственных концессий на территории Северокавказского края, действовавших в 1923–1933 гг., заставила обратить внимание на советских хозяйственных руководителей и служащих отраслевых учреждений, чьими усилиями осуществлялся контроль над этими предприятиями. В их обязанности входило проведение инспекций для выяснения степени эффективности производства и точности соблюдения иностранным концессионером положений концессионных соглашений.

Роль главного контролирующего лица выполнял заведующий Северокавказским краевым земельным управлением, курировавший деятельность иностранных концессий. *Степан Степанович Одинцов* (1889–1938) возглавлял это учреждение в 1924–1928 гг. Этот уроженец Таганрога имел правильное социальное происхождение – из заводских рабочих, побывал в тюрьме за участие в 1-й русской революции. Как многие рядовые участники революционных волнений он был лишен права проживания в промышленных центрах и был вынужден осесть в сельской местности, где устроился в хлебозакупочную контору. С началом империалистической войны был мобилизован на флот, в Севастополь. В 1917 г. был избран в судовой комитет, в составе которого участвовал в переброске из Севастополя в Новороссийск кораблей Черноморского флота и в организации их затопления.

В годы Гражданской войны Одинцов служил продкомиссаром в губерниях Северо-Запада, в Орловской губернии и Уральской области. Указанная Одинцовым в анкете дата вступления в РКП(б) – февраль 1918 г., вызывает сомнения, так как ее численность в первые месяцы после октябрьского переворота падала. Не исключено, что в это время Одинцов вступил в партию эсеров, которые набирали популярность, особенно в Поволжье, Черноземье

и Сибири. Кроме того, в марте 1919 г. Одинцов арестовывался как член контрреволюционной организации, но был освобожден и вернулся к выполнению своих обязанностей. В 1921 г. он вернулся на Дон с мандатом уполномоченного Наркомата продовольствия Республики по Юго-Востоку. После учреждения краевого земельного управления возглавил его[1]. Руководство наркомата, рекомендуя имевшего низшее образование Одинцова на ответственную должность, исходило не из его профессиональных знаний, а иных ценных качеств. В подчинении у Одинцова на должности заведующего Донским областным земельным управлением находился *Эрих Иоганнович Квиринг*, агроном, пусть и с неоконченным профессиональным образованием (по данным анкеты, в 1912–1914 гг. учившийся на Высших сельскохозяйственных курсах в Санкт-Петербурге)[2]. Вероятно, были учтены организаторские способности Одинцова, с которыми познакомились руководящие сотрудники наркомата, работавшие в военные годы на продовольственном фронте. Но в начале свой деятельности в крае Степан Степанович не обладал глубокими знаниями в области сельского хозяйства, поэтому на обследования округов и хозяйств он предпочитал направлять своих подчиненных.

Документация краевого земельного управления по вопросам отношений с концессиями составлена вполне толково. В поездки по концессиям отправлялись заместители Одинцова – З. Б. Мидов или И. Т. Бояр, которые, каждый в свое время, занимали должность председателя ППИ. Членами комиссии состояли Г. И. Соколовский, М. Л. Звонарев и Р. Ф. Трюбер. Соколовский был ответственным работником краевого финансового управления. Со временем председательство в инспекции было переложено на него. Другой постоянный член инспекции *Митрофан Львович Звонарев*, казалось, служил во всех учреждениях земледельческого профиля: в отделе мелиорации и землеустройства земельного управления, в Управлении земельными имуществами. Еще в 1905 г. он окончил Тифлисское землемерное училище, в 1915 г. в должности старшего

[1] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 10. Д. 79. Л. 8.
[2] ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 2. Д. 183. Л. 4, 19.

топографа занимался устройством казенных пастбищ на Кавказе[3]. Можно быть уверенными, что Соколовский и Звонарев и были авторами докладных записок в наркомат земледелия и Главный концессионный комитет в 1926–1928 гг.

Своим появлением в Ростове-на-Дону он обязан *Ивану Степановичу Дмитриеву* (1888–1935). Этот человек с дореволюционной партийной биографией находился в крае в 1922–1925 гг. Еще молодым рабочим-литейщиком он стал членом социал-демократического кружка в Тюмени, был арестован и попал в ссылку в Нарым. Там собрался цвет будущей советской элиты: Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, В. М. Косарев, Н. Н. Яковлев, А. П. Смирнов и другие лица, отметившиеся в дальнейшем в ключевых событиях советской истории и занимавшие видные посты в Советской Республике. После отбывания срока ссылки в 1914 г. Дмитриев поступил в межевую контору на должность землемера, так как во время ссылки он изучил азы новой профессии, пройдя математику, геометрию, тригонометрию и низшую геодезию[4].

После Февральской революции он принял участие в создании советов и сети партийных организаций в городах Сибири. После переворота, организованного антибольшевистскими силами Комуча, а затем и при режиме А. В. Колчака, Дмитриев входил в состав подпольного Сибирского обкома партии большевиков, был арестован колчаковской контрразведкой, бежал из тюрьмы и до прихода Красной армии продолжал находиться в подполье[5]. После возвращения советской власти и короткого времени работы в Томске был отозван на работу в Москву. В 1921 г. был назначен руководителем строительства Кашырской электростанции. Его товарищ по ссылке В. В. Куйбышев в то время курировал реализацию программы электрификации России (ГОЭЛРО)[6]. В 1922 г. Дмитриев был направлен на Северный Кавказ в комиссию по установлению границ автономных республик и областей. В 1923 г. назначенный народ-

[3] Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1915. С. 441.

[4] *Акаченок А.* Большевик Дмитриев // Красное знамя (Томск). 1988. 1 июля. № 152 (20372).

[5] *Помозов О. А.* День освобождения Сибири. Томск: Красное знамя, 2014. С. 482.

[6] *Акаченок А.* И. С. Дмитриев // Красное знамя (Томск). 1962. 10 октября. № 240 (11824).

ным комиссаром земледелия РСФСР А. П. Смирнов, другой его товарищ по Нарымской ссылке, рекомендовал его на должность заместителя наркома земледелия на Юго-Востоке Республики. В письме на имя Одинцова руководитель наркомата представил ему Дмитриева как старого подпольщика и товарища, заслуживающего доверия[7].

Именно Дмитриев, как представитель наркомата в крае, провел первое обследование германской концессии Маныч, стремясь поставить аттестацию хозяйства на научную основу. Он составил опросный лист, вник в дела, передал немецкому управляющему П. О. Клетте целый список советов и рекомендаций. Но тот не был склонен прислушиваться к словам инспектора, пусть даже и заместителя наркома.

Дмитриев привел в крайземуправление землемера Звонарева, с которым познакомился на Северном Кавказе. Он плотно взаимодействовал с работниками Ростово-Нахичеванской сельскохозяйственной опытной станции, принимал участие в испытаниях культур, благодаря чему мог правильно оценить региональные условия полеводства и степень объективности возникающих перед иностранными концессиями трудностей.

Дмитриев пробыл на юге до 1925 г., уходя каждые полгода в месячный отпуск по семейным обстоятельствам, что было характерно для того слоя руководящих работников: работать на износ, при этом имея право уйти в отпуск по заявлению. Многие из них были людьми тяжелобольными после перенесенных испытаний.

В 1925 г. Смирнов поспособствовал переводу Ивана Степановича в Москву. Затем после нескольких лет в Сибири, Дмитриев вновь оказался в Москве, войдя в Коллегию Наркомзема. В 1928 г. после реорганизации Маныча в смешанное товарищество он был введен в совет новообразованного хозяйства как человек знакомый с предприятием[8].

---

[7] ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 11. Д. 25. Л. 2.

[8] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1774. Л. 309; Д. 1777. Л. 82–87; ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 11. Д. 25. Л. 8, 31.

На руководящих работников не распространялся Кодекс законов о труде 1923 г. У них не было нормированного рабочего дня и трудового отпуска. Решение о степени напряженности работы передавалось на усмотрение их революционной совести. В 1932 г. эту сторону жизни партноменклатуры И. В. Сталин охарактеризовал следующей фразой: «Есть одна группа товарищей: берут отпуск на 1,5 месяца и рвутся из отпуска, не могут досидеть до конца. Есть другая группа товарищей, которые едут в отпуск на 8 месяцев, на год, и если не напомнишь несколько раз, они так и не вернутся из отпуска. Первые кряхтят, выбиваются из сил, а вторые гуляют...»[9]

Одной из обязанностей-привилегий руководящих работников были частые и продолжительные служебные поездки. Среди них были и инспекционные выезды по дальним селам и хозяйствам, случалось, зимой и по бездорожью.

Выдавались командировки и иного характера. В конце апреля 1925 г. заведующий крайзу Одинцов выехал на 4 с половиной месяца в Железноводск по назначению краевого комитета партии для учебы на Ленинских курсах. Вернувшись в октябре, тут же убыл по делам службы в Москву[10]. В 1928 г. Одинцов был взят на повышение в Москву, возглавил Госторг РСФСР, экспортно-импортную организацию, ведавшую закупками, в том числе и техники, которая, как инкриминировалось ему впоследствии, поставлялась в недокомплекте. В 1930 г. возглавил Союз союзов сельскохозяйственной кооперации СССР. Параллельно с этим с 1929 г. входил в коллегию Наркомата земледелия СССР, в 1930–1931 гг. – заместитель наркома[11]. Наркомат тогда возглавлял Я. А. Яковлев-Эпштейн, принадлежавший к иной властной вертикали, условно говоря, троцкистской. Причину этого нетипичного для 1920-х гг. назначения можно искать в том, что за прошедшие годы Одинцов

[9] Смирнов Александр Петрович / *Зенькович Н. А.* Самые закрытые люди. От Ленина до Горбачева: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 765 с. URL: https://biography.wikireading.ru/175185

[10] ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 10. Д. 79. Л. 1–56.

[11] Российский государственный архив экономики. Ф. 696. Оп. 1. Д. 3–5, 7–11, 16, 25, 47, 53, 55.

вырос как управленец. Яковлев же не имел ни знаний, ни опыта в сфере сельского хозяйства, будучи пропагандистом и газетчиком. Некоторое понимание проблем села ему дала работа в адресованной селянам периодике – «Крестьянской газете» и «Бедноте». Коммунисты-«почвенники» относились к Яковлеву с недоверием, например, донской работник В. Н. Толмачев[12], о котором речь пойдет ниже.

После увольнения из наркомата и вплоть до ареста в 1938 г. Одинцов возглавлял Главное управление сахарной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. В 1936 г. был награжден орденом Ленина. Арестован в 1938 г. Яковлев дал показания на него как на человека, которого он привлек к антисоветской работе[13]. По одним данным в тот же год Одинцов был расстрелян, по другим – умер в 1941 г.

Как относиться к причинам ареста Одинцова и других подобных ему пока нет однозначного ответа. Но если воспринимать его как члена группы «наркомземцев», человека из команды А. П. Смирнова, то причиной понижения его «веса» были изменения статуса и места в партийно-советской вертикали ключевых фигур той властно-бюрократической группы старых сослуживцев, в которую входил Одинцов.

Александр Петрович Смирнов, народный комиссар земледелия РСФСР в 1923–1928 гг., пользовался доверием В. И. Ленина, будучи лично известным ему как надежный и проверенный работник. В 1896 г. молодой питерский рабочий стал членом Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С тех пор судьба Смирнова была связана с революцией и партией. На страницах биографической хроники Ленина за годы Гражданской войны постоянно появляется его фамилия в связи со сложными и ответственными поручениями по снабжению продовольствием Центра страны и Красной армии.

[12] Протокол допроса Я. А. Яковлева. 15–18 октября 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 387–395. URL: https://istmat.org/node/32385 (дата обращения: 12.02.2025).

[13] Там же.

Осенью 1918 г. и зимой 1919–1920 гг. он был направлен в губернии Поволжья (Саратовскую, Астраханскую, Тамбовскую) в качестве уполномоченного СТО по заготовке и доставке хлеба и других продовольственных грузов; в сентябре 1920 г. – в губернии Урала и Сибири[14]. В связи с успешным выполнением заданий СНК его полномочия были повышены до члена коллегии Наркомата продовольствия РСФСР. Участвуя в реализации политики продразверстки, он умел найти общую, хотя бы частично устраивающую обе стороны (крестьян и советское правительство) линию, которую Ленин одобрял. Еще до отказа от курса на разверстку он организовывал обмен хлеба на товары, в том числе ввозимые с этой целью из-за границы. Александр Петрович был образцовым солдатом Революции, добросовестно выполнявшим порученное дело.

К осени 1921 г. в Советской России ожидались серьезные перебои с хлебом в ряде зерновых районов страны из-за недосева и недорода. В Сибири и незерновых районах сбор ожидался выше. Мог ли урожай из зауральских губерний покрыть нехватку хлеба в бедствующих регионах, существовали разные мнения. Центр запросил данные из Сибирского статистического управления. Еще до окончательного подведения итоговых цифр года появился статистический очерк Д. Н. Мерхалёва о видах на урожай 1921 г. в Сибири, изданный в Новониколаевске. Утверждалось, что сбор следует ожидать ниже среднего. Из статистических таблиц следовал вывод, что хлебных запасов в Сибири нет, а собранный урожай едва покроет собственные нужды, в том числе в связи с сокращением посевных площадей на 25%, наличием огромного стада скота, который также нельзя оставить без кормов; вывозом хлеба мешочниками и дополнительным потреблением хлеба пришлым населением из голодающих губерний[15]. По сути, из-за Уральских гор Москве ответили глухим: хлеб не отдадим.

[14] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. В 12-ти т. М.: Политиздат, 1970–1985. Том 6. Июль 1918 – март 1919. С. 236; Т. 8. Ноябрь 1919 – июнь 1920. С. 164; Т. 9. Июнь 1920 – январь 1921 гг. С. 242.

[15] *Мерхалёв Дм.* Предварительные итоги урожая 1921 года по Сибири // Труды Сибирского статистического управления. Вып. 1. Новониколаевск: Сибстат. упр., 1921. С. 5, 28, 39.

К концу 1921 г. в Наркомпроде разразился конфликт, в котором переплелись кризис политики военного коммунизма и личные амбиции сотрудников наркомата. Замнаркома Н. Осинский (В. В. Оболенский), по сути, руководивший ведомством и требовавший безоговорочного подчинения, настаивал на увольнении другого заместителя наркома И. А. Теодоровича, проводящего «наивно-либеральную» политику[16]. Осинский, как и другие большевики, наблюдал серьезный кризис сельского хозяйства, преодоление которого ему представлялось в форме еще большего давления на крестьянство. Особенное возмущение Осинского вызвал проект Теодоровича о назначении на пост наркома продовольствия участника борьбы с Колчаком, организатора партизанского движения в Сибири, ныне советского работника в Красноярске *Василия Григорьевича Яковенко*. Теодорович докладывал Ленину, что тот, как авторитетный человек в крае, сможет договориться с прижимистыми земляками. Яковенко был назначен в январе 1922 г. на этот ответственный в условиях разворачивающегося голода государственный пост. Смирнов стал его заместителем. Но сибирский патриотизм перевесил. Яковенко не смог поднять руку на достояние земляков и был снят за непринятие мер по предотвращению бедствия, пробыв в должности немногим более года, по февраль 1923 г.

Автор очерка статистик Мерхалёв был задержан в мае 1922 г. на родине, в Нижнем Новгороде, куда уехал после увольнения из Сибирского статистического управления. Из-под ареста он уже не вышел до конца жизни[17]. С Яковенко обошлись снисходительно в соответствии со сложившимся после окончания войны правилом – не проливать кровь своих. Василий Григорьевич был переведен на пост главы другого республиканского наркомата.

Возглавил наркомат А. П. Смирнов. Он продолжал оставаться сторонником мягкой линии в отношении зажиточной середняцкой части крестьянства. К иностранным коммерческим предприятиям

[16] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. Декабрь 1921 – 1924 гг. С. 83.

[17] Книга памяти. Мерхалёв Дмитрий Николаевич (1888 – после 1931) / Мемориал. URL: pkk.memo.ru›letters_pdf/002868.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

его ведомство, наряду с Наркоматом финансов, проводило более взыскательную линию в сравнении с Главконцескомом. Сотрудники НКЗ совершенно четко понимали, что льготирование концессий означает, что возмещать придется отечественному крестьянину. В 1928 г., когда осторожная политика в деревне уже становилась анахронизмом, Смирнов был то ли смещен, то ли направлен на повышение, заняв пост заместителя Председателя СНК РСФСР и одновременно секретаря ЦК ВКП(б). К ним добавлялись и другие государственные обязанности, но старый партиец заметно ослабил свое участие в делах.

В ноябре 1932 г. на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК рассматривался вопрос о его принадлежности к руководству антипартийной группой, в которую входили Н. Б. Эйсмонт и В. Н. Толмачев, двое других ростовских партийца, к этому моменту работавших в Москве. Накануне поступил донос красного профессора председателя президиума Комакадемии М. А. Савельева на Эйсмонта, который в частном разговоре с товарищем сказал, завтра с Толмачевым идем к Александру Петровичу (Смирнову) и первое, что он скажет, будет: почему до сих пор не нашлось человека, который *его* уберет. Речь шла о Сталине.

На заседании 27 ноября 1932 г. Сталин спросил Смирнова об основаниях длительного отсутствия на рабочем месте. Тот ответил, что измотан, и напомнил, как он годами работал на 5–6 должностях. Он также признал, что причиной упадка сил стало тяжелое впечатление от разорения не только единоличных, но и коллективных хозяйств в результате «перегибов». В ходе дальнейших разбирательств подтвердил свое несогласие с методами колхозного строительства и по некоторым другим экономическим вопросам с линией сталинского Политбюро, но категорически отрицал участие в организации группировки и замыслах по устранению Сталина. Отношения с Толмачевым и Эйсмонтом не называл близкими. В бытность наркомом он поддерживал их как толковых работни-

ков, давно известных ему. Теперь их объединяли лишь сомнения в результативности методов социалистического строительства[18].

Политбюро и Президиум ЦКК осудили сложившуюся антипартийную группировку Смирнова–Эйсмонта–Толмачева. Смирнов все еще относился к категории неприкасаемых, поэтому последствия осуждения для него были мягкими. Он был назначен на пост наркома легкой промышленности РСФСР, но убран с других. Санкции в отношении Эйсмонта и Толмачева были куда серьезнее.

Карьерные траектории *Николая Борисовича Эйсмонта* и *Владимира Николаевича Толмачева* представляют интерес для понимания служебного продвижения Степана Одинцова. Знакомство этих троих состоялось на почве совместной работы в годы Гражданской войны. Эйсмонта и Одинцова могла свести в 1918–1920 гг. деятельность в сфере продовольственного снабжения городов Северо-Запада, а затем и Красной армии. Косвенные указания на это имеются в биографиях обоих советских чиновников[19]. Пути Толмачева и Одинцова, вероятно, впервые пересеклись в 1918 г. в Новороссийске во время операции по затоплению кораблей Черноморского флота, отказавшихся сдаться немцам по условиям Брестского мира. Толмачев возглавлял Совет солдатских депутатов Новороссийского гарнизона. Одинцов был председателем судового комитета одной из команд.

Одинцов и Толмачев вновь встретились в 1921 г., когда последний был назначен ответственным секретарем Кубано-Черноморского областного комитета партии. В 1924 г. он был переведен в Ростов-на-Дону заместителем председателя Северокавказского крайисполкома. Его непосредственным начальником стал Эйсмонт. До перевода в Ростов-на-Дону в Москве Эйсмонт был заместителем председателя ВСНХ. В те годы перемещения в провинцию не представлялись понижением. Сначала Эйсмонт руководил

[18] Смирнов Александр Петрович / *Зенькович Н. А.* Самые закрытые люди. От Ленина до Горбачева: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 765 с. URL: https://biography.wikireading.ru/175185 (дата обращения: 14.03.2025).

[19] *Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. URL: https://www.hrono.ru/biograf/eismont.html (дата обращения: 14.03.2025).

Экономическим советом Юго-Востока, в 1923–1925 гг. стал председателем Северокавказского краевого исполкома. В 1925 г. он был вызван в Москву, где до 1932 гг. возглавлял наркоматы снабжения и торговли – республиканские и союзные. С 1930 г. он занимал пост наркома снабжения РСФСР, так же будучи членом коллегии Наркомснаба СССР.

То, что Эйсмонт оказался в системе снабжения может быть связано с другой важной фигурой – *Петром Алексеевичем Богдановым* (1882–1938). Одно время Богданов и Эйсмонт работали в Высшем совете народного хозяйства РСФСР; первый председателем (1921–1925), второй – заместителем (в 1923 г.). В 1926 г. Богданов сменил своего бывшего подчиненного в должности председателя Северо-Кавказского крайисполкома. После возвращения в Москву он возглавил акционерное общество Амторг. Это объясняет, как И. С. Дмитриев и Федор Михайлович Зявкин (старый большевик, известный на Дону, но не в центре партийный работник) оказались сотрудниками Амторга, организации занимавшейся торговыми операциями с США.

Толмачев после перевода товарища, то есть Эйсмонта, в Москву задержался в Ростове-на-Дону еще на три года. Только в январе 1928 г. он был вызван в столицу и занял пост Народного комиссара внутренних дел РСФСР. Вслед за Толмачевым в Москву убыл и Одинцов.

В феврале 1931 г. Толмачев был переведен с должности наркома внутренних дел республики на менее значительный хозяйственный пост. Эйсмонт ценился как опытный снабженец, и никаких колебаний его карьера не испытывала, пока он в частном разговоре в ноябре 1932 г. не осудил политику партии в деревне. Неосторожные слова Эйсмонта сказались и на Толмачеве. Санкции последовали незамедлительно в виде ареста, исключения из партии и трех лет лагерей. Эйсмонт вскоре после отбытия срока погиб в аварии. Толмачев вышел на свободу в 1935 г. Повторный арест в 1937 г. стал для него роковым.

Своей макушкой эта вертикаль, распространявшая в 1920-е гг. свое влияние на ряд хозяйственных ведомств, упиралась в фигуру *Валериана Владимировича Куйбышева* (1888–1935), начальника Главэлектро в 1921 г., секретаря ЦК РКП(б), председателя ЦКК ВКП(б), наркома Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, потом СССР – в 1922–1926 гг., председателя Высшего совета народного хозяйства СССР – в 1926–1930 гг., председателя Государственного планового комитета СССР – в 1930–1934 гг. Опору этой конструкции составляли работники низового и среднего звена. Карьерный рост старшего поколения выдвигал им на смену новые кадры. В 1928 г. Одинцова на посту заведующего краевого земельного управления сменил *Иван Иванович Тюрников* (1894–1937), который был переведен с аналогичной должности из Самарской губернии. Своим новым назначением он, судя по всему, был обязан наркому Смирнову, который мог узнать и оценить его по работе в Поволжье.

До революции Тюрников – кооператор. Во время империалистической войны стал прапорщиком царской армии, затем служил в Народной армии Комуча и А. В. Колчака, будучи в 1917–1919 гг. членом партии эсеров[20]. В августе 1919 г. Тюрников поступил на службу в Красную армию. В партию большевиков записался в 1922 г. Работал в структурах Наркомзема в Саратовской губернии. В конце 1930 г. был переведен из Ростова-на-Дону в Москву в Наркомат земледелия СССР. В ноябре 1931 г., сразу после отставки Одинцова с должности заместителя наркома, был освобожден от обязанностей члена коллегии наркомата, где отвечал за совхозное строительство. Одинцов сделал его своим заместителем в Главсахаре, куда был переведен сам. Оба проживали в том самом Доме правительства на улице А. С. Серафимовича. Тюрников был арестован ровно на год раньше своего начальника – в июне 1937 г., по обвинению во вредительстве и участии в контрреволюционной

[20] Тюрников Иван Иванович / БД «Офицеры русской императорской армии». URL: https://ria1914.info/index.php?title= Тюрников_Иван_Иванович (дата обращения: 14.03.2025).

террористической организации, осужден к расстрелу в ноябре того же года[21].

Креатурой Тюрникова был советский директор смешанного русско-германского товарищества Маныч-Крупп *Иван Никитич Буров*, земляк по саратовским корням. Вскоре после своего назначения Буров запросил разрешения на перевод из Анапы рабочего *Яноша (Ивана Георгиевича) Гулачи* – для укрепления партийной прослойки среди рабочих и служащих концессии. Гулачи – венгерский коммунист, эмигрировал в Россию после поражения революции в своей стране. Он проработал в Маныч-Крупп до 1932 г., когда был переведен директором в винсовхоз Цимлянский. Благодаря ему была разработана технология изготовления игристых вин из автохтонных донских сортов винограда, отличавшихся невысокой сахаристостью в сравнении с южными виноградниками.

Другой член команды Толмачева-Одинцова – *Илья Тихонович Бояр* (1897–1937), до 1924 г. состоял заведующим Терским окружным земельным управлением, затем был переведен в Ростов-на-Дону на должность заместителя заведующего крайзу. Вместе с Одинцовым убыл в Москву и в 1930-е гг. занял кресло начальника Главного свекловодческого управления Наркомзема СССР. В 1935 г. был избран членом ЦИК СССР 7-го созыва.

Судьбы упомянутых лиц в 1930-е гг. имели драматический поворот. По естественным причинам умерли В. В. Куйбышев и И. С. Дмитриев, оба в 1935 г. Дмитриев в США попал в ДТП, где получил тяжелые травмы внутренних органов. После нескольких лет болезни он скончался. И. Г. Гулачи после освобождения Цимлянского района от германской оккупации вернулся в совхоз и приступил к его восстановлению. Не имея транспорта, зимой он пешком передвигался по делам хозяйства, сильно переохладился и умер в феврале 1943 г. Репрессированы и расстреляны в 1937–1938 гг.: А. П. Смирнов, В. Н. Толмачев, С. С. Одинцов, И. И. Тюрников, И. Д. Буров, И. Т. Бояр. Землемер М. Л. Звонарев нигде в скорбных списках не значится, значит, жил и работал по своей

[21] Коммунарка. БД «Жертвы политического террора в СССР». URL: https://ru.openlist.wiki/Тюрников_Иван_Иванович_(1894) (дата обращения: 14.03.2025).

востребованной специальности, не отвлекаясь на политические процессы.

Наиболее типичное обвинение для московских работников – контрреволюционная террористическая деятельность. Участие в шпионской организации и работа по заданию иностранной разведки обычно «шилось» в провинции, хотя подозрениям не то что в шпионаже, но и в необоснованных уступках иностранным коммерсантам крайне трудно опереться на имеющийся ведомственный документооборот.

Формулировки обвинения можно считать эвфемизмами, прикрывающими суть другого явления – борьбы партийно-хозяйственных кланов, чьи контуры пока слабо известны. Но принципы их оформления и функционирования вполне очевидны.

Исчерпывать сложившиеся в среде старых и новых большевиков отношения понятием непотизма нельзя. Люди сходились не только на почве прошлой работы или взаимозависимости, но и по деловым качествам, по общности мировоззрения и подходов к текущей повестке дня. Основанием для продвижения старых товарищей был не только фактор доверия, но и знание слабых и сильных сторон кандидатов на важные должности. Осуществлялся отбор старых товарищей по деловым качествам, работоспособности, обучаемости. Многих это стимулировало к освоению новых горизонтов. Повышение уровня компетентности чиновников, требуемого системой, видно на примере С. С. Одинцова. После серии кризисов усилилась требовательность к работе аппарата. Критика и одергивание не заставляли себя ждать при появлении повода. Всем было рекомендовано подтянуться. Одинцов стал глубже вникать в суть порученного дела, изучать статистику, участвовать в подготовке отчетных документов.

Партийно-хозяйственные работники, занимавшие этажи ниже, рассчитывали на поддержку старых сослуживцев. Для застрявших в провинции обычным делом были просьбы к товарищам, оказавшимся на работе в «центре», поспособствовать «вызову» в

Москву[22]. Далеко не все такие обращения имели последствия. Товарищи справедливо обращали внимание, что хорошо там, где нас нет, что у вас там, в глубинке, райская тишь по сравнению с тем, что происходит в столичных учреждениях или в консульствах, где отношения между сотрудниками обычно «испорченные»[23].

Отношения между работниками разных уровней все более отличает ригоризм, требовательность, конструируемые как переложенный на язык аппарата лозунг главенства общественных интересов. Чистки хозяйственного аппарата, начавшиеся в конце 1920-х гг., способствовали формированию номенклатурной системы, призванной заменить собой субъективные мотивы при назначении работников. Личные отзывы о назначаемом стала заменять картотека, включавшая сведения из унифицированных формуляров, таких как «деловая оценка номенклатурного работника».

[22] Дружеская переписка демобилизованных из Красной армии сотрудников отделов различных нестроевых служб в 1920-е гг. крутится вокруг одной темы – получения выгодного места. Один из уроженцев Дона с целью поддержки и трудоустройства поддерживал контакты со старыми товарищами – В. Н. Толмачевым, О. Хинценбергсом, А. Б. Дубсоном, М. Ф. Болдыревым, Ю. Л. Зверевым. *Михаил Павлович Донецкий* (наст. имя – Михаил Тимофеевич Пустошкин, 1892–1937), в годы 1-й мировой войны служил во 2-й сводной казачьей дивизии под командованием П. Н. Краснова, в 1917 г. – член выборного солдатского совета, в 1919–1920 гг. – сотрудник особого отдела Южного фронта. После эвакуации Добровольческой армии из Новороссийска был оставлен в составе сил для охраны побережья от белого десанта, служил в Анапском ревкоме. Оттуда, из Сочи и Ростова-на-Дону, куда Донецкий перебрался в 1925 г., он бомбардировал старых сослуживцев письмами с просьбами «перетянуть в Москву», а лучше – устроиться на дипломатическую работу. С 1924 г. Донецкий занимал должности в органах прессы Юга, приобрел влияние. Но с новым редактором газеты Молот Е. А. Цехером, который привел с Урала свою команду, отношения не сложились, что и привело к новым поискам работы в Москве. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 341. Л. 39, 45, 51, 58, 66, 107–108, 138, 218.

[23] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 341. Л. 39.

А. Э. Джакели

Взаимодействие республиканских и местных органов самоуправления в 1930-е годы на примере донского региона

В статье исследуется специфика взаимодействия республиканских и местных органов самоуправления в 1930-е годы на примере Донского региона – одного из ключевых аграрно-промышленных центров СССР. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов государственного управления в период форсированной модернизации советского общества, а также роли регионального звена в реализации общегосударственной политики.

Исторический контекст

Истоки рассматриваемых реформ тесно связаны с бурными политическими и административными процессами, которые охватили Российскую империю, а затем и Советскую Россию в начале XX века. Этот период характеризуется рядом кардинальных событий, оказавших существенное влияние на дальнейшее развитие страны: революциями 1905 и 1917 годов, Гражданской войной (1917–1923 гг.), формированием новых государственных образований и постепенным становлением советской власти[1].

Одним из таких образований стала Донская советская республика, провозглашённая в 1918 году после проведения I съезда Советов Дона. Этот съезд стал знаковым событием, заложившим основы для дальнейшего развития региональной власти в этом стратегически важном районе[2]. Донская советская республика представляла собой один из первых опытов построения советской власти на региональном уровне и отражала специфику донского

[1] *Лазарев С. Е.* Донская сов. республика // Россия в Гражд. войне. 1918–1922: энцикл.: в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. – Т. 1: А–З. – М.: Политич. энцикл., 2020. С. 54.

[2] *Борисенко И.* Советские республики на Сев. Кавказе в 1918 г.: в 2 т. Т. I. – Ростов н/Д., 1930. С. 34.

казачества, которое исторически стремилось к определённой автономии[3].

Однако уже на этапе формирования Донской советской республики стали проявляться противоречия, которые впоследствии оказали существенное влияние на характер административных реформ 1930-х годов. Как отмечает И. Борисенко, уже в 1918 году наблюдалось явное противоречие между декларируемой автономией республики и реальной зависимостью от центральных советских органов власти Это противоречие было обусловлено целым рядом факторов: политическими разногласиями между центральной властью и региональными элитами, экономическими трудностями, вызванными Гражданской войной и необходимостью централизованного управления ограниченными ресурсами, а также особенностями геополитического положения Дона, который являлся важным стратегическим и экономическим регионом.

Политическая ситуация в стране, характеризующаяся острой борьбой за власть между различными политическими силами, неизбежно отражалась на положении Донской советской республики. С одной стороны, центральная власть стремилась обеспечить контроль над ключевыми регионами, с другой – учитывала необходимость учёта местных особенностей и традиций[4]. В результате сложилась парадоксальная ситуация: формально признавая автономию Донской республики, центр на практике стремился максимально подчинить её своему влиянию.

Опыт Донской советской республики стал важной отправной точкой для последующих административных преобразований, развёрнутых в 1930-е годы. Эти реформы были частью более широкого процесса централизации власти в СССР, который включал в себя пересмотр административно-территориального деления страны, изменение принципов взаимодействия центральных и местных органов власти, усиление контроля над региональными элитами.

---

[3] *Венков А. В.* История Донского казачества. – Ростов н/Д., 2008. С. 47.

[4] *Губарев Г. В.* Донская сов. республика // Казачий словарь-справочник. – Сан-Ансельмо, 1966–1970. С. 25.

Одним из конкретных шагов в этом направлении стала ликвидация округов и создание новых административных районов. На первый взгляд, эти меры должны были расширить полномочия сельсоветов и других местных органов власти. Однако на практике они лишь усилили их подчинение краевым и центральным органам управления. Это противоречие между формой и содержанием административных реформ ярко иллюстрирует двойственный характер советской политики в отношении регионов в 1930-е годы: с одной стороны, декларировалось развитие местного самоуправления, с другой – последовательно реализовывались меры по централизации власти и подавлению любой самостоятельности на местах[5].

Необходимо также учитывать, что административные реформы 1930-х годов проходили на фоне более широких социально-экономических процессов: индустриализации, коллективизации, которые требовали жёсткого централизованного управления и подчинения региональных интересов общим государственным задачам. В этот период происходит укрепление позиций партийно-государственного аппарата, что также существенно влияло на характер взаимодействия республиканских и местных органов самоуправления[6].

Таким образом, исторический контекст взаимодействия республиканских и местных органов самоуправления в 1930-е годы на примере Донского региона необходимо рассматривать в широком политическом и экономическом контексте, учитывая опыт Гражданской войны, формирования первых советских республик, постепенного становления тоталитарного режима в СССР и реализации масштабных социально-экономических преобразований. Без понимания этих факторов невозможно полноценно оценить логику и последствия административных реформ, проведённых в 1930-е годы, и их влияние на дальнейшее развитие страны.

Особое значение имеет анализ взаимодействия различных политических и экономических факторов, которые определяли политику центра в отношении регионов, а также изучение реакции

[5] *Павлова И. В.* Мех-мы власти и стр-во сталинск. социализма. Новосибирск, 2001. С. 112.
[6] *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Мех-мы полит. власти в 1930-е гг. – М., 1996. С. 56.

местного населения и элит на проводимые реформы. Всё это позволяет глубже понять противоречивый характер административных преобразований 1930-х годов и их долгосрочные последствия для государственного устройства СССР [7].

Кадровые изменения как элемент централизации

Одним из ключевых инструментов централизации власти в 1930-е годы стали масштабные кадровые перестановки, инициированные советским руководством после Шахтинского дела 1928 года. Это дело, официально квалифицированное как акт вредительства со стороны «классово чуждых элементов», послужило предлогом для развёртывания широкой кампании по «очищению» государственного и партийного аппарата от лиц, подозреваемых в нелояльности к режиму[8].

В своём выступлении в 1930 году Иосиф Виссарионович Сталин акцентировал внимание на необходимости усиления классовой бдительности и беспощадной борьбы с вредителями, что фактически дало старт массовым кадровым чисткам. В рамках этой политики на Дону к 1932 году было заменено около 70 % председателей сельсоветов – их места заняли выходцы из рабочих слоёв, что должно было обеспечить большую идеологическую надёжность местных органов власти. Однако, как отмечает Андрей Вадимович Венков, подобная кадровая политика привела к серьёзному кризису управления на местах: новые руководители, несмотря на свою пролетарскую принадлежность, зачастую не обладали достаточным опытом и знаниями для решения сложных хозяйственных и административных задач[9].

---

[7] *Кислицын С. А.* Политическая история сталинских репрессий в Азово-Черноморском крае и Ростов. обл. – Ростов н/Д., 2023.

[8] Шахтинское дело и практ. задачи в деле борьбы с нед-ками хоз. стр-ва (Рез-ция по док-ду т. Рыкова, пр. ед-но объедин. пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 апр. 1928 г.) // Всесоюзная коммунистич. партия (б) в рез-циях и реш. съездов, конф. и пленумов ЦК (1898–1935) / отв. ред.: В. В. Адоратский, А. Н. Поскребышев, М. А. Савельев, И. П. Товстуха; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Партиздат, 1936. – Ч. II: 1925–1935. С. 277–283.

[9] *Тепляков А. Г.* Персонал и повседневность Новосиб. УНКВД в 1936–1946 гг. // Минувшее: ист. альм. – М.-СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. Т. 21. С. 240.

Процесс замены кадров носил системный характер и был частью более широкой стратегии формирования так называемой «социалистической интеллигенции», лояльной партийному руководству. При назначениях приоритет отдавался не профессиональным качествам, а социальному происхождению и готовности безоговорочно выполнять директивы центра. Это подрывало эффективность работы местных органов власти и усиливало зависимость регионов от назначений из Москвы.

Кадровые изменения также затронули средний и низший уровни партийного аппарата, где проводились чистки и ротации с целью устранения «пережитков прошлого» и укрепления вертикали власти. Параллельно осуществлялась кампания по выдвижению рабочих и крестьян на руководящие должности, что формально соответствовало лозунгам советской власти, но на практике часто приводило к снижению качества управления[10].

Особенно болезненно эти процессы сказались на сельском хозяйстве, где некомпетентность новых руководителей способствовала обострению кризисных явлений, связанных с коллективизацией. Кроме того, кадровые перестановки усилили атмосферу страха и доносительства на местах, что стало дополнительным инструментом контроля со стороны центра[11].

Таким образом, кадровые изменения 1930-х годов представляли собой комплексный механизм централизации власти, сочетавший в себе как идеологические, так и практические цели. Они позволили советскому руководству не только обновить состав управленческого аппарата в соответствии с классовыми критериями, но и существенно ограничить самостоятельность региональных и местных органов, подчинив их решениям партийно-государственной номенклатуры.

---

[10] *Медведев Р. А.* Политич. судеб. процессы 1928–1930 гг. // К суду истории. О Сталине и сталинизме. – Время, 2011. С. 245.

[11] *Минаев В. Н.* Иностр. разведки и внутр. контрреволюция в период первой пятилетки. Шахтинское дело // Подрывная деят-сть иностр. разведок в СССР / Под ред. И. И. Ерухимовича. – М.: Воениздат НКО СССР, 1940. Ч. 1. С. 127.

Бюджетная политика и зависимость местных органов

В 1930-е годы в СССР происходила фундаментальная трансформация бюджетной системы, которая стала важнейшим инструментом централизации власти и подчинения региональных органов управления центру. Этот процесс был неразрывно связан с общей политикой форсированной индустриализации и коллективизации, требовавшей концентрации финансовых ресурсов в руках союзного и республиканского руководства.

На начальном этапе становления советской власти, в частности в период существования Донской советской республики в 1918 году, региональные образования обладали определённой финансовой автономией. Как отмечает Игорь Борисенко в работе «Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г.», местные органы власти имели возможность самостоятельно формировать доходную часть бюджета и распределять средства в соответствии с приоритетами регионального развития[12]. Однако уже к началу 1920-х годов центр начал последовательно ограничивать финансовую самостоятельность регионов, внедряя систему централизованного планирования и распределения ресурсов.

К началу 1930-х годов в СССР сложилась чёткая иерархия бюджетных отношений, основанная на принципах демократического централизма. Согласно этой системе, местные бюджеты (краевые, областные, районные, сельские) формировались и исполнялись в строгом соответствии с директивами вышестоящих органов власти. Ключевую роль в этом процессе играли Народный комиссариат финансов СССР и Государственный плановый комитет (Госплан), которые определяли нормативы отчислений от общесоюзных налогов, размеры дотаций и субвенций, целевые показатели по мобилизации доходов на местах.

Анализ бюджетной политики 1930-х годов демонстрирует устойчивый тренд на рост зависимости местных органов власти от централизованных источников финансирования. Если в 1918–1920 гг. региональные бюджеты могли покрывать до 60–70 % сво-

[12] *Млечин Л. М.* Павел Федотов. Ложный закордон // Млечин – История внеш. разведки. Карьеры и судьбы. – М.: Центрполиграф, 2011. С. 116.

их расходов за счёт собственных доходов, то к 1933 году доля собственных доходов станиц и районов сократилась до критически низких показателей – в ряде случаев до 10–12 %. Это означало, что основная часть расходных обязательств местных советов финансировалась за счёт краевых и союзных дотаций, что фактически лишало их финансовой самостоятельности[13].

Особенно показательным примером бюджетной зависимости стал опыт станицы Вешенской в 1933 году. Согласно архивным данным, местные органы власти были вынуждены передавать в централизованные фонды до 85 % собранного урожая. Это не только подрывало экономическую базу станицы, но и провоцировало острый продовольственный кризис среди местного населения. Подобная практика была типичной для большинства сельских районов Северо-Кавказского края, где жёсткие планы хлебозаготовок устанавливались без учёта реальных возможностей хозяйств.

Механизм финансовой зависимости местных органов включал несколько ключевых элементов: систему твёрдых заданий, нормированное распределение дотаций, ограничение налоговых полномочий, централизованный контроль за расходами. Местные советы получали сверху обязательные плановые показатели по сбору налогов и натуральных поставок, которые зачастую превышали реальные возможности хозяйств. Финансовая поддержка из центра предоставлялась только при условии выполнения плановых показателей и лояльности местных руководителей к партийной линии. Местные органы лишились права самостоятельно устанавливать и регулировать местные налоги, что лишало их важного инструмента бюджетного регулирования. Все крупные расходы местных бюджетов подлежали утверждению вышестоящих финансовых органов, что исключало возможность самостоятельной бюджетной политики.

Олег Владимирович Хлевнюк в своём исследовании «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг.» подчёркивает, что бюджетная централизация была не просто экономическим, но

[13] *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933 // Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. – Ростов н/Д., 1991. С. 67.

и политическим инструментом. Она позволяла центру контролировать региональные элиты через распределение финансовых ресурсов, обеспечивать приоритетное финансирование стратегических отраслей (промышленность, оборона) за счёт урезания социальных расходов на местах, подавлять потенциальное сопротивление на местах путём лишения их финансовой базы.

Кроме того, в рамках общей политики коллективизации и раскулачивания происходило целенаправленное перераспределение финансовых ресурсов от сельского хозяйства в пользу индустриальных проектов. Это достигалось через завышенные закупочные цены на промышленную продукцию и заниженные – на сельскохозяйственную, принудительные займы у колхозов и единоличных хозяйств, изъятие «излишков» продукции по фиксированным ценам, которые не покрывали себестоимость производства.

В результате к середине 1930-х годов местные органы власти фактически утратили возможность самостоятельно определять приоритеты расходования средств. Их бюджеты превратились в технические инструменты исполнения директив центра, а финансовая политика на местах стала лишь отражением решений, принимаемых в Москве. Эта система обеспечивала высокую степень управляемости, но одновременно подрывала экономическую устойчивость регионов и усиливала социальное напряжение, что особенно ярко проявилось в ходе голода 1932–1933 годов на Дону и Северном Кавказе[14].

Также важно отметить, что централизация бюджетной системы сопровождалась ужесточением административного контроля за финансовыми потоками. Были введены строгие отчётные процедуры, усилен контроль за исполнением бюджетных назначений, а местные финансовые органы фактически превратились в филиалы центральных ведомств. Это лишило регионы возможности гибко реагировать на локальные экономические вызовы и учитывать специфику регионального развития.

[14] *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 78.

Таким образом, бюджетная политика 1930-х годов стала одним из ключевых механизмов централизации советской власти. Она не только обеспечила концентрацию финансовых ресурсов в руках союзного руководства, но и создала устойчивую систему зависимости местных органов от центра, что существенно ограничило их возможности в решении локальных социально-экономических проблем.

Зависимость местных органов от централизованного финансирования имела долгосрочные последствия для экономического развития СССР: снизила стимулы к инициативному развитию на местах, способствовала формированию патерналистского отношения регионов к центру, заложила основы для диспропорций в экономическом развитии различных территорий[15].

При этом централизация бюджета позволила советскому руководству обеспечить мобилизацию ресурсов для реализации масштабных индустриальных проектов, создать основу для быстрого экономического роста в приоритетных отраслях, укрепить политическое единство страны в условиях внутренних и внешних вызовов.

Тем не менее цена такой политики оказалась высока: экономическая уязвимость регионов, снижение уровня жизни населения в ряде районов, обострение социальных противоречий – всё это стало следствием жёсткой бюджетной централизации 1930-х годов.

Роль партийных структур

Партийные структуры в Советском Союзе представляли собой важнейший элемент политической системы, обеспечивавший реализацию идеологических и практических целей коммунистической партии. Они выполняли функции политического руководства, контроля над государственными и общественными институтами, мобилизации населения для решения поставленных задач. Роль партийных структур была определяющей в формировании политического,

[15] *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 96.

экономического и социального уклада страны, что проявлялось в различных аспектах государственной и общественной жизни.

В первую очередь, партийные структуры задавали идеологическое направление развития общества, определяя основные цели и принципы государственной политики. Они разрабатывали партийные документы – программы, резолюции, постановления, которые становились основой для законодательных актов и практических решений. Важнейшими партийными органами были Политбюро, Центральный Комитет (ЦК) ВКП(б)/КПСС, региональные партийные комитеты, которые осуществляли руководство на различных уровнях – от союзного до районного и городского[16].

Партийные структуры контролировали деятельность государственных органов, включая правительство, наркоматы/министерства, местные советы. Руководители государственных учреждений зачастую одновременно занимали ключевые посты в партийном аппарате, что обеспечивало единство политического руководства и подчинение государственной машины партийной дисциплине. Такая система получила название «партия – руководящая и направляющая сила советского общества».

Среди основных функций партийных структур можно выделить: определение стратегического курса развития страны, контроль за исполнением партийных решений и государственной политики, подбор и расстановка кадров, идеологическое воспитание населения, организация массовых кампаний (индустриализация, коллективизация, ликвидация неграмотности), разрешение внутриполитических конфликтов и противоречий.

Значимость партийных структур подчёркивалась в Конституции СССР, где закреплялось руководящее положение Коммунистической партии. Например, в статье 6 Конституции 1977 года указывалось, что КПСС является «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы». Это юридическое закрепление партийного лидерства отражало реальное положение дел в политической системе СССР[17].

[16] *Тепляков А. Г.* Указ. соч. С. 246.

[17] *Медведев Р. А.* Указ. соч. С. 256.

На практике партийные структуры решали широкий круг вопросов – от определения приоритетов экономического развития до организации культурно-просветительской работы среди населения. Они инициировали масштабные проекты, такие как строительство Магнитогорского металлургического комбината, Днепрогэса, освоение целины, контролировали ход их реализации. Партийные органы несли ответственность за выполнение плановых показателей, боролись с проявлениями «буржуазного влияния», «отклонениями от генеральной линии партии»[18].

Важную роль партийные структуры играли в кадровой политике. Назначение на ключевые государственные и общественные должности производилось с учётом партийного мнения, а членство в партии зачастую являлось необходимым условием для карьерного роста. Система номенклатуры, разработанная партийным аппаратом, позволяла контролировать ключевые позиции в государстве, экономике, культуре, образовании.

Партийные структуры активно участвовали в идеологической работе, направленной на формирование марксистско-ленинского мировоззрения у граждан. Они руководили деятельностью профсоюзов, комсомола, других общественных организаций, контролировали средства массовой информации, систему образования и науки, определяли основные направления культурного развития.

В периоды кризисов и сложных политических решений роль партийных структур становилась особенно заметной. Например, в годы Великой Отечественной войны ЦК ВКП(б) координировал усилия государства по мобилизации ресурсов, организации эвакуации, налаживанию военного производства. В послевоенный период партийные органы руководили восстановлением разрушенной экономики, реализацией четвёртого пятилетнего плана.

Вместе с тем партийные структуры нередко становились источником бюрократизма, местничества, нарушений принципов законности. Случаи злоупотребления властью, коррупции, нарушения прав граждан зачастую были связаны с действиями партийных

[18] *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 112.

функционеров, что свидетельствовало о противоречивости партийного руководства и его влиянии на общественные процессы.

Таким образом, партийные структуры в СССР выполняли многогранные функции, охватывающие все сферы жизни общества. Они обеспечивали политическое единство, идеологическое единообразие, централизованное руководство экономикой и социальной сферой. В то же время их доминирование в политической системе приводило к подавлению инакомыслия, снижению эффективности государственного управления, формированию специфической модели общественных отношений, основанных на партийном лидерстве и идеологической монополии.

Репрессии как ответ на сопротивление

Репрессии в СССР представляли собой систематические меры принудительного характера, применяемые государственными органами для подавления политического, экономического и идеологического сопротивления. Они являлись одним из ключевых инструментов поддержания власти, обеспечения единства политического курса и реализации радикальных преобразований в обществе. Репрессии охватывали широкий спектр мер – от административных взысканий и принудительных работ до массовых арестов, расстрелов и депортаций[19].

Сопротивление власти в СССР проявлялось в различных формах: от открытых политических выступлений и создания оппозиционных организаций до саботажа на производстве и распространения антисоветских материалов. В условиях форсированной индустриализации, коллективизации и жёсткой централизации власти любое отклонение от установленного курса воспринималось как угроза основам советского строя[20].

Одним из первых масштабных проявлений репрессивной политики стали меры против бывших представителей эксплуататорских классов – дворянства, буржуазии, духовенства. В соответствии с идеологическими установками Коммунистической партии

[19] *Тепляков А. Г.* Указ. соч. С. 46.

[20] *Млечин Л. М.* Указ. соч. С. 123.

они рассматривались как потенциальные враги нового строя, и их сопротивление (реальное или предполагаемое) служило основанием для применения жёстких мер.

В 1930-е годы репрессии приобрели массовый характер и охватили различные слои общества – от партийных и государственных руководителей до крестьян и интеллигенции. Они были тесно связаны с политикой коллективизации, которая встретила активное сопротивление в деревне. Крестьяне, не желая отдавать свою собственность и терять экономическую самостоятельность, прибегали к различным формам саботажа – уничтожению урожая, скота, отказу от вступления в колхозы. В ответ государство применило силовые методы, включая раскулачивание, принудительную коллективизацию и депортации целых семей в отдалённые регионы.

Среди наиболее известных примеров политических репрессий – так называемые «большие чистки» 1937–1938 годов, когда по обвинениям в контрреволюционной деятельности, шпионаже и саботаже были арестованы и расстреляны тысячи человек. Репрессии затронули и высшие эшелоны партии и государства: многие видные партийные и государственные деятели, такие как Лев Борисович Каменев, Григорий Евсеевич Зиновьев, Николай Иванович Бухарин, были обвинены в заговорах против партии и народа и приговорены к смертной казни.

Механизмы репрессий включали создание специальных органов для выявления и пресечения контрреволюционной деятельности – ГПУ, ОГПУ, НКВД. Эти структуры обладали широкими полномочиями, позволявшими им вести следствие, выносить приговоры и осуществлять их исполнение вне рамок обычного судебного процесса. Широко применялись методы внесудебного преследования, когда решения о наказании принимались особыми совещаниями или тройками, которые не были связаны нормами процессуального права.

Правовой основой репрессий служили различные законодательные акты, в том числе статьи Уголовного кодекса, предусматривающие суровые наказания за контрреволюционные

преступления, шпионаж, саботаж. При этом понятие «контрреволюционная деятельность» трактовалось чрезвычайно широко и могло включать в себя как активные антисоветские действия, так и высказывания, устные или письменные, которые воспринимались как враждебные по отношению к существующему строю.

Репрессии также служили инструментом решения экономических и социальных задач. Например, использование труда заключённых в системе ГУЛАГа позволяло обеспечить дешёвую рабочую силу для реализации масштабных государственных проектов – строительства каналов, шахт, промышленных предприятий. Сопротивление политике коллективизации или индустриализации нередко становилось поводом для массовых арестов и отправки людей в лагеря[21].

Важную роль в системе репрессий играли идеологическое обоснование и пропаганда, которые представляли противников власти как врагов народа, угрожающих благополучию и безопасности страны. Средства массовой информации активно распространяли материалы о «разоблачении заговоров», «пресечении контрреволюционной деятельности», формируя в общественном сознании образ неизбежности и справедливости применяемых мер[22].

Анализ исторических документов и исследований показывает, что масштабы репрессий были чрезвычайно велики: за период с 1921 по 1953 год, по разным оценкам, миллионы человек стали жертвами арестов, расстрелов, депортаций и других форм политического преследования. Репрессии оказали глубокое влияние на советское общество, его социальную структуру, политическую культуру и экономическое развитие. Они способствовали подавлению инакомыслия, формированию атмосферы страха и недоверия, подрыву профессионального потенциала страны из-за потери квалифицированных кадров.

Вместе с тем историки отмечают, что репрессии нельзя рассматривать исключительно как ответ на сопротивление: зачастую они служили инструментом внутрипартийной борьбы, устранения

[21] *Осколков Е. Н.* Указ. соч. С. 110.

[22] *Медведев Р. А.* Указ. соч. С. 110.

политических оппонентов, решения кадровых и экономических проблем путём внеправовых методов. Таким образом, репрессии в СССР представляют собой сложный феномен, обусловленный сочетанием идеологических, политических и экономических факторов, который требует всестороннего анализа для понимания механизмов функционирования советской политической системы.

Заключение

Анализ взаимодействия республиканских и местных органов власти в 1930-е гг. на Дону Анализ взаимодействия республиканских и местных органов самоуправления в 1930-е годы на примере донского региона позволяет сделать вывод о доминирующей роли центральных властей в определении политического, экономического и социального курса развития территорий. В этот период республиканские органы активно внедряли в жизнь решения, принятые на высшем государственном уровне, а местные органы самоуправления выполняли функцию исполнителей политики центра, зачастую теряя собственные полномочия и инициативу.

Механизмы взаимодействия республиканских и местных органов характеризовались строгой иерархией и подчинением нижестоящих органов вышестоящим. Центральные власти использовали различные инструменты для контроля над местными органами: от законодательных актов, определяющих рамки их компетенции, до кадровой политики, направленной на расстановку лояльных к центру руководителей.

На примере донского региона отчётливо видно, как политика форсированной коллективизации и индустриализации, инициированная центром, встречала сопротивление на местах, что приводило к усилению репрессивных мер и дальнейшему ослаблению самостоятельности местных органов самоуправления. Местные власти оказались вовлечены в реализацию радикальных преобразований, нередко вопреки местным экономическим и социальным условиям, что усугубляло социально-экономический кризис в регионе.

Важную роль в системе взаимодействия играли партийные структуры, которые обеспечивали политическое единство и идеологическое единообразие. Решения Политбюро и Центрального Комитета ВКП(б) становились основой для действий как республиканских, так и местных органов власти. Партийный контроль над кадровой политикой и основными направлениями развития привёл к тому, что местные органы самоуправления всё больше утрачивали свои первоначальные функции и превращались в инструмент реализации централизованной политики.

Изучение взаимодействия республиканских и местных органов в донском регионе в 1930-е годы демонстрирует, что процесс централизации власти, начавшийся в этот период, существенно изменил баланс сил между различными уровнями управления в СССР. Местные органы самоуправления оказались в значительной степени лишены самостоятельности, а их роль свелась к выполнению директив, исходящих из центра.

Таким образом, взаимодействие республиканских и местных органов самоуправления в 1930-е годы на примере донского региона иллюстрирует ключевые особенности советской политической системы того времени: централизацию власти, доминирование партийных структур, приоритет идеологических и политических целей над местными интересами. Эти факторы определили характер взаимоотношений между различными уровнями власти и оказали долгосрочное влияние на социально-экономическое развитие региона.

Г. А. Сорокин

Довоенная жизнь в станице Цимлянской. По материалам дневника Леонида Гельмбрехта

«Немного воспоминаний о Цимле ушедшей…» – так начинается летопись Леонида Карловича Гельмбрехта, погружающая нас в эпоху, когда на Дону доживали свой век осколки патриархального уклада жизни казачества, формировавшегося веками. Увы, сетует автор, годы, полные тревог и перемен, стерли многое из памяти, предали забвению, сделав воспоминания отрывочными…

Леонид Карлович Гельмбрехт, волею судеб заброшенный в 1923 году в станицу Цимлянскую, оставил заметный след в развитии района и донского виноградарства. Его дневники, фотокопии которых мне посчастливилось получить, его внучкой были переданы в Цимлянский краеведческий музей, – бесценный документ, живописующий быт станицы и района с 1923 по 1941 год. Они хранят малоизвестные, но значимые события, недоступные в публицистике и других источниках. В своём обзоре я постараюсь выделить наиболее интересные моменты, хотя уверяю вас, чтение этих дневников – увлекательное путешествие в прошлое, позволяющее с головой окунуться в события той далёкой эпохи.

Леонид Карлович родился 28 декабря 1903 года в Гатчине, под Петербургом, в православной семье. Его дед, выходец из Германии, в 1820-х годах пришёл в Россию пешком в поисках заработка, освоив ремесло краснодеревщика. Отец служил в фирме оптовой торговли медицинским оборудованием, а мать посвятила себя воспитанию троих детей. Родители поощряли увлечения детей, не жалея времени и сил на их образование. Леонид окончил частную школу, Лесное коммерческое училище и Петроградский агрономический институт.

В 1923 году по приглашению родственников он переехал с матерью и сёстрами (отец умер во время голода) в станицу Цимлянскую, где участвовал в создании первых сельскохозяйственных

курсов и сельхозкружков. В 30-е годы он перешёл к научно-исследовательской работе, изучая условия выращивания винограда на придонских песках и создавая Цимлянский опорный пункт от Новочеркасского пункта Анапской станции по виноградарству и виноделию (впоследствии Всероссийский институт виноградарства и виноделия). Гельмбрехт конструировал приборы для измерения температуры почвы, аппарат для искусственного опыления винограда, описал четыре цимлянских сорта для шеститомника «Ампелография СССР» (1946–1956), а во время создания Цимлянского водохранилища переносил виноградники опорного пункта на новое место.

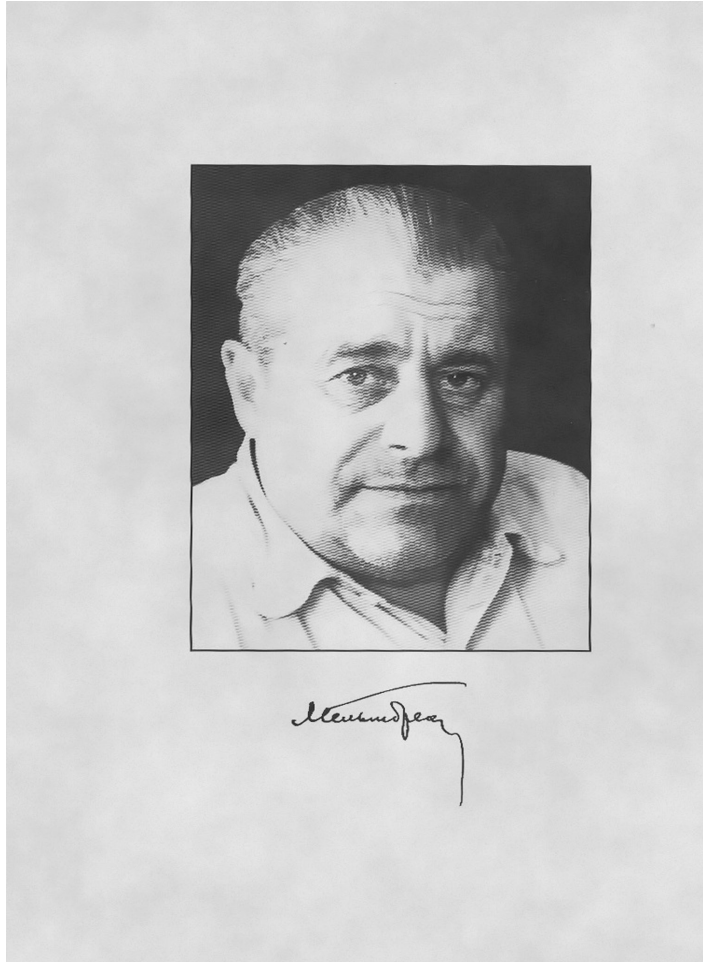
Дважды, в 1941–1945 и 1952–1956 годах, он подвергался ссылкам по национальному признаку, но всегда возвращался в Цимлу, которую считал своей второй родиной. Леонид Карлович ушёл из жизни в 1997 году, оставив свои воспоминания в дневниках.

Дневники Гельмбрехта – это не просто хроника событий, но и живой портрет эпохи, пронизанный любовью к донской земле. В них оживают картины станичного быта: казачьи курени, народные гуляния и обряды. Автор скрупулезно описывает флору и фауну края, отмечая особенности донских степей, разнообразие птиц и рыб, обитающих в реке Цимле.

Особое внимание уделено виноградарству – главному делу жизни Леонида Карловича. Он подробно рассказывает о сортах винограда, выращиваемых в Цимлянской, о технологиях возделывания лозы на песчаных почвах, о борьбе с вредителями и болезнями. Его записи содержат ценные сведения об истории донского виноделия, о традициях и обычаях местных виноградарей.

В дневниках отразились и трагические события, происходившие в стране в 20–30-е годы: коллективизация, раскулачивание, голод. Гельмбрехт с болью описывает разрушение традиционного уклада жизни казачества, страдания людей, лишенных земли и имущества. Он с горечью рассказывает о строительстве Цимлянского водохранилища, затопившего плодородные земли и многие станицы и хутора, об изменении ландшафта и образа жизни людей.

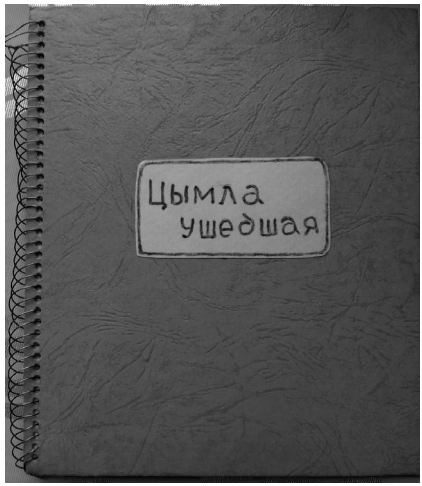
Несмотря на все трудности и испытания, Леонид Карлович сохранил оптимизм и веру в лучшее. Его дневники – это свидетельство стойкости человеческого духа, любви к жизни и преданности своему делу. Не случайно под названием «Жизнь прекрасна», часть из них, была издана его внучкой в Воронеже в 2011 году.

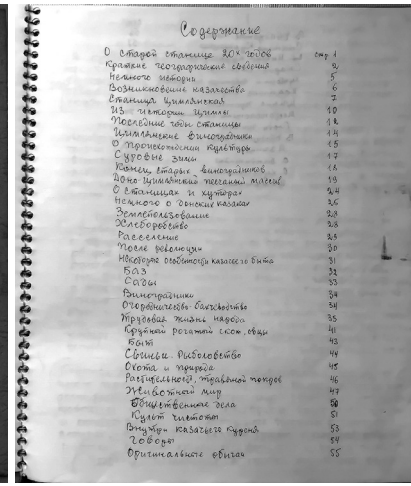

Л. К. Гельмбрехт

Дневники являются ценным историческим источником, позволяющим нам лучше понять прошлое донской земли и судьбы ее людей.

Одна из рукописей на 86 страницах, называется «Цымла ушедшая».

Содержание

О старой станице XIX годов стр 1
Краткие географические сведения 2
Немного истории 5
Возникновение казачества 6
Станица Цымлянская 7
Из истории Цымлы 10
Последние годы станицы 12
Цымлянские виноградники 14
О промысловом культуре 15
Суровые зимы 17
Камень старых виноградников 18
Дом Цымлянской песенной музеи 19
О станицах и хуторах 24
Немного о донских казаках 26
Землепользование 28
Хлебороботство 28
Рабочие 35
Поле деятельности 30
Народное особенности казачего быта 31
Баз 32
Сады 33
Виноградники 34
Отношение к скотоводству 34
Трудовая жизнь народа 35
Крупный рогатый скот овцы 41
Быт 43
Свинья. Рыболовство 44
Охота и природа 45
Растительный, травяной покров 46
Животный мир 47
Убранство дома 50
Культ животных 51
Внутри казачего куреня 53
Говорят 54
Оригинальные обычаи 55
В двадцатые годы 56
Станица Кумшацкая 57
ст. Нижне-Курмоярская 59
Старые станицы 64
Хутора и станицы на Цымле 67
Комплекс Саркел 69
Цымла прежняя 73
Месторположение станицы 74
Люди Цымлы 75
В двадцатые годы 77
Азиницы 78
О бандитизме 80
О художниках 83
Цымлянские артисты 85

Вот некоторые выдержки из этого дневника с сохранением авторского стиля.

«…Самое первое официальное упоминание о станице Цимлянской, говорит о её образовании в 1672 году, однако многие данные свидетельствуют о том, что казачье поселение существовало здесь задолго до указанной даты. В этом месте ещё в 9 веке существовала переправа через Дон. Здесь в этом створе стояли две крепости и ряд наблюдательных постов с вышками, из белого камня уходящими далеко в степь. В 20 годы местное население ещё называло этот путь, уходящий на север "Белым шляхом", остатки белого камня ещё можно найти в степи. Здесь на выходе русел двух обширных оврагов Большая и Малая "Потайные балки" и образовалось поселение цимлян. В 19 веке, из-за смены русла Дона, жители были вынуждены переселиться на километр вверх по течению, на выносах других балок "Коровьей" и "Кадушечки". Цимлянская росла и быстро развивалась, казаки активно занимались виноградарством, в каждом дворе виноделие. На многодневной осенней "Покровской" ярмарке, купцы-виноторговцы скупали огромное количество цимлянских вин и гужевым транспортом отправляли в Москву.

В станице места не хватало, было плотное заселение и вот, в один из жарких дней, кажется на праздник Вознесения, дул сильный восточный ветер и возник пожар, спаливший добрую половину станицы. После пожара станичный атаман своим указом запретил в летнее время пользоваться надворными печами, по казачьи "горнами". Так за пределами станицы в западном её "кутке" возник хуторок Печной, просуществовавший до самого её переселения. Постепенно менялся облик станицы, появились лавки купцов хлебозаготовителей, скупающие зерно и многие казаки стали заниматься хлеборобством. В Цимле существовали "ссыпки" ростовского купца Парамонова и местных капиталистов греков Целентиса, Колумбиса и других. В станице насчитывалось более десятка огромных амбаров для зерна...»

Данный вопрос подробно рассмотрен в дневниках и требует отдельного исследования. В рамках этой работы я выборочно

освещу наиболее значимые, на мой взгляд, эпизоды. Обращаясь к теме белокаменной крепости, следует отметить, что в дневнике содержится следующая информация:

«Станичная каменная церковь на своём фундаменте, в юго-восточном углу имела высеченную надпись "Построено в 1820 году", а цоколь фундамента церкви был сложен из белых обтёсанных блоков примерно 40х40х70 см., точно таких, какие в большинстве разбитые, лежат на месте крепости. Материал привозной, в округе камня такой породы нет. Однажды, в 37 году меня командировали в Николаевский район, для поиска новых мест под виноградники колхозов. Двигаясь по берегу речки Белой, притоке Кагальника, между селениями Каргальско-Белянский и Ломовцев, в одной из балок, впадающих в реку Белую, случайно обнаружил старый карьер, где были залежи этого белого камня. По-видимому, отсюда хазарами и перевозился этот строительный материал для крепости Белая вежа и сигнальных башен уходящих в степь…»

Автор подробно описывает флору и фауну территорий, окружающих Цимлянскую станицу. Сравнивает, какие произрастали растения, водились животные и что исчезло. Вот характерный пример: *«… Ничто так не бросается в глаза как оскудение пернатого царства. Ещё в двадцатые годы в ближайших степях можно было встретить стада самых крупных диких птиц – дроф, по местному дудаков. Помнится в 1925 год, райветврач Цимлы Кузнецов, на охоте встретил в степи стаю таких дудаков с обмерзшими после дождя крыльями, тяжелые птицы взлететь не могли и ветврач стал пастухом этого стада, палкой пригнал домой около тридцати голов. Загнал их в плетнёвый загон для гусей и всю зиму питался исключительно вкусным мясом. Дудаки исчезли в тридцатые годы…»*

Немало в дневниках встречается фамилий известных, забытых и неизвестных людей и их характеристик. Вот занимательная история об одном из них:

«…Хотелось бы описать одного из местных жителей Нижнего Курмана, как исключительно оригинального, энергичного,

удачливого, но вместе с этим малограмотного, с авантюристской хваткой казака-дельца известного во всей округе – Ермила Абрамовича Киреева. После смерти его отца и раздела имущества между детьми, ему досталась одна кобыла. Он с молодой женой построил себе землянку, жили бедно на случайные заработки в станице. Затем с женой и мальчишкой сыном приняли решение объявить себя погорельцами. Ночью сожгли свою хату и на ближайшем сходе "пали на колени" и просили дать от станичного правления бумагу о том, что им разрешено ехать по Дону и попрошайничать "на погорелое". Тогда это было в моде. Получив бумагу, на своей кобыле и поехали по Дону. Ездили в период хлебоуборки выпрашивали ведёрко-два пшеницы, а к вечеру хлеб сдавали на ссыпку, получая деньги. За два года собрали солидную сумму. Вернувшись в родной Курман купил большой двухэтажный дом и открыл там гостиницу. Дела пошли успешно и вскоре при гостинице открыл публичный дом. Всё это давало доход, и он решил заняться садоводством. Выпросил на всю жизнь закрепления за ним участка на окраине хутора Епифанов. Получил несколько десятин песков, с севера посадил рощу сосны, весь участок обсадил полосами раин (пирамидальных тополей), а промеж заложил фруктовые сады и виноградники. Посадочный материал закупил в Крыму. И вот этот простой малограмотный казак стал пионером освоения песчаных пустынь под культуру плодовых садов и виноградников. Это начинание дало значительный толчок среди местного населения. И на других песчаных равнинах появились десятки садов окруженных лесозащитными сооружениями.

Всем известный русский писатель А. С. Серафимович тоже родился в станице Нижне-Курмоярской… Дом, крытый "чаканом" долго сохранялся на одном из проулков Нижнего Курмана до самого периода коллективизации. В те двадцатые годы, когда я там часто бывал, в доме уже никто не жил, и он сохранялся как реликвия. В период коллективизации в Курмане был создан колхоз, и управление перешло в руки присланных для этой цели представителей рабочего класса, т.н. "двадцатипяти-тысячников". Колхоз

был обязан производить зерно и в степи создавались посёлки-времянки. Туда вывозились дома высланных "кулаков". Новый председатель колхоза, малограмотный мужик и слышать не хотел, что дом, где родился Серафимович, надо бы сохранить. "Ничего ему не сделается, пусть служит великому" и дом был разобран и перевезён в задонскую степь. Вскоре после смерти Серафимовича, в наш район прибыла комиссия, определить место и дом где родился писатель. Поехали искать этот дом, однако выяснилось, что незадолго до этого какие- то хулиганы, ночевавшие в том заброшенном посёлке, его спалили до тла и комиссия уехала ни с чем…»

Леонид Карлович Гельмбрехт в своих воспоминаниях рассказывает и о не спокойном времени начала тридцатых годов. В районе продолжали существовать остатки бандитских шаек. Вот история ликвидации одной из них, к которой ему невольно пришлось прикоснуться:

«…Банд было несколько (Лысова, Кисилева, Молдаванова и др.) Разграбление магазинов сельпо, убийство партийцев и комсомольцев – эта их чёрная деятельность усложняла нормальную жизнь района. В хуторах уже никто не рисковал иметь в хозяйстве лошадей, не только верховых, но даже рабочих. Борьба с этим явлением, конечно, велась, но искоренить это явление на протяжении многих лет не удавалось. Одна из банд, возглавляемых бывшим казачьим офицером (а ранее агрономом) И. В. Молдавановым, по объявленному призыву правительства об амнистии, добровольно сдалась. Ее руководитель был освобожден и вскоре был выбран председателем производственного кооператива. Дела кооператива шли плохо, угрожала ликвидация, но Молдаванов вызвался на собрании "поправить дело" и был избран единогласно, и правда, в 1924 и 1925 годах дела пошли в гору. Увы, ревизия показала огромные злоупотребления. Молдаванов был посажен в милицию, но при конвоировании в Константиновскую тюрьму, убив конвоиров, бежал и вновь создал какую, то банду. И лишь в 1927 году, где-то в зоне Батайска банда была ликвидирована и её глава расстрелян.

Банда Лысова слилась с бандою Киселева. Лысов уроженец хутора Медведева, а Киселев-же уроженец ст. Баклановской в

чем-то между собою не поладили и Киселев прикончил Лысова, оставшись командиром единственной банды оперировавшей долгое время преимущественно в задонской половине района. В период первого года, сплошной коллективизации, а именно весною 1930 года, Киселевская банда получила заметное пополнение за счет бежавших от репрессий лиц, именовавшихся тогда кулаками. Весною 1930 года милиция, а также спец. часть по борьбе с бандитизмом значительно потрепали банду, и многие ее участники разбежались. Летом 1930 года, в одну из ночей, местные власти района, получив сведения разведки о том, что Киселев и его сообщники ночуют на займищных бахчах в зоне ст. Баклановской, собрали отряд милиции и комсомольцев и с вечера двинулись в поход схватить бандитов спящими.

Однако поход оказался неудачным. Бандиты получили сигнал от своих друзей из ст. Баклановской. Приготовились к побегу. Киселев застрелил начальника милиции, когда тот потребовал выхода бандитов из землянки. Несмотря на окружение и воспользовавшись темнотой, бандиты бежали, а отряд привез в Цимлу только своего убитого командира.

Ликвидирована банда (оставалось всего 4 бандита) была только в начале лета 1931 года. Произошло это в хут. Жукове. Женщина иногда принимала оставшихся бандитов на ночлег. Это стало известно милиции, и ей было предложено их выдать, ценой обеспечения её переезда в другую область. Когда бандиты предупредили её о дне и часе своего приезда, она сообщила, кому следует и из г. Сальска прибыл спец. отряд военнослужащих. Ночью они обложили подворье женщины. Лай хуторских собак разбудил бандитов. Они послали хозяйку на выяснение. Она вышла из дома и затворила двери снаружи, как и было договорено с милицией. Киселев, видимо предвидя, обман, пошел вслед за ней, но при попытке открыть дверь, раздался залп по двери и он был сражён. Три остальных бандита спустились в подвал и через его окошки начали отстреливаться. Однако тут же дом был облит керосином и зажжен. Вскоре дом сгорел до тла вместе с бандитами. Я

в Цимле дома крепко спал, когда перед рассветом раздались стуки в двери. Вошли военные и приказали немедленно зарядить фото - аппаратуру и ехать с ними в Жуковскую. Когда мы приехали, дом уже догорал, и вскоре оттуда вытащили "огарки" четырех бандитов. Киселев обгорел сильнее всех – обгорели и руки и ноги. Другие трое спасавшиеся в подвале имели только прожженные спины и затылки. Мне надлежало, по указанию начальника отряда сфотографировать каждого из обгоревшей четвёрки, дымящиеся развалины и милицейское войско. Но Киселева я узнал легко по его мощной фигуре. До этого с ним мне пришлось раньше встречаться около той же станицы Жуковской, осенью 1924 года, когда я ехал на проведение сельскохозяйственной выставки. Вскоре меня привезли домой, и немедленно обязали все снятое проявить. Все снимки были более или менее пригодными. Все негативы, еще не совсем высохшие, не отходивший ни на шаг военный, забрал с собою, сказав, чтобы я обратился к начальнику милиции, он оплатит за работу. Конечно же, я не обратился…»

Особый интерес вызывает повествование о знаменитых художниках, чьи судьбы переплелись со станицей:

«*О художниках в Цимле. Сведения об этом я получил из рассказов Михаила Васильевича Попова, который их знал довольно близко и мне рассказывал весьма живописно. О многом я узнал в Ростове от художников этого города во второй половине 20-годов. А картина одного из них давно украшает стены нашей квартиры. Речь идет о двух известных русских художниках: О Щелкунове и Муравьеве последний известен по своим картинам лесных пейзажей подписанными "Граф Муравьев". Их появление на Дону связано с тем прекрасным и исключительно живописным уголком района, когда-то называвшимся "Кривое озеро". Это в нескольких шагах от бывшего казачьего хуторка Калачева. В начале Германской войны в Цимлянскую заезжал художник Щелкунов – пейзажист и ему пришлось по вкусу и урочище "Кривое озеро". Он решил поселиться здесь. Хуторской атаман по согласованию со станичным, дал ему разрешение построить дачу у самого озера.*

Дача была сооружена, и художник уединенно рисовал свои картины. Он, получил образование в Италии и считался художником средней руки. А в 1916 г. к нему в гости прибыл его товарищ – более известный в те времена художник Муравьёв. Он надолго поселился на даче своего друга. Муравьев – муж когда-то известной на Руси великой актрисы Веры Комиссаржевской, художник пейзажист, после измены своей жене, женился на её сестре и с ней впоследствии развелся и уехал из Петербурга на юг к приятелю. Так он попал на Дон и несколько лет жил в Калачевском доме, что на берегу, "Кривого Озера". Михаил Васильевич рассказывал, что они и творили картины и пьянствовали. В Цимлянской, в бывшем здании купеческого клуба, я еще хорошо помню, висели две больших картины в золочёных рамах – пейзажи работы Щелкунова. Оба художника взялись писать декорации для сцены в этом клубе. Каждый начал писать со своей стороны, а на полу стояло ведро Цимлянского, с которого они воодушевлялись кружкой. Когда стали сходиться к середине пейзажа у них горизонты не сошлись и они передрались по этому поводу. Возможно, что это и анекдот, но память об этих художниках осталась. Муравьёв покинул Цымлу после революции и поселился в Ростове. Щелкунов – же оставался один жить в своем доме. Жил он и тогда, когда и я был в Цимле, но жил, не выходя из своей дачи. Скрытно, а в середине двадцатых годов, когда власти начали преследовать т.н. "нетрудовой элемент", Щелкунов неизвестно куда скрылся.

В 1928 году, будучи в Ростове в командировке, прочитал объявление, что на выставке художников Ростова будет прочитана лекция художником Семеновым о работах Ростовских мастеров кисти. Я купил входной билет и до начала лекции осмотрел все залы музея ростовских художников. И в одном из них леса и небеса как на картинах графа Муравьёва. Оглядываюсь кругом те же сюжеты, а в углу на мольберте стоит свеженаписанная картина – портрет художника Муравьёва; художник Семенов. На портрете мощный бородатый седой старик с жилистыми руками на кресле. Вскоре и лекция. Её читал председатель ассоциации рос-

товских художников Семенов. В лекции много слов было сказано и о старейшем ростовском художнике Муравьёве, умершем два года тому назад.

А теперь о том, почему в нашей современной квартире, на видном месте висит картина кисти Графа Муравьёва?

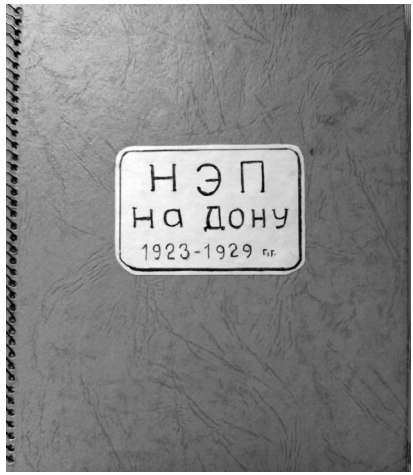
А дело было так. В 1930 году весною Цимлянская церковь была закрыта и превращена в клуб. Вскоре – вместо клуба там возник склад разных продуктов. Все иконы, кто хотел, и кому было надо, растащили по домам. Я был в комиссии по ликвидации и комиссия в собранном со стен барахле ничего ценного не усмотрела. В бывшем клубе, в котором находились две большие картины в рамах: ландшафты писанные маслом, здание было передано госбанку. Шел ремонт. На вопросы комиссии, где же картины? Был дан ответ – они где-то на сохранении в период ремонта. Открылся банк, но никаких картин повешено не было, они исчезли навсегда и куда неизвестно.

А года через три или четыре, когда я уже был давно женат, моя теща Агафия Михайловна попросила меня отремонтировать сундук, оставленный её сестрою Феонией Михайловной, что в то время проживала на Кавказе. Я начал разбирать этот сундук и его провалившееся дно. Дно было закрыто листом толстого картона. Я извлёк этот картон, а на его обороте оказалась писанная масляными красками картина – лесной ландшафт – сосны в освещении заходящего солнца. Под нею внизу, в правом углу подпись художника, "Граф Муравьев". Картина почти не пострадала, лишь в одном из углов трещина картона. До сих пор не разгадана загадка когда, как и почему картина попала в сундук для закрытия щелей прогрызанных мышами. До сегодняшнего дня эта картина в золоченом багете висит в нашей квартире над диваном».

Довольно подробно описывает автор многие хутора и станицы района, в этом описании встречаются неизвестные ранее факты и события. Вот такой случай, связанный со станицей Новоцимлянской, трижды менявшей своё название:

«…В центре станицы Генерал-Ефремовской (Новоцимлянской) существовала на центральной песчаной площади станичная

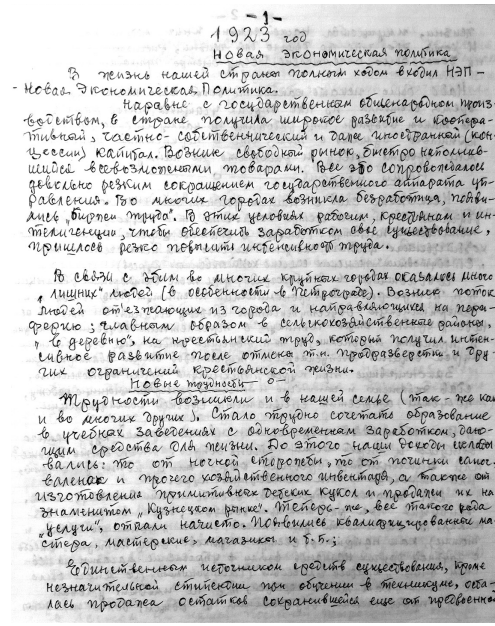
церковь, которую одарил и сам виновник события, сам генерал Ефремов уроженец станицы, чем он её одарил было неизвестно. Но он был героем первой Отечественной войны 1820 года и гнал Наполеона до самого Парижа и одарил свою церковь богатым подарком о котором никто не знал. И очень долгое время, до 1927 года. Я случайно был свидетелем, когда произошло интересное событие. В стансовет в один из дней начала лета. Я как раз в это время был у предстансовета Петра Степановича Плотникова в кабинете, как вдруг у дверей совета остановился автомобиль, тогда это была большая редкость. В кабинет вошли совершенно незнакомые три человека, их сопровождал начальник цимлянского ОГПУ. Из сельсовета всех, в т. ч. и меня попросили удалиться. С ними остался только председатель. Вскоре они ушли, сели в автомобиль вместе с Плотниковым и подъехали к местной церкви, вызвав туда церковного попа. Примерно через час гости уехали. Петро Степанович мне рассказал: Ученые историки, где-то нашли запись, что генерал Ефремов в 1813 году повесил на икону Божьей матери в родной станице, так сказать трофейный подарок. Это добытый где-то во Франции военный трофей нить драгоценного жемчуга. По заданию государства были посланы проверить на месте эту запись и прибывший вместе с комиссией эксперт-ученый

тут же в церкви исследовав висевшую на ризе иконы т.н. монисту, определил подлинность находки, которой, как сказал Плотников, нет цены. А дурак поп, как и все молящиеся, сочли это за простые трехкопеечные бусы».

Леонид Гельмбрехт в своем дневнике «НЭП на Дону» (102 страницы) подробно описывает жизнь станицы Цимлянской в период с 1923 по 1929 годы.

Этот документ позволяет взглянуть на эпоху НЭПа глазами очевидца.

-1-

1923 год

Новая экономическая политика

В жизнь нашей страны полный ходом вошёл НЭП – Новая Экономическая Политика.

Наравне с государственным общенародным производством, в стране получила широкое развитие и кооперативная, частно-собственнический и даже иностранный (концессии) капитал. Возник свободный рынок, быстро насыщавшийся всевозможными товарами. Все это сопровождалось резким сокращением государственного аппарата управления. Во многих городах возникла безработица, появились „биржи труда". В этих условиях рабочим, крестьянам и интеллигенции, чтобы обеспечить заработком свое существование, приходилось резко повысить интенсивность труда.

В связи с этим во многих крупных городах оказалось много „лишних" людей (в особенности в Петрограде). Возник поток людей отъезжающих из города и направляющихся на периферию; главным образом в сельскохозяйственные районы, „в деревню", на крестьянский труд, который получил интенсивное развитие после отмены т.н. продразверстки и других ограничений крестьянской жизни.

Новые трудности —

Трудности возникли и в нашей семье (так-же как и во многих других). Стало трудно сочетать образование в учебных заведениях с одновременным заработком, дающим средства для жизни. До этого наши всякого добывали: то от ночной стерледи, то от починки валенок, валенок и прочего хозяйственного инвентаря, а также от изготовления примитивных детских кукол и продажи их на знаменитом „Кузнецком рынке". Теперь-же, всё такого рода „увлечение", отпало начисто. Появились квалифицированные мастера, мастерские, магазины и т.п.;

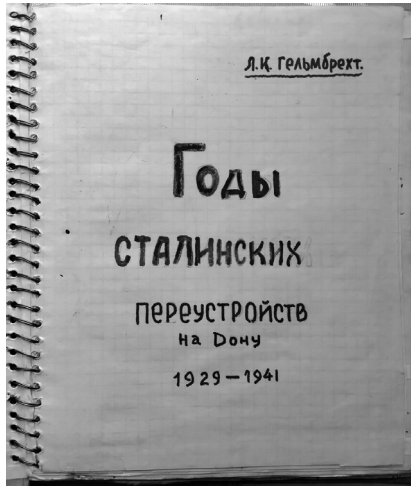
Единственной частной кредитной существовавшей, кроме незначительной стипендии при обучении в техникуме, осталась продажа остатков сохранившейся еще от прошлого

«С приходом весенних работ я начал работать на виноградниках по найму поденным рабочим по 50 копеек в день на своих харчах. Подвязка прополка, а в последствии и опрыскивание "садов" от мильдию. В то время опрыскивали очень немногие. Пользовались в основном услугами попа, который за определенное вознаграждение ходил по виноградникам с молитвами против мильдию и опрыскивал кусты кропилом святою водою, которая черпалась тут же в Дону и от молитвы и святого кропила виноградники защищались от болезни, возникшей здесь только в последние годы. Конечно этот способ защиты растений ничему не помогал, от молитвы и от кропила урожай погибал самосильно. Однако наиболее культурные и передовые хозяйства не веря поповскому дурману, приобретали медный купорос, известь, составляли бордосскую жидкость и по несколько раз за лето опрыскивали виноградники, это сохраняло урожай от гибели».

Для меня стало неожиданным открытием найти запись со знакомой фамилией – это продолжение истории, которую я исследовал в своем документальном фильме «Последний поход дружины».

«…В апреле мы переселились в более удобную квартиру на восточной полугоре станицы, в доме полковника Голицина. Сам полковник эмигрировал во Францию, а здесь в большом двухэтажном

доме оставались его мать, жена и взрослая дочь. Жили они скромно, доходом от виноградника. Мы в их доме заняли весь нижний этаж, три комнаты и кухня с большим коридором. Дом под склоном крутой горы. Весь склон засажен деревьями и кустарником, прекрасное место отдыха. Хороший вид на долину Дона. Всем нам и нашим друзьям и благожелателям эта квартира нравилась…»

Дневник «Годы сталинских переустройств на Дону», объемом 219 страниц, является ценным источником информации, отражающим наблюдения автора о жизни в станице Цимлянской в период с 1929 по 1941 год, ознаменованный значительными социальными и политическими изменениями.

В заключение ещё раз хочу акцентировать внимание на том, что дневники Гельмбрехта являются уникальным краеведческим документом. Материалы, собранные Леонидом Карловичем, представляют значительный интерес для специалистов в области истории, этнографии, географии и биологии, а также для всех исследователей, интересующихся историей донского казачества. Сохранение и дальнейшее изучение дневников Гельмбрехта имеет большое значение для поддержания исторической памяти. Данный бесценный источник служит напоминанием о необходимости сохранения культурного наследия и его трансляции будущим поколениям.

И. И. Черненко, О. П. Дорофеева

Фабричный или фабрикант? Николай Прохоров — легенда хутора Старозолотовский

На современном этапе развития хутор Старозолотовский Константиновского района, несомненно, являет собой уникальный пример сохранения исторической среды при одновременном развитии территории. Новые дома, построенные в традиционном стиле, гармонично соседствуют с подлинными историческими куренями Ковалевых, Мальковых, Филимоновых. Уникальность Старозолотовского заключается не только в бережном отношении к прошлому, но и в умелом сочетании традиций с новаторством. Современные удобства и инфраструктура органично вплетены в историческую канву хутора, делая его привлекательным как для местных жителей, так и для туристов, стремящихся прикоснуться к живой истории донского казачества.

Нельзя переоценить важность сохранения самобытности малых населенных пунктов. Именно в таких местах, как Старозолотовский, кроются корни нашей культуры, передающиеся из поколения в поколение.

Помимо работы по созданию и популяризации основного туристического объекта хутора – музея Тихий Дон, созданного в 2017 году на базе перевезенных кинодекораций одноименного фильма Сергея Усуляка, здесь также ведется работа по изучению местной истории и истории семей самих золотовцев.

В ходе опросов респондентов неоднократно звучала фамилия некого Прохорова, который жил в Золотовке в начале XX века. Был богат, имел каменный дом-особняк, дачу на острове напротив хутора. Озеро на острове Куркин местные называют Прохоровским.

По воспоминаниям Понамаревой Александры Яковлевны (1932 г. р.) Прохоров Николай Петрович владел двухэтажным каменным домом с балконами, большой верандой и вышками в Золотовке на берегу Дона, на низу, во время разливов вода заходила

в коридор. Летом он принимал у себя детей и занимался подготовкой их к школе. В Москве держал мануфактурную фабрику, занимавшую целый квартал. Из рассказов её деда, Дмитрия Романова, Прохоров был фабрикантом из Санкт-Петербурга, не казак. На острове он разводил лошадей.

Мальков Виктор Иванович (1957 г. р.) вспоминал, что на месте фельдшерского пункта в советское время был клуб, а по рассказам хуторян до революции там проживал летом помещик Прохоров Николай Петрович. Часто выходил на балкон своего двухэтажного особняка и любовался Доном и островом. На острове было красивое озеро, домишки, огороды, куда любил выезжать Прохоров.

Так или иначе, подчеркивалась его финансовая состоятельность. В его доме в годы советской власти расположился клуб. Было известно о какой-то трагедии, в результате которой он остался без ног. Судьба Прохорова далее не прослеживалась. Респонденты считали, что после установления советской власти он покинул хутор, и поэтому имущество перешло в колхоз.

Прохоровы известны в хуторе с начала XIX века, дворяне с 1831 года. В сборнике «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1908 г.» упоминается станичный атаман станицы Золотовской – урядник Иосиф Прохоров[1]. Было высказано предположение о том, что упоминаемый старожилами Прохоров являлся потомком этой фамилии.

В 2024 году при опросе бывшей жительницы хутора Зинаиды Ивановны Бирюковой (1956 г. р.) выяснились интересные детали. Оказалось, что она не просто слышала что-то про Прохорова, а ее семья, точнее тётя мамы (они ее называли бабушкой) Тихонова Матрена Ивановна являлась сиделкой при больном Прохорове. У Зинаиды Ивановны сохранились три фотографии из архива Прохорова. Фото двух пожилых женщин, фото мужчины и женщины и маленькая, обрезанная по верхнему краю фотография церкви. Предполагаем, что это фото является единственной сохранившейся фотографией церкви Архистратига Михаила хутора Старозоло-

[1] Вся Донская область и Северный Кавказ на 1908 г. Ростов-на-Дону, 1908. С. 112.

товского, разобранной в 1942 году на нужды переправы во время отступления советских войск.

На фото мужчины и женщины на обороте надпись: «Дорогому другу Николаю Петровичу Прохорову». Так удалось подтвердить его полное имя. Это имя не увязывалось с золотовскими Прохоровыми, по этой причине решили, что они однофамильцы.

Летом 2025 года в Центре хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области был обнаружен интересный документ: заявление в избирательную комиссию от Прохорова Н. П., датированное 15 января 1928 года[2]. Из заявления стало известно следующее:

1. Год рождения 1868 (указывает, что в 1928 г. ему было 60 лет).
2. Сначала работал в г. Серпухов, на фабрике Коншина, а потом около 25 лет в Москве на Трехгорной мануфактуре. Там же жил после Октября, до 1922 г.
3. 15 лет был почетным блюстителем хуторской школы: «Золотовское одноклассное приходское училище – почетный блюститель, инженер-технолог Николай Петрович Прохоров[3]».
4. В Константиновской содержал во время обучения двух учившихся: Костину Е. и Болдыреву.
5. В разное время им были взяты из хутора в Москву следующие дети хлеборобов: Соловьев А., Костин П., Залейская М., Клейменова В. и Трофимов А. Трофимов стал инженером, служил в Киеве на государственной фабрике, бывшей Коген. Болдырева была учителем в хуторе.
6. Помогал пособиями донским уроженцам, учившимся в Москве.
7. Помогал в Первую мировую войну лечившимся в госпитале раненым (Щучкину И. А., Петрову И. Н., Донцову Е. П., Мосину И., Горбункову и др.).
8. Примерно в 1908 г. его жена с детьми отдыхала в Сочи.
9. Был учителем в техническом училище для детей рабочих при Трехгорной мануфактуре.

[2] ЦХАД. Ф. Р-432. Оп. 1. Д. 710а.

[3] Памятная книжка Области Войска Донского на 1913 год. Новочеркасск, 1913. С. 208.

10. В Москве в его доме была мастерская жерновов, где работали менее 10 чел. Она принадлежала немцу Г. Гросману.
11. В 1928 судился из-за имущества с неким Абрамовым.
12. В 1928 г. приехавшие в Старозолотовский из Москвы «курортники» решили поддержать Абрамова, посчитав, что он несправедливо обижен советским судом, и заявили, что Николай Петрович был фабрикантом.
13. Прохоров ссылается на показания Силаева Михаила Васильевича, который до революции жил почти 10 лет в одном дворе с этой мастерской.
14. Указывает, что он инвалид, без обеих ног, «не фабрикант, а фабричный», фабрикантом его сделали московские курортники.

Оставалась неясной судьба Николая Петровича после 1928 года. При повторной встрече с Зинаидой Ивановной Бирюковой, видя наш интерес к судьбе Николая Петровича, она предложила поговорить с ее старшей сестрой Людмилой Григорьевной Аникановой 1946 г. р., которая вспомнила ряд бытовых деталей, имя супруги Прохорова – Надежды Павловны. Прокомментировала фотографии. Две пожилые женщины – это его тетки, на парном фото его друг. Самой неожиданной стала информация, как она помогала Николаю Петровичу набивать папиросы доморощенным табаком. То есть она общалась с Прохоровым лично и это было начало 50-х годов! Внешность не помнит. Волосы темные, лежал на кровати с темной бородой. Много курил. Однажды Матрена Ивановна отмыла от копоти висевший в комнате портрет супруги Николая Петровича, и он трогательно и эмоционально пережил этот момент. Без ног остался после попытки покончить собой, связанной со смертью жены. Бросился под трамвай, но остался жив. Переехал в Золотовку на постоянное место жительства. Дом отдал колхозу, взамен получил обычный деревянный, построенный из разобранного верхнего этажа его тогда уже бывшей усадьбы. Людмила Григорьевна помнит латунную табличку на двери дома: Прохоров Н. П. инженер-технолог. Дату смерти не вспомнила, но предположила 1954–56 гг.

Также Людмила Григорьевна упомянула о трех сыновьях Прохорова, имён которых вспомнить не смогла, помнит, что один был летчиком. Информация по одному из сыновей была обнаружена в метрической книге Михайло-Архангельской церкви х.Золотовский Золотовской станицы, где говорится о том, что 21 марта 1915 года у священника Николая Ивановича Грицианского и его законной жены Елены Васильевны родилась дочь Лидия. Ее восприемниками были «потомственного дворянина инженера сын Виктор Николаевич Прохоров и учительница золотовской церковно-приходской школы Мария Игнатьевна Ламтева»[4].

С информацией о предполагаемых годах смерти обратились в архив ЗАГС Константиновского района, где получили информацию о регистрации смерти Прохорова Н. П. 15 сентября 1953 года. Учитывая, что Николая Петровича досматривала одна Матрена Ивановна, родственников не было, предположили, что он похоронен на кладбище в Старозолотовском. Осмотр кладбища результата не принес. В целом могил, датированных 1950-ми годами, практически нет. Местная традиция считала нормой формирование неатрибутированных надгробий в виде обычных камней.

Итак, оказалось, что Прохоров Н. П. работал на Трехгорной мануфактуре в Москве, которая являлась одним из ключевых столичных предприятий в начале XX века. Для нас представляет интерес и тот факт, что с момента основания фабрика управлялась семьёй Прохоровых. В общем доступе есть информация о Прохорове Н. П. как о заведующем фабрики (БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Московской обл.[5]). Наверняка, дополнительную информацию можно будет обнаружить в архивах Трехгорной мануфактуры.

В поисках информации было обнаружено издание 1916 года «Материалы к истории Прохоровской Трёхгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915», на страницах которого, к нашей удаче, была опублико-

[4] ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3018.

[5] Жертвы политического террора в СССР. URL: https://base.memo.ru/person/show/2711075 (дата обращения: 27.09.2025).

Инж.-тех.
Н. П. ПРОХОРОВЪ,
завѣд. ткацкой фабрикой.

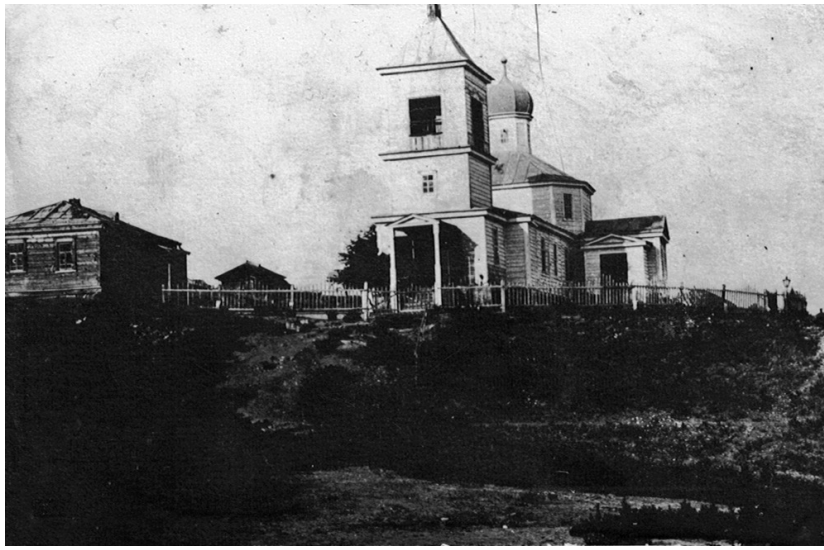
вана фотография Николая Петровича Прохорова. Эта фотография является единственным известным нам изображением Николая Петровича[6].

В 1935 году в свет вышла книга С. Лапицкой «Быт рабочих Трехгорной мануфактуры», опирающаяся на воспоминания рабочих фабрики и снабженная подробными архивными материалами. Автору был доступен архив Трехгорной мануфактуры, личный архив Прохоровых. Данные архивы, если они сохранились, также помогут в поиске информации по деятельности Н. П. Прохорова до революционных событий.

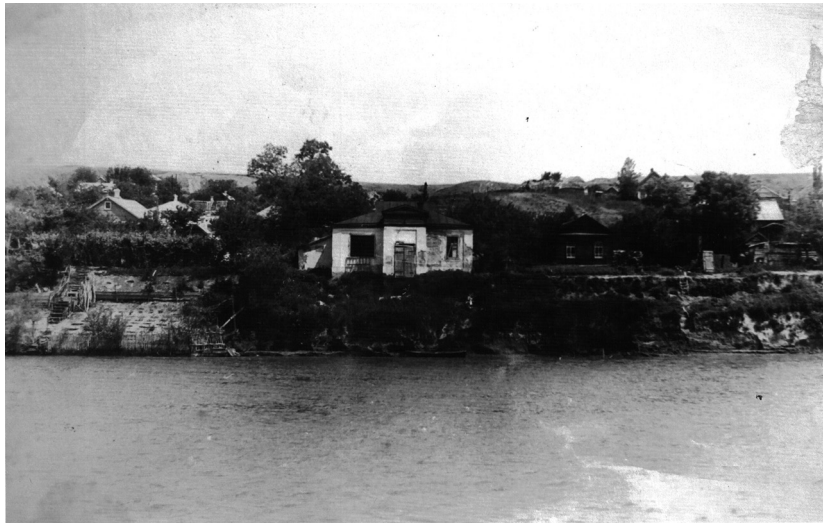
Итак, обозначился ряд проблем. Как связана история жизни Н. П. Прохорова со станицей Золотовской? Являлся ли он родственником золотовских Прохоровых? Являлся ли родственником Прохоровых – основателей и владельцев Трехгорной мануфактуры? Как сложилась судьба семьи, остались ли потомки?

На сегодняшний день бывшее подворье Прохорова Н. П. полностью перестроено. Уже в 50-х во дворе усадьбы был построен магазин. Дом, в котором доживал Прохоров, стоял рядом с магазином. Донская вода подмывала берег, и в начале 70-х начавшее разрушаться старое здание усадьбы было разобрано. В 2025 году магазин был снесен и на его месте построен новый.

[6] Материалы к истории Прохоровской Трёхгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915. Москва, 1916. С. 308.

Церковь Архистратига Михаила в Старозолотовском

Вид на бывший особняк Прохорова, 60-е гг.

Е. Ю. Свечникова

«Праздник советского народа». К истории открытия Волго-Донского судоходного канала

Строительство Волго-Донского соединительного канала (ВДСК) и Цимлянского гидроузла (ЦГУ) вошло в историю как «первая послевоенная стройка коммунизма». Можно сказать, что Волгодонстрой был образцовым объектом послевоенной экономики. Об этом говорят и масштабы развернувшегося строительства, и использование труда заключенных, и идеологическая составляющая «стройки коммунизма».

Сокращение сроков сдачи канала и ЦГУ на 2 года потребовало большого напряжения сил. В последний месяц до открытия судоходства на ЦГУ «учитывая желание основных масс заключенных»[1] были отменены выходные дни, на месяц устанавливался одиннадцатичасовой рабочий день, дни первомайских праздников так же объявлялись для всех рабочими днями. Вольнонаемные работники, непосредственно связанные на производстве с заключенными за переработку получали доплату[2].

31 мая произошло долгожданное событие – донская вода впервые достигла Волги. 1 июня через первый шлюз прошли буксирные теплоходы. 10 июля в газете «Правда» на первой полосе была опубликована статья, посвященная завершению строительства Волго-Дона. Здесь же находилось письмо строителей канала Иосифу Сталину[3]. Президиум Верховного Совета СССР выпустил указ о присвоении каналу имени Владимира Ленина, опубликованный на следующий день. Первоначально предполагалось дать каналу имя Сталина, уже был подготовлен соответствующий проект Указа, однако Сталин решил иначе. Согласно Постановлению Совета

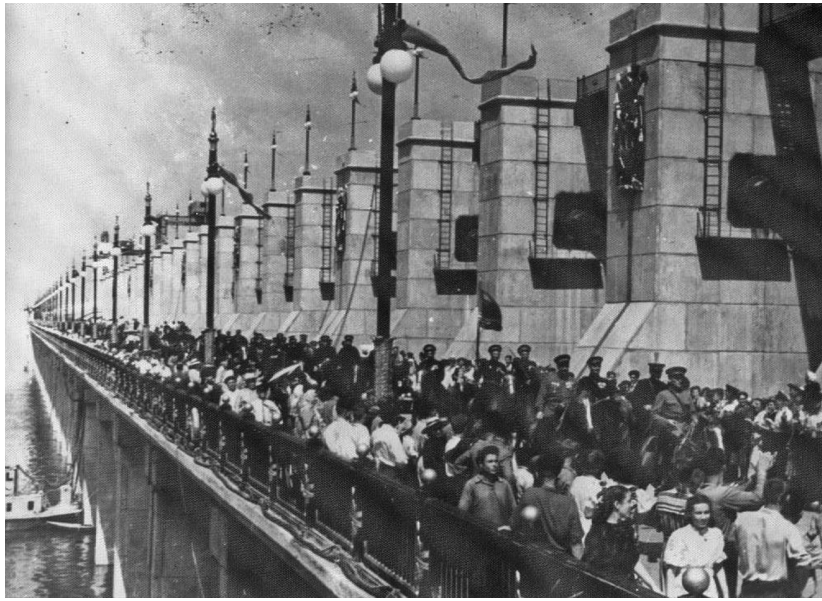
[1] ГАРО. Ф. Р-4004. Оп. 5. Д. 23. Л. 154.

[2] ГАРО. Ф. Р-4004. Оп. 5. Д. 1. Л. 100; Д. 21. Л. 116.

[3] От строителей Волго-Донского судоходного канала… // Правда. 1952. № 192 (10 июля). С. 1.

министров торжественная дата открытия канала была назначена 27 июля 1952 года[4].

Главными центрами праздника стали начальная и конечная точки гидротехнической системы: поселок Красноармейск у шлюза № 1 в Сталинграде и поселок Ново-Соленовский у Цимлянской ГЭС. На пути от Сталинграда до Цимлянского порта высажено 17 тыс. деревьев 10–15 летнего возраста, около 20 млн. саженцев и сеянцев древесно-кустарниковых пород, созданы цветники и газоны. Их привозили из мест затопления. На песчаных площадках прибрежных станиц выложены приветственный слова: «Слава великому Сталину», «Привет строителям Волго-Дона», «Миру-мир» и другие.

Казаки Цимлянского района прибыли на торжественное открытие Волго-Донского судоходного канала им. В. И. Ленина
https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=435077

[4] Об открытии Волго-Донского судоходного канала // Известия. 1952. № 163 (11 июля). С. 1.

Предполагалось, что Сталинград посетит сам И. В. Сталин или кто-то из высших партийных вождей. Сталин мог осмотреть сам канал с борта парохода. Газета «Блокнот. Волгодонск» приводит ходящую в Цимлянске легенду, в которой ротонду в Приморском парке связывают со Сталиным, так как ротонду якобы, строили как смотровую площадку для вождя советского народа. Однако в этот день И. В. Сталин и все ключевые члены правительства присутствовали на большом авиационном параде, на Тушинском аэродроме в Москве, посвященном Дню воздушного флота СССР[5].

Одна из делегаций, посетивших Цимлянский гидроузел в 1952 г.
https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20076859

Открытие канала, наряду с празднованием Дня воздушного флота, стало главной темой в советских СМИ. Газеты и журна-

[5] На открытии Волго-Донского канала волгодонцев развлекала Клавдия Шульженко // Блокнот. Волгодонск. URL:https://bloknot-volgodonsk.ru/news/na-otkrytii-volgo-donskogo-kanala-volgodontsev-raz (дата обращения: 10.09.2025)

лы страны откликнулись волной на эти события. Газета «Правда» 27 июля 1952 г. вышла с большой статьей «Первенец великих строек коммунизма». В этом же выпуске было напечатано стихотворение М. Луконина «Волго-Дон открыт!»[6]

Первым открыл навигацию флагманский корабль флота канала Москва – Волга теплоход «Иосиф Сталин». В опубликованном в 1953 г. путевом дневнике «Первый рейс» Евгений Долматовский написал, что на борту теплохода были писатели, композиторы (среди которых Д. Кобалевский), художники, скульптор Евгений Вучетич, журналисты, работники речного транспорта, и студенты из стран народной демократии. Много было пионеров – юных географов 502-й школы Пролетарского района города Москвы. Среди пассажиров были руководители стройки, в частности, С. Я. Жук – начальник «Гидропроекта» и главный инженер Волгодонстроя, молодые шахтеры и ученики школы имени Горького, где учились Олег Кошевой и его товарищи. Они совершили вдоль трассы канала пеший переход под девизом: «Мы хотим, чтоб Олег Кошевой и его друзья нашими глазами увидели в небывалом цвету родную землю, за которую они отдали свою жизнь»[7].

Борис Полевой в иллюстрированном журнале «Советский Союз» опубликовал статью с таким же названием «Первый рейс», в котором назвал его «сказкой». Он вспоминал, что когда только теплоход вышел на цимлянские просторы Евгений Долматовский написал стихи, а Дмитрий Кобалевский в то же утро переложил их на музыку.

…Мы поднимаем цимлянскую чашу
Праздничным тостом за Родину нашу
Новое море шумит предо мною
Море Цимлянское, море степное…[8]

Во время этого путешествия случилось неприятное происшествие. 28 июля у шлюза № 11 в каюте писателя случился пожар,

[6] Первенец великих строек коммунизма // Правда. 1952. № 210 (28 июля). С. 2.

[7] *Долматовский Е. А.* Первый рейс: Путевой дневник. Москва, Ленинград, 1953. URL: https://sheba.spb.ru/bib/dolmatovsky-pervy.htm (дата обращения: 10.10.2025).

[8] *Борис Полевой.* Первый рейс // Советский Союз. 1952, сентябрь, № 9. С. 5–9.

пламя перекинулось и на другие помещения. Потушили огонь два боевых пожарных расчёта, обошлось без жертв. Пассажирам пришлось переходить на корабль «Сталинская конституция». Официальной версией замены теплоходов стала неспособность судна плыть по морю[9].

Обложка журнала «Советский Союз», сентябрь 1952 г.

[9] *Свечникова Е. Ю.* Великая стройка коммунизма // Донской временник. Год 2010-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 18. С. 95.

В связи с окончанием строительства началось благоустройство поселков, расположенных вдоль судоходного пути, и, прежде всего, Ново-Соленовского, в котором проживали руководство и строители Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений. За годы строительства поселок сильно разросся. В нем, наряду с типовыми постройками, было много самостоятельно построенного жилья, в виде полуземлянок и юрт. Это был целый район, получивший в народе название «Шанхай». В короткий срок все землянки немедленно освобождались и сносились. К сожалению, нам неизвестно, обеспечивались ли выселенные люди каким-либо жильем.

В праздничный день территория шлюзов № 14 и № 15 была открыта для свободного посещения, и местные жители стали приходить к месту праздника уже с самого утра. Согласно публикации в газете «Правда» на Цимлянский гидроузел прибыли свыше тридцати тысяч строителей Цимлянского гидроузла и гостей[10] (втрое меньше, чем в Сталинграде). Это почти все свободное в тот день население окрестных станиц. Специально выделенные машины и автобусы везли сюда жителей посёлков эксплуатационников, колхозников Цимлянского, Николаевского, Морозовского и других районов. Прибыли гости из Ростова.

Около здания гидроэлектростанции состоялся митинг. Трибуной для ораторов стали составленные борт к борту кузова грузовых машин. По обычаю, того времени трибуна была украшена флагами, цветами. В центре располагалось изображение В. Ленина и И. Сталина, а по обеим сторонам – портреты руководителей партии и правительства.

Празднование происходило по выработанной за предшествующие годы модели, типичной для всех регионов страны, включавшей официальные мероприятия и народные гулянья[11]. Митинг открыл председатель исполкома Ростовского областного Совета

[10] Стотысячный митинг; На Цимлянском гидроузле // Правда. 1952, № 210 (28 июля). С. 2.

[11] Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Шаповалов Сергей Николаевич. URL: https://www.dissercat.com/content/istoricheskaya-transformatsiya-rossiiskikh-sovetskikh-gosudarstvennykh-prazdnikov-v-1917-199?ysclid=mh0ot4yuc3245569690 (дата обращения: 01.10.2025).

депутатов трудящихся Гриценко, который предоставил слово секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Киселеву. Одним из выступавших на митинге стал Василий Барабанов, руководивший строительством Цимлянского гидроузла в самый напряженный период времени. К этому времени он уже передал дела и получил новое назначение. Затем выступали экскаваторщик Степан Пророков, представитель завода «Ростсельмаш», председатель колхоза имени Молотова Аксайского района Ростовской области и многие другие[12]. Основным лейтмотивом выступавших стала многократно высказанная мысль об открытии канала как крупной победе советского народа на пути строительства коммунистического общества, которая сделает страну еще богаче и могущественнее. Этому событию придавалось и международное значение. Оно рассматривалось как большой вклад в дело мира, как продолжение победы в Великой Отечественной войне. И, конечно, в каждом выступлении обязательно звучали славословия в адрес И. Сталина как человека, благодаря которому сбылась вековая мечта советского народа.

После выступления руководителей и рабочих состоялся концерт с участием хора имени Веревки, оперных певцов Ивана Козловского, Марка Рейзена, Наталии Шпиллер, звезды эстрады Клавдии Шульженко, чтеца Сергея Балашова, Рашида Бейбутова и других именитых артистов. На всех свидетелей описываемых событий, с кем довелось беседовать автору, выступление всесоюзных знаменитостей произвело большое впечатление и запомнилось на всю жизнь.

В тот же день был дан старт участникам соревнования по народной гребле по маршруту Цимлянский гидроузел – Ростов-на-Дону. Проходили соревнования и по другим видам спорта. Вечером в станицах и хуторах Романовского и соседних районов района состоялось народное гулянье. По инициативе районного отдела культпросветработы на берегу Дона проводился вечер отдыха для трудящихся райцентра.

В эти дни все газеты в СССР публиковали репортажи с места праздничных событий, но ни в одной из них не было информации

[12] *Свечникова Е. Ю.* Указ. соч. С. 96.

о другой части строителей – заключенных лагерей Волгодонстроя, хотя и здесь прошли праздничные мероприятия. В день открытия канала заключенных не выводили за пределы лагеря. В лаготделениях, ближе всех находившихся к месту торжеств, они залезали на крыши бараков, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Основная тяжесть организации праздника за колючей проволокой легла на плечи работников Культурно-воспитательной части (КВЧ). С вечера 26 по 28 июля 1952 года беспрерывно проводились культурно-массовые мероприятия. Всего по Цимлянскому гидроузлу было дано 77 киносеансов, 5 концертов художественной самодеятельности. В лагерях было продано газет и журналов на 9100 рублей, проводились соревнования[13].

На ВДСК в эти дни работали 3 разъездные бригады культурно-воспитательного отдела: одна численностью 32 человека, две по 15 человек и 19 кружков художественной самодеятельности[14]. Усилиями заключенных родилась «Песня о Волго-Доне», автором слов к которой был руководитель культбригады ЦГУ заключенный Л. В. Лео-Подкопаев, а музыки к песне С. К. Мусин[15].

Самым главным подарком, заключенным было сокращение сроков заключения. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета и Постановления Совмина № 3790-1513с от 18 августа 1952 года из ИТЛ было досрочно освобождено 15 тысяч и снижены сроки наказания 35 тысячам заключенным, отличившимся на строительстве Волго-Дона[16].

В заключение можно сказать, что праздник открытия Волго-Донского судоходного канала и Цимлянского гидроузла оставил неизгладимый след в памяти целого поколения. Многих его участников объединяло особое психологическое состояние, в котором отразилось чувства гордости за свой труд, радость за достигнутые успехи, за свою страну. При этом он был типичным проявлением своей эпохи, являясь одним из инструментов проводимой государством агитационной и пропагандистской политики.

[13] ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 641. Л. 21.

[14] ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1689. Л. 225.

[15] ГАРО. Ф. Р-4004. Оп. 5. Д. 9. Л. 70.

[16] *Кокурин А., Моруков Ю.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 7. С. 117.

Великая Отечественная война

В. Ю. Мартыненко

Шахтинские дети в период оккупации

80 лет отделяет нас от завершения самой кровопролитной войны в истории человечества, которая безжалостно сломала судьбы, искалечила души, уничтожила надежды и унесла миллионы жизней. В эти годы лихолетья трудно было всем: и бойцам на полях сражений, и тем, кто день и ночь ковал Победу в тылу у станка, отдавая все силы фронту, и детям – самой незащищенной, самой слабой части населения. Но дети жили рядом со взрослыми: работали, учились, воевали, мерзли от холода, страдали от голода, бомбежек, потери близких, страха погибнуть самому.

Дети войны… Как мало осталось их среди нас! И с каждым годом становится все меньше и меньше этих мужественных в прошлом мальчишек и девчонок. И оттого в сердце с оглушительным трепетом звучит каждая их история, история ребенка войны. Ничтожно мало этих воспоминаний в архивах. В последние годы ГКУ РО «ЦХАД в г. Шахты Ростовской области» начал активно проводить работу по сбору, записи и обработке этих бесценных сведений, рассказанных вырвавшимися из пекла испытаний и при этом не потерявшими интереса к жизни, ставшими мудрее, детьми. По крупицам собирается богатейший материал, открываются новые, ранее неизвестные события, факты, имена жителей города, переживших страшные лишения, прошедших через горнило фронтов, видевших смерть близких, но при этом сохранивших жизнелюбие, милосердие, глубокую порядочность. Именно они, эти имена, должны служить ценностными ориентирами, необходимыми каждому человеку и, прежде всего, представителям молодого поколения. Особое место в изучении военной истории шахтерского

города занимает оккупация. Но, даже постоянно работая с документами, газетными публикациями, свидетельствами очевидцев, становится понятно, как мало известно об этом периоде. И очень хорошо, что еще живы очевидцы – те самые мальчишки и девчонки, пережившие, наравне со взрослыми, все горести оккупации. И выстраивается в стройные ряды информация – о подполье, о предателях, о масштабе человеческих жертв.

Неумолимо течет время. Уходят с каждым годом из жизни свидетели Великой Отечественной войны – участники боев, очевидцы событий, дети войны. А с ними вместе уходят бесценные воспоминания. Чем меньше ветеранов остается рядом с нами, тем важнее каждый факт, каждое значимое впечатление о войне, которую, несмотря на уже преклонный возраст, четко хранит их память.

Страшным был тот день, 21 июля 1942 г.[1] Необыкновенно тихо было в городе. Пятый день безвластия. И было неизвестно, где находятся шахтинцы, как описал это время один из очевидцев событий, «еще под Сталиным, уже под Гитлером или на узкой полосе посередине?»[2] Горожане ждали: вот-вот войдут немцы.

А. К. Зеленский, в то время совсем мальчишка, в своих воспоминаниях рассказывал: «<…> у нашего дома раздался топот, вбежала соседка Елена Павловна, возбужденная, на себя не похожая, и закричала: «Что вы сидите?! Немцы пришли! Советская власть кончилась!» Многое для меня в жизни тогда происходило впервые. Немцы пришли тоже впервые»[3].

Центральные улицы были забиты машинами и подводами. У человека, знающего не только русскую грамоту, рябило в глазах от одних только марок машин, и он ужасался тому, какая производственная сила большинства стран Европы подпитывала немецкую армию. С немцами двигались румыны, венгры, итальянцы. В этом движении неисчислимых войск и техники был свой неумолимый порядок. Казалось, что нет на целом свете такой силы, которая могла бы противостоять этой, немецкой, силе с ее железным порядком.

[1] Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области» (далее – ЦХАД). Ф. Р-1044. Оп.1. Д. 69. Л. 85.

[2] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 10.

[3] Там же. Л. 11.

Даже ребенок, мало смыслящий в делах войны, видел, как под напором этой силы Красная Армия откатывалась на юг все дальше и, казалось бы, безвозвратно…

Саше Шлычкову было неполных 15 лет: «Немцы ворвались в город наглые, шумные, самоуверенные. <…> Повсюду слышны были противные чужие голоса. Немцы! Вот они!»[4]

Город оказался оккупированным, и оккупация продлилась долгих 206 дней[5].

В первые дни существования под чужой властью никто из местных жителей не разбирался в том, какое немецкое начальство здесь временно, а какое – постоянно, какая власть установилась в городе, что требуется от города и что требуется от его жителей. Каждая семья существовала сама по себе. И, все более сознавая безвыходность своего положения, каждая по-своему приспосабливалась к этому новому положению.

Сегодня многим трудно представить себе, что обрушилось на ребячьи головы с приходом фашистов. Страшные первые дни оккупации, облавы на улицах, по городу ведут первых арестованных, немецкие приказы на заборах, в каждом – расстрел. Сколько же было заложено в этих ребятах доброго, благородного, если они не смирились, решили бороться, решили выжить! Они были молоды и в их судьбах все переплелось – романтика, связанная с опасностью, и лихость, в которой они себя самоутверждали. Без риска они жить не могли.

Надо знать и другое – ребятам, еще до этого и жизни не хлебнувшим, пришлось увидеть и тех, кого сломал, искалечил животный страх, кто стал сразу приспосабливаться, заискивать перед фашистами. Многие ребята были пионерами; жили и учились по-соседству; наверняка, ходили одними маршрутами; сидели рядом в кино; играли в «пристеночек»; убежав с уроков, гуляли по одним и тем же аллеям парка. Давно ли бабушки рассказывали им сказки? Но время сказок оборвалось с началом войны. Осенью сорок первого они готовили школы под госпитали, собирали медикаменты,

[4] *Мичурина Л. А.* Памяти тревожное волненье. Шахты. ИСОиП (филиал) ДГТУ, 2013. С. 33.
[5] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 25.

посуду, постельные принадлежности. А сегодня война грохотала уже в душе каждого из них. Только там, за полным разгромом фашистов, виделась жизнь.

С момента начала войны изменили свой облик и школы. 1 сентября 1942 г. они не распахнули приветливо свои двери, не встретили мальчишек и девчонок, звонки не зазвенели на школьных линейках. В классах вместо парт зачастую стояли койки, а школы №№ 5 и 10 из госпиталей превратились в лагеря военнопленных. Толстопятенко Валентина Александровна вспоминала о том, что до вступления в город немцев в школе № 5 был госпиталь, в котором работала ее бабушка, Ясыркина Клавдия Александровна. «Фашисты заняли Шахты 21 июля 1942 г., – вспоминает Антоненко Александра Ивановна, – казалось, будто в плен взяли всю Красную Армию. Школа была превращена в лагерь для советских военнопленных. Здание школы было обнесено колючей проволокой в 3 ряда, стояли вышки, в которых находились часовые. Голодные пленные находились и днем, и ночью под дождем и палящим солнцем на улице за колючей проволокой. Женщины и дети каждый день приходили к школе для того, чтобы передать пленным хлеба и овощей. Но это сделать было очень трудно, часовые никого не подпускали близко, солдаты протягивали руки в надежде получить краюшку хлеба. По улице Победы революции проходила трамвайная линия. Я проходила на противоположную сторону и становилась напротив школы. Как только часовой отвлекался, подбегала к трамвайной линии и бросала мешочек с едой через ограждение. Пленные благодарили и, если удавалось, то перебрасывали записки, в которых говорилось, кто они и откуда»[6]. «Однажды, когда в лагерь привели пленных, – вспоминает Толстопятенко Валентина Александровна, – я увидела отца, сидящего на земле вместе с остальными пленными солдатами. Они просили воды, но немцы никого не подпускали к ним»[7].

[6] Летопись школы № 5 г. Шахты // Научно-вспомогательный фонд музея МБОУ СОШ № 5. Л. 3–4.

[7] Там же. Л. 4.

В сентябре 1942 г. городская управа в двухэтажном жилом доме (ныне – дом № 67 по проспекту Красной Армии) немцы открыли школу[8]. Согласно директиве, в первых четырех классах должны были учиться дети до 11 лет. Дети же старше этого возраста направлялись на работы. Обучение в школе ограничивалось чтением, письмом, счетом, изучением немецкого языка. Русский язык преподавать запрещалось. Ученикам выдавали 250 граммов горохового супа и 100 граммов хлеба[9]. Но эта информация имеется в официальных документах, а вот в воспоминаниях очевидцев ее нет. Опрошенные очевидцы с уверенностью говорят, что первый раз слышат о том, что фашисты открывали в городе школу в период оккупации.

Можно предположить, что подобная школа существовала лишь первое время. Затем, в связи с проведением на территории города политики массового истребления населения, необходимости в ней уже не было.

«Куда ни посмотри, большинство людей было озабочено именно тем, чего бы поесть, во что одеться, где жить. И многие были отданы этим заботам целиком, без остатка, так тяжело это им доставалось. Не потому, что им так нравилось, а потому, что иначе не могли. Боже мой, но ведь это же вдуматься только: нужно каждый день есть, чтобы жить! Помню, с какой любовью я читал и перечитывал каждую строчку томика Тараса Шевченко, где мать жала чужую пшеницу на панщине, а дитя свое клала на меже, сунув ему в рот в тряпице жвачку с маком, чтобы не пищало…», – вспоминает А. К. Зеленский[10].

И взрослые, и дети ходили далеко в степь, на бывшие колхозные поля – собирали на стерне несжатые колоски. Зерна потом перетирали на самодельных мельничках. Те, у кого остались маломальски ценные вещи, спешили выменять их на крупу или муку в окрестных хуторах и станицах.

---

[8] Забвению не подлежит… Город Шахты Ростовской области в период Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации коллективная монография // Общ. Редакция Бондарев В. А., Тикиджьян Р. Г., С. 26.

[9] Там же.

[10] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 20.

Нине Скрылевой во время оккупации было 15 лет: «В войну мы жили на окраине города, за железнодорожным вокзалом. Трудно и голодно жили. Чтобы помочь своим матерям, мы, подростки ходили за город, на колхозные поля, собирали колоски, а осенью – оставшиеся неубранные буряки[11] и картошку. Делать это было не просто тяжело, но и опасно: немцы, если заметят, нас гоняли, а полицаи – те прямо-таки лютовали! Особенно запомнилась одна наша такая вылазка на поля. Ползаем с девчонками по полю, набрали уже по полсумки буряков, да увлеклись. Не заметили, как подъехали полицаи на лошадях. Мы – врассыпную. Один полицай-объездчик погнался за мной. Догнал, конечно, и начал хлестать плеткой до крови. От одного его удара у меня до сих пор шрам в виде ямки под коленом»[12].

Сколько лишений пришлось пережить и Вере Столяровой в годы оккупации! Нужно было кормить семью: маму, бабушку, младших братьев и сестер, чтобы не умереть с голоду. С сестрой Вера ходила по хуторам, за 70 км от города, чтобы принести немного еды. Вере особенно запомнилось, как однажды фашисты вели по улице двух девчонок – евреек лет 16-ти. Жители смотрели им вслед и сочувствовали, понимая, что их ведут на расстрел. «Страшно вспоминать, что в городе нашлись предатели!» – вспоминала Вера Константиновна[13].

Фашисты бесчеловечно уничтожали лиц еврейского происхождения. В августе 1942 г. по городу был расклеен приказ военного коменданта о явке всех евреев с ценными вещами к зданию управления полиции. Ранним утром с ревущими детьми, со стариками и больными, плача и переругиваясь, на улицы выползло еврейское население города. Чем ближе к базару, тем больше людей становилось на улицах. Собравшихся построили и под конвоем повели в сторону поселка Каменоломни. Вели длинной-длинной колонной, которой конца не было видно. На следующий день стало известно – всех ев-

[11] Свекла, местный диалект.

[12] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 20.

[13] Легендарное поколение / Сост. Еремина Г. А., Шерстнева Т. С. Шахты: типография ИП Зубков О. П., 2013. С. 51.

реев расстреляли под поселком Каменоломни[14]. Самой младшей из расстрелянных еврейских детей было всего два года. Имя ее не сохранилось в памяти людей, а вот фамилия – Лютенберг[15].

Городской привоз – человеческое море. Кричали торговки. Детишки пели: «Кому воды холодной?» У ворот стояла худющая-прехудющая (как у нас говорят – «шкелетик») девочка и продавала с тарелки пирожки: «Свежие пирожки, очень вкусные, купите, пожалуйста!»[16]

А потом – душераздирающие крики: «Облава!» Немцы выпрыгивали из машин и хватали главным образом молодых женщин, девчонок, парнишек. Машины отъезжали полные. Облавы были почти каждый день. Но вот что удивительно: к ним привыкали, как-то сразу же принимали, как должное.

Через биржу труда угнано в рабство в Германию 3500 жителей города: преимущественно юношей и девушек в возрасте от 15 до 20 лет. Отправляли самых здоровых, выносливых[17]. Остальные работали на восстановлении объектов в самом городе. Иногда работа обрывалась смертью. Так, в Акте злодеяний имеется следующая информация: «В этом же месяце на строительстве оборонительных рубежей за городом 14-летняя дочь рабочего горняка шахты “Октябрьская революция“ Соловейкина выбилась из сил, присела отдохнуть, заметив это, начальник работ – немецкий офицер – без всякого предупреждения в присутствии рабочих застрелил ее из пистолета»[18].

Когда наступали холода, перед многими шахтинцами вставала еще одна неразрешимая житейская проблема: где брать топливо? Немцы не упускали возможность даже крохи забрать себе. Виталий Мартыненко, которому в период оккупации было семь лет, рассказывал о том, как он с ребятами поднимался на терриконы и собирал уголь, а потом на санках тащил домой, но не всегда успе-

[14] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 87.

[15] Забвению не подлежит… Указ. соч. С. 133.

[16] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 22.

[17] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 25 об.

[18] ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9. Л. 106–112.

вал притащить, так как проезжающие мимо них немцы зачастую забирали уголь себе[19].

Немцы не только грабили, но и морально уничтожали человеческое достоинство шахтинцев. И через 82 года, прошедшие после освобождения от оккупации[20], шахтинцы, пережившие фашистский «новый порядок», не могут без содрогания вспоминать те чёрные дни.

Старый террикон шахты имени Красина хранит тайну многих человеческих судеб. За период оккупации в городе было уничтожено около 14 тыс. человек, из которых 3500 человек были сброшены в ствол шахты им. Красина[21]. По сведениям, собранным и обработанным шахтинским краеведом С. Ф. Шатровым, во время фашистской оккупации города было расстреляно и сброшено в шурф шахты им. Красина около 12000 человек, в том числе 65 детей детского дома, уничтоженных буквально перед освобождением города[22]. Как показывают очевидцы-свидетели, немецкие палачи расстреливали взрослое население, детей бросали в шахту живыми[23].

Однажды в числе обреченных на расстрел к стволу привели Надежду Грушенкову. Обеими руками прижимала она к груди своего ребенка. Палачи выхватили его и на глазах обезумевшей матери держали за ножку вниз головой над стволом. Потом и мать, и ребенка сбросили в шахту. Это случилось в ноябре 1942 г.[24]

Свидетель Н. Ф. Пересада по вопросу о расстрелах на шахте им. Красина рассказывала следующее: «Я лично видела, как фашисты расстреливали и издевались над народом. Примерно в декабре месяце 1942 г. или в январе 1943 г. <…> расстреляли одну женщину, для меня она неизвестна, а ее ребенка бросили в шурф[25] живьем. Тут же расстреляли и вторую женщину и хотели расстре-

[19] ЦХАД. Ф. Р-901л/п. Оп. 1л/п. Д. 206. Л. 3.

[20] 12 февраля 1943 г. – день освобождения г. Шахты от немецко-фашистских захватчиков.

[21] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 24.

[22] ЦХАД. Ф. Р-1192л/п. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

[23] Архив УФСБ РО. Ф. УКГБ СССР РО. Оп. 4. Д. 1. Т. 1. Л. 245.

[24] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 24.

[25] Правильно – ствол шахты, но часто встречается в документах и воспоминаниях слово «шурф».

лять ее сына, примерно 10–11 лет, но он схватил за ногу офицера-гестаповца и стал кусать ему ногу. Гестаповцы разбили ему голову и бросили в ствол шахты»[26].

Свидетель Г. Барбасин, чудом спасшийся, заявил в 1964 г. на суде военного трибунала СКВО[27] по делу предателя-полицая И. М. Туголукова: «Страшно было смотреть, как за сапоги “командира“ хватались дети, моля о пощаде. А он их сбрасывал в ствол...»[28] «И вот ещё чего я вспомнил, – ну это все рассказывали на посёлке. Была коммунистка, не помню сейчас ее фамилию, а у нее был то ли внук, то ли сын, по-моему, Голиков фамилия. И когда ее поставили[29], она прокричала, вот вырастет мой сын, он за меня отомстит. Поехали, пацана тут же взяли, ему 14 лет было, и бросили»[30], – пишет в своих воспоминаниях Бочаров В. М.[31]

Допрошенный по вопросу зверств фашистов член ВКП(б) Д. С. Андропов, который оставался в городе по заданию горкома, показал: « <…> Когда я подошел к стволу, то мною были обнаружены висящими по краям ствола в глубине: фуражки, одеяло детское, фуфайки, тюбетейки, шарф белый, полотенце и детские шапочки»[32]. О судьбе малолетних детей Мешковой О. А. говорили, что, когда ее увели в гестапо, дома остались четырехлетний Володя и годовалая Аллочка. Конечно, Мешкова могла их взять с собой. Гитлеровцы «милостиво» разрешали матерям идти в тюрьму и на казнь с детьми. Ольга Андреевна знала свою судьбу. Там, в гестапо, – неминуемая гибель. Если оставить детей дома, то, может быть, они останутся живы. Так оно и случилось. О малышах позаботилась простая русская женщина Шаповалова Т. В.[33]

Расстреливали жителей, в том числе, и детей, не только у ствола шахты им. Красина: «<…> В результате перезахоронения из

[26] ЦХАД. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 24.

[27] Северо-Кавказский военный округ

[28] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 38.

[29] На расстрел.

[30] В ствол шахты им. Красина.

[31] ЦХАД. Ф. Р-1195л/п. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

[32] Архив УФСБ РО. Ф. УКГБ СССР РО. Оп. 4. Д. 1. Т. 1. Л. 245.

[33] *Юдович И.* Шахтинская трагедия // Красный Шахтёр. 1959. 8 мая. С. 3–4.

песчаных карьеров хутора Поповка в братскую могилу замученных и расстрелянных немецкими оккупантами было установлено: а) в первом карьере обнаружено 26 человек <…>, детей в возрасте от 4 до 8 лет – 2 человека. <…>»[34]

В газете «Красный шахтер» уже в послевоенное время было опубликовано вот такое письмо: «Когда в городе были немцы, много горя пришлось мне хлебнуть. Немцы отняли у меня <…> свободу любить, свободу говорить. Они расстреляли моего мужа, троих братьев, зарубили пятимесячного моего ребенка на глазах же у меня <…>»[35].

Полностью была уничтожена гестаповцами семья машиниста подъемной машины Цыганкова И. Г., вместе со взрослыми членами семьи расстреляны четверо детей в возрасте от двух до пятнадцати лет[36].

Восьмилетний Коля Спиваков чудом спасся от смерти. Позже он рассказывал, что фашисты ходили по домам со своими списками и по спискам расстреливали. В доме Коли проживало шесть человек: бабушка, мама, старшая сестра, Коля и его два младших брата. «Немец переступил через порог и дал очередь из автомата. Мы все упали, я завалился за сундук. Пришел в сознание, когда почувствовал, что на меня что-то капает, как вода. Поднял голову – мамина кровь капает. Мама лежит убитая. Я заполз под кровать. Слышу – заходят двое. Пересчитали, один другому говорит по-русски: “Тут одного не хватает, надо искать“. Стали искать, заглянули под кровать, а там мама приховала мешок жита, а за ним я лежу. Вытянули они мешок и ушли довольные. Забыли, что одного не досчитались. Когда они выходили, я узнал одного. Это был полицай, местный дядька. Они ушли, а я потерял сознание. Пришел в себя, когда горела наша хата. <…> услышал детский крик. Я пополз на него. <…> Никого не вижу, а крик откуда-то из-под земли. Подполз я к краю ямы – полная яма людей. Это были беженцы. Они у нас жили в школе. Все лежали, а наверху поднималась и падала маленькая девочка. И кричала. Мне стало так страшно! К ве-

[34] ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1–1 об.

[35] *А. С. Г.* Голос сердца // Красный Шахтёр. 1947. 12 февраля. С. 2.

[36] *Аксизовский Б.* Мы им этого не простим // Красный Шахтёр. 1943. 10 марта. С. 2.

черу девочка умерла. Лежал я там до воскресенья. <…> в воскресенье приехали дедушка и мамина сестра. <…> дедушка собрал в корзинку косточки. Полной корзины даже не набралось. А в среду нас освободила Красная Армия…»[37]

Такие же страшные воспоминания и у Светы Петрухиной: «Когда немцы вошли в город, у них оказался список коммунистов. И в этом списке были наш отец и учитель, который жил напротив. Их арестовали. А маму застрелили на улице. А потом нас долго держали в каком-то сарае. Было очень страшно, мы плакали, кричали. У меня еще были сестра и брат. <…> Потом ехали все куда-то трое. В Керчике[38] нас разобрали по хатам чужие люди. Брата никто не хотел брать, и он плакал и спрашивал: "А я?!" <…> После освобождения нас отдали в Шахтинский детский дом…»[39]

Случались и «хорошие» полицаи. Валентина Николаевна Демина, которой в начале оккупации было всего полгода, рассказывает в своей автобиографии (со слов матери) о старосте Седове, который знал семью Деминых, знал, что отец Валентины воюет на фронте, но при этом предупредил мать, что она с ребенком внесены в список на уничтожение. «Ночью погрузили на тачку вещи и меня. И мама с тетушкой покинули город. По степи, огородами они двинулись в сторону Луганска, где в одном из селений жили наши родственники», – пишет Валентина Николаевна[40].

Г. М. Сосненко до оккупации города жила на улице Советской. С приходом немцев она уклонилась от регистрации, меняла место жительства. Часто ночевала у своей знакомой – Зусик, у которой был четырнадцатилетний сын Леонид. Он-то и посвятил Сосненко в ребячьи тайны: группа ребят решила вредить немцам. Попробовали прокалывать скаты на автомашинах гитлеровцев – удалось. Трудным и нерешенным оставался продовольственный вопрос. Где и как доставать продукты? Решили воровать у немцев.

Г. М. Сосненко встретилась с ребятами. Она сразу определила, что заводилой был Борис Булатов. Маленькая белокурая девушка,

[37] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 78–79.

[38] Хутор в Октябрьском (с) районе Ростовской области.

[39] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 80.

[40] ЦХАД. Ф. Р-1198л/п. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.

беспредельно любившая жизнь, свою Родину, в разговоре с ребятами старалась зажечь их жаждой мщения к врагам. Внимательно слушали ее братья Слава и Борис Беденко, Витя Коновалов, Володя Сафонов, Саша Дурасов, Зоя Ефимова[41].

Однажды ночью в подвале сожженного здания городской почты ребята обнаружили кипы упакованных листовок, отпечатанных партийцами еще до прихода немцев. Распространяли их всей ребячьей группой на базаре, клеили на деревьях и зданиях[42].

В середине декабря 1942 г. в городе появились немецкие грузовики с рождественскими подарками для солдат и офицеров. Ребята первыми узнали об этом и принялись «разгружать» машины. Часть ворованного разносили по квартирам, а сигареты продавали на базаре. Благо, что распродажа сигарет прошла удачно, иначе бы арестов было не избежать[43].

В январе 1943 г. город заполонили отступающие немецкие части. Притупилась бдительность фашистов. И группа Булатова не сидела, сложа руки: резали телефонные провода, распространяли листовки. Вот одна из последних, написанная ребятами от руки: «Наши приближаются. Наши войска в Семикаракорской[44]. Скорей, скорей сюда! Мы ждем вас!»[45]

Когда ранним морозным утром 12 февраля 1943 г. бойцы Красной Армии встретили упорное сопротивление немцев в центре города, на помощь им пришли Борис Булатов, Слава и Борис Беденко, Леня Зусик, Саша Дурасов, Витя Коновалов и Володя Сафонов. Задворками они провели бойцов к площади имени Ленина, пожарной команде, кинотеатру Родина, где сосредоточились фашисты[46].

«Помню мальчика по имени Славка. Он всю ночь дежурил у моста, чтобы первым встретить наши части и показать нам, где фашисты заложили мины. Помню его мать. Она помогала нашим разведчикам выведать вражеские огневые точки и укрепления.

[41] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 67.

[42] Там же.

[43] Там же. Л. 69.

[44] До 1972 г. – станица в Ростовской области. В настоящее время – город.

[45] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 19.

[46] Там же.

Перед нами стояли шахтерские дети. Могли ли немецко-фашистские захватчики подумать, что они и есть те самые "партизаны", которые наносили им большой ущерб», – вспоминал позднее полковник запаса, участник освобождения г. Шахты Борисенко П.[47]

К полудню все было кончено, и более сотни завоевателей, раздетых и разутых жителями, кто в подштанниках, а кто и без них, скрученных февральским морозом, три дня лежали там, где их настигла русская пуля. И тогда женщины из близ лежащих домов организовали их, мальчишек, на уборку трупов. Связывая по два-три трупа, ребята стаскивали их в пустующие помещения магазинов[48].

А потом эти же ребята в качестве воспитанников Красной Армии, отмеряя первые в своей жизни солдатские версты, уходили дальше, на запад. Трое из них (Зусик, Сафонов, Коновалов) в родной дом не вернулись. Они погибли, освобождая Украину[49].

Юные патриоты были так молоды, что даже опасность не всегда могла удержать их от дерзкой выходки.

Пионер Генрих Пода, племянник расстрелянного фашистами партизана гражданской войны А. В. Поды, в ночь на 5 ноября 1942 г. вывесил красный флаг на крыше фельдшерско-акушерской школы. Почти целый день развевалось алое полотнище. Полицейский Попенко, живший с Генрихом на одном переулке – Сквозном, выследил его и арестовал. При обыске в доме был найден пистолет. Генриха Поду расстреляли 7 ноября 1942 г.[50]

Одним словом, бывшие школьники понимали свою задачу так: раз пришел чужой «дядька», надо ему вредить.

Коля Гудков, сын расстрелянного в октябре 1942 г. Н. И. Гудкова, вместе со своим дружком, Володей Солянниковым, разгромили немецкий вездеход: разбили приборы и стекла, пробили топливный бак, сняли генератор, а соседи довершили начатое ребятами – разграбили содержимое кузова вездехода[51].

---

[47] *Борисенко П.* Юные мстители // Красный шахтер. 8 февраля 1968 г. С. 2.

[48] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 19.

[49] Там же.

[50] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 20.

[51] Там же. Л. 19.

В доме инвалида С. И. Алданова еще до оккупации сотрудником горотдела НКВД[52] М. И. Марушкиным была оставлена радиостанция (позывной «Белка») для связи городского подполья с особым отделом Южного фронта. Радистом был восемнадцатилетний Юрий Попов, родом из станицы Кривянская, окончивший Новочеркасскую школу радиотелеграфистов. Попова выдавали за племянника. Сам Алданов оккупационными властями был назначен квартальным старостой на поселке. Сведения о военном немецком аэродроме собирал сын Алданова, Виктор, который частенько пробирался к летному полю, чтобы посчитать самолеты. Было ему тогда 13 лет. Радиостанция выходила в эфир до октября 1942 г.

Четырнадцатилетняя Маша Волокитина, желая отомстить за отца, И. С. Волокитина, расстрелянного в сентябре 1942 г., сколотила группу из таких же подростков, в которую вошли ещё Витя Гончаров и Тамара Ломанцева. Цель была одна – вредить немцам[53].

Их одногодки: со Старой колонии Витя Доношенко и Саша Вахничев; ребята постарше с Новой колонии – братья Фомины, Капустин, Титов, Караченцев, Карих; с поселка шахты «10 лет За индустриализацию!» – Алданов, Нестеров, Лукьянов; с улицы Пролетарской – Дубицкий, Колбас; с центра города – Соколов, Мирошников, Половых, – до этого тоже были обыкновенными школьниками. Случалось, и уроки не учили, и опаздывали на них. Но когда встала страна огромная на смертный бой с фашизмом, они, не задумываясь, поспешили занять свое место среди других мальчишек города. Не зная, как и чем вредить оккупантам (в школе ведь к этому не готовили и этому не обучали), избрали путь хищения и порчи продуктов питания, вражеской амуниции и техники, распространения листовок. Они снабжали пленных красноармейцев продуктами, сигаретами[54].

Братья Фомины, Капустин, Титов, Караченцев, Колбас, Мирошников были расстреляны фашистами, а Славика Кочмазова за-

[52] Народный комиссариат внутренних дел СССР.

[53] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 20.

[54] Там же.

стрелили просто так: он ничего еще и сделать не успел во вред фашистам[55].

Ребята без отчеств. Столь юными ушли они, что и при жизни, и после смерти остались Димкой, но не Дмитрием Николаевичем, Петькой, но не Петром Алексеевичем, Митькой, но не Дмитрием Ивановичем... Они не замкнулись в своем мирке, стремясь только выжить, не льстили, не прислуживали, не пособничали, а вели в меру своих сил и возможностей борьбу с врагом, личным примером подавая пример многим взрослым, были укором другим, дрогнувшим и продававшим.

Никто не подсчитывал урон, нанесенный юными шахтинскими патриотами фашистам в дни оккупации города. Но он был, этот урон, и довольно существенный, он ослаблял силу врагов и приближал неминуемую нашу победу...

За активное участие в шахтинском городском подпольном движении Г. М. Сосненко и юные герои Б. Булатов, братья Дурасовы, А. Бедненко награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.»[56]

А вот как рассказывает о дне освобождения В. М. Бочаров, которому в феврале 1943 г. было четыре: «Да, помню этот рассвет, <…> матушка что-то нам там готовит. И вдруг – раздаются взрывы и треск! Матушка: “Ах!“ Хватает нас – и в погреб. Ну, мы уже с братом, ну, брат вообще тридцать седьмого года, и я уже так сказать [большие], а Светочка – 1941 г., ну два годика. Вот она лупит эти глазки и не поймет, что к чему. А тетушка по очереди и мать поднимаются, опускаются. Потом уже темнеет, они радостно вытаскивают нас наверх. На улице крики: “Наши пришли!“ Вот не говорили, что Красная Армия пришла: “Наши пришли!“ Было тогда два слова: наши и враги. И вот такая радость!»[57]

Когда мы вспоминаем о войне, горячая волна скорби проходит по нашим сердцам. И в то же время ощущается непередаваемая радость Победы над злейшим врагом. Это была и их, детей, Победа. Одна на всех.

[55] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 64.

[56] ЦХАД. СИФ. Д. 8.74. Л. 22.

[57] ЦХАД. Ф. Р-1195л/п. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

Вер. Ю. Мартыненко

Массовый угон населения г. Шахты в Германию во время оккупации 1942–1943 годов

С началом Второй мировой войны экономика Германии ощущала острую нужду в рабочей силе, которую пришлось привлекать из-за рубежа. С тех пор множество «гастарбайтеров» твердо обосновалось на немецкой земле, пустили прочные корни.

Фашисты, насаждая «новый порядок», требовали от населения участия в работах по месту жительства или с выездом в Германию. Через созданную оккупантами в г. Шахты биржу труда, возглавляемую офицерами немецкой армии: обер-лейтенантом Штроманом (начальник биржи труда), его заместителем, офицером Ивень и зав. отделом Выбырх, – создали строжайшую систему регистрации и еженедельных явок на биржу труда всего населения города[1].

От хозяйственного командования жителям города Шахты было сделано объявление: «Рабочие всех профессий, мужчины от 15–50 лет и бездетные женщины 15–45 лет, которых здесь нельзя устроить, могут найти работу в Германской империи на шахтах, в промышленности и сельском хозяйстве… За вашу работу в Германии вы получите хорошую квартиру и достаточно хорошее питание»[2].

Ежедневно у Шахтинской биржи труда выстраивалась очередь в несколько десятков человек: молодых и пожилых, женщин и девушек – это была очередь на немецкую биржу труда, и никто не стремился попасть туда раньше других. Другая участь была у тех, кто не являлся на биржу труда по повестке – их арестовывали.

Как вспоминают жительницы пос. Дувановка, жившие в г. Шахты в период войны: «Отношение к угону в Германию у населения было разным. Некоторые горожане сами добровольно шли в Германию. Они не верили в победу русских. Вернувшись после окончания войны домой, рассказывали соседям, что служили в хо-

[1] ЦХАД. Ф. Р.-1044. Оп. 1. Д. 69. Л. 26.

[2] ЦХАД. Ф. Р.-796. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

зяйских домах, возделывали огород. 5–6 русских девушек немец-хозяин вывозил в поле, где они всё лето выращивали овощи. Хозяин возил им в поле еду, часто развлекался с ними. Этой категории угнанных пребывание в Германии не принесло большого вреда»[3]. Т. А. Белоусова вспоминает, что «в Германию людей отправляли добровольно», кроме того, «репрессиям со стороны немцев подвергались только лица еврейской национальности, военнослужащие, активисты, комсомольцы и коммунисты»[4].

Собирались на отправку в Германию, как на праздник, под лозунгом «Нах Фатерланд». Да еще и под гармошку. Газета «Шахтинский вестник» из номера в номер печатала письма к родным от их угнанных детей и о якобы привольной, сытой жизни в Германии и о хороших заработках. Письма приходили без помарок и цензуры, в них многое можно было прочитать между строк, но они скупо говорили только о внешних обстоятельствах жизни. А большинство родных вовсе не получало никаких писем[5]. Так, угнана была Анастасия Горобей. Работа на бюргера была не самой тяжелой, но Анастасия ненавидела немецких хозяев. И вот случилось невероятное. Один из немецких офицеров, стоявший на постое в семье Анастасии, был вызвал приказом в Германию. Неожиданно для матери Анастасии, он сказал, что знает, куда определили ее дочь на работы, и может отвезти ей какой-нибудь подарок от матери, главное, чтобы это было не письмо и не записка. Тогда мать нажарила пирожков, сняла с головы платок большой, с бахромой и упаковала туда пирожки. Анастасия получила материнский привет, а увидев платок, расплакалась. Эта история была записана со слов сына Анастасии[6].

После того, как немецкие оккупанты обманом угнали первую партию жителей города в Германию, люди поняли, чем это им грозит, и старались отклоняться от регистрации на бирже труда. Так, некоторые жительницы г. Шахты из-за угрозы вывоза на работы в

[3] *Мичурина Л. А.* Памяти тревожное волнение. Шахты: ИСОиП (филиал) ДГТУ, 2013. С. 44.
[4] Там же. С. 45.
[5] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 19.
[6] ЦХАД. Ф. Р-923л/п. Оп. 2л/п. Д. 22. Л.1 об.–2.

Германию начали работать на шахтинских не закрывшихся предприятиях. Комсомолка Семенова в своей объяснительной о причине пребывания на оккупированной территории сообщает, что из-за неудавшейся эвакуации пришлось вернуться в оккупированный город, где она не работала до 1 ноября 1942 г., но «когда стали забирать в Германию, то ушла работать на станцию в службу путей и проработала до последнего дня оккупации»[7]. Подобное заявление было и у А. И. Рудневой: «В первое время я нигде не работала, но когда принесли повестку ехать в Германию, я решила, что лучше работать на оккупированной территории, чем ехать в Германию и покидать свою Родину, поэтому я поступила работать в пекарню, потому что больше приемки нигде не было»[8]. Некоторые жительницы скрывались, что подтверждает объяснительная З. В. Батковой: «Все время, что немцы находились в городе, я не работала, не училась, пришлось больше находиться в пути, дабы скрыться от мобилизации в Германию»[9]. На работы отправляли здоровых и выносливых, поэтому жители города подделывали год рождения в паспорте, драли кожу и смачивали уксусом и керосином, чтобы вызвать язвы, даже давали взятки за освобождение от угона в Германию[10].

Бежавшие из Германии домой рассказывали, что там отправляют на заводы, работать заставляют по 12 часов в сутки, содержат, как заключенных, бьют, убивают, платят страховые деньги – хватает лишь на сигареты[11].

При отступлении немцев из города в феврале 1943 г. были составлены списки еще на 12 тыс. жителей города, подлежащих угону в рабство. По приказу немецкого военного коменданта всем этим лицам были вручены повестки, обязующие под угрозой расстрела явиться на сборные пункты для отправки в Германию[12]. В ответ на

[7] ЦДНИРО. Ф. 312. Оп. 1. Связка 1. Архивный номер 6. С. 41.

[8] Там же. С. 8.

[9] Там же. С. 40.

[10] ЦХАД. СИФ. Д. 9/291. Л. 19.

[11] Там же.

[12] ЦДНИРО. Ф. Р-1044. Оп.1. Д. 69. С. 26.

это шахтеры прятались в подвалы и на чердаки, уходили в подземелье разрушенных оккупантами шахт. Когда начались массовые облавы на улицах города, немецкие патрули, жандармерия, полиция и гестапо ловили всех встречных, забирали из квартир.

Таким образом, в феврале 1943 г. немцами из города было угнано около 5,5 тысяч человек рабочих, а всего за время оккупации уведено в рабство около 9 тысяч жителей города[13]. Это явление стало частью системы нацистского террора и экономической политики, направленной на поддержание военной машины Германии.

В период оккупации г. Шахты немецкие захватчики проводили жёсткую эксплуатацию экономических и трудовых ресурсов города. Промышленные предприятия, особенно угольные шахты, были поставлены под контроль оккупационных властей и использовались для обеспечения нужд вермахта. Местное население подвергалось принудительным работам: мужчины, женщины и даже подростки отправлялись на шахты, ремонтные работы и другие тяжёлые производства в условиях голода, репрессий.

Экономическая политика нацистов носила грабительский характер: оборудование вывозилось в Германию, запасы сырья и продовольствия изымались, что привело к резкому обнищанию жителей. Труд использовался не только для поддержания оккупационного режима, но и как инструмент террора – неповиновение каралось расстрелами и отправкой в концлагеря.

Таким образом, эксплуатация ресурсов и жителей стала частью преступной системы нацистской оккупации, направленной на уничтожение экономического потенциала СССР и порабощение его населения.

[13] ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9. Л. 106–112.

И. А. Заболотский

Последний рейд. Атака группы танков 63-й тбр под командованием капитана М. В. Юдина 14 марта 1942 г. по документам противоборствующих сторон

История гибели танкистов 63-й танковой бригады под Покровским в марте 1942 года давно стала народной легендой, которую знает, наверное, каждый школьник райцентра Неклиновского района. Народное предание гласит, что наши танки, волоча за собой на буксире сани с пехотой, пошли тараном на вражеские позиции «Миус-фронта». В вихре стремительной атаки сани разлетелись или перевернулись. Танки лишились поддержки автоматчиков, но упорно рвались вперёд, давя и расстреливая вражеские пушки и пулемёты. Большинство советских танков были подбиты, но нескольким всё-таки удалось прорваться сквозь немецкие укрепления. А одна «тридцатьчетвёрка» даже дошла до северной окраины Покровского. Танк раздавил разгруженную с железнодорожной платформы зенитку, но завис на её покорёженном лафете (фото 1).

Фото 1. Т-34 ранних серий, засевший на раздавленном немецком орудии

Фото 2. М. В. Юдин

Через местных жителей немцы предложили советским танкистам сдаться. В ответ они услышали, что танкисты в последние минуты жизни пели «Интернационал»: «Это есть наш последний и решительный бой»… Обездвиженный русский танк немцы то ли сожгли, то ли взорвали. Экипаж погиб. Народная легенда уверенно утверждает, что в этом Т-34 не сдался и героически погиб экипаж командира батальона 63-й танковой бригады – Героя Советского Союза Михаила Владимировича Юдина (фото 2). Почти каждый год этот героический эпизод боёв на «Миус-фронте» поминают добрым словом в районной газете, а иногда – даже в таганрогской и областной прессе.

Сейчас открыто для свободного доступа гигантское количество документов из фондов Центрального архива Министерства Обороны РФ (ЦАМО). В том числе, и по Таганрогской наступательной операции марта 1942 года. Но до сих пор во всех публикациях о гибели экипажей 63-й танковой бригады в мало отличающихся вариациях пересказывают итоги работы юных поисковиков 50–60-летней давности: несколько официальных ответов из ЦАМО и военкоматов, воспоминания выжившего участника тех боёв – М. В. Силантьева. В устоявшейся легенде споры среди краеведов и поныне вызывает только дата подвига и гибели танкистов: 8-е, 14-е или даже 12-е марта.

Начнём с того, как возникла нынешняя народная легенда. Её историю раскрывает заметка юных следопытов покровской шко-

лы № 1, опубликованная всесоюзной армейской газетой «Красная Звезда» 12 января 1967 года. Процитируем её целиком:

«“ Они запели “Интернационал”.

Дорогая редакция! Мы, ребята из села Покровского, просим опубликовать нашу заметку о подвигах неизвестных нам танкистов, погибших в нашем селе. Вот что рассказывают очевидцы об этом бое. Это было 8 марта 1942 года. Шли бои за наше село. И вот один из советских танков, перевалив через полотно железной дороги, разделяющее село на две части, ворвался в расположение гитлеровцев. Он начал “утюжить” дзот и блиндажи противника. Потом танкисты, видимо, решили уничтожить зенитную батарею врага. Но тут случилась беда. Танк наскочил на лафет орудия, и что-то, наверное, случилось с одной из гусениц – он не смог сдвинуться с места. Гитлеровцы окружили смельчаков. Танк отстреливался. Когда кончились боеприпасы, фашисты осмелели: они окружили танк, предлагая советским воинам сдаться в плен. Но никто не вышел из машины. Тогда вечером гитлеровцы положили на броню два ящика взрывчатки и взорвали танк.

Всё это видели жители села. Они говорят, что перед тем, как погибнуть, советские воины запели “Интернационал”. Мы узнали, что 8 марта со стороны села Ряженое вел наступление 2-й батальон 63-й танковой бригады. Дорогие товарищи, может быть, кто помнит этот бой и назовёт нам имена героев-танкистов. Откликнитесь!»

То есть, во-первых, старт поисковой работе дали воспоминания жителей села – очевидцев подвига. Во-вторых, покровские поисковики не знали, какой экипаж 63-й бригады был внутри того Т-34.

На заметку откликнулся ветеран 63-й бригады, прошедший почти всю войну, – отставной майор-танкист Михаил Васильевич Силантьев. Судя по его опубликованным воспоминаниям[1], он помнил тот трагический бой, уверенно рассказывал о некоторых подробностях. В его памяти остался ряд имён участников боя. Михаил Васильевич тоже был уверен, что бой произошёл 8 марта.

[1] Его имя в сердцах тысяч покровчан. URL: https://mius-media.ru/ego-imya-v-serdcah-tysyach-pokrovchan (дата обращения: 20.07.2025).

Подчеркнём: о событиях в Покровском он не знал – кто там погиб и как, – так как Т-34 Силантьева в первой фазе боя был повреждён и с трудом выбрался к своим вместе с экипажем Петра Андреевича Пращина, танк которого сгорел.

В 1998 году выходит первое издание книги Григория Кирилловича Пужаева «Кровь и слава Миуса». И тут автор уже однозначно утверждает, что Т-34 прорвался в Покровское 8 марта 1942 года и в этом танке погиб именно экипаж комбата Юдина.

Давайте всё же определимся с датой подвига. 8 или 14 марта? Посмотрим, какую дату зафиксировали документы.

«14.3.42. Ушедшие в рейд 14 танков Т-34 и 3 танка КВ (63 тбр) не вернулись. Ведутся розыски»[2].

«14.3.1942. 63 тбр, использованная командиром 3 гск для разрушения проволоки и подавления огневых точек противника на переднем крае, действовала во взаимодействии с пехотой. Часть танков была подбита, группа же танков, возглавляемая капитаном Юдиным, с выходом на высоту 82.8 самовольно изменила боевой курс и свернула на юг в балку Джереганова. Связь с этого времени с группой Юдина была потеряна, а попытки установить её в последующем успеха не имели. Со слов возвратившегося экипажа одного из танков, группа Юдина, попав на минное поле и под огонь артиллерии в западной части балка Джереганова, полностью погибла»[3].

«В 18.00 13.03.42 г. командир корпуса уточнил план атаки с утра 14.03.42 г. устным указанием:… На первом этапе боя танки с пехотой на участке 2 гсд и 76 мсбр проделывают проходы в проволочных заграждениях, подавляют огневые точки противника в районе высоты 92.7 и на северо-западных скатах… Танки следуют на высоту 82.8 и по пути подавляют противника, уничтожают противника на высоте 82.8, после чего идут на сборный пункт по

[2] Выписка из журнала боевых действий частей 56-й армии Южного фронта за период с 1.3.42 по 31.3.42. ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 336. Л. 17. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr3eF (дата обращения: 02.08.2025).

[3] Таганрогская операция 56 армии Южного фронта 8.3–2.4.1942 г. Краткое описание и выводы. Штаб 56-й армии. ЦАМО. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 53. Л. 16. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr59R (дата обращения: 02.08.2025).

восточным отрогам балки Туркова… В результате плохого знания системы обороны противника в глубине, недостаточной выучки экипажей ориентированию и наблюдению из танка за полем боя, проявленной недисциплинированностью капитана т. Юдина, прорвавшиеся танки в глубину обороны противника напоролись на минные поля и не вернулись в район сбора 10 танков Т-34, 2 танка КВ и 7 танков Т-26…»[4].

Мы пока оставим в стороне оценку дисциплины и навыков капитана Юдина, данную командиром 63-й бригады подполковником М. М. Дергуновым. Ибо есть вопросы к профессионализму и личной храбрости самого Михаила Матвеевича, положившего вверенную ему бригаду в марте 1942-го. Об этом позже. Сейчас заострим внимание на дате события – 14 марта 1942 года.

Имеется ещё целый ряд документов, зафиксировавших дату последней атаки танкистов 63-й бригады, возглавленной капитаном Юдиным: именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 63 танковой бригады с 14 марта по 30 апреля 1942 г., тезисы доклада командира 63 танковой бригады «Об итогах боевых действий 63 танковой бригады в Таганрогской операции» (в двух редакциях), отчёт о боевых действиях 63 отдельной танковой бригады за период февраль 1942 г. – март 1943 г., наградные листы выживших участников боя.

Благодаря интернет-ресурсу «Память народа» можно найти ссылку на единственный (!) документ, где значится, что комбат М. В. Юдин пропал без вести 08.03.1942 г. – именной список 63-й тбр[5]. Видимо, по воле случая он и стал основанием для ответа специалистов ЦАМО юным покровским следопытам. И оттуда эта дата полвека перекочёвывает из статьи в статью.

Вразрез сложившейся легенде, реальный Герой Советского Союза капитан Юдин М. В. и больше тридцати его боевых товари-

[4] Доклад командира 63-й тбр подполковника Дергунова М. М. заместителю командующего Южного фронта по АБТВ от 20.03.1942. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 4–5. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck (дата обращения: 20.08.2025).

[5] ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 2. Д. 1. // Память народа: [сайт]. URL: https://goo.su/CgRvUU (дата обращения: 20.08.2025).

щей пропали без вести 14.03.1942 г. (те двадцать, которые перечислены на памятнике в Покровском (фото 3), погибли, в основном, 8 марта).

А что тогда было 8 марта? В этот день состоялся первый бой 63-й тбр. Крайне неудачный, но с меньшими потерями. Не будем пересказывать своими словами, обратимся напрямую к сухому языку документов.

Фото 3. Памятник танкистам 63-й бригады в Покровском

«1 батальон 63 танковой бригады, участвуя в бою на участке 30 сд при атаке из ИВАНОВКА на "КАМ", РЯСНЫЙ, курганы потерпел поражение. Командование 30 сд допустило бесконтрольность в действии танкового батальона. Экипажи не были как следует нацелены для выполнения задачи. Танки двинулись не обходным путём, а в лоб узлам сопротивления, подставили себя организованному и массированному противотанковому огню противника. Военком бригады батальонный комиссар Лисенков дезориентировал танковые экипажи, сбил их с правильного курса. Танки вышли в полосу своих подразделений и, приняв их за вражеские, начали давить гусеницами и расстреливать их из орудий и пулеметов. В результате преступного использования машин, три танка "КВ" сгорело, пять "КВ" подбито, выведены из строя также 4 машины Т-34.

Батальон, оставшись в составе двух танков "КВ" и четырех Т-34, отошел на исходное положение»[6].

«Личным расследованием о потере матчасти танков в бою 8.3.42 г. на участке 35 сп и 71 сп 30 сд установил, что…

1. Вместо установления маяков от исходного положения до поворота на Кам и отм. 67.9 с дальнейшим действием на Юг по намеченному направлению, командир 35 сп выслал проводника – начальника штаба мл. лейтенанта Поповича, который проводил и направил танки на СВХ, Изв. завод и раз. Ряженое в Ю-З направлении. Т. е. на участок своего полка…

3. Танки при проводнике от 35 сп мл. лейтенанте Попович вместо того, чтобы остановиться на рубеже развёртывания за гребнем в балке Туркова, направлены в атаку схода на СВХ, Изв. завод в направлении разъезда Ряженый не по намеченному направлению атаки, а на участок 35 сп…

5. Командир 1 роты танков "КВ" лейтенант Борисов, будучи в первом эшелоне направляющей ротой, вместо остановки на рубеже развертывания для ориентировки, повел танки в атаку на участок 35 сп не по намеченному направлению. За ним пошла вторая рота. А командир батальона, будучи в голове второго эшелона, своевременно выправить создавшееся положение не имел возможности. На это потребовалось время и вмешательство командира дивизии по моей просьбе, через командиров полков. Танки в районе СВХ и изв. завода задержались.

Уполномоченный особого отдела 35 сп подскочил верхом на лошади к командиру танкового батальона майору Сапельнику и приказал ему от имени командира дивизии направить танки в атаку на Рясный, вместо отвода их в балку Туркова на рубеж развертывания, как приказал командир 30 СД по моему предложению для приведения их в порядок и дальнейшего использования по намеченному ранее плану. Командир танкового батальона, получив такой приказ, выполнить его отказался, и, не зная приказа коман-

[6] Выписка из журнала боевых действий частей 56-й армии Южного фронта за период с 1.3.42 по 31.3.42. ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 336. Л. 9. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr3eF (дата обращения: 20.08.2025).

дира 30 сд, повернул часть танков в направлении отметки 67.9 и повёл их в атаку. Остальные танки начали выполнять приказ, т.е. выходить в район развёртывания. Воспользовавшись замешательством танков и отсутствием нашего артогня по артиллерии противника, которого я требовал, противник открыл сильный артогонь по танкам из района Рясный, Некрасов, Панченко и отметки 67.9, от которого подожжены два танка "КВ", которые по приказу командира 1 роты лейтенанта Борисова остановились на бугре и вели огонь с места, вместо того, чтобы уйти за укрытие в балку Туркова. Часть наших машин получила незначительные повреждения при возвращении от СВХ в балку Туркова.

При атаке танками в направлении отметки 67.9 под командой командира танкового батальона майора Сапельника от СВХ без поддержки артиллерии сопровождения и артиллерии дивизии, несмотря на сигналы, подаваемые с танка командира батальона, артиллерией противника повреждено: 1 "КВ" – подожжён, 1 "КВ" – пробита маска с повреждением вооружения, 1 "КВ" с пробитой боковой броней и разбитым мотором, 1 Т-34 наскочил на мину в районе двух курганов (1 км С-З отм. 67.9). У танка разворочено днище и повреждена кулиса, рычаги управления. Экипаж невредим. Остальные машины получили вмятины. Все танки, кроме сгоревших, выведены с поля боя, а из трёх сгоревших [пропущено «два»] *"КВ" эвакуированы в ночь на 10.3.42 г., а третий находится под обстрелом автоматчиков противника – остался неэвакуированным.*

Принимаю меры к эвакуации в ночь на 11.3.42 г.

Вывод: Основным виновником в потере матчасти считаю командира 1 роты лейтенанта Борисова, который, будучи командиром направляющей роты, повёл танки в атаку на противника не по намеченному курсу, а по указанию проводника в направлении действий 35 сп. А оставаясь за командира батальона при возвращении танков в балку Туркова, остановил два танка "КВ" на гребне и не отвел их за укрытие, в результате были подожжены

термитными снарядами противника»[7]. Далее подполковник Дергунов обвиняет уполномоченного особого отдела 35 сп в превышении должностных полномочий, а артиллерию дивизии – в нерасторопности.

Сомнительно, что маяки, о которых несколько раз упоминает М. М. Дергунов, помогли бы танкистам ориентироваться. Вот описание погоды на участке 56-й армии накануне: *«Резко ухудшившаяся погода затруднила действия авиации противника. С 10.00 – снегопад, сильная низовая метель, порывистый северо-восточный ветер, видимость 1.5 км. Дороги для всех видов транспорта труднопроходимы. Командующий приказал принять решительные меры по борьбе со снежными заносами, привлечь для расчистки дорог все свободные силы, местное население, в труднопроходимых местах выделить для дежурства тягачи и тракторы»*[8]. 88-й истребительный авиаполк, базировавшийся в 30–35 км на северо-восток, 7 марта прикован к земле нелетной погодой, а 8 марта *«В связи с большим снежным заносом, аэродром Большекрепинская с утра оказался непригодным для полётов. До 15.20 проводилась очистка аэродрома от снега»*[9]. То есть выставленные 7 марта в полосе 30-й сд маяки, как и многие мелкие ориентиры, наверняка занесла метель. Поэтому без проводника танкисты не обошлись бы.

Подполковник Дергунов полностью перепоручил судьбу драгоценных в то тяжёлое время 10 танков КВ, 8 Т-34 и их экипажей пехотинцу младшему лейтенанту Поповичу. Результатом халатности командира 63-й тбр стало следующее: *«Танковым батальоном во время этой атаки в силу плохого ориентирования танковых экипажей на местности были подавлены 3 орудия, несколько пуле-*

[7] Доклад командира 63-й тбр подполковника Дергунова М. М. заместителю командующего Южного фронта по АБТВ. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 7–8. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr6ih (дата обращения: 23.08.2025).

[8] Выписка из журнала боевых действий частей 56-й армии Южного фронта за период с 1.3.42 по 31.3.42. ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 336. Л. 7. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr3eF (дата обращения: 23.08.2025).

[9] Итоги боевой работы 88 иап. ЦАМО. Ф. 22363. Оп. 0011330с. Д. 0001. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr78j (дата обращения: 23.08.2025).

мётов и несколько человек пехоты, принадлежащих 35 сп 30 сд»[10]. Стиль командования подполковника Дергунова ярко проявился уже в первый день Таганрогской операции. Основным ударным кулаком 63-й бригады управляют младший лейтенант Попович, командир роты лейтенант Борисов, уполномоченный особого отдела 35-го сп... Кто угодно, кроме оставшегося в тылу командира бригады подполковника Дергунова.

8 марта погода была идеальная! *«Днём 8.3. на территории фронта ясно, слабый с.в. ветер, температура – 3-6°С. Дороги в проезжем состоянии»*[11]. Замешкавшиеся советские танки на свежем снегу под ярким солнышком стали хорошими мишенями для немецких артиллеристов.

На дворе был уже не 1941 год, Сталин чётко формулировал, что гинденбургов у него в резерве нет. И подполковник Дергунов, несмотря на бездарно потерянные танки, гибель танкистов и пехотинцев, захлебнувшуюся в самом начале атаку, продолжил командовать 63-й бригадой, что станет одним из факторов дальнейших провалов соединения.

Подчеркнём жирным шрифтом. **Батальон капитана Юдина (без 5 танков КВ) был придан 2-й гвардейской стрелковой дивизии в полосе 3 гвардейского стрелкового корпуса (гск). Из-за отсутствия переправ через Миус на их участке батальон в атаке 8 марта не участвовал, находясь в резерве – в Новоандриановке**[12]**.**

Вообще, 63-я танковая бригада была детищем своего непростого времени. Все источники упоминают, что бригада формировалась под Москвой в сжатые сроки. Сроки действительно были

[10] Доклад об организации и проведении 56 А операции по разгрому Покровско-Таганрогской группировки противника и освобождения г. Таганрог. ЦАМО. Ф. 832. Оп. 0000001. Д. 0016. Л. 37. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr7P5 (дата обращения: 23.08.2025).

[11] Журнал боевых действий войск Южного фронта. ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1041. Л. 45. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3PrT43 (дата обращения: 23.08.2025).

[12] Доклад командира 63-й тбр подполковника Дергунова М. М. заместителю командующего Южного фронта по АБТВ. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 1–2. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps4Xh; Отчёт о боевых действиях 63 отдельной танковой бригады за период февраль 1942 г. – март 1943 г. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 3. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps3sf (дата обращения: 20.08.2025).

крайне сжатые: с 10–11 по 27 февраля 1942 года. Новое соединение формировалось на базе прибывших с фронта 127-го отдельного танкового батальона (он получит номер 2, а его командиром станет Михаил Юдин) и резервного 189-го отдельного танкового батальона (1-й батальон, его новый командир – майор Владимир Сапельник). Танкисты прибыли в состав новой части со своими танками.

Боевого слаживания новое соединение, естественно, не прошло. Об этом откровенно написано в апрельской редакции «Тезисов доклада "Об итогах боевых действий 63 танковой бригады в Таганрогской операции"»: *«Из Москвы… бригада выехала двумя эшелонами и прибыла в г. Ростов в 3.00 4.3.42 г. Изучение личного состава производилось в пути следования, а на тактическое сколачивание батальонов использовано время в процессе совершения 80 км ночного марша из г. Ростов в район выжидательных позиций Русско-Сидоровский, Карчино-Анненский, Почтовый Яр»*[13]. С другой стороны, танками её укомплектовали хорошо, принимая во внимание суровое время начала 1942 года, по новому штату 010/317с: 10 КВ, 16 Т-34, 20 Т-60. Личный состав (372 человека) – в значительной части это повоевавшие танкисты, участвовавшие в первых боях Великой Отечественной, а некоторые даже с опытом предвоенных конфликтов. Скажем, мы уже упоминали Петра Пращина (фото 4). Он служил в армии с 1935 года. Был в служебной командировке в Китае. 22 февраля 1939 года Пётр Андреевич был награждён за неё орденом Красной Звезды. Участвовал в войне против Финляндии. В Великую Отечественную начал воевать с первого дня. 11 августа 1941 года в боях под Ельней был ранен. Пётр Пращин погибнет в бою при освобождении Крыма командиром того самого, «юдинского», 2-го танкового батальона 63-й танковой бригады. Башенный стрелок старший сержант Федор Егоров, видимо, еще во время срочной службы участвовал в конфликте с японцами на Халхин-Голе, с медалью «За отвагу» уволен

[13] Тезисы доклада об итогах боевых действий 63 танковой бригады в Таганрогской операции. ЦАМО. Ф. 832. Оп. 0000001. Д. 0016. Л. 75. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps5Je (дата обращения: 20.08.2025).

Фото 4. Капитан П.А. Пращин. Фото, вероятно, сделано летом–осенью 1943 г.

в запас, и был мобилизован в начале Великой Отечественной. Командир роты старший лейтенант Шинкарецкий успел повоевать с июня по август 1941 года. Ещё один командир роты – Михаил Шураков – воевал до февраля в танковых частях Западного фронта, защищал Москву. Механик-водитель Т-34 из батальона Юдина – Иван Товпека – участвовал в освободительном походе в Бессарабию, а потом воевал в Великую Отечественную на Юго-Западном фронте. И так далее…

Да и сам Михаил Юдин к началу 1942-го года был одним из опытнейших советских боевых танкистов. А ещё он, определённо, являлся в Советском Союзе фигурой знаковой, популярной в народе (фото 5). Уроженец крохотной деревни из русской глубинки между Орлом и Тулой, юный тракторист и колхозник, а потом – танкист и воин-интернационалист, 47-й Герой Советского Союза, кавалер ордена Красной Звезды, Депутат Верховного Совета РСФСР, выпускник Курсов усовершенствования командного состава при Военной академии механизации и моторизации РККА. Да это же идеальный образец нового человека новой страны! О Юдине писали газеты. Сохранилось несколько его официальных фотографий на заседаниях Верховного Совета, в Академии, на встречах с людьми. Поэтому удивляет, что об участии Героя Советского Союза М. В. Юдина в начальном этапе Великой Отечественной известно крайне мало. В публикациях практически только констатируется сам факт, что в войне он участвовал и до прибытия под Ростов в марте 1942-го.

Фото 5. Одно из многочисленных публичных выступлений Героя Советского Союза М. В. Юдина

О событиях 14 марта советские документы формируют достаточно ясную картину относительно задач частей и соединений 56-й армии на этот день (и для 63-й тбр в частности), развёртывания войск, ходе первой фазы боя танкистов группы Юдина.

Центральный документ, проясняющий план советской стороны и имеющийся сейчас в открытом доступе, – это Боевой приказ № 026 штаба 56-й армии, датированный 17 ч 40 мин 11 марта 1942 года:

«3. 56 армия, прочно [пропущено «обороняя»] *участок КУЙБЫШЕВО, РЯЖЕНАЯ, силами 3 гск, 30, 347 сд, 13 сбр и 63 тбр решительным наступлением с фронта РЯСНЫЙ, выс. 94.2, в общем направлении ИВАНОВКА, выс. 82.7, пос. СЕВЕРНЫЙ, уничтожает Покровско-Таганрогскую группировку противника, овладевает г. ТАГАНРОГ и выходит на фронт р. МИУС, Миусский лиман. Готовность атаки с 4.00 13.3.42»* … Посёлок Северный – это та самая, ныне здравствующая северная окраина Таганрога. То есть для таких скромных сил замах изначально был чрезвычайно широким! Немного сместив на юго-восток направление удара почти той же группировкой, что и 8–10 марта, прорвать оборону немцев в направлении Покровского и идти на Таганрог!..

Продолжим цитировать текст приказа:

«6. 30 сд с 13 сбр, 1/526 гап БМ, 1/17 кап, имея главную группировку на своём левом фланге, прорвать оборону противника в районе РЯСНЫЙ, выс. 82.8, балка ДЖЕРЕГАНОВА, к исходу дня овладеть рубежом ***северная окраина ПОКРОВСКОЕ****, западные скаты выс. 82.7…*

7. 3 гск (без 102 сбр) с 689 гап РГК, 2/17 кап, 4/526 гап БМ, 2/574 гап РГК, 63 тбр, ротой СИТ, имея главную группировку на своём правом фланге, прорвать оборону противника на участке (иск) выс. 82.8, без. выс. севернее СОЛЕНЫЙ, уничтожить противостоящего противника и к исходу дня овладеть рубежом выс. 82.7, ***южные скаты выс. СОЛЕНЫЙ****»*[14] (*см. карту на вклейке*).

Специально выделяю две задачи дня, определённые штабом 56-й армии на первый день нового наступления. Они помогут нам выдвинуть гипотезу, почему танки группы Юдина оказались именно в точках их гибели, а не где-то в другом месте.

Из приведённой цитаты видно: амбициозный план операции командование армии постаралось подкрепить, насколько это было возможно, артиллерийской поддержкой. Расшифровываем сокращения: гап БМ – гаубичный артполк большой мощности (это гаубицы калибра 203 мм, стрелявшие снарядами весом 100 кг

[14] Боевой приказ штаба 56 А № 026. ЦАМО. Ф. 412. Оп. 10282, Д. 53. Л. 32. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps5xx (дата обращения: 22.08.2025).

каждый), гап РГК – гаубичный артполк Резерва Главного Командования, кап – корпусной артполк. Но плотности артиллерийского огня всё равно не хватило. К 7 марта средняя плотность артиллерии на фронте советских соединений составляла до 40 стволов и менее на 1 км фронта. К концу месяца, в последней попытке прорыва, советское командование, оголив остальные участки, соберёт в полосе 3-го гвардейского стрелкового корпуса до 138 стволов всех калибров на 1 км фронта. Но даже этого не хватило для успеха[15].

Фронт наступления – 10 км.

Ход последней атаки капитана Юдина мы проследим по независимому источнику – докладу офицеров Генштаба от 20.3.42 г.:

«Штаб 3 гвск в 14.00 12.3.42 г. получил личное указание командующего армией о переносе наступления на 14.3.42 г., своевременно указаний штабам соединений не дал, в результате чего штабы должны были планировать готовность к атаке на утро 13.3.42 г. вместо того, чтобы предоставить отдых бойцам.

4. Точных данных о системе обороны противника и о наличии противотанковых и противопехотных препятствий на участке: выс. 82.8, выс. 92.7, выс. БЕЗЫМЯННАЯ, выс. СОЛЕНЫЙ, балка Джереганова – командирам соединений и частей, прибывшим для организации наступления на эти участки, дано не было.

5. Атака пехоты была назначена на 6.20 14.3.42 г. после двадцатиминутного артиллерийского налета. Одновременно с наступлением пехоты вводилась 63 тбр, имея на танках пехотный десант в количестве двух рот автоматчиков и стрелков от 2 гвсд.

В 6.00 14.3.42 г. начался артиллерийский налет согласно плану, но к этому же времени стало известно, что пехотный десант в условленное место не явился к назначенному времени и вместо 10 саней для посадки десанта было приготовлено только 4, которые танкисты прикрепляли к танкам, не имея приготовленных для этого тросов.

[15] Журнал боевых действий артиллерии 56-й армии за 1942 год. ЦАМО. Ф. 412. Оп. 0010297. Д. 0037. Л. 40, 57. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps6Cq (дата обращения: 25.08.2025).

Командиром 3 гвск артналет был приостановлен, но, согласовав вопрос с командующим армией, в 6.45 был отдан приказ пехоте начать наступление. Артиллерия вновь открыла огонь, но плановость его была нарушена.

Через 1.20 против намеченного срока, посадив пехоту, танки двинулись в атаку, имея задачу проделать проходы в проволоке, подавить огневые точки противника на выс. 92.7 и выс. 82.8 и высадить там пехотный десант.

Наступление пехоты в начале шло успешно. С прохождением танков через боевые порядки пехоты движение еще больше ускорилось, но пехота от танков отстала. Пехотный десант, недостаточно проинструктированный и подготовленный, начал рассеиваться с началом движения танков, т.к. сани к этому не были приспособлены, а затем под воздействием огня противника, в результате чего десант со своей задачей не справился и, рассеявшись мелкими группами, частично возвратился в свои подразделения, а частично был уничтожен противником.

К 10.00 часть подбитых танков начала возвращаться обратно. Они были приняты за танки противника, и под влиянием этого пехота (левофланговый батальон 2 гвсд, 76 и 68 мор. бригады) откатилась на исходное положение и наступление пришлось организовывать вновь, но темп наступления был значительно медленнее, чем в начале.

Для ускорения движения пехоты в атаку вновь были брошены две роты танков Т-26 (танки 13 и 36 сбр), но пехота снова за танками не пошла. В результате наступления в течение дня пехота имела лишь незначительное продвижение, намеченных рубежей не достигла и задачи дня не выполнила.

Танки же, возглавляемые комбатами – майором САПЕЛЬНИК и Героем Советского Союза капитаном ЮДИНЫМ, самостоятельно изменили боевой курс, после выс. 82.8 ушли в направлении балки ДЖЕРЕГАНОВА и назад не возвратились. Связь с танками сразу же была потеряна. Розыски положительных результатов

не дали. Не вернулись со всем личным составом и не обнаружены: КВ – 2, Т-34 – 6, и Т-26 – 1 машина»[16].

Нужно отметить, что количество танков 63 тбр, потерянных в атаке 14 марта, различается от документа к документу. Иногда очень существенно. Командир бригады сначала давал такие цифры потерь: *«…не вернулись в район сбора 10 танков Т-34, 2 танка КВ и 7 танков Т-26, из коих без вести пропавшими на 14.03.42 г. считал: один танк КВ, шесть танков Т-34 и один танк Т-26. А 17 марта 1942 г. по докладу вернувшегося из боя участвовавшего в атаке 16.03.42 г. экипажа Т-34 – командир танка лейтенант ГОЙ В. М. – установил, что все танки, кроме Т-26, находятся на территории противника в районе юго-западных и западных скатов отм. 82.8 с поврежденной ходовой частью от противотанковых мин противника, а экипажи этих танков, по всей вероятности, погибли»*[17].

Позже, спустя два месяца, командир бригады и штаб 3-го гвардейского стрелкового корпуса давали другие цифры: *«из числа 2 КВ и 15 Т-34 вернулись на сборный пункт с повреждением к 20.00 14.3.42 г. только 4 Т-34, остальные танки остались на поле боя и на территории противника»*[18]. Здесь четко обозначено количество участвовавших в основной атаке боевых машин 63-й тбр – 2 КВ и 15 Т-34. Это фактически все боеспособные на тот момент силы бригады, за исключением лёгких Т-60, находившихся в резерве корпуса. Тот же документ даёт имевшуюся у советского командования информацию о группе Юдина: *«В результате принятых мер к розыску и вернувшихся частично экипажей с подбитых машин установлено, что танки в количестве 1 КВ, 8 Т-34 и 1 Т-26 про-*

[16] Об итогах боевых действий 63 танковой бригады в Таганрогской операции. ЦАМО. Ф. 832. Оп. 0000001. Д. 0016. Л. 41–42. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps6an (дата обращения: 26.08.2025).

[17] Доклад командира 63-й тбр подполковника Дергунова М. М. заместителю командующего Южного фронта по АБТВ. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 5. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps6mm (дата обращения: 26.08.2025).

[18] Тезисы доклада «Об итогах Таганрогской операции, о ходе боевой подготовки и состоянии 63 танковой бригады на 5.5.1942 г.». ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 13. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps6vn (дата обращения: 26.08.2025).

рвались в глубину обороны противника в южном и юго-западном направлении от выс. 82.8 под командованием командиров батальонов майора Сапельник и Героя Советского Союза капитана Юдина».

О судьбе группы Юдина командование несколько дней могло только делать предположения:

«Подполковник Оробинский: "Что есть нового о капитане ЮДИН?".

Полковник Котов: "К нашему несчастью, о группе ЮДИНА что-либо нового доложить не могу. Из отрывочных данных, полученных от возвратившихся экипажей, якобы отряд ЮДИНА нарвался внутри обороны на мины, часть попала под артиллерийский огонь и на возвращение материальной части надежды чрезвычайно ограничены"»[19].

Подбитые танки нашла авиация. *«16.3.42 ...При вылете на разведку лейтенант СИДОРОВ обнаружил группу неподвижных, частично сгоревших танков у выс. 79.5 Посланы самолёты для уточнения принадлежности танков».*

«17.3.42… В 2-х клм восточнее высоты 79.5 и в 2-х клм западнее ДАЧНИКИ, в поле за проволочным заграждением обнаружили 12–13 разбитых и сгоревших танков. Большинство стволов башен обращено на юго-запад. На одном из танков, на боковой части летчикам удалось прочесть цифру 26, обведённую квадратом, ниже цифры 26 голубым цветом написано многозначное число, разобрать которое не удалось. В районе танков войск противника нет. В 500 метрах западнее этого места начинаются блиндажи противника и в 1 километре западнее на огневых позициях 2 противотанковых орудия. Юго-западнее 500 мтр выс. СОЛЕНЫЙ – батарея ПТО на огневых позициях. Прислуги не видно»[20].

[19] Информация к 9.00 18.3 по Южному фронту. ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 258. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps72o (дата обращения: 27.08.2025).

[20] Выписка из журнала боевых действий частей 56-й армии Южного фронта за период с 1.3.42 по 31.3.42. ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 336. Л. 22, 23. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Pr3eF (дата обращения: 27.08.2025).

Давайте заметим, что место нахождения группы подбитых танков определяется по-разному. «В южном и юго-западном направлении от высоты 82.8» – это больше 5 километров до точки между высотой 79.5 и Дачниками, которое обозначили лётчики 88-го иап.

А как оценил атаку своих танкистов командир бригады, какие подробности приводит он? Отмечу, что М. М. Дергунов писал по свежим следам этот отчёт несколько экспрессивно и местами сумбурно.

«Десантные отряды согласно указания командира корпуса в район исходных позиций танков для посадки на сани и на танки и отработки с ними в течение двух часов вопросов взаимодействия с танками не прибыли и танки вышли в атаку без подготовленных десантных групп, которые, созданные наспех, без индивидуального подбора, садились на сани, подвязанные к танкам, и на танки в момент прохода танками через свою пехоту, задачи своей твердо не знали. И ехали простыми пассажирами.

По прохождении проволоки танками, пехота за танками в атаку не пошла из-за воздействия огня противника, танки возвращались к пехоте, но результатов положительных не имели. Оставив десантную группу на северо-западных и западных скатах отм. 92.7, танки продолжали атаку на отм. 82.8, а наблюдение за действиями танков прекратилось, т.к. юго-западные скаты отм. 92.7 своим гребнем закрывали действие танков в направлении южных скатов отм. 82.8 на север – в балку Туркова, – для вывода их в район сбора не наблюдался.

Для лучшего управления танками в бою по радио выработанными радиосигналами выделен с радиостанцией РП-12 начальник штаба бригады майор т. Кушников на передовой наблюдательный пункт командира артиллерийского полка, а сам я находился на КП командира 2 ГСД для руководства боем танков через общевойсковых начальников по установленным сигналам взаимодействия танков с пехотой, одновременно руководил вводом в бой второго эшелона танков.

Командиры батальонов майор т. Сапельник и капитан т. Юдин мною дважды предупреждались о точном выполнении приказа, и ни в коем случае не отрываться от пехоты и строго соблюдать действия танков в указанном направлении…

Потери танков за период атаки 14.03.42 г. объясняю недисциплинированностью командиров батальонов, зарвавшихся атакой в глубине обороны противника и нарушивших мой приказ.

Отсутствие радио-танков у командиров батальонов и рот на танках Т-34 и недостаточными средствами управления у командира бригады, вследствие чего один танк (радийный) КВ, участвующий в атаке по преодолению переднего края обороны противника отказал в работе и управление по радио нарушилось»[21].

Фото 6. Полковник М.М. Дергунов (послевоенное фото)

Подполковник Дергунов (фото 6) снова оказался верен себе. Оборудованные радиопередатчиками танки КВ выбиты в бою 8 марта. Кроме одного. И этот единственный танк с радиостанцией Михаил Матвеевич придаёт комбатам и, благословив их на дорогу инструкциями, отправляет в бой, сам оставшись на КП 2-й гсд, взирая на покрытое пороховым дымом поле баталии.

А как в этот день было с погодой? Вообще, мог ли М. М. Дергунов видеть свои танки и, лишившись с ними связи по радио, мог ли вызвать им в помощь огонь артиллерии? Могла ли пехота 2-й гсд угнаться за танками?

[21] Доклад командира 63-й тбр подполковника Дергунова М. М. заместителю командующего Южного фронта по АБТВ. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 4–5. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps6mm (дата обращения: 28.08.2025).

Погода снова испортилась. *«На территории фронта в течение 12-16.3 временами стояла значительная облачность, ветер северо-западный от 10 до 12 мет/сек, временами метель, поземки. Температура от -10 до -14 °С. Дороги в проезжем состоянии»*[22].

«Погода в районе цели: Облачность Н=50–100 м, разорванно-слоистая. Видимость 200–400 м. В течение дня позёмка высотой 2–3 метра»[23].

В таких условиях шли 14 марта в атаку танки и пехота 3 гск. Экипажи танков могли обнаружить вражеские орудия или совсем вблизи, или по вспышкам выстрелов. Пехота шла при сильном боковом морозном ветре и плотной позёмке. Естественно, что по такой погоде, по снегу, даже крепкий, подготовленный боец с боевой выкладкой не угонится за танком больше сотни метров. А командир 63-й танковой бригады вряд ли что-то визуально наблюдал с пехотного КП. Его планы на связь через пехотные подразделения вряд ли осуществились: *«Связь с частями корпуса телефонная, офицерами связи, конно-посыльными – связь работала с большими перебоями»*[24]. То есть 14.03.1942 г. подполковник М. М. Дергунов ушедшими в атаку своими танками не управлял никак и, соответственно, никакой помощи или поддержки оказать им не мог. Более того! Все 15 «тридцатьчетвёрок» шли отдельной группой, в первом эшелоне, с огромным отрывом от менее скоростных и маневренных КВ и Т-26. Это подтверждают трофейные документы 13-й танковой дивизии Вермахта, оборонявшейся на данном участке фронта.

В наше время мы можем отследить по документам, как со стороны противника выглядело наступление группы танков капитана Юдина, и, главное, чем завершилась атака. Наступление 3-го гск удачно пришлось на стык 66-го мотопехотного полка 13-й танковой дивизии и 170-го пехотного полка 73-й пехотной дивизии

[22] Журнал боевых действий войск Южного фронта. ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1041. Л. 66. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps7ni (дата обращения: 20.08.2025).

[23] Журнал боевых действий 590-го шап. ЦАМО. Ф. 22103. Оп. 0226009. Д. 0001. Л. 57. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps83H (дата обращения: 28.08.2025).

[24] Оперативная сводка штаба 3 гск на 21.00 14.3.42 г. ЦАМО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 20. Лист. 13. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps8CT (дата обращения: 28.08.2025).

немцев. В конце 1942-го и в 1943-м советские войска здорово потрепали 13-ю танковую дивизию. Часть её архива была захвачена Красной Армией. Переводы документов, касающихся событий 14 марта 1942 года, ныне опубликованы электронным ресурсом «Память народа».

Наиболее полные сведения о начале атаки 3-го гск даёт «Отчёт о боевом опыте оборонительных боев с 8-го по 16-е марта 1942 года», составленный оперативным отделом штаба 13-й тд 18.3.42 г.:

«На правом участке с 13 на 14.3 противник усилил свой артиллерийский и миномётный огонь, особенно упорно ведя его вглубь нашей обороны. Рано утром 14.3 головные пункты связи были повреждены миномётным огнём, вследствие чего вся сеть была на долгое время выведена из строя. К этому же времени наблюдатели и секреты донесли, что в районе СЕДОВСКИЙ противник стягивает войска и высылает сильные команды разведчиков.

В 7.10 в районе БАЛКА, на участке правого соседа (73-я пд) внезапно прорвались 15 32-тонных танков противника в направлении КП батальона и ПОКРОВСКОЕ. По танковой тревоге были подняты противотанковые взводы, находившиеся в резерве. Одновременно была поднята тревога артнаблюдателем 9-й батареи.

Не доходя 1000 м до КП батальона, танки на полном ходу расчленились в двух направлениях: 9 – в район колхоза и КП батальона, а 6 – южнее БАЛКА в направлении огневых позиций артиллерии. Резервные взводы противотанкового дивизиона организовали немедленно оборону и обстреляли 9 танков, из общего числа которых 2 было подбито, 1 – легко повреждён, а остальные 6 повернули в том же направлении, откуда пришли… Они были эффективно обстреляны противотанковым оружием пехоты и 88-мм зенитной пушкой соседа справа. Экипажи горевших танков пытались спастись, но были подавлены танкоистребительными командами и частями 6-й роты. 15 человек было убито, 3 взято в плен. Среди последних был офицер. Среди убитых был комиссар старшего звания.

Из 6 танков, прорвавшихся в направлении огневых позиций артиллерии, 4 танка вернулись в район южнее БАЛКА и были обстреляны на правом участке соседа. При прорыве танков у нас были полностью уничтожены: одна противотанковая пушка и два 105-мм длинноствольных орудия.

До 8.00 по всему фронту участка 2 батальона 66-го мп противник атаковал вторым эшелоном 25-ю танками с пехотой, частично размещённой на танках и частично на санях, привязанных к танкам. Кроме того, за танками следовала пехота пешим строем. Из этих 25 танков 10 атаковало левый участок, 5 – центральный участок 2-го батальона 66 мп. Остальные танки пытались прорваться в стык. Из 10 танков, атаковавших левый участок 2-го батальона 66 мп, 2 танка были подбиты, 1 наскочил на мины, а остальные повернули назад. На центральном участке 5 танков прорвали передний край обороны и двигались вдоль и поперек по позициям, систематически обстреливая пехоту и ДОТы. Кроме того, они переехали 2 станковых пулемета и 1 противотанковое орудие. Спустя некоторое время 4 танка повернули назад, а один остался с повреждённой гусеницей. Пехота, находившаяся на танках и следовавшая за ними, спешилась раньше и пыталась штурмовать передний край. Она была подпущена на близкое расстояние и подавлена эффективным ружейно-пулеметным огнем. Остатки отошли в район своих исходных позиций.

Танки, прорвавшиеся в районе стыка, пытались атаковать передний край из глубины, но вторично были отброшены противотанковым оружием пехоты и 88-мм зенитной пушкой на участке 170-го пп. Часть из них была уничтожена, а часть поврежденных танков медленно отошла назад.

В 9.00 вторично противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по всему переднему краю и КП батальона. Разведкой было установлено подготовление атаки с 7 танками. В связи с тем, что телефонная сеть батальона и артиллерии была повреждена, то оборонительный огонь вела только рота полковых орудий.

В 10.30 последовала третья атака силой до двух батальонов и 17 танков. Во время этой атаки танки имели задачу прикрывать огнем наступающую пехоту. Эту операцию противнику провести не удалось, т. к. по нему был открыт прицельный огонь из всех видов оружия. Танки были вынуждены повернуть в направлении СЕДОВСКИЙ. После этой атаки у русских происходил такой хаос, что можно было заключить, что у них отсутствовало какое-либо командование»[25].

Этот документ определённо стоит прокомментировать. Писался он наверняка офицером оперативного отдела штаба дивизии, который лично эту атаку вряд ли наблюдал, а документ составлял по отчётам штабов 66-го мотопехотного полка и его батальонов. Описаны фактически три или даже четыре танковые атаки. Первые две (с 7.10 до 8.00) – это два эшелона группы Юдина, которые шли с большим разрывом по расстоянию. «Тридцатьчетвёрки» пронеслись через передовые позиции немцев на полном ходу, налегке, без саней на прицепе. А вот второй эшелон (лёгкие танки Т-26, приданные из 13-й и 16-й стрелковых бригад, тяжёлые КВ) тащил приснопамятные волокуши и пехоту на броне. Третья и четвертая атаки – это повторные попытки штурма уцелевшими Т-26. Паника среди наступающих советских частей, которую описывает оперативный отдел 13-й тд, – по-видимому, тот самый эпизод смятения и отхода левофлангового батальона 2-й гсд, 76-й и 68-й мсбр, принявших возвращение поврежденных советских танков за контратаку немцев.

А теперь обратимся к документам, составленным непосредственными участниками отражения атаки группы капитана Юдина. Первый – «Краткий отчёт по отражению танковой атаки противника 14 и 16 марта 1942 года» 14-й противотанковой роты 66-го мотопехотного полка 13-й танковой дивизии.

«На участке 170 пп.

На участке 170 пп непосредственно за передним краем занимали оборону два взвода, каждый имел на вооружении по 3 про-

[25] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 6. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps8Ry (дата обращения: 29.08.2025).

тивотанковых орудия. 14.3.42 все посты донесли о приближении с северо-востока к переднему краю главной оборонительной полосы сильных танковых сил противника. Расчеты немедленно были приведены в боевую готовность, командиры взводов заняли места у одного из своих орудий. 4-й взвод справа (обер-фельдфебель Шефер), не имея возможности подавить танки на близком расстоянии, т.к. танки двигались в направлении участка 1-го взвода (лейтенанта Энгель), открыл огонь по четырем танкам с дистанции около 700 м, но снаряды отскакивали от толстой брони.

В 6.55, когда посты донесли о приближении танков, командир 1-го взвода лейтенант Энгель видел на расстоянии около 900 м 7 танков, приближавшихся с большой скоростью к КП взвода. Он смог установить, что приближающиеся танки относились к типу средних или тяжелых, а потому приказал открыть огонь на дистанции 200 м. Правое орудие открыло огонь, снаряд летел за снарядом в направлении первого наступающего танка, но броня была слишком прочной и снаряды отскакивали, не нанося вреда.

Танки прорвались через проволочное заграждение между 1-м и 2-м орудиями и на большой скорости взяли направление на КП батальона. Все орудия повернулись на 180 градусов и обстреливали танки до тех пор, пока последние не скрылись из вида. По данным собственного наблюдения, попадания не достигали цели и не вредили танкам. В это же время 10 остальных танков приближались к расположенному в центре орудию обер-ефрейтера Мюллера и к левому орудию унтер-офицера Гергес. Оба командира орудий самостоятельно открыли огонь. Левое орудие прямым попаданием вывело из строя 2 танка. В большинство танков снаряды попадали, но не наносили вреда. После прорыва основная масса наступающих танков на стыке между 170 пп и 66 мпп была вновь обстреляна из обоих орудий, попадание было превосходное. 88-мм зенитное орудие, установленное позади орудия, распложенного в центре, вывело из строя ещё 3 танка. В 7.15 остальные танки возвратились и взяли направление прямо на орудие, установленное в центре. Несмотря на то, что орудие открыло огонь, танк переехал его, расчет орудия успел спастись.

Переехав орудие, танк наскочил на минное поле и был подорван. В 7.35 последнему танку удалось беспрепятственно проскочить мимо КП взвода. Бой был закончен в 7.40.

На участке 66 мпп.

В 7.00 с северо-востока к переднему краю приближался эшелон танков противника, по которому своевременно был открыт огонь из орудий взвода, расположенного справа. Результатов огня установить не имелось возможности. Несмотря на непрерывный огонь, все танки прорвали линию обороны и переехали левое орудие 8-го взвода. 3-й взвод, расположенный на участке полка уступом назад-влево, огня не открывал, так как расстояние было слишком велико.

В танковой атаке на рассвете 14.3.42 принимали участие большие танковые силы противника, которые наступали несколькими эшелонами в расчлененном строю. Всеми взводами и командирами орудий атака была своевременно обнаружена. Если, несмотря на это, некоторое количество танков прорвалось через линию обороны, то это объясняется тем, что снаряды и бронебойные гранаты были мало эффективны и не пробивали броню танков. Атака танков более легкого типа была остановлена на стыке 170 пп и 66 мпп перед передним краем обороны. Основная масса танков почти сплошь принадлежала к типу Т-34, но с значительно утолщенной броней… Насколько установлено наблюдением, все танки были оснащены радиоустановками»[26].

Интересен этот документ несколькими моментами. Во-первых, он подтверждает, что танки первого эшелона группы Юдина прошли через передовые позиции немцев, как нож сквозь масло. Если бы не пресловутая зенитка калибра 88 мм, установленная позади, потери среди советских танков вообще были быть минимальными. Массированный обстрел 37-мм противотанковыми пушками привёл к тому, что немцы добились только единичных попаданий в немногочисленные уязвимые точки «тридцатьчетвёрок». Во-вторых, максимальная дистанция, на которой зафиксировано обнаруже-

[26] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 9. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps8gp (дата обращения: 29.08.2025).

ние советских танков – 900 м. Атака началась с опозданием, когда солнце уже было достаточно высоко над горизонтом. Если бы операция шла по плану, то танки вышли бы на позиции немцев не в восемь утра по Московскому времени, а в семь, ещё в рассветных сумерках. Это могло значительно сократить дистанцию обнаружения. В-третьих, у немцев уже здесь начинаются проблемы с арифметикой. Противотанкисты насчитали 7 танков плюс 10. Всего 17. Хотя в первом эшелоне было 15 Т-34. В-четвёртых, читая очередной немецкий документ по этому эпизоду боев на «Миус-фронте», понимаем, почему вообще по нему осталось у противника столько бумаг. Все эти документы несут на себе оправдательный налёт. Очень вероятно, что у командования противника возникли вопросы, как их подразделения три месяца готовили оборонительные позиции, если советские танки доходят до окраин Покровского.

Следующий документ – отчёт оперативного отдела 13-го противотанкового дивизиона от 16 марта 1942 года. Он так и начинается, с главного вопроса:

«Причину прорыва танков противника через главную оборонительную полосу, прежде всего 14.3, надо видеть в следующем: теперешний характер местности допускает движение танков со скоростью 40, а иногда и 50 км в час. Вследствие такой большой скорости незначительные результаты попадания, танк очень быстро приближается к стреляющему орудию и переезжает его. К этому следует отнести… неэффективное действие 37-мм противотанковых пушек.

14.3 танки, двигаясь с северо-восточного направления, атаковали главную оборонительную полосу приблизительно в 1000 м южнее отметки 92.7, переехали второе противотанковое орудие (14 рота 66 мпп) на этом участке дивизии, считая слева, затем ещё одно 100-мм орудие, находящееся приблизительно в 1000 м южнее отметки 92 и в 800 м позади переднего края оборонительной полосы. Затем одна группа танков двинулась в северо-западном направлении, другая – в западном-юго-западном направлении.

Они смогли незамеченными продвинуться вперёд, искусно используя малейшие складки местности между обоими 8.8-см зенитными орудиями на границе дивизии, приблизительно в 1000 м за передним краем оборонительной полосы и 5-й батареей 13-го артиллерийского полка или южнее высоты 79.5. Предупреждение о появлении танков последовало своевременно от 14 роты 66 мпп. За сигналами, предупреждающими о появлении танков, наблюдение не велось, и они не были переданы дальше. Противотанковые орудия открыли огонь лишь после того, когда танки были замечены в 700 м. Но даже с благоприятного для ведения стрельбы расстояния в 200 м большинство попавших в танки снарядов не причиняли им почти никакого вреда. Стоящее позади их 10-см орудие, с наблюдательного поста которого командиром взвода лейтенантом Энгель из 14 роты 66 мпп не велось наблюдений и поэтому не заметившего сигнала, предупреждающего появление танков, так же не сделало ни одного выстрела, и прорвавшиеся танки переехали через него. При своем появлении танки так же не были обстреляны двумя 8.8-см зенитными орудиями, находившимися северо-западнее места прорыва, хотя оттуда можно было увидеть танки. Причина этого неизвестна. Расстояние до танков достигало 1400–1500 м.

Обобщая все факты, прорыв надо отнести за счет большой скорости танков противника, недостаточной эффективности огня противотанковых орудий, невнимательности к действующим в качестве заграждения позади них орудиям, и ставшей очевидно неудовлетворительной дальнейшей передачи предупредительного сигнала о появлении танков.

Тип танков.

Из числа 16-ти находящихся на участке главной оборонительной полосы 66 мпп и левой части 73 пд танков, речь идет о 15 танках Т-34 и одном танке весом 52 т (42 т. – фактический вес). В трёх танках были обнаружены радиоприборы. Хотя танки и были сильно повреждены взрывом, но и в таком состоянии должна была бы сохраниться радиоаппаратура, однако наличие последней не было установлено.

У одного танка, и именно стоящего в сапёрном парке ПОКРОВСКОЕ – сев., бросается в глаза, что выпуск танка был поспешный, так как места сварки сделаны исключительно плохо и, очевидно, работа производилась низко квалифицированными мастерами…

Взрыв танков в саперном парке сев. ПОКРОВСКОЕ.

По показаниям одного ефрейтора из саперного парка, танк противника Т-34 двигался в направлении с севера на юг и переехал железнодорожную линию. Здесь он хотел переехать через артприцеп, на котором находился ствол орудия. Танк задел прицеп только одной гусеницей и застрял там. Обер-лейтенант Зюсман из 4 зенитного полка, один лейтенант из 13 артполка, унтер-офицер Шпрунгман из 1 роты 4 мото-саперного батальона и ефрейтор Гофман из автомобильной колонны 13 тд с помощью своего огнестрельного оружия не дали возможности экипажу противника выбраться из танка, когда он пытался это сделать. Посредством танковой мины, заложенной саперами под башню танка, все сооружение взлетело в воздух и танк сгорел. Экипаж сгорел вместе с танком»[27].

Правдивость последнего эпизода мы пока обсуждать не будем и вернёмся к нему, когда перейдем к показаниям того самого немецкого сапера, который лично заложил взрывные заряды под башню обездвиженного Т-34 на севере Покровского. В определении типа аппаратуры внутри сгоревших советских танков немцы, конечно, могли ошибаться (к вопросу, было ли радио на борту).

Но вот с количеством подбитых советских танков у них существенная неувязка. В немецкой 13-й танковой дивизии считали, что на передовых позициях их дивизии и 73-й пехотной осталось 15 Т-34 и 1 КВ. Давайте разбираться, так как это число идёт вразрез с советскими данными, по которым в рейд пошло 15 Т-34 и 2 КВ (не считая 21 приданного легкого Т-26 во втором эшелоне). Вернулось 4 Т-34. Три вернувшиеся «тридцатьчетверки» подтверждаются воспоминаниями бывшего командира танка Силантьева, наград-

[27] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 14–15. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps9Ho (дата обращения: 30.08.2025).

ными листами на командиров танков лейтенантов Колотилова и Гоя, их механиков-водителей старших сержантов Козодаева, Товпеки и Емельянова. Чей танк был четвертым из числа вернувшихся, установить пока не удалось.

14 марта немцы максимально могли насчитать на своих позициях и в ближнем тылу 11 подбитых и сгоревших Т-34. Ещё раз читаем приведённый выше документ: *«Из числа 16-ти находящихся на участке главной оборонительной полосы 66 мпп и левой части 73 пд танков, речь идет о 15 танках Т-34 и одном танке весом 52 т»*. Из двух рот лёгких Т-26 13-й и 16-й стрелковых бригад (всего 21 машина), приданных 63-й танковой бригаде, 14 марта подорвались на минах и остались на территории противника, по разным данным, 5 или 7. Единственное логическое объяснение той цифры подбитых Т-34, которую привели немцы: они приняли подбитые легкие Т-26 за средние Т-34. И тогда цифры почти сходятся. Но, во-первых, чтобы спутать Т-26 и Т-34, даже сильно поврежденные, нужно очень постараться. А, во-вторых, заявка передовых немецких частей на подбитые советские танки 14 марта 1942 года оказалась не единственной…

Приводим перевод ещё одного немецкого документа. Отчёт 13-го артиллерийского полка о танковой атаке противника 14.3.42 г.

«Полк подбил три танка. Вид орудия – легкая полевая гаубица 18. Боеприпасы "Tennisschläger"

1. Танк (типа Т-34), обстрелянный 4-й батареей 13 АП, получил настильный выстрел в заднюю часть, благодаря которому был сорван бронированный диск (крышка мотора) толщиной 25 мм; наблюдатель вылетел из открытой башни. Связка гранат, брошенная в открытый моторный люк, разрушила мотор (расстояние выстрела 400 м). /Дополнение дивизии: это тот самый танк Т-34, который был подорван саперами у саперного парка. /

2. Танк (тип Т-34), обстрелянный из позиции 2-й батареи 13 АП, взорвался после первого попадания ***(расстояние выстрела 2 км)****.*

3. Танк (тип Т-34), обстрелянный дежурным орудием 1-й батареи 13 АП, получил попадание со средней дистанции. Действие

осколков и взрыва способствовало тому, что гусеничные ленты соскочили, благодаря чему танк был не способен двигаться (расстояние выстрела 800–1000 м).

4. 1-я батарея 13 АП со своей огневой позиции имела два попадания в один танк (тип Т-34). Танк удалялся, объятый пламенем (расстояние выстрела 800 м).

…Атака танков противника 14.3 имела, по всей вероятности, своей целью уничтожить артпозиции и посредством наступления пехоты пробиться вперед. Танки двигались далеко впереди наступающей пехоты… Сошедшая с танков пехота имела только оружие ближнего боя (пулеметы, пистолеты и ручные гранаты). Это были подобранные и решительные люди. Их хорошее вооружение и стойкое поведение, вплоть до окончательного уничтожения, заставляет предполагать о действии особенно хорошо обученной части»[28].

В приведённом переводе отчёта 13-го артполка 13-й тд сразу настораживает пара подробностей. Если 4-я батарея добилась действенного попадания в кормовую часть того танка, который позже взорвут возле саперного парка, как тогда Т-34 смог дойти до точки гибели, взобраться на артиллерийский прицеп и застрять на нём? А точная стрельба по движущемуся танку из гаубицы leFH-18 на дальность 2000 м – это больше напоминает рассказы барона Мюнхгаузена. Вообще, лёгкая 105-мм гаубица могла при необходимости стрелять по танкам прямой наводкой и имела даже специальные бронебойные и кумулятивные снаряды, но дальность эффективного огня по танкам у нее не превышала 1500 метров. Учитывая состояние погоды (противотанкисты смогли разглядеть советские танки на дистанции 700–900 метров) прицельный выстрел из гаубицы и попадание в подвижную цель на дальности 2 км крайне сомнительны.

Теперь давайте наложим отчет 13-го артполка на предыдущие документы немцев, а также на известное нам общее количество участвовавших в рейде советских танков, результаты разведки лёт-

[28] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 13. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps8wZ (дата обращения: 30.08.2025).

чиков 88-го иап, обнаруживших группу из 12–13 разбитых и сгоревших танков в районе высоты 79.5. Как мы можем объяснить всё более раздувающуюся цифру подбитых немцами советских танков? Артиллеристы 13-го артполка вряд ли могли даже разглядеть Т-34 на таких дистанциях в условиях плохой видимости 14 марта 1942 года, не говоря о точных попаданиях из их гаубиц по движущимся целям за пределами прямого выстрела. Есть очень простой и логичный ответ. Под обстрел трёх 105-мм гаубичных батарей 13-го артполка попал один и тот же, единственный советский танк. И немецким артиллеристам так и не удалось остановить его. Получается, что «спешно и неумело сваренный низко квалифицированными мастерами», он направился дальше и смог раздавить последнюю для него вражескую пушку.

Здесь следует сделать акцент. Немецкие документы – это всего лишь документы, заполненные немцами. Это не истина в последней инстанции, как считают некоторые современные российские историки. Они, как и любые другие, полны ошибок и неточностей, желания прикрыть собственные оплошности и некомпетентность и, наоборот, подчеркнуть (а временами и преувеличить) свой личный успех. В приводимых здесь и далее переводах документов немцы находят три радиостанции там, где она была всего одна, подбивают советских танков с запредельных дистанций больше, чем их участвовало в атаке, или путают малыша Т-26 с Т-34. Можно понять, если летчик стрелял по самолету противника, а тот упал по ту сторону линии фронта или в недоступной местности. Но здесь не могут сосчитать подбитые танки, стоящие на занятой ими территории!

Но, в целом, и этот отчет ведёт нас по судьбе группы Юдина дальше. Под огнём гаубичных батарей на северную окраину Покровского вышел поврежденный советский танк Т-34. Оказывается, огонь по нему вели не только гаубицы, но и малокалиберные зенитные автоматы...

Сейчас мы обратимся к показаниям того самого немецкого сапера, взорвавшего «тридцатьчетверку» в Покровском.

«Унтер-офицер Шпрунгман. 1 рота 4 саперного батальона. 14.3.1942 г.

Боевое донесение о подрыве русского танка около саперного парка

Когда ... .3.42 [первое двузначное число неразборчиво] *в 7.45 я ехал измерить уровень воды р. Миус у моста 3б, Покровское-сев., то увидел расчеты 20-мм зенитных орудий, позиции которых находятся у северного выхода ПОКРОВСКОЕ, спешивших к своим орудиям, это привлекло мое внимание, и я стал наблюдать, в результате чего заметил один русский танк по эту сторону железной дороги, двигавшийся в направлении саперного парка.*

Когда танк уже был у южной окраины лесочка, который тянется севернее саперного парка вдоль железной дороги, 20-мм зенитные орудия открыли огонь. Тогда танк повернул на восток и, переехав ж.д. путь, двинулся в направлении ...[неразборчиво] *пушечной батареи, позиции которой находились в восточной части вышеупомянутого лесочка.*

Я поспешил обратно в караульное помещение. Вслед за этим по телефону был передан приказ командира взорвать танк. С тремя солдатами своего отделения я сейчас же собрался в дорогу.

34-тонный танк типа Т-34 наехал по ту сторону ж.д. линии севернее саперного парка на артприцеп с грузовиком и не мог двинуться ни назад, ни вперед, т.к. его левая гусеница повисла в воздухе.

Мотор не работал, и на правой стороне танка можно было заметить следы рикошета снарядов 20-мм зенитных орудий, которые не оказали никакого действия. Экипажу танка предлагалось несколько раз выйти, но это не было выполнено. После этого я заложил два подрывных заряда под заднюю часть башни и поджег. Последовал сильный взрыв, и орудийная башня отлетела почти на 5 м.

Только один человек из команды остался жив. Он хотел вылезти, но это ему не удалось из-за полученного им ранения. Так как он все равно сгорел бы заживо, то вахмистр зенитного орудия прикончил его из пистолета.

Постепенно танк начал гореть, и к нему нельзя было больше приблизиться, так как начали рваться боеприпасы, находящиеся в танке. Одного раненого пленного, который сидел сзади на танке, я взял с собой в караульное помещение, где он был допрошен адъютантом лейтенантом Мюллер»[29].

Немецкий унтер писал эту бумагу в тот же день. И в его отчёте описан русский танк Т-34, прикативший с севера. Почти все соответствует классическому советскому послевоенному описанию. С тем исключением, что пушка, которую он раздавил, была, скорее всего, не зениткой, а стволом полевого орудия, перемещаемого на автоприцепе. Экипажу предлагали сдаться. Танкисты машину не покинули. Танк взорвали. Чудом уцелевший танкист (наверняка контуженный и переломанный) из последних сил пытался выбраться из загоревшегося танка. Немцы его пристрелили. Нет никаких обер-лейтенанта Зюсмана, лейтенанта из 13 артполка и ефрейтора Гофмана, огнём личного оружия героически загнавших русских танкистов обратно в их горящий танк при попытке бегства. Непосредственный участник событий описал только неизвестных русских танкистов, отказавшихся сдаться, четырёх немецких сапёров, взорвавших танк, и вахмистра зенитного орудия, который добил раненого русского. То есть враг подтверждает: подвиг был.

И последний перевод немецкого документа, который завершит картину прорыва танков 63-й бригады вглубь «Миус-фронта», – это отчёт лейтенанта Фрайе из 13-го противотанкового дивизиона, который буквально прошёл по свежим следам советских танков – от передовой до Покровского.

«На основании обнаруженного следа и из показаний очевидцев, я пришёл к следующим выводам: место вторжение 15 танков противника, которые рано утром 14.3 прорвались через передний край оборонительной полосы, находится непосредственно южнее границы участка между 13 тд и 73 пд. Следы танков проходили в западном направлении на самую северную 10-см пушку, которая находилась примерно в одном км за передним краем оборонитель-

[29] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 11. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps95n (дата обращения: 30.08.2025).

ной полосы. На участке 73 пд от этого места след расходится. 9 танков двигались в северо-западном направлении на отметку 82.8. Приблизительно в одном км юго-восточнее отметки 82.8, благодаря действию трех противотанковых взводов, находившихся на исходной позиции в колхозе, танки вынуждены были повернуть в строго восточном направлении. При этом 2 танка было уничтожено. Следующий танк был уничтожен двумя 88-мм зенитными орудиями, действовавшими приблизительно в двух км южнее колхоза. В дальнейшем огневом бою эти два орудия уничтожили ещё 3 танка, в то время как остальные танки ушли в восточном направлении. О месте нахождения этих танков ничего не известно.

Из числа этих шести выведенных из строя танков речь идет о танке Т-34 (26 т). Мне бросились в глаза грубо сделанные сварочные швы, что дает возможность заключить о спешном выпуске танков.

Шесть прорвавшихся танков взяли направление на отметку 79.5. Отсюда пять повернуло на юг, о местопребывании которых ничего не известно, в то время как ***один*** *прорвался в направлении изгиба ж.д. линии сев. Покровское. Ему удалось пересечь ж.д. линию (****перед этим он вывел из строя две 10-см пушки****) и продвинуться на север непосредственно западнее их. Позже он изменил свой маршрут и двинулся в южном направлении на две лёгкие полевые гаубицы-18, которые были установлены на перекрестке ж.д. линии с дорогой ПОКРОВСКОЕ, ИВАНОВКА. Огнём орудий танк был поврежден, но продолжал движение к саперному парку.*

На своем пути он был подорван. Взвод 20-мм орудий 4-й батареи 4 зенитного полка, действующий на северной окраине, поражал танки на расстоянии 1500 м, но из-за незначительной пробивной силы и большого расстояния не мог полностью уничтожить ни одного из них.

<u>Пояснение для дивизии</u>: Заключение. Действительное уничтожение танков последовало после повреждения их огнем взвода 4-й батареи 13 АП и от взрыва противотанковой мины, заложенной двумя саперами и унтер-офицером Шпрунгман из 1 роты 4 саперного батальона (13 тд)»[30].

[30] ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 494. Л. 10. // Память народа: [сайт]. URL: https://clck.ru/3Ps8rk (дата обращения: 30.08.2025).

Итак, автор отчета прошёл по следам, но потерял три Т-34 на передовой и не смог разобраться с пятью, ушедшими через Джереганову балку в сторону высоты 79.5. Лейтенант Фрайе был на месте боя и составил документ в тот же день, поэтому какие-то детали и некоторые подбитые танки он мог не заметить.

Его отчет подтверждает, что первая волна 63-й тбр, состоявшая из 15 (!) Т-34, легко прорвалась на большой скорости через передовые укрепления, потеряв всего 3 машины. 88-мм зенитки открыли огонь с опозданием. Танки могли развивать успех на высоту 82.8 или на Покровское, но они возвращаются к месту прорыва. Причина? Возможно, попытались «подобрать» отставшую пехоту и второй эшелон своих танков. Возвращение оказалось роковым решением – потеряно ещё 3 машины от огня 88-мм зениток.

Почему лейтенант Фрайе пишет только о 15 советских танках, прорвавших оборону? Попытаемся объяснить. Логично предположить, что в первом эшелоне пошли только быстроходные Т-34 (которых участвовало в атаке как раз 15), а КВ и Т-26 шли сзади, т.к. не могли поддерживать скорость средних танков. А вот это уже означает, что командир 63-й танковой бригады с самого начала оставил группу Юдина без связи. Ведь единственным радийным танком в группе был тяжёлый КВ, и он плёлся сзади вместе с Т-26 и пехотой на волокушах.

Огонь немецких малокалиберных зенитных пушек по танкам с дистанции 1.5 км – мягко говоря, спорное решение. С такой дистанции зенитчикам этим утром вообще было трудно что-то различить, а уж пробить танковую броню – тем более. Поэтому или лейтенант Фрайе неправильно измерил дистанцию стрельбы, или в немецких штабах стояла паника и вниз по цепочке посыпались приказы – палить по прорвавшимся русским танкам из всего, что могло стрелять. Второе объяснение представляется более правдоподобным.

Зато немецкий лейтенант подтверждает, что к Покровскому вышел один советский танк, а не четыре. А ещё этот документ открывает ранее неизвестную деталь: по пути в Покровское Т-34 вывел из строя еще две 100-мм пушки противника.

Атаку 63-й танковой бригады, возглавленную Михаилом Юдиным, командование спланировало и организовало из рук вон плохо. Сегодня, из XXI века, мы понимаем, что шансы на сокрушение окопавшегося противника и прорыв советских войск в Покровское были крайне низкими. Вариантов дальнейшего развития событий для группы Юдина 14 марта 1942 года видится два. Они могли, как приказывал (по его словам) командир бригады, отступить с поля боя в район сбора, потеряв ещё несколько танков при отходе через с трудом пробитые позиции врага. Или, проявив рискованную инициативу, можно было попытаться переломить ход боя рейдом в глубину обороны противника.

25 октября 1854 года из-за ошибочного приказа на русские пушки пошла бригада английской лёгкой кавалерии. Атаку лично возглавил её командир – генерал-майор граф Кардигана. Командир 63-й танковой бригады подполковник Дергунов остался в тылу, на КП стрелковой дивизии (так же, как и 8, 16, 26 марта), в самом начале боя потерял управление и всякую возможность влиять на ход атаки. А потом во множестве отчётов Михаил Матвеевич прикрывал себя, обвинив в потерях бригады всех: пехоту, артиллеристов, сапёров… И, прежде всего, своих комбатов, сложивших головы на поле боя.

При всём уважении к народной легенде, мы не можем точно утверждать, какой экипаж находился в той «тридцатьчетвёрке», прокатившейся по немецким пушкам на северной окраине Покровского и взорванной немецким унтером. Мог ли это быть экипаж комбата Юдина? Очень даже вероятно. Хотя мог быть и кто-то другой. Никто из танкистов 63-й бригады не дрогнул, не бежал, все до конца выполнили долг. Некоторые подорвались на минах, кого-то настиг вражеский снаряд, кто-то, не сдавшись, погиб в Покровском, кто-то на побитой или горящей машине вышел из боя и выжил. Но все они дрались самоотверженно. Была нехватка опыта современной войны, тактической грамотности, где-то и везения. Катастрофически не хватало инициативного танкового командующего. Но ни один документ не упоминает случаев малодушия среди танкистов 63-й бригады в мартовских боях 1942 года.

Будь на месте подполковника Дергунова решительный, толковый танковый комбриг, который сам сел бы в танк, и, обладая полнотой власти в бригаде, повёл бы всю группу по ближним тылам немцев, обходя узлы сопротивления… Вместо топтания по позициям врага в бесполезной попытке передавить все пулеметные гнезда, минометы и противотанковые пушки, как кувалдой тараканов, собирая на себя десятки попаданий бронебойных снарядов. Видимо, комбат Юдин – танкист по призванию, по духу – пытался навести смятение в тылах противника. Но в метели, под обстрелом группа распалась или намеренно разделилась. Весной 1942 года не созрели еще наши танковые бригады для таких операций. Не было у них штатных мотострелков, мобильной артиллерии (да и вообще никакой своей артиллерии), надежной связи, передовых наводчиков артиллерии и авиации, много чего не было…

Однозначно, в командовании 56-й армии и ее соединений в момент подготовки и проведения Таганрогской наступательной операции «гинденбургов» не оказалось. Командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор А. З. Акименко 14 марта 1942 года использовал танки 63-й бригады в лучших традициях Первой Мировой – для прорыва проволочных заграждений, увлечения пехоты вперед и подавления огневых точек в первой полосе обороны немцев. Его план атаки не предполагал, что пехота гвардейского корпуса заляжет под массированным огнем подготовленной, пристрелянной линии обороны и за танками не пойдет. А его (или одобренная им) оригинальная идея с волокушами на прицепе танков с треском разлетелась на первых же сугробах и кочках. План наступления 3-го гвардейского корпуса затрещал по швам с первых минут реализации. Андриана Захаровича Акименко вскоре сняли с командования корпусом. Но это было позже. А 14 марта танкисты 63-й бригады вынуждены были воплощать его план в жизнь, оставшись посреди немецких позиций без прикрытия пехотой, без связи и, соответственно, без поддержки дальнобойной артиллерии.

Они уже были в глубине вражеской обороны. Снова проламываться через опорные пункты врага, чтобы вырваться на свою территорию, подставив под снаряды противника теперь не лоб танков,

а борта и корму – эта идея подполковника Дергунова не уступала волокушам генерала Акименко. Кто-то из танкистов в критической ситуации взял на себя ответственность и пошел вперед – выполнить задачу, поставленную командованием на эти сутки: ворваться в Покровское и на курган Соленый. Возможно, лидеров оказалось двое, поэтому группа и раскололась. Несколько «тридцатьчетверок» пошли на юго-запад, в сторону Покровского, а основная часть – на юго-восток, в сторону высоты Безымянной и кургана Солёный (их позже обнаружил летчик Николай Сидоров). Это и были цели операции на конец дня 14 марта. Командиры батальонов 63-й бригады Юдин и Сапельник вполне могли знать рубежи, которые должна была по плану достигнуть 56-я армия 14.03.1942-го. Поэтому, на мой взгляд, логичным будет предположить, что комбаты после прорыва в глубину обороны немцев приняли решение не возвращаться обратно, обнулив все усилия и результаты боя, а совершили рывок вперед – к северной части Покровского и высоте Соленый. И выполнить задачу дня. Вопреки всему.

Давайте вспомним замечательный фильм «На войне как на войне». В кино и одноименной повести советская самоходка единственной смогла незамеченной проскочить в занятое немцами село. Но в фильме у командира самоходки была связь с командованием, а под селом изготовился к повторной атаке гвардейский танковый полк.

В соседнем Матвеевом Кургане в ночь с 16 на 17 февраля 1943 года произошла похожая ситуация. Т-34 лейтенанта Александра Ерошина единственным из передовой группы 4-го гвардейского механизированного корпуса ворвался в поселок. Выполняя задачу захватить целым мост через Миус, командир танка принял решение действовать в одиночку. На улицах поселка танк получил попадание снаряда и заглох. Для экипажа Ерошина бой за малым не закончился, как в ситуации с Юдиным – танк обложили соломой, облили бензином и подожгли. Но юному лейтенанту Ерошину, как и киношному младшему лейтенанту Малешкину, повезло. Водитель Иван Чумаков смог запустить двигатель, танк двинулся вперед, а Ерошин забросал врага гранатами через люк. Они доползли

до моста, смели огнем его охрану и продержались до утра в заглохшем танке.

Утром подошли мотострелки. Трое из экипажа Ерошина выжили. Дрались они, конечно, героически. Юный командир удостоен звания Героя Советского Союза. Но какие шансы были у одиночного танка прорваться ночью через поселок до моста и продержаться несколько часов? По оценкам корпуса, в Матвеевом Кургане засело больше 600 немцев и 500 изменников родины при 18 зенитках и 3 полевых пушках[31]. Шансы точно были невелики.

Где грань между подвигом и безрассудством? Кто выжил и победил – только тот герой? *«Потери танков за период атаки 14.03.42 г. объясняю недисциплинированностью командиров батальонов, зарвавшихся атакой в глубине обороны противника, и нарушивших мой приказ»*, – так оправдывался перед командованием за разгром бригады подполковник Дергунов. Михаил Матвеевич утром 14 марта сидел на КП 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Как он сам пояснял, *«для руководства боем танков через общевойсковых начальников по установленным сигналам взаимодействия танков с пехотой, одновременно руководил вводом в бой второго эшелона танков»*.

Мы можем только предполагать, какой план появился у танкистов 63-й бригады 14 марта 1942 года, когда всё с самого начала пошло не по плану. Своя пехота залегла и дальше проволочных заграждений не двинулась. Получить инструкции от командования, навести артиллерию не имелось возможности. Капитан Юдин наверняка еще в Испании убедился, что танк живет, пока движется. Бесстрашно, верные присяге, танкисты пошли вперед. Сколько смогли. Командир бригады потом назовет это термином «зарвавшись в атаке». Уже четвёртое поколение жителей села, куда все-таки ворвался советский танк вопреки всему, называют это героизмом, подвигом. Капитан Михаил Владимирович Юдин стал для наших земляков легендой – символом мужества и храбрости советского танкиста (фото 7).

[31] Журнал боевых действий 5 ударной армии. ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 104. Л. 23. // Память народа: [сайт]. URL: https://goo.su/C56A (дата обращения: 30.08.2025).

Фото 7. Стела М. В. Юдину из композиции памятника танкистам 63-й тбр в с. Покровское

Надеюсь, что этой статьёй открыты неизвестные ранее нашим землякам подробности боёв 63-й танковой бригады в попытке прорыва «Миус-фронта». Несмотря на неудачу, танкисты этого соединения заслужили уважение и память потомков. И те, кто погиб в марте 1942-го, и те, кто выжил…

М. С. Ушакин

Чернышковцы в Великой Отечественной войне

Стремление служить Отечеству и людям, повышенное чувство ответственности, образованности – это те качества, которые характеризуют людей периода ВОВ. Возможно, они не стали такими, если бы не было крепкой, сплоченной семьи – которая носит название Чернышковский район.

Чернышковский район Сталинградской области был образован в 1935 году. Район сельскохозяйственный, зернового направления.

Отечественная война нарушила мирную жизнь тружеников. В первые дни войны из хуторов Чернышковского и Тормосиновского (ныне он в составе Чернышковского) районов ушли 4000 колхозников, работников МТС и совхозов. Всего же с оружием в руках отстаивали свободу и независимость своей отчизны 6882 человека[1].

На второй день войны колхозники Чернышковского района через областную газету обратились ко всем комбайнерам, трактористам, колхозникам, колхозницам и специалистам сельского хозяйства Сталинградской области: «В этот грозный час все наши сердца наполнены единым порывом: работать на колхозных полях, как на фронте, не считаясь со временем. И этим помочь доблестной Красной Армии в ее славной борьбе.

Отныне мы будем работать еще лучше, еще производительнее. Так требует партия, так требуют интересы нашей священной Родины. Мы примем все меры, чтобы дать стране больше хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, и этим будем содействовать Красной Армии в победе над кровавым врагом, посягнувшим на наш мирный социалистический труд»[2].

Население, оставшееся в тылу, оказывало посильную помощь фронту. К 6 августу 1941 г. в Фонд обороны перечислили

[1] Книга памяти. Поименный список. Чернышковский район Волгоградская область. – Волгоград. 1994. С. 8.

[2] Обращение колхозников Чернышковского района ко всем комбайнерам, трактористам, колхозникам, колхозницам и специалистам сельского хозяйства области // Сталинградская правда. № 146. 24 июня 1941 г.

50 204 руб., 2 074 ц хлеба, 159 ц мяса, 6 376 л молока, 529 кур, 125 кг масла, 1 900 штук яиц, 39 гусей и т. д.[3]

13 июня 1942 года бюро обкома ВКП(б) и облисполкома приняли постановление об эвакуации скота, имущества, средств производства из районов, расположенных на правом берегу Дона[4]. Эвакуировать удалось далеко не все. 24 июля немецко-фашистские захватчики оккупировали район.

За полгода оккупации они сожгли и уничтожили 868 зданий, отобрали у мирных жителей 305 коров, 337 овец, 669 телят, 763 свиньи, 27 волов, более 12 тыс. кур и 200 ц муки. В денежном выражении нанесенный оккупантами ущерб составил 6 млн. 734 тыс. рублей.

«Книга Памяти Чернышковского района» Волгоградской области дает исследователям ценный статистический материал по изучению вклада чернышковцев в общую Победу над врагом.

Из общего числа призванных на фронт – 6882 чел., вернулось 3671 чел., т. е. 50 % контингента. Потери распределились следующим образом:

– рядовых – 1 052 человека, что составляет 33,7 % от общего числа погибших;

– младшего командного состава – 113 человек (3,62 %);

– офицеров 140 человек (4,49 %).

У 2 069 человек, занесенных в Книгу Памяти, звание установить не удалось.

22 человека были бойцами партизанского отряда «Ураган» Тормосиновского района и погибли на его территории[5].

Из общего числа призванных 6 человек получили высокое звание Героя Советского Союза: Григорий Федорович Горбунков, Анисим Алексеевич Лагутин, Степан Иванович Панов, Федор Игнатьевич Паршин, Иван Данилович Ромашкин, Иван Андреевич Филатьев. Из них двое: Г. Ф. Горбунков и И. А. Филатьев – посмертно[6].

[3] *Луночкин М. Н.* Земли заветный уголок. – Волгоград: Издатель, 2006. С. 58.

[4] Там же. С. 62.

[5] ЦДНИВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 63.

[6] *Луночкин М. Н.* Цимлянская сторонка. – Волгоград: Издатель, 2001. С. 301–306.

Средний возраст погибших, по полученным данным, равен 25 годам.

Данные о погибших дают точную картину участия наших земляков в той или иной операции – наступательной или оборонительной; указание фронтов и т. д.

Отдельной категорией являются военнослужащие района, пропавшие без вести. К этим данным следует относиться осторожно, так как боец мог погибнуть в бою или попасть в плен, через определенное время его вычеркивали из списка.

Установлено, что больше всего погибших – уроженцев Чернышковского района захоронено в Польше (20 человек), в Германии – 33, в Латвии – 15 человек. В процентном соотношении к общему число безвозвратных потерь района они составили соответственно 0,64, 1,06 и 0,48 %.

Резкий рост потерь по району – с июля 1942 по февраль 1943 года. Наибольшее значение потерь в это время приходится на январь (38 человек) и февраль (54 человека).

В данный период Красной армией проводилась Сталинградская битва, состоящая из оборонительной (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и наступательной (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) стратегических операций. В ходе Сталинградской битвы погибло наибольшее число уроженцев района – 39 человек.

Число погибших, не имеющих сведений о месте смерти за июль 1942 – январь 1943 г., составило 420 человек, или 13,46 % от общего числа потерь по району в годы войны. Это период коренного перелома в борьбе с фашистскими захватчиками. Во втором периоде войны, помимо Сталинградской битвы, увеличение числа погибших военнослужащих, призванных из района, отмечается в феврале – марте 1943 года.

Основные потери уроженцев района приходятся на Московскую, Тихвинскую, Ржевско-Сычевскую стратегические операции и Сталинградскую оборонительную, наступательную операции, операцию по прорыву блокады г. Ленинграда, Ржевско-Вяземскую, Смоленскую, Курскую, Восточно-Прусскую и Берлинскую стратегические операции.

Военнослужащие, призванные с территории Чернышковского района Сталинградской области, основное участие принимали

в боевых действиях по обороне городов: Курск, Орел, Смоленск, Донецк, Ростов. Наибольшие потери района связаны с участием Красной армии в крупнейших стратегических операциях.

Всего за пределами СССР, в соответствии с данными «Книги Памяти», похоронено 68 уроженцев Чернышковского и Тормосиновского районов.

«Все для фронта – все для победы!» – под таким лозунгом жили и трудились чернышковцы все годы военного лихолетья. Они сдавали теплые вещи для бойцов, подписывались на заем, отдавали личные сбережения на создание авиаэскадрильи «Героический Сталинград» и танковой колонны «Дмитрий Донской», помогали раненым в госпиталях, делясь с ними последним.

Жители Чернышковского и Тормосиновского районов вместе со своей страной собирали средства на восстановление областного города. «Колхозники хутора Лагутин за два часа внесли на восстановление Сталинграда 1600 рублей, домохозяйки железнодорожной станции Чернышков – 1500 рублей, учащиеся 7-го класса Чернышковской средней школы, где отрядным вожатым т. Котова Д., 400 рублей», – писала «Заря коммунизма» в мае 1943 г.[7]

Сталинградский обком ВКП(б) 11 июня 1943 г. рассылает во все райкомы области циркуляр такого содержания: «Секретарю Чернышковского РК ВКП(б) тов. Линеву. Председателю райисполкома Смирнову. Привлечь в порядке мобилизации, на работы по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства г. Сталинграда, 150 человек рабочих. Мобилизованные должны иметь с собой постельные принадлежности, белье и соответствующую одежду»[8].

Райком партии и райисполком, в свою очередь, спускали разнарядку на мобилизацию по сельским Советам. В телеграмме указывалось: к 10 часам 17 июня 1943 г. люди должны были прибыть в райисполком для отправки в Сталинград, имея при себе продуктов на 5 дней и т. д.[9]

На восстановление города в основном отправляли молодежь. Большой процент составляли девушки.

---

[7] *Луночкин М. Н.* Земли заветный уголок. – Волгоград: Издатель, 2006. С. 103–126.

[8] Архив Чернышковского района Волгоградской области. Ф. 1. Д. 26.

[9] Там же.

Многие чернышковцы попали на восстановление тракторного завода. 93 производственных здания подверглись разрушению. Прежде чем восстановить завод им сначала приходилось расчищать территорию от завалов, разбитой техники. К июню 1943 г. было очищено более 170 тыс. квадратных метров производственной площади. С территории завода вывезли целые горы искореженного металла.

22 апреля 1943 года из ворот тракторного завода вышел первый отремонтированный танк Т-34, на броне которого рабочие сделали символическую надпись: «Ответ Сталинграда!» К концу года под этим девизом коллектив завода передал фронту 750 боевых машин, 720 моторов, 550 танковых корпусов. Ко второй годовщине победы под Сталинградом с конвейера завода сошло более 500 тракторов и 600 дизелей. В этом была заслуга женщин, стариков, детей возрожденного Сталинграда, среди которых немало и жителей нашего района.

Много хлопот выпало и на долю тружеников тыла. До конца войны еще было далеко – это понимал каждый. А потому главной задачей для животноводов было любой ценой сохранить скот и технику и выжить самим.

В начале 1943 года в освобожденном районе корма для скота практически не было до лета. Приходилось раскрывать землянки и старой соломой с крыш кормить скот. Многих коров подвязывали к потолочным перекрытиям стандартов – от истощения они не могли стоять. Для маленьких телят и поросят выделялись крохи шелухи, отрубей, из которых варилось пойло.

На своих плечах народ вынес все тяготы и лишения военного лихолетья и первых послевоенных лет.

Более двухсот чернышковцев были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В их числе: Иван Павлович Бурлачка, Елизавета Кузьминична Волоскова, Зоя Ивановна Геймур, Тихон Яковлевич Танаев и многие-многие другие[10].

Память о войне неподвластна времени и остаётся навечно в памяти потомков, в том числе благодаря труду исследователей и краеведов, работе муниципальных и школьных музеев.

[10] Книга Памяти. Поимённый список. Чернышковский район Волгоградская область. – Волгоград, 1994 г. С. 8–9.

Д. К. Карабанчук

Миропольский Иван Парамонович на защите Отечества

22 июня 1941 года, началась самая страшная и кровопролитная война в истории человечества, унёсшая жизни миллионов людей. Это событие оставило неизгладимый след в истории нашего народа, однако, свойство человеческой памяти таково, что многие события постепенно забываются. Мы не имеем права забыть тех солдат, которые сражались ради того, чтобы мы сейчас жили.

В данной работе я хочу поведать о судьбе своего родственника по отцовской линии, ветеране Великой Отечественной войны, который 18 лет своей жизни отдал военной службе – Иване Парамоновиче Миропольском. Данная работа основана на семейном архиве, куда включена собственноручно написанная им биография, адресованная его сыну Альберту, и семейные фотографии. Информацию о его службе и боевом пути я узнал из данных интернет-ресурса «Память народа».

Биографию и фотографии семейного архива мне любезно предоставили его внук Сергей Альбертович Миропольский и Уланова Ирина Александровна.

Согласно составленной Иваном Парамоновичем биографии, он родился в 07.01.1907 году в станице Каменской в многодетной семье мещанина Парамона Миропольского[1]. Был самым младшим ребенком в семье. Очень рано он стал сиротой, и его дальнейшим воспитанием занималась его старшая сестра Мария Скорикова (Миропольская), по сути, заменив ему родителей. Благодаря ей он успешно выучился в Каменском церковно-приходском начальном училище.

В 1924 году в возрасте 17 лет женится на Елизавете Ивановне Дерябкиной. Для содержания новоиспеченной семьи в этом же

[1] *Миропольский И. П.* Автобиография. Из семейного архива С. А. Миропольского. Каменск-Шахтинский, 2025.

году устраивается работать на «железную дорогу и проработал там на разных должностях до 1929 года»[2].

В 1929 году его призывают в Рабоче-Крестьянскую Красную армию, где прослужил 18 лет. Служить попал в 71 кавалерийский дивизион НКВД, где показал себя прилежным военнослужащим, отличником боевой и политической подготовки. Это позволило ему дослужиться до звания старшины.

Потом его перевели в район Нижний Тагил, недалеко от станции Выя в поселок Кытлым на службу в 115 кавалерийский дивизион на должность командира взвода. Как пишет Иван Миропольский: «Кытлым на вотяцком языке — значит “котел“, “котлован“, со всех сторон горы и лес. Это место было царской ссылкой, а капиталисты сделали этот поселок русской концессией. Там добывали платину, там была дешевая рабочая сила потому как были ссыльные рабочие, и мы как НКВД охраняли добычу платины, а за сутки драги давали 0.800 грамм»[3].

В кытлымском районе платина была открыта в 1835 году. Согласно данным книги Ларисы Райснер «Уголь, железо и живые люди»[4] астраханский купец 1-й гильдии К. П. Воробьёв за 3 рубля у местного охотника приобрел секрет наличия платиновых россыпей в ближайших реках. Он же становится владельцем приисков и приглашает на службу известного швейцарского минералога Л.-К. Дюпарка. После смерти Воробьева в 1907 году наследники продолжили его дело и позже организовали «Николае-Павдинского горного округа акционерное общество», которое, выручив от продажи своих акций несколько миллионов золотых рублей, смогло закупить новейшие электрические драги. Обществу принадлежало несколько золотых и платиновых приисков, в числе которых и Кытлымский. В 5 км от посёлка была построена электростанция, работавшая на дровах (её остатки находятся в районе стелы при въезде в посёлок). В 1906 году в посёлке была построена часовня,

[2] *Миропольский И. П.* Указ. соч.

[3] *Миропольский И. П.* Указ. соч.

[4] *Мосин К. И.* На Исовских приисках // Урал. Краеведение: [сайт]. URL: https://ural-kraeved.ru/mosin_is_10.html (дата обращения: 08.10.2025).

служить в которую приезжал священник из с. Павда. Во флигеле часовни была организована школа. В 1914 году была пущена 154-литровая драга № 1 и в 1915 г. 210-литровая драга № 2, до революции пустили еще 2 драги. В конце 20-х годов запускаются 2 электрические драги и модернизируется Кытлымская электростанция[5].

В 20–30-гг золотоплатиновая промышленность действительно курировалась народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). В 1930–1931 году началось раскулачивание крестьян. «По данным записки заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды И. В. Сталину, в 1930–1931 году было выслано 240 757 семей, то есть 1 158 986 человек, в том числе 454 916 детей. Так и появилась в большом количестве рабочая сила на приисках»[6].

С прибытием выселенцев проблема с рабочей силой на прииске была решена. Прииски получили сотни здоровых, трудолюбивых, исключительно дисциплинированных рабочих. Среди местных старателей процветало пьянство, драки, разгульная жизнь, выселенцы же с первых дней молча впряглись в работу. Из деревень России были высланы лучшие люди, они и здесь были такими же. Пройдет немного времени и многие из них станут отличными специалистами: слесарями, станочниками, трактористами, дражниками, гидравлистами. Их руками чистятся полигоны и заготовляются дрова в лесу, вручную строятся плотины, а в войну 1941–1945 года все молодые уйдут на фронт и будут защищать свою Родину наравне со всеми[7]. Задачей его подразделения, как писал Иван Парамонович, была охрана спецпоселенцев и контроль добычи платины.

В 1932 году командование за особые заслуги отправило его в Петергоф Ленинградской области на командирские курсы. После окончания курсов был перераспределен в Иркутскую область на станцию Култук, где был назначен командиром взвода пулеметной роты полковой школы. Как самого грамотного специалиста в 1938

[5] *Мосин К. И.* Указ. соч.

[6] *Мосин К. И.* Нижнетагильские прииски платины // Тагил. Фото. Тагильский рабочий: URL https://tagil-press.ru/publications/18006/nizhnetagilskie-priiski (дата обращения: 08.10.2025).

[7] Там же.

году Ивана Парамоновича отправили в Военно-административную академию Красной армии, которую он блестяще закончил[8].

Участвовать, согласно ресурсу «Память народа»[9], в Великой Отечественной войне Миропольский стал с 28 июня 1941 года, отправлен был в воюющую армию из г. Степногорска. Служил в 258 гвардейской стрелковой дивизии, которая в январе 1942 года была преобразована в 9 гвардейский корпус.

258-я стрелковая дивизия принимала участие в оборонительных боях под Тулой в ноябре–декабре 1941 года, когда немецкие части были остановлены, а потом отброшены от Тулы. За время боёв с сентября по ноябрь 1941 года от первоначальной численности личного состава 258-й стрелковой дивизии осталось меньше 10 %. После пополнения командиром 258-й стрелковой дивизии стал полковник М. А. Сиязов[10].

5 и 6 декабря 1941 года дивизия принимала участие в боях на шоссе Москва–Тула. Вместе с другими соединениями 50-й армии она участвовала в Калужской наступательной операции в декабре 1941 – январе 1942 года и в освобождении от немецких войск города Калуги 30 декабря 1941 года.

В январе 1942 года 258-я стрелковая дивизия была преобразована в 12-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая в последствие стала 9 гвардейским корпусом.

Впервые корпус участвовал в боях в составе 61-й армии (с которой действовал до конца войны) Западного фронта в июле 1942-го севернее г. Волхов. До июля 1943-го вёл оборонительные и наступательные бои на Западном и Брянском фронтах. В июле – августе 1943 года участвовал в Орловской операции, наступая в направлении Волхов, Орёл. К 9 августа 1943 года освободил более 170 населённых пунктов[11]. В 1-й половине сентября 1943 года

[8] *Миропольский И. П.* Указ. соч.

[9] Миропольский Иван Парамонович. Сводная информация // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91268637/?backurl= (дата обращения: 12.03.2025).

[10] 258-я стрелковая дивизия // Соединения РККА в годы ВОВ: [сайт]. URL: https://rkkawwii.ru/division/258sdf1 (дата обращения: 13.03.2025).

[11] 9-й гвардейский стрелковый Брестский корпус // Прибалтийский фронт: [сайт]. URL: https://www.pribfront.ru/5426.html (дата обращения: 14.03.2025).

корпус в составе Центрального фронта форсировал р. Десна, во взаимодействии с другими соединениями освободил города Мена, Березна и др., с ходу форсировал Днепр и в конце сентября захватил плацдарм в районе Храковичи (65 км сев.-зап. Чернигова).

За проявленные при этом мужество и героизм 163 воина были удостоены звания Героя Советского Союза. В последующих боях по расширению захваченного плацдарма и разгрому противника в восточных районах Белоруссии 14 января 1944 года корпусом вместе с другими войсками был освобождён г. Калинковичи. За боевые отличия в Люблин-Брестской наступательной операции, при освобождении г. Брест, корпусу 10 августа 1944 года было присвоено почётное наименование «Брестский».

Осенью 1944-го вёл боевые действия в Прибалтике, участвовал в освобождении Риги. В январе-марте 1945-го участвовал в Висло-Одерской и Восточно-Померанской операциях.

За образцовое выполнение заданий командования при овладении г. Альтдамм (Домбе) корпус 3 мая 1945 года был награждён орденом Кутузова 2-й степени. Участвуя в Берлинской операции, корпус в ночь на 3 мая вышел на восточный берег р. Эльба в районе г. Нитцов (сев.-западнее Берлина), где встретился с союзными войсками частями 84-й американской пехотной дивизии.

За мужество и героизм, проявленные в боях против немецко-фашистскими захватчиков, 15 537 воинов корпуса были награждены орденами и медалями, 194 удостоены звания Героя Советского Союза[12].

После реорганизации и объединения руководства 9-го гвардейского стрелкового корпуса и 20-го стрелкового корпуса, который был награждён орденом Красного Знамени, корпус стал именоваться 9-й гвардейский стрелковый Брестский Краснознамённый ордена Кутузова корпус.

В ходе Великой Отечественной войны Иван Парамонович дослужился до звания гвардии подполковника интендантской службы. В наградном листе руководство корпуса характеризовало его

[12] 9-й гвардейский стрелковый Брестский корпус // Прибалтийский фронт: [сайт]. URL: https://www.pribfront.ru/5426.html (дата обращения: 14.03.2025).

как «смелого и решительного командира», который «четко организовывал работу тыла корпуса, благодаря чему материальное обеспечение частей полностью обеспечивало боевые операции корпуса»[13].

За боевые заслуги награжден двумя орденами Красной звезды (1943 и 1944 гг.), медалью «За оборону Москвы», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945» и другими[14].

Иван Парамонович не только самоотверженно служил Родине, но и очень любил свою семью и всю войну пронес любовь в своем сердце к жене и своим детям. Сохранилось его фронтовое письмо «любимой жёнке Лизоньке» от 1942 года. Текст письма, к сожалению, плохо сохранился и трудно читаем. В хорошем состоянии находится поздравление с днем рождения «милой, славной, любимой дочурки Люсички» от 19.08.1944: «Поздравляю тебя с днем твоего рождения! Когда вырастишь большая, будешь часто вспоминать своего папку участника Отечественной войны. Папочка вернется домой и обнимет свою любимую малую дочурку! Целую свою Люсечку»[15].

Войну закончил в Берлине в 1945 году. Будучи высокого звания и обладавший определенным влиянием, он нашел угнанную в Германию на принудительные работы мою бабушку Скорикову (Карабанчук) Зою Андреевну и помог ей беспрепятственно вернуться домой. Военная служба закончилась для Ивана Парамоновича 30 июля 1947 года в звании подполковника.

В гражданской послевоенной жизни Иван Парамонович проработал на Каменской ТЭЦ в должности заместителя директора по снабжению. Хороший семьянин, он стал отцом 4 детей: Альберта (Алик), Людмилы, Владимира и Александра. Жена Елизавета уми-

[13] Миропольский Иван Парамонович. Наградной лист к ордену Красной звезды // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie17680568/?backurl= (дата обращения: 12.03.2025).

[14] Миропольский Иван Парамонович. Сводная информация // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83471455/ (дата обращения: 12.03.2025).

[15] Из семейного архива С. А. Миропольского. Каменск-Шахтинский, 2025.

рает при родах самого младшего сына Александра. Для воспитания младшего сына он женится второй раз на Клавдии Миропольской.

В 1986 году Ивана Парамоновича Миропольского не стало… Большинство знакомых и родственников помнят его как умного, интеллигентного, доброго и приветливого человека.

Великая Отечественная война закончилась 80 лет назад, она унесла миллионы жизней, покалечила судьбы многих людей. Иван Парамонович прошел всю Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 год, это большая редкость, так как многие воины погибали в первом же бою. В мирной жизни он, как и миллионы пришедших с фронта советских солдат, восстанавливал и поднимал народное хозяйство страны. Потом и кровью строил мирную жизнь, совершая гражданские подвиги. Поколение Ивана Парамоновича пережило много трудностей, они прошли самую страшную и кровавую войну и, на мой взгляд, это героическое поколение.

Семья Миропольских 1915 год. В центре Парамон Миропольский с супругой, справа от него старшие дочери Мария (стоит), Вера (сидит), внизу сын Иван (сидит)

Стоят: Иван Миропольский
с сестрой Марией Скориковой (Миропольская)
Сидят: Петя Скориков с отцом Андреем Скориковым. 1920 г.

И. П. Миропольский в армии. 1929 г.

И. П. Миропольский в армии. 1930-е гг.

Учеба в Военно-административной академии Красной армии. 1938 г.

В Берлине с сослуживцами. 1945 г.

Семья Миропольских, 1945 год. Стоят слева направо: Скориков Андрей, Альберт Миропольский, Зоя Скорикова (Карабанчук), Гребневы Нелли и Роберт. Сидят: Е. И. Миропольская, Люда и И. П. Миропольский, М. П. Скорикова (Миропольская), В. П. Гребнева (Миропольская)

Семья Миропольских, 1949 г: И. П. Миропольский, Е. И. Миропольская (Дерябкина), их дети Альберт, Люда и Владимир (на руках)

Т. А. Коновалова

Максимов Николай Дмитриевич. Страницы биографии

«Нет в России семьи такой,
где б не памятен был свой герой…»

Великая Отечественная война не обошла стороной ни одну семью нашей страны. Почти в каждой российской семье есть свои истории о военном времени, хранится память о своих родных и близких, о тех, кто воевал на фронтах и работал в тылу. В нашем семейном архиве сохранились документы о ветеране Великой Отечественной войны, майоре **Максимове Николае Дмитриевиче.**

Николай Дмитриевич родился 17 ноября 1913 г. в городе Красный Сулин. Родители: отец – Максимов Дмитрий Яковлевич, мать – Любовь Илиодоровна (?).

После двухлетнего обучения литейному мастерству в Красносулинском фабрично-заводском училище (ФЗУ) Николай Дмитриевич в 1931 году (по другим данным в 1934 г.[1]) поступил работать в литейный цех Сулинского металлургического завода (СМЗ)[2]. ФЗУ было создано в Красном Сулине в 1927 г. Обучение было двухгодичным, готовило металлургов по 16 специальностям. В 1932 г. ФЗУ получило новое современное трёхэтажное здание с учебными мастерскими и оснащёнными классными аудиториями. Здание находилось в посёлке Горняцкий, в войну было разрушено. Кроме квалификации, учащиеся получали семилетнее образование. В ФЗУ обучалось 2 тыс. юношей и девушек. Кроме СМЗ, его выпускники работали на металлургических заводах Украины, Урала и Казахстана. В 1940 г. преобразовано в ремесленное училище № 6, а после войны прекратило свою работу[3].

[1] *Бакаев Б.* Добрая память о двух майорах // Красносулинский вестник. 1995. 27 апр. (№ 48). С. 2.

[2] Формовщик Максимов // Мелаллург. 1966. 28 мая (№ 21). С. 1.

[3] *Мякинченко В. А.* Сулин и сулинцы: (словарь-справочник) / В. А. Мякинченко – Красный Сулин: Сулинполиграфсервис, 2002. С. 103.

ФЗУ было хорошей школой рабочей силы для завода. Один из выпускников ФЗУ, пришедший на завод во время первой пятилетки, – формовщик Максимов, зарекомендовал себя хорошим специалистом.

Осенью 1937 г. Николай Максимов был призван в ряды Красной Армии. Перед самой демобилизацией, глубокой осенью 1939 г., начались боевые действия на Карельском перешейке. Младший командир Максимов принимал участие в боях с белофиннами до марта 1940 года. Уволившись из армии, чуть больше года проработал в родном коллективе литейщиков. В мае 1941 года был направлен в военное училище[4].

В рядах РККА (рабоче-крестьянская Красная армия) с 06.1941 г. призван был на фронт Красносулинским ГВК (Ростовская обл. г. Красный Сулин).

По данным алфавитной карточки Военного комиссариата Красносулинского района Ростовской области Николай Дмитриевич воевал:

с 06.1941 г. по 03.1942 г. в 1126 стрелковом полку 334 стрелковой дивизии 4-й Ударной Армии;

с 03.1942 г. по 08.1942 г. в запасном стрелковом полку 3-го Украинского фронта;

с 08.1942 г. по 09.1942 г. командиром батальона в 1129 стрелковом полку 337 стрелковой дивизии 2-го Украинского фронта[5].

Великую Отечественную войну Николай Дмитриевич встретил на Северо-Западном фронте. Войска этого фронта задержали прорыв фашистов на Ленинград. Истекая кровью, фронт дал возможность ленинградцам подготовиться к обороне. В одной из дивизий Северо-Западного фронта сражалась рота, которой командовал Николай Дмитриевич.

«Не одну карту за четыре года сменил в своём офицерском планшете товарищ Максимов». Сражался и он под Москвой[6].

---

[4] *Бакаев Б.* Указ. соч.

[5] Майор Максимов Николай Дмитриевич: алфавитная карточка Военного комиссариата Красносулинского района Ростовской области.

[6] Формовщик Максимов // Металлург. 1966. 28 мая (№ 21). С. 1.

В оборонительных боях у стен Москвы заслужил первые награды – медали «За отвагу» и «За оборону Москвы» (Указ. Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г.)[7]

«Ранним мартовским утром 1944 года на участке, где находился батальон, которым командовал Николай Дмитриевич Максимов, немцы сосредоточили крупные силы. Они решили смять передовые позиции советской части. Майор Максимов вместе с другими офицерами умело организовал оборону.

Бой длился целый день. Личным примером Николай Дмитриевич воодушевлял солдат. И несмотря на численное превосходство противника, атака гитлеровцев захлебнулась. Враг потерял много живой силы и техники. За мужество и отвагу многие бойцы и командиры были удостоены высоких правительственных наград. Это лишь один эпизод из его фронтовой биографии»[8].

Николай Дмитриевич прошёл большой боевой путь – от заснеженных полей Подмосковья до венгерского озера Балатон, принимал участие в боях при обороне Воронежа, в наступательных операциях Красной Армии при освобождении территории Украины[9].

Орден Красной Звезды получил за умелую организацию обороны как талантливый командир 3-го стрелкового батальона 150 запасно-стрелкового полка.

Из наградного листа от 4 мая 1944 г.

Майор Максимов Н. Д. с первых дней организации полка работает командиром батальона. Под его умелым руководством обучено и дано в действующие части большое количество маршевых рот. Будучи на Северо-Западном фронте в районе озера Ильмень, умело организовал оборону. Талантливый командир в деле обучения маршевого пополнения. Участник боёв на Северо-Западном фронте в районе Старая Русса. Имеет ранения.

[7] *Бакаев Б.* Указ. соч.

[8] *Швидченко Е.* К боевым наградам – трудовая // Власть советов. 1966. 8 мая (№ 73). С. 4.

[9] *Бакаев Б.* Указ. соч.

Ранее за хорошую работу Отделом укомплектования СЗФ награждён часами.

Ходатайствую о награждении майора Максимова правительственной наградой орденом «Красная звезда».

Командир 150 ЗСП
полковник Шалковский[10]

«В войсках Третьего Украинского фронта освобождал родную землю. Пришёл день, когда его часть – он уже командовал батальоном – вышла на государственную границу. Перед воинами лежала истерзанная Европа, ждущая с Востока своего освобождения»[11].

«Советские войска продвигались на Запад. Их радостно встречали освобождённые от гитлеровского ига народы Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии. Разбитый враг отчаянно сопротивлялся. Окружённые фашистские войска в Будапеште не только организовали круговую оборону города, но пытались контратаками прорвать кольцо окружения»[12].

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Н. Д. Максимов награждён Орденом Отечественной войны II степени. В этот период Николай Дмитриевич был командиром учебно-стрелкового батальона 235 армейского запасного стрелкового полка.

Из наградного листа от 17 февраля 1945 г.

Командуя учебно-стрелковым батальоном 235 армейского запасного стрелкового полка тов. Максимов выполняя основные задачи по подготовке курсантов, одновременно привлекался с батальоном для выполнения задания по службе заграждения

[10] Наградной лист на Максимова Николая Дмитриевича к Ордену Красной звезды // Подвиг Народа: [сайт]. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=31311885&tab=navDetailDocument (дата обращения: 01.09.2025).

[11] Формовщик Максимов // Металлург. 1966. 28 мая (№ 21). С. 1.

[12] *Швидченко Е.* Указ. соч.

12 февраля 1945 г. при попытке окруженного в БУДА противника прорваться на запад через Будапешт, тов. Максимов получил боевую задачу занять оборону и разгромить противника.

Выполняя задачу т. Максимов со своим батальоном принял бой с численно превосходящими силами противника и в течение 8 часов отбил 9 контратак противника, уничтожив при этом 333 немецких солдат и офицеров. Взято в плен 29 солдат и офицеров.

Благодаря умелому руководству боем со стороны т. Максимова, батальон потерял только 2-х курсантов ранеными.

За исключительно образцовое выполнение боевой задачи по разгрому вырвавшихся из БУДА групп противника ходатайствую о награждении майора Максимова орденом Отечественной войны II степени.

Начальник отдела и укомплектования
подполковник Степурский[13]

«За годы Великой Отечественной войны Николаю Дмитриевичу пришлось испытать и горечь поражений, и радость побед. Но в любую минуту он всегда оставался верен присяге, своей Родине и народу»[14].

В боях за Родину был дважды тяжело ранен. После госпиталя снова возвращался в строй.

После Победы над гитлеровской Германией Николай Дмитриевич возвратился к мирному созидательному труду. В начале 1948 г. в звании майора его демобилизуют. Тяжёлый военный перерыв в труде закончился. Он вернулся в Красный Сулин и снова пошёл работать формовщиком в литейный цех металлургического завода[15].

Когда в марте сорок восьмого года заполняли трудовую книжку Николая Дмитриевича, возвратившегося на своё предприятие,

[13] Наградной лист на Максимова Николая Дмитриевича к Ордену Отечественной войны II степени // Подвиг Народа: [сайт]. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=41471007&tab=navDetailDocument (дата обращения: 10.10.2025).

[14] *Швидченко Е.* Указ. соч.

[15] Там же.

то первая запись гласила «Общий стаж на Сулинском металлургическом заводе – 11 лет 5 месяцев»[16].

«Руки фронтовика, истосковавшегося по настоящему делу, жадно тянулись к работе. И Максимова ставят на ответственный участок – формовщиком крупно-фасонного стального литья. С первых дней он завоёвывает любовь и уважение коллектива своим честным и добросовестным трудом. Николай Дмитриевич в совершенстве овладел своей профессией и являлся одним из лучших формовщиков»[17].

За достигнутые успехи в выполнении заданий семилетки по развитию чёрной металлургии Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 марта 1966 г. наградил Н. Д. Максимова орденом «Знак Почёта». Это большая и заслуженная награда за добросовестный труд.

Изучая материалы XXIII съезда КПСС, Максимов со своими товарищами решил завершить первый год пятилетки за восемь–девять месяцев, снизить себестоимость литья, провести решительную борьбу за экономию металла[18].

В одном из номеров газеты «Металлург» за 1966 г. опубликована статья Н. Д. Максимова «Слово фронтовика»:

«Я с большим вниманием следил за работой XXIII съезда нашей партии, – Всё, что там было решено, направлено к одной цели – строительству коммунизма.

Как офицер запаса я с особым интересом познакомился с выступлением Маршала Малиновского. Один из прославленных полководцев Великой Отечественной войны, он хорошо знает, что такое война. И говорил он только о военных делах, но выступление нашего Министра Обороны направлено на сохранение мира.

Да, всё правильно. Слишком много жертв понёс советский народ в войне с озверевшим фашизмом. Мы, фронтовики, знаем это по себе: рядом с нами гибли боевые товарищи, мы шли на Запад по разорённой врагом родной земле.

[16] Формовщик Максимов // Металлург. 1966. 28 мая (№ 21). С. 1.

[17] *Швидченко Е.* Указ. соч.

[18] Там же.

И нельзя позволить ни американским агрессорам, ни боннским недобитым генералам снова втянуть людей в мировую войну.

Поэтому мы должны быть сильными во всех отношениях, в том числе и в военном. И нужны затраты на оборону страны. Сейчас мы, фронтовики, кто не ушёл на пенсию по инвалидности или по возрасту, заняты созидательным трудом. Но если потребуется – встанем снова на защиту завоеваний Октябрьской революции. Фронтовики Великий Отечественной войны встретили решения партийного съезда с одобрением. Мы приложим все силы, чтобы намеченные партией планы были претворены в жизнь»[19].

Вместе с напарниками Кирилловым и А. С. Климовым плановое задание выполняли на 150–200 процентов.

Николай Дмитриевич Максимов был мастером высшей квалификации, отдавший литейному производству более 30 лет. Отлично справлялся с самыми сложными заданиями, охотно делился секретами производства с молодыми рабочими. Имя Н. Д. Максимова было окружено почётом и уважением в цеховом коллективе.

Из рассказа начальника цеха Г. Д. Сапрыкина:

«Самые сложные заказы на формовку крупного фасонного литья мы поручаем Николаю Дмитриевичу. Очень, очень большой опыт у него. И делает работу отлично.

Люди, работающие на этом участке, формально не организованы в бригаду, нет необходимости. Но Николай Дмитриевич задаёт тон всей работе участка – там даст совет, там подскажет, кого надо пристыдит, где надо присоветует. И всё это спокойным тоном: никто не помнит случая, чтобы Максимов поднял голос.

Он очень помогает своими советами. За всей массой дел коечто важное и упустишь, будь хоть ты семи пядей во лбу. Николай Дмитриевич говорит: делать то-то и то-то. И верно! Крупное фасонное литьё – сложный вид производства. Заказы поступают не только из своих цехов, но и с других предприятий. Наше литьё идёт в Новочеркасск, и в Тырныауз, и в другие места.

Жаль только, что на деталях не принято ставить фамилию мастера. Тогда, с удовлетворением принимая выполненный заказ,

[19] *Максимов Н.* Слово фронтовика // Металлург. 1966. 16 апр. (№ 15). С. 2.

потребители знали бы: вот эту отличную работу делал товарищ Максимов, и другие такие же специалисты своего дела»[20].

В 1970 году Николай Дмитриевич награждён юбилейной медалью «За доблестный труд, в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (Постановление Ростовского обкома КПСС, областного Совета депутатов трудящихся и президиума областного совета профсоюзов от 18 марта 1970 г.)[21]

В 1985 году, в честь 40-летия Великой Победы над фашизмом, был награждён Орденом Отечественной войны I степени.

Николай Максимович запомнился моему мужу (Коновалову Игорю Геннадьевичу) добрым, порядочным и немногословным человеком. Как и многие участники войны, практически ничего не рассказывал о подробностях своей фронтовой жизни. Увлекался рыбалкой и привил эту любовь моему мужу.

Страницы биографии удалось восстановить по публикациям газет: «Металлург» (фонд Донской государственной публичной библиотеки), «Власть советов» (фонд сектора «Муниципальный архив» Администрации Красносулинского района), «Власть советов», «Красносулинский вестник» (фонд Межпоселенческой центральной библиотеки Красносулинского района). А также по документам нашего семейного архива, в котором хранятся ордена и медали, удостоверения к медалям, поздравительные открытки, телеграммы, фотографии, личные вещи, среди которых компас, с которым воевал Николай Дмитриевич.

Умер 9 октября 1987 года. Похороны прошли со всеми почестями: пионеры на красных подушечках несли награды Николая Дмитриевича. Похоронен на гражданском кладбище посёлка 50 лет Октября г. Красный Сулин Ростовской области.

Память об этом человеке передаётся нашим внукам. Наша семья принимает участие в шествии «Бессмертного полка» в г. Красный Сулин.

---

[20] Формовщик Максимов // Металлург. 1966. 28 мая (№ 21). С. 1.

[21] Сулинский металлургический: очерки истории Сулинского металлургического завода [1872–1972] / авторский коллектив В. В. Мельников (рук., он же науч. ред.) и др. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1972. С. 144.

Максимов Николай Дмитриевич, 1945 г.

Компас, которым Николай Дмитриевич пользовался во время войны

Встреча с пионерами, 1980-е годы

Бессмертный полк
Красный Сулин,
9 мая 2022 г

В. А. Градобоев

Фронтовик Родион Шутенко. Вспоминая годы военные

По данным председателя Ростовской городской организации ветеранов Валентина Гербача 80-летие Победы встретили 57 ростовчан – участников Великой Отечественной войны, из них отметивших 100-летний юбилей – было 14 чел. На день праздника в городе было 13 чел. в возрасте 101 год, 9 чел. – 102 года, 2 чел. – 103 года, и 2 чел. – 104 года. Одним из них является художник и поэт Родион Степанович Шутенко[1].

Командир ПО «Донской» В. Градобоев с участником войны Р. С. Шутенко

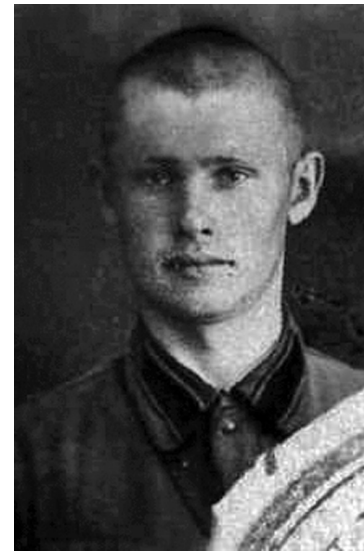
[1] В Ростове осталось 57 ветеранов ВОВ. URL: https://dzen.ru/a/aB2mUKNY2izAZaLv?ysclid=mfx0jhfdx7248407693 (дата обращения: 12.07.2025).

Благодаря неравнодушным людям нашего района, С. А. Гончаровой и Л. В. Дорофеевой, нам удалось встретиться с последним участником событий освобождения Константиновского района от гитлеровских захватчиков, командиром 7-й артиллерийской батареи 1012-го артполка 315-й стрелковой дивизии 104-х летним Р. С. Шутенко. На сегодняшний день это один из последних защитников Сталинграда из состава 315-й СД.

Родион Степанович родился в крестьянской семье Степана Ивановича и Анастасии Петровны (Бобровой) 31 марта 1921 г., в хуторе Большая Журавка Чернышковского района Волгоградской области.

«Но поскольку праздник день Тёплого Алексея (30 марта) тогда не отмечали, я переделал документы на 7 ноября – День Октябрьской революции.

В семье нас было семеро, две сестры и четверо братьев: Николай 1906 г. р., Емельян 1912 г. р., Иван 1923 г. р., я – Родион 1921 г. р., и младший Иван 1926 г. р. Трое из нас в годы войны были артиллеристами. Все воевали, и все вернулись с войны. Двое получили ранения, я и старший брат Иван, он был участником штурма Берлина и Рейхстага. Он тоже, как и я, заканчивал артиллерийское училище, был командиром артиллерийского взвода. Младший Иван освобождал Прибалтику.

Курсант Р. С. Шутенко

С детства, ещё дошкольником я увлёкся рисованием, Емельян рисовал карандашами, они часто крошились. Когда он их точил, ронял грифельки, а я их собирал и вставлял в сердцевину сломанных хворостин, мастерил себе карандаши. Так начиналось моё творчество,

которое я начал развивать в школьные годы и продолжил уже после войны», – вспоминал Р. С. Шутенко.

К сожалению, довоенных картин у Родиона Степановича не осталось, да и в годы войны, как сказал ветеран, на рисование времени не оставалось.

Далее из его воспоминаний: «В 1941 году нас, группу молодежи, направили в г. Ростов-на-Дону, и уже из Кировского райвоенкомата отправили в ст. Обливскую, куда добирались пешком. Там, собрав в колонну, объяснили, что мы должны любым способом добраться до Сталинграда и собраться у пристани.

Я с товарищами добирался на товарниках, на платформах. Эвакуировали станки и другое оборудование заводов, вот мы и пристраивались между станками, так и добрались до Сталинграда. А оттуда уже в составе запасного стрелкового полка нас погрузили на пароход и отправили в Сибирь в Уральский военный округ, где меня направили в Свердловское артиллерийское училище, располагавшееся в городе Ирбис.

После шестимесячного обучения нам присваивали звания младших лейтенантов и лейтенантов. В феврале 1942 года я получил звание лейтенанта и был направлен в формировавшуюся 315-ю стрелковую дивизию резерва Ставки Верховного Командования. По прибытию в часть, получил в подчинение артиллерийский взвод, в распоряжении которого были четыре 57-мм противотанковых орудия Зис-2».

22 августа дивизия сосредоточилась на южном обводе Сталинграда в районе Бекетовки и п. Городище. Авиация противника совершала до 200 самолетовылетов в день, против обороны дивизии были брошены до 100 танков, первый бой длился 11 часов.

Участники боев, артиллеристы вспоминали: «Встреча с прорвавшимся противником явилась для нас полной неожиданностью. Мы совершенно не имели бронебойных снарядов, а уничтожать вражеские танки фугасно-осколочными снарядами было сложно и трудно. <…>

2 сентября более двадцати танков с пехотой перешли на участке обороны полка в атаку. Противнику удалось вклиниться в наши боевые порядки и подойти к огневой позиции артиллерии. Главный удар приняла 7-я батарея…»[2]

В ходе ожесточенных боев с 24 августа по 6 сентября 315-я стрелковая дивизия потеряла до 70 процентов личного состава.

11 сентября в полках осталось по 130–150 бойцов. 23 сентября остатки дивизии выведены на переформирование в район Камышина[3].

По личному указанию командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А. И. Ерёменко 4 декабря 1942 г. дивизия в составе 57-й армии генерал-майора Ф. И. Толбухина сосредоточилась в районе Средне-Царицынский – Новый Путь – Павловка – Бузиновка[4].

9 декабря 1942 г. 315-я СД переходит в состав 5-й Ударной армии (генерала-лейтенанта **М. М. Попова)** и передислоцируется в район северо-западнее х. Логовский, опушка леса в излучине протоки Мешкова и у переправы через Дон. 13 декабря 1942 года сменила части 4-го механизированного корпуса в районе ст. Нижне-Чирской[5].

8–9 января 1943г. дивизия вела освободительные бои в районе хуторов: Крюковский, Каменно-Бродский, Вифлянцев, Трофимов и Кухтачи Константиновского района. В кровопролитных боях стрелковые полки дивизии, попадая в окружение, понесли большие потери. В донесениях за 9–11 января отмечено, что со стороны противника было брошено до 150 танков[6].

Из воспоминаний участника боёв И. С. Орлова: «Начиная с 11 января, в районе х. Вифлянцева стали сосредотачиваться вы-

[2] 315-я стрелковая Мелитопольская Краснознаменная дивизия. URL: https://altaikdm.ru/battle_path/htm/bw-315.html?ysclid=mfwx8110aj719174639 (дата обращения: 22.07.2025).

[3] Там же.

[4] Журнал боевых действий 315-й СД. ЦАМО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 об. С. 4. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130857505&backurl= (дата обращения: 22.07.2025).

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же. С. 14, 17.

рвавшиеся из окружения подразделения стрелковых полков и 1012-го артполка. Артиллерия понесла тяжёлые потери»[7].

Из боевого донесения № 66 штаба 315-й СД в штаб 5-й Ударной армии.19.00, 12.01.1943 г.: «…личного состава 1012-й АП – 466 человек»[8].

12–13 января мелкие группы вышли из окружения в район х. Вифлянцев, Кондаков и совхоза «Стычной», личный состав дивизии составил 4727 человек[9]. Родиону Степановичу удалось избежать окружений под Сталинградом и на донской земле в районе хуторов Новороссошанский Тацинского района – Вифлянцев Константиновского района.

После тяжёлых боёв на Дону, по воспоминаниям Родиона Степановича, дивизия, освободив село Куйбышево Ростовской области, устремилась сходу прорвать вражеский Миус-фронт.

«Но враг закрепился на этом рубеже, создав три полосы обороны, километровые ряды колючей проволоки, доты, танки, орудия, эту оборону мы смогли одолеть только в августе. А дальше было освобождение Украины и Крыма», – вспоминал участник войны.

Кровопролитные бои на реке Миус запомнились ветерану на всю жизнь.

Миус – российская река,
Не очень глубока,
Не очень широка,
Но за войну от крови
Разлилась на километры.
И до сих пор ту кровь
Не иссушили никакие ветры.

«На Миусе и сейчас кровь солдатская», – в заключение своего стихотворения сказал Р. С. Шутенко.

[7] Освобождение. Константиновский район Ростовской области (январь–февраль 1943 г.). Сборник. Ростов-на-Дону: ООО «Росиздат», 2007. С. 192.

[8] Оперативная сводка штаба 315 сд. ЦАМО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 16. Л. 36. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=112414919&backurl= (дата обращения: 22.07.2025).

[9] Журнал боевых действий 315-й СД. ЦАМО. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 об. С. 24. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130857505&backurl= (дата обращения: 22.07.2025).

15 октября 1943 г. во время боёв за г. Мелитополь против 16 вражеских танков артиллеристы Р. С. Шутенко отбили три атаки противника, подбив два вражеских танка. Командир огневого взвода Шутенко был представлен к ордену Богдана Хмельницкого III степени. Однако командующим 51-й армии награда была занижена до ордена Отечественной войны II степени[10].

В апреле 1944 года дивизия в составе 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта участвует в Крымской наступательной операции, где штурмовые отряды дивизии прикрывает артиллерия.

При прорыве обороны противника на Перекопском перешейке 8 апреля 1944 г. орудия ст. л-та Шутенко вели огонь прямой наводкой, с открытой позиции и уничтожили: одно противотанковое орудие, два пулемёта и прямым попаданием два станковых пулемёта.

В этом бою противник обнаружил батарею, но Шутенко хладнокровно продолжал вести огонь по противнику, вдохновляя бойцов. Осколком вражеского снаряда он был ранен в голову, но не ушёл с поля боя, истекая кровью, продолжал руководить батареей. Когда был выведен наводчик второго орудия, он сам встал за панораму и метким огнём уничтожил станковый пулемёт противника и миномётную батарею.

9 апреля противник оказал сильное сопротивление нашей пехоте. Вражеские солдаты при поддержке четырех самоходных орудий Фердинанд и двух танков трижды пытались сбить с рубежа части стрелковой дивизии. Командир 7-й батареи ст. л-т Шутенко выдвинул один взвод орудий на прямую наводку и, руководя боем, отсечным огнём отбил атаки противника. При этом один танк был подбит и один подожжён.

10 апреля в период решительного штурма промежуточного рубежа противника ст. л-т Шутенко, находясь в передовых траншеях пехоты, под сильным артиллерийским обстрелом противника корректировал огонь батареи, поддерживая пехоту. Батарея Шутенко

[10] Наградной лист Шутенко Родиона Степановича к ордену Отечественной войны II степени. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie 31512812/?backurl= (дата обращения: 22.07.2025).

уничтожила одну минометную батарею, четыре пулемётных точки и до 60 солдат противника.

За апрельские бои ст. л-т Шутенко командиром артполка представлен к званию Героя Советского Союза. Награду утвердили командир 315-й стрелковой дивизии и командир 54-го стрелкового корпуса. Однако, 9 мая 1944 г. командующий артиллерией 2-й гв. армии генерал-майор И. С. Стрельбицкий награду занизил до ордена Красного Знамени[11].

К сожалению, данных о других награждениях: за бои на Сталинградской и донской земле, на Миусе ветеран не помнит. «Да и не за награды мы воевали», – сказал майор в отставке Шутенко Родион Степанович.

В апреле 1944 г. за прорыв сильно укрепленной обороны противника на Перекопе 315-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени[12].

Службу герой войны закончил в Прибалтике. После возвращения из госпиталя ему ещё удалось повоевать на прусской земле – при штурме города Истенбурга (сегодня Черняховск Калининградской области) и с боями дойти до Балтийского моря.

«Из наших ветеранов уже никого нет, долгое время переписывался со своим однополчанином командиром взвода, жившим после войны на Украине Шимко Степаном, но его давно уже нет с нами», – с огорчением вспоминал ветеран...

«После войны, в 1947 году я поступил в художественное училище им. М. Б. Грекова. Закончив обучение, 10 лет работал в ростовской школе учителем рисования и черчения. Был принят в Союз художников, писал картины, больше в плакатном жанре», – продолжал воспоминания Родион Степанович.

На вопрос: «Что позволило ему прожить 104 года, сохранить хорошую память и до сих пор продолжать своё творчество – писать

[11] Наградной лист Шутенко Родиона Степановича к ордену Красного Знамени. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie 30240347/?backurl= (дата обращения: 22.07.2025).

[12] 315-я стрелковая дивизия. Свободная энциклопедия Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/315- (дата обращения: 22.07.2025).

картины, слагать стихи?» – ветеран говорил, что за свою жизнь он не выкурил ни одной папиросы, не выпил ни грамма спиртного.

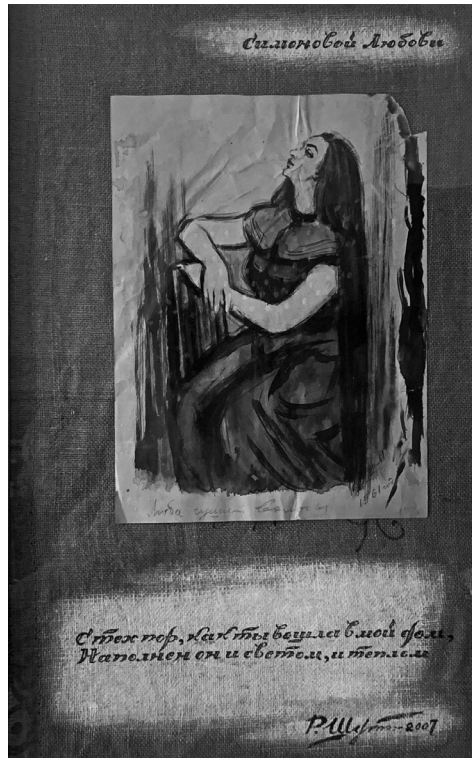
Картины, написанные маслом и акварелью, и сегодня украшают стены квартиры, здесь преобладают пейзажи и портреты, есть натюрморты, много картин на тему войны.

Часть картин посвящена супруге Любови Андреевне Симоновой, с которой он познакомился в пединституте в 1951 году.

Коллекцию картин, посвящённых Великой Отечественной войне, Родион Степанович передал в военно-исторический музей «Самбекские высоты».

P. S. Когда готовился к печати этот сборник, пришло известие, что 7 февраля на 95-м году ушёл из жизни Родион Степанович Шутенко.

Вечная память герою!

С. А. Шевченко

Памяти красноармейца И. М. Миндрина. По следам одной публикации

12 сентября 2021 г. на сайте «Одноклассники» мною была опубликована статья «История хутора Ивановский», что находится в Северном сельском поселении Зимовниковского района Ростовской области, с описанием боёв РККА в 1942–1943 гг. во время Великой Отечественной войны в этом населённом пункте. Её прочитала в Республике Беларусь внучка бойца Ивана Михайловича Миндрина, погибшего 3 января 1943 г. при освобождении хутора Ивановский. И только лишь в марте 2024 г. Анжела Леонидовна Леонович смогла связаться с автором статьи. Она интересовалась местом захоронения своего деда. В их семейном архиве хранится копия справки от 8 июля 1985 г. № 4/612 начальника Зимовниковского райвоенкомата подполковника Конограя на запрос Ростовского областного военного комиссара и Нелли Ивановны Матусевич (Миндриной), проживавшей на ул. Интернациональная, д. 4, г. Могилёв, Белорусская ССР.

Ответ гласит следующее: *«Сообщаю, что сведений о гибели и месте захоронения Ивана Михайловича Миндрина в Зимовниковском райвоенкомате не имеется. Хутор Ивановский ранее располагался на территории Северного сельского совета, и в настоящее время братская могила находится на территории овцесовхоза "Дружба" (х. Гашун). На основании справки ГУК МО СССР № 173/4/11–1216 от 16.05.1985 г. гвардии старший лейтенант Иван Михайлович Миндрин, 1919 года рождения, занесён в списки погибших и захороненных в хуторе Гашун Зимовниковского района Ростовской области. Дано указание председателю Северного сельского совета занести фамилию погибшего на мемориальную плиту захоронения»*[1].

[1] Копия Справки Зимовниковского райвоенкомата «Ответ на запрос Ростовского областного военного комиссара», 1985.

Благодаря сайту «Память народа», изучению Журналов боевых действий за 1942 и 1943 гг., Именных списков безвозвратных потерь начальствующего и младшего рядового состава, краевед, библиотекарь 1-й категории Мокрогашунского отдела МУК МЦБ Зимовниковского района Алла Александровна Мотовилова выявила сведения о старшем лейтенанте, помощнике начальника штаба по разведке 10-й гвардейской механизированной бригады Иване Михайловиче Миндрине (погиб 3 января 1943 г.)[2]. Таким образом, первоначально боец А. М. Миндрин был похоронен в х. Ивановский Зимовниковского района Ростовской области.

И. М. Миндрин

Иван Михайлович Миндрин родом из молокан, которых часто называют староверами. Но среди христиан не роднит их в общем ничего, кроме окладистой бороды. Они русские люди, которых при Екатерине Великой выслали на Кавказ, в нынешний Азербайджан. Их община проживала в селе Кировка Варташенского района, вблизи станции Евлах одноимённого города Азербайджанской железной дороги на линии Баку – Тбилиси – Карс. Иван Миндрин родился 23 октября 1919 г. в селе Ново-Саратовка Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана. Его отец погиб в горах Азербайджана в борьбе с басмачами, и маленького Ваню взял на воспитание брат отца.

После окончания средней школы Иван Миндрин поступил в Бакинское военное училище, которое окончил в 1939 г. Он получил назначение на воинскую службу в г. Могилёв Белоруссии. В этом городе Иван познакомился со своей будущей половинкой, а затем и женился на Нине Даниловне Колосковой. Вскоре И. М. Миндрина перевели служить в г. Белгород. Там в 1940 г. и родилась у молодо-

[2] Миндрин Иван Михайлович. Приказ об исключении из списков. // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_prikaz73964281/ (дата обращения: 19.03.2024).

жёнов дочь Нелли. В начале лета 1941 г. они всей семьёй приехали в отпуск на родину жены в г. Могилёв. Здесь и застала их Великая Отечественная война. Провожая мужа на фронт, Нина Даниловна просила его только обязательно вернуться, на что Иван Михайлович ей ответил: «Ты же знаешь меня, или грудь в крестах, или голова в кустах». Это были его последние слова.

После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков Н. Д. Миндрина получила извещение, в котором сказано, что боец И. М. Миндрин пропал без вести. Ивану Михайловичу Миндрину было всего 23 года, а он уже служил помощником начальника штабной разведки! И это за полтора года войны. Нелли Ивановна Матусевич (Миндрина), как дочь офицера, после войны получала достойную пенсию по потере кормильца. На эти деньги и жила вся большая семья (у Нины Даниловны, матери Нелли, было ещё четыре сестры). Жена и дочь ст. лейтенанта И. М. Миндрина делали многочисленные запросы по его поиску, но безрезультатно. Ответ архивистов и военкомов всегда был один: «Пропал без вести»[3].

Путаницу в поисках захоронения И. М. Миндрина объясняет следующая информация. 18 февраля 1946 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление № 405-1650 «О взятии на учёт воинских захоронений, о благоустройстве и сохранении братских могил и захоронений бойцов и командиров Красной армии, партизан и партизанок Великой Отечественной войны». В нём военным отделам комитетов партии, местным советам предписывалось до 1 июня 1946 г. взять на учёт все имеющиеся на подведомственной территории воинские захоронения и до 1 августа 1947 г. принять меры по их благоустройству. Основные затраты – финансовые, людские – ложились на плечи местных советов тяжёлым бременем.

Директива Генерального штаба Верховного Совета СССР, № 322/10310 от 4 марта 1965 г. к 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. всем военным

[3] Воспоминания Будкевич (Миндриной) Н. И. об отце Миндрине И. М. Предоставлены Леонович А. Л., 2024.

комиссариатам страны давала рекомендации по завершению работы по увековечиванию имён воинов, павших в боях за Родину и оформлению братских могил. Проводились такие действия и на территории Северного (б. Гашунского 1-го) сельского совета. Останки бойцов РККА из одиночных захоронений переносились в укрупнённые братские могилы в центре населённых пунктов сельсовета.

К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне в поселениях Зимовниковского района Ростовской области осуществлялась большая работа по уточнению списков погибших и умерших бойцов РККА на его территории, мест их первичного захоронения и перезахоронения, ремонт памятников на братских могилах солдат и офицеров, изготовление мемориальных табличек, благоустройство прилегающих территорий. Такая работа была продолжена и при подготовке к празднованию 80-летия Победы нашего народа в священной и справедливой Великой Отечественной войне сотрудниками Зимовниковского РВК и ад-

министраций сельских поселений. Большую помощь им и краеведам оказывают публикации материалов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) на сайтах «Память народа» и «Подвиг народа». На стене Памяти мемориала п. Гашун высечена фамилия И. М. Миндрина.

Хорошо, что место захоронения бойца И. М. Миндрина через столько лет всё-таки было установлено. Каждый год 9 мая вся большая семья рода Миндриных собирается у Нелли Ивановны Будкевич, вспоминают отца, деда и прадеда Ивана Михайловича Миндрина, поют военные песни, замирают в минуту молчания. В 2024 г. праздник 9 мая стал для них особенным. Потомки красноармейца И. М. Миндрина наконец-то узнали, где покоится их родной человек через 81 год после его гибели. Родственники из Беларуси лелеют мечту когда-нибудь приехать почтить память и поклониться его праху в п. Гашун Зимовниковского района Ростовской области России.

М. Н. Луночкин

Из истории льгот демобилизованным воинам Красной армии

В хуторском музее Чернышковского муниципального района Волгоградской области хранится неприметная листовка, переданная участником Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), которая привлекла внимание автора[1].

Политотдел Красной армии, после окончания войны, выпустил листовку озаглавленную «Что должен знать демобилизованный воин Красной Армии»[2].

Речь в ней шла о том, что «XII Сессия Верховного Совета Союза ССР приняла “Закон о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии“. В Законе ярко выражена сталинская забота о защитниках Родины, искренняя любовь к ним со стороны советского народа, щедро награждающего ратные труды воинов Красной армии.

По Закону все демобилизующиеся обеспечиваются полным комплектом обмундирования и обуви, бесплатным проездом и бесплатным питанием в пути до места жительства, а также солидным денежным вознаграждением. Закон обязывает органы Советской власти, руководителей предприятий и учреждений предоставлять работу демобилизованным не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства. При этом отпускники должны быть определены на работу не ниже той, которую они выполняли до ухода в армию.

В сельских местностях демобилизуемым будет оказана всемерная помощь, как в деле их устройства на работу, так и в обзаведении хозяйством.

Правительство позаботилось также о том, чтобы обеспечить демобилизуемых жилой площадью и топливом. В постановлении

[1] Музей х. Сизова. Чернышковский муниципальный район Волгоградской области.

[2] Копия листовки. Архив автора.

СНК РСФСР от 4 июля 1941 года за № 511 “О сохранении жилой площади за призванными в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота по мобилизации и о порядке ее оплаты“ говорится, что за всеми призванными или добровольно ушедшими в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота сохраняется жилая площадь на все время пребывания их в рядах Красной Армии. Отпускник, возвратившийся на Родину, получает свою жилую площадь безоговорочно. Если же его жилая площадь занята другим лицом, то следует обратиться к ближайшему прокурору для получения указаний о немедленном освобождении этой жилой площади от временных жильцов.

В районах, пострадавших от немецкой оккупации, нуждающимся отпускникам будет бесплатно отводиться лесосечный фонд для заготовки строительного леса и предоставляться государственные ссуды в сумме от 5 до 10 тысяч рублей со сроком погашения их в 5–10 лет». Эти льготы представлялись ветеранам войны и Чернышковского района Сталинградской области.

Условно, во второй части листовки, помещены льготы положенные награжденным за подвиги совершенных на войне:

«Многие отпускники за свои ратные подвиги награждены орденами Советского Союза. Орденоносцы в нашей стране пользуются дополнительными льготами.

Каждый награжденный орденами Советского Союза имеет личное право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям один раз в год (туда и обратно), освобождается от обложения подоходным налогом и сбором на нужды жилищного и культурно-бытового строительства. По доходам от других источников он освобождается от указанного налога и сбора, если этот доход не превышает 6. 000 рублей в год.

Орденоносцы оплачивают занимаемую ими жилую площадь в домах, в которых квартирная плата взимается по ставкам местных Советов, со скидкой от 10 до 50 проц[ентов]. Излишки жилплощади и дополнительная площадь оплачивается в одинарном размере. Стаж работы или службы для получения пенсии по инвалидности,

за выслугу лет и по другим основаниям для награжденных орденами сокращаются на одну треть.

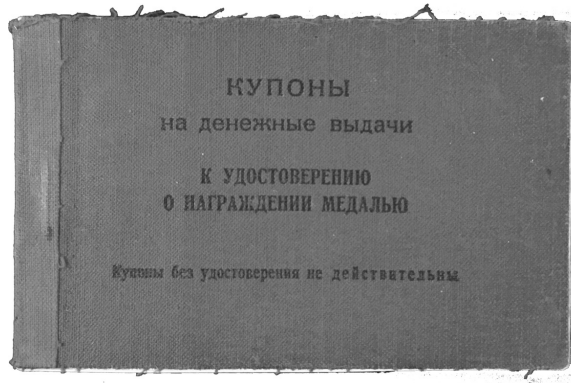
Орденоносцам выплачивается за счет государства:

по ордену Ленина – 25 рублей в месяц, Красное Знамя – 20 рублей в месяц, Красная Звезда – 15 рублей в месяц, Отечественной войны I степени – 20 рублей в месяц, Отечественной войны II степени – 15 рублей в месяц.

Награжденным орденом Славы ежемесячно выплачивается: по ордену Славы III степени – 5 рублей в месяц, по ордену Славы II степени – 10 рублей в месяц, по ордену Славы I степени – 15 рублей в месяц.

Воины, награжденные орденами Славы всех трех степеней, кроме льгот и преимуществ, установленных общим положением об орденах СССР, удостаиваются права на увеличение пенсии при утрате трудоспособности против положенной пенсии на 50 процентов, бесплатного обучения детей в средних и высших учебных заведениях».

В казачьем музее в одной из витрин лежат неприметные купоны на денежные выдачи к удостоверению о награждении[3]. Переданы они в музей бывшим фронтовиком. Посетители обычно не задерживаются подле них, а идут далее – к более интересным экспонатам.

[3] МКУК ЧКМ КП 30 – 24605098 «Купоны на денежные выдачи к удостоверению о награждении медалью (№ 901777)»

Но они стоят того, чтобы рассказать о них.

7 мая 1936 года Постановлением ЦИК было утверждено общее положение об орденах СССР, согласно которому, награжденному орденом СССР выплачивалась ежемесячно за счет государства определенная сумма.

Многие чернышковцы были награждены орденами и медалями, не только за героизм, проявленный на фронте, но и в мирной жизни и им полагались положенные денежные выплаты. Производились они на основании особого документа – Купонной книжки, вручаемой награжденному вместе с Орденской книжкой. Например, за ордена «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета» платили от 10 до 15 руб.[4]

Награждённые двумя и более наградами, получали денежные выплаты по каждой награде. Выплаты не облагались никаким налогом, на них не распространялись никакие взыскания, в том числе и по исполнительным листам. Также эти выплаты не принимались в расчёт при исчислении алиментов, квартирной платы, налогов и прочего.

Суммы были невесть какими, но все же они были подспорьем для семьи. Здесь напрашивается вопрос: а что можно было купить на эти деньги?

После войны на 20 рублей можно было купить 1 килограмм краковской колбасы или чуть меньше 1 килограмма сливочного масла, или три пачки сигарет «Казбек» высшего сорта или одну пару галош. Указанные цены были установлены на нормированные продукты и товары и получить их можно было лишь имея соответствующие карточки. В коммерческих магазинах цены были намного выше: буханка ржаного хлеба стоила 24 рубля[5].

Однако вскоре, с 1 января 1948 года, выплаты за ордена, а также льготы для орденоносцев в виде бесплатного проезда на

[4] Общее положение об орденах Союза ССР // Российская символика: [сайт]. URL: https://medal-sss.ru/Постановление_ЦИК_СССР_от_07.05.1936_г._№_56, _СНК_СССР_№_812 (дата обращения: 13.09. 2025).

[5] *Бисенбаев А.* Цена победы: почему Сталин отменял праздник 9 мая. URL: https://ulysmedia.kz/analitika/15807-tsena-pobedy-pochemu-stalin-otmenial-prazdnik-9-maia/ (дата обращения: 13.09. 2025).

городском транспорте и раз в год по железным и водным путям, были отменены.

Мотивировалось это тем, что: «Учитывая многочисленные предложения награжденных орденами и медалями СССР об отмене денежных выплат по орденам и медалям и некоторых других льгот, предоставляемых награжденным, и о направлении освобождающихся средств на восстановление и развитие народного хозяйства СССР».

Ценность наград в глазах фронтовиков сильно упала… Подрастающие в семье дети играли ими вместо игрушек, мальчишки в «сражениях награждали» самих себя… при этом некоторые награды повреждались или терялись.

Купоны же со временем за ненадобностью выкинули, но некоторые фронтовики книжечки все же сохранили в надежде, что те времена – уважения к наградам на уровне государства, вернутся. Но не вернулись – нужно было восстанавливать разрушенную страну, поднимать целину, осваивать космос…

Как память о тех льготах в музее остались листовки, купонные книжки и медали со спиленными ушками и сбитыми гуртами для детской игры в «Орлянку».

Сейчас схожая ситуация со льготами складывается с проведением специальной военной операции (СВО).

В 2024 году президент России Владимир Путин оценил число находящихся в зоне проведения СВО военных – 700 тысяч человек. Государство предоставляет им обширный набор мер поддержки, причем список этих льгот постоянно расширяется. «Лента.ру» рассказывает, какие финансовые, налоговые, социальные выплаты и льготы доступны военнослужащим и добровольцам, а также их семьям[6].

Надеемся, что история с отменой льгот «по просьбе» участников СВО, больше не повторится.

[6] Льготы участникам СВО в 2025 году. Как государство поддерживает военнослужащих, добровольцев и их семьи. URL: https://lenta.ru/articles/2025/05/05/lgoty-uchastnikam-svo/ (дата обращения: 13.09. 2025).

Археология

С. Ф. Токаренко, А. А. Колесников

Южный форпост России. О местоположении Раздорского городка

В данной публикации использованы несистематизированные материалы из архива Александра Александровича Колесникова, директора Раздорского этнографического музея-заповедника (1991–2000 гг.)

Данная публикация является развитием темы «Донские низовые казачьи городки», представленной в краеведческом альманахе «Донской временник»[1], с акцентом на современную археологию Раздорского городка и более обширное привлечение сопутствующих материалов. Отдельные моменты предыдущей статьи повторены для понимания общей картины.

Первая статья стала результатом прочтения статьи Н. С. Бойко «По следам первых экспедиций исследования заселения Нижнего Дона в период формирования казачества (первой половины XIX и середины XX веков)», опубликованной в сборнике «Пятнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова 2022»[2].

Просмотрев её «по диагонали», увидел названия знакомых мест – Раздоры, Поречный и т. п. Вернулся к началу и стал чи-

[1] *Токаренко С. Ф.* Донские низовые казачьи городки // Донской временник: краевед. альманах / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 33. Ростов-на-Дону, 2024. С. 175–189.

[2] *Бойко Н. С.* По следам первых экспедиций исследования заселения Нижнего Дона в период формирования казачества (первой половины XIX и середины XX веков). Сб. Пятнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. Кошманова 2022. Ростов-на-Дону: Изд. Альтаир, 2023. С. 19–35.

тать внимательно рассчитывая на новое, тем более, что Н. С. Бойко анонсировала свою статью: *«Настоящая работа является продолжением публикации результатов археологических исследований казачьих городков Нижнего Дона»*[3].

Начало её статьи посвящено происхождению казачества и этимологии слова «казак», и с доводами ею приводимыми можно только соглашаться. Критику и неприятие они вызвали только у казаков, *«ведущих происхождение от скифов и хазар»*, чему мне тоже довелось стать свидетелем. В последние десятилетия эти казаки заметно активизировались в связи с официальным курсом на возрождение казачества.

Следующая часть статьи Н. С. Бойко посвящена Раздорскому городку на острове Поречном. По прочтении этой части ожидание нового, предполагавшееся вначале, исчезло. В этой публикации нет ничего нового, неизвестного со времени раскопок З. А. Виткова, и совсем непонятно, что же является *«продолжением публикации результатов археологических исследований казачьих городков»*[4].

То, что относится к археологии в статье Н. С. Бойко, сформулировано З. А. Витковым в его публикациях ещё в 1956–58 гг. Исследования и публикации З. А. Виткова важны и интересны, и читаются как литературные произведения в жанре детектива, но результаты исследований и выводы актуальны, всё же, только на время формулирования. Прошло почти 70 лет, и многое изменилось. Все более поздние исследования, разведки, раскопки и т. п. на острове Поречном у Н. С. Бойко «не имеются в виду».

Казачий период и соответствующие ему материальные комплексы по временной принадлежности находятся между археологией и этнографией, и обычно выпадают из поля зрения традиционной археологии, занимающейся памятниками дописьменного периода, поскольку в казачьем периоде существует масса не только письменных, но уже и печатных источников.

[3] *Бойко Н. С.* Указ. соч. С. 19.

[4] Там же. С. 19.

В настоящее время методы археологии всё чаще привлекаются для самых разных исследований. Появилась даже «военная археология».

В советский период археологические отчёты обычно посвящали материалам казачьего периода несколько строк, хотя они часто встречаются в ходе раскопок.

З. А. Витков, по-видимому, был первым, кто использовал методы археологии для исследования казачьих городков. В своей работе «К вопросу о местоположении нижнедонских городков» (1958 г.) наиболее углублённо охарактеризовал исследованные им в составе археологических экспедиций городки. Он же впервые опубликовал выдержки из архивных документов, касающихся географии и истории возникновения казачьих городков.

Объективно сама постановка вопроса поиска и исследования казачьих поселений возникает на стыке разных наук: истории, археологии, географии, гидрографии, архитектуры и этнографии.

Мне много раз приходилось быть в «тамошних» местах, иметь дела и вести поиски с людьми, которые всерьёз вели розыски Раздорского городка. Совокупность этих и архивных материалов составляет нижеследующую статью.

О новых фактах, материалах сборов и раскопок, новых версиях и т. п., появившихся за истекшие десятилетия, можно порассуждать.

Описывать положение Раздорского городка в географии и во времени следует в совокупности с другими казачьими городками.

Аксайский или Казачий остров

С появлением на донских просторах казаков, по этим землям прошла южная граница России, которую они защищали на протяжении трёх веков.

Путь турок и разнообразных кочевников, союзных туркам (татар, ногайцев, черкесов и т. п.), проникавших в глубину России, был отмечен пожарищами городов и реками человеческой крови. Казачьи городки теперь первыми принимали удар неприятеля. Для удержания врагов и собственной защиты казаки укрепляют свои

поселения, они создают простой и оригинальный тип крепостей, устраиваемых на речных островах.

Цель данной публикации – попытаться выявить закономерности в возникновении казачьих городков, расположенных на границе с Турцией и показать их роль в пограничной службе и в защите южной окраины Российского государства.

Уже в XVI в. на Нижнем Дону появляются первые казачьи городки на постоянной основе, хотя в этот же период существовали и временные или сезонные городки, размещавшиеся на небольших островках, входивших в систему двух обширных островов, называемых в то время Казачий и Раздорный. Рассматривая топографию Дона по старым и современным картам и анализируя документы XVI–XVII вв., невольно обращаешь внимание на два острова – Аксайский и Поречный. На этих двух обширных островах, называемых в старину Казачий и Раздорный, располагались, в свою очередь на ещё более мелких островах, все низовые казачьи городки. Для решения поставленной задачи рассмотрен отдельный территориальный комплекс – Аксайский остров с существовавшими на нём городками, связь между ними и совместное их бытование. Выделение Аксайского острова для демонстрации его особого значения в защите юга России не случайно. В конце XVI века на этом стратегически выгодном месте, в непосредственной близости от Азова, появились первые казачьи городки, в XVII веке они возглавили борьбу донского казачества с турецко-татарской агрессией.

Письменные источники XVI–XVII столетий, состоящие из дипломатической переписки русского царя с турками и татарами, царских грамот на Дон и казачьих в Посольский приказ, старых карт и планов, позволяют проследить формирование казачьих городков.

Самое первое из известных упоминаний о казачьих городках – в 1549 году. Ногайский князь Юсуф жалуется русскому царю: *«… Холопи твои, нехто Сарыазман … на Дону … в трёх … четырёх местах городы поделали, да наших послов и людей … стерегут …»*[5].

[5] *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. С. 223.

В отписке из Константинополя русского посла в Турции Григория Нащокина царю Фёдору Ивановичу от 20 февраля 1593 г. впервые появляются названия казачьих городков: *«… А поставил де государь ваш новых четыре города близко Азова, на Манычи, да в Черкаской и в Раздорах, и из тех городков казаки, приходя Азову тесноту чинят»*[6].

В этом фрагменте впервые названы три городка казаков. Главный – Раздорский, находился в устье Северского Донца (сейчас принято считать, что это устье Сухого Донца), а Черкасский и Манычский находились на Аксайском острове.

Одна из первых карт с указанием местоположения казачьих городков и их численности выполнена голландским купцом Исааком Массой в 1612 г. (*см. на вклейке*). Он прибыл в Россию в 1601 году и прожил здесь довольно продолжительное время, 1601–1609 гг. и 1612–1634 гг., оставив после себя кроме двух карт, довольно яркое и колоритное описание России. Датировка карт сильно различается в разных источниках[7].

Следует остановиться на топографии Аксайского острова, вытянувшегося на 50 км с запада на восток. Его западная часть располагалась на расстоянии 38 км от турецкого Азова, а восточная в 20 км от Раздорского городка, являвшегося в XVI – первой четверти XVII вв. войсковым центром донских казаков. Главный войсковой городок стоял во главе казачьей обороны и координировал действия всего Войска Донского.

Аксайский остров, площадью около 330 квадратных километров, был изрезан во всех направлениях множеством речек, ериков, озёр и болот, образующих малые и большие острова. На территории Аксайского острова расположены озёра: Песчаное, Чаконоватое, Атаманское, Круглое, Балагурское, Малый Сундук, Круглик, Штанцы, Кругленькое, Рукавичкино, Грековo, Горелкино, Стешкино, Налыгачево, Куговатка, Головастое, Хомутец, Бугаёво, Кри-

[6] *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли войска Донского. Изд. 2. Новочеркасск, 1903. С. 60.

[7] Карта России начала XVII века Исаака Массы // Это Место: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=3581 (дата обращения: 12.05.2025).

вое, Денисово, Поповское, Долгое, Кривчик, Прогнойцы, Таловое, Широкие Бакланцы. К числу относительно крупных озёр острова относились Монастырское, Харасеев Лиман и Большой Сундук. Среди обилия ериков острова можно встретить такие названия как Глухой, Орехов, Плаксиха, Васильев, Прорва, Казачий, Кривая Музга, Гнилой, Манацкий, Аксайский, Грачевник, Бакланцы, Матвеевский. Наиболее крупные ерики: Караич, Золотой, Чурнас, Васильев расположены в центральной и восточной частях острова.

Выбор казаками этого острова для своих поселений преднамерен. Это позволяло казакам заниматься разведением лошадей, охотой и рыбной ловлей в пределах этого обширного пространства. Исходя из своеобразных условий местности и военной обстановки, низовые казаки выбирали для своих городков наиболее защищённые места в заболоченной пойме на островах Дона. Видимо эти исключительно защитные качества Аксайского острова, созданные самой природой, стали решающим фактором при выборе казаками мест для нескольких своих городков и послужили созданию передового форпоста южных границ России.

В середине XVII в. казаки так описывают свою низовую казачью республику на Аксайском острове: *«… а в длину де того острова будет на 40 вёрст, вверх де по Дону. А тот Оксайский остров обшол их три городка: Черкаской, Маныч, Бесергенев, а поперёг межь Оксая и Дону на 5 вёрст. А Монастырский де яр по конец того Оксайского острова, от их Черкаского городка версты с три вниз по Дону. … и конского де корму на том острову много … и рыбных де ловель много. … около де их Черкаского городка сееных покосов много, кормить лошадей есть где, и беречь де их мошно, … а к зиме де они готовят сена …»*[8]

Таким образом, выбор Аксайского острова казаками для проживания и устройства городков обоснован и заранее преднамерен. Появлению городков на Аксайском острове, в непосредственной близости от турецкого Азова, несомненно, способствовала обстановка в Турции и в России. С одной стороны, занятость Порты в

[8] Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. С. 794–795.

боевых действиях против Ирана и борьбы с восстаниями внутри самой Турции, а с другой стороны, активизировавшееся в России бегство на южные окраины.

Самым крайним, ближайшим к турецкому Азову, был Монастырский городок. Первое упоминание о городке, располагавшемся на Монастырском Яру, есть в документах XVI века «Роспись казачьим городкам», датируемую 1594 г., завершают три казачьих городка, расположенных на Аксайском острове – *«… Маныч, Черкасский, Нижний городок. Самый последний от Азова в двадцати верстах»*. Отмерив указанное расстояние по топографической карте, остановимся на Монастырском урочище. Подтверждением тому расположение Монастырского на небольшом незатапливаемом возвышении. Городок располагался здесь в XVI – начале XVII вв. и ничем особо не отличался от других казачьих городков. Его укрепления составляли ров и вал, опоясывающие городок по периметру.

Во второй четверти XVII в. войсковой центр перемещается из Раздор на Аксайский остров и до 1637 г. находится на Монастырском яру. Расположенный здесь казачий городок стал во главе обороны острова и всего Дона. При приближении неприятеля к одному из городков Казачьего острова, казаки близлежащих городков, собранные в Монастырском, вестовым колоколом и выстрелами из сигнальных пушек оповещали о необходимости защиты острова.

Монастырский городок располагался в западной части Казачьего острова, с его северной стороны находилось Монастырское озеро. В архивных документах середины XVII в. сохранилось его описание: *«… Озеро то в длину версты с полторы, в ширину с Москву–реку …»*. Рассматривая на картах топографию озера можно предположить, что прямой канал от озера к Монастырской протоке искусственного происхождения, и прорыт казаками для стоянки казачьего флота на озере.

Это предположение обосновывается и тем, что в основном русле Дона казаки старались не удерживать долго своих судов – *«… от речной погоды суды волнами разобьёт. А у нас место под-*

морное, долго суды у берега не стоят». Монастырский городок в рассматриваемый период стал базой для флота казаков, совершавших морские походы в Турцию и Крым. Всегдашним камнем преткновения для казачьего флота был турецкий Азов и построенные в устьях Дона башни Каланчи. Эти турецкие крепости, вклинившиеся в границы России, стали своеобразным плацдармом для совместных походов турок и татар на российские города. Весной 1637 г. казаки со всех городков собрались в Монастырском, который стал опорным пунктом для борьбы с Азовом. После двухмесячной осады Азовская крепость была взята. За пять лет пребывания казаков в Азове (1637–1642 гг.) набеги турок и татар на южнорусские города прекратились. Казаки, овладевшие городом и отстоявшие его в 1641 г. (Азовское сидение) предложили русскому царю принять город и оказать им помощь. Но русский царь, Михаил Фёдорович, боясь войны с Турцией, не решился послать войска на помощь казакам и приказал покинуть город. Мир с Турцией был устойчивым принципом внешней политики первых царей Романовых, в чём они впоследствии разочаровались. Не получившие поддержки, мужественные защитники Азовской крепости покинули её с горькой мыслью, что, если бы туркам был дан совместный решительный отпор, и Азов остался за Россией, русская кровь больше бы не проливалась на юге государства.

С возвращением турок в Азов в 1642 г. турецкая экспансия на этом окраинном участке России возросла многократно. Мстя измотанному боями малочисленному казачьему войску за посрамление своего оружия под Азовом (в 1637 г. турки не отстояли Азова, а в 1641 г. не смогли взять его), турки в первую очередь выжгли оставленные казаками городки Казачьего острова.

22 апреля 1643 г. был выжжен Манычский городок, а 29 апреля Черкасский и Монастырский городки. На следующий год турки поднялись вверх по Дону и выжгли Голубинский и Кагальницкий городки.

Таков был результат борьбы донских казаков за Азов. Из победителей, выдержавших осаду (Азовское осадное сидение) намного

превосходящих сил турецкой армии, удивившие мир своим героизмом, при попустительстве русского царя, они превратились в разорённых и гонимых турками людей, вынужденных бегать из одного городка в другой и искать убежища от тех, кого они привыкли бить. В 1644 г. казаки решают снова укрепиться на Аксайском острове.

В семи километрах восточнее Монастырского находился Черкасский городок. Как и все городки Аксайского острова, он располагался на небольшом удобозащищаемом острове. С южной стороны городок омывался Доном, с северной и восточной стороны Протокой, с западной – Танькиным ериком.

В отношении оборонительных укреплений Черкасск был исключением. Он превратился в мощную казачью крепость на Дону. На Черкасском острове строились уже не временные плетёные укрепления, а крепость, окружённая валами, деревянными башнями и крепостными стенами. Архивные документы сохранили описание Черкаской крепости, ставшей в 1644 г. военным, административным и торговым центром донского казачества. На многочисленных планах XVIII в. перед нами предстаёт островная крепость (рис. 1). Её крепостные стены словно очерчивают остров, на котором располагался город Черкасск. Для ведения фланкирующего огня все семь раскатов выступают за линию крепостной стены и расположены на расстоянии, не превышающем дальность ружейного выстрела. Как показывают археологические раскопки и архивные документы, крепостные стены и раскаты представляли собой двойной деревянный сруб, заполненный землёй, песком и камнем. Толщина стены к основанию доходит до 6 метров, а высота – 5 метров, Крайние, самые мощные, раскаты, с восточной и западной стороны, принимавшие основную нагрузку при обороне, имели толщину (ширину) от 18 до 35 метров.

Вражеские отряды, в задачи которых входило *«… разорить все казачьи городки вплоть до Воронежа …»*, не проходили мимо передовых городков острова, не напав на них. Но чаще всего воинственные соседи стремились овладеть Черкасском. 29 апреля 1643 года им удалось сжечь городок. В 1644 году Черкасск был восста-

новлен с переходом сюда из Раздор войскового центра, и этот, новый, городок за последующие пять лет (1645–1650 гг.) выдержал ещё семь нападений неприятеля:

– всю зиму 1645 г. город был осаждён отрядами турок и татар;

– 6 июля 1646 г. многочисленное войско татар под руководством Нурадына приступило к городу, но под давлением казаков и русских войск (впервые пришедших на помощь казакам) было отброшено от Черкасска;

– 19 и 28 июля 1647 г., азовский Мустафа-бей и Алей-ага приступили к городу *«конной и судовой ратью».* Защитники Черкасска отразили все приступы врага и заставили его бежать. При бегстве неприятеля казаки вывели из городка свои струги и настигли неприятеля, захватив его флотилию;

– в январе и октябре 1648 г. турецко-татарские отряды сделали ещё две попытки овладеть городом, но были отбиты казаками;

– весной 1649 г. во время морского похода казаков, азовский бей с турецко-татарским войском решил воспользоваться удобным случаем. Неприятель совершает хитрый маневр – ставит свои суда на катки и пытается перевезти их выше по Дону. Спустив суда выше Черкасска *«конная и судовая рать»* должна была совместным решительным ударом напасть на город с восточной стороны – откуда их меньше всего ожидали. Но этот маневр был разгадан казаками, прогнавшими неприятеля и завладевшими его флотом.

Вообще же угроза нападения для казаков была постоянной. Более поздний документ, Грамота на Дон 23 января 1691 года предупреждает: *«… А при том нам велик. государем известно, что соединяются на вас атаманов и казаков войною турки, и крымцы, и ногайцы, и черкесы … и хотят приступить к Черкасскому большим собранием вскоре, а розоря-б Черкаской и Дон реку очистя, отдать во владение турскаму салтану … Подосланы были из Азова в Черкаской с товары для проведывания вестей в лазутчиках азовцов два человека, которые вам сказали, что прислал к вам их … для осмотра в Черкаском крепостей азовской бей … а осмотрев город и всякие крепости, также сметя (посчитав) казаков и*

сколько пушек, бею и аге сказать, а они де … намерены приходить войною под Черкаской и разорить и выжечь»[9].

Таким образом, казаки отличались искусной защитой своих городков. Изучая исторические документы можно представить себе действия низовой казачьей республики на Аксайском острове.

При приближении неприятеля к одному из городков Аксайского острова, сигналом для сбора войска из соседних городков служил вестовой колокол и выстрелы из сигнальных пушек. Расположенные на расстоянии 9–16 км друг от друга городки этого острова, таким образом, хорошо сообщались между собой.

В казачью станицу – Черкасск от казачьей разведки поступали сведения о положении дел в Турции и Крыму, направлениях предполагаемых походов турок и татар, сборе войск в турецком Азове. Эти сведения направлялись также в Москву. Москва могла координировать действия казаков масштабно. В грамоте на Дон 23 сентября 1671 года это выглядит так: *«… а велено вам атаманам и казакам, … идти для промыслу на Казачий ерек … с теми казаки, которые в Черкаском и в Скородуме и в Прибылом городках безо всякие мешкоты …»*[10].

При выступлении неприятеля из Азова, караулы казаков в окрестностях пограничного с турками Аксайского острова доносили в войсковой центр о предполагаемом нападении. В Черкасске ударами «сполошного» (вестового) 30-пудового колокола собирали на защиту острова казаков из ближайших городков – Манычского, Багаевского и Бессергеневского.

В самом конце XVII в. во время Азовских походов в казачьей станице Черкасске побывал Пётр I , и в его дневнике появляется запись: *«Город Черкаской стоит на берегу, на правой стороне реки Дон, обрублен дубовым струбом и сделаны три раската и те стороны огорожены плетнём»*[11].

Сподвижник Петра адмирал Крюйс, побывавший на Дону в 1699 году, в своей книге «Размышления о Доне, Азовском море,

[9] *Сухоруков В. Д.* Указ. соч. С. 342.

[10] Там же. С. 303.

[11] Юрнал Петра I. Походный журнал 1695 года. СПб., 1853. С. 18.

Воронеже и Азове» записал: *«В 39 казачьих городках есть главный город Черкаской, на острову среди Дона; изрядно укреплён бастионами и башнями старинною формою с 60 пушками, содержит гарнизону от 7000 до 8000 храбрых человек, конных, пеших и матросов»*[12].

Эта запись характеризует главный казачий город – Черкасский на исходе XVII века. С XVIII века Черкасская крепость начинает застраиваться согласно фортификационным канонам того времени.

Раздорский или Раздорный остров

Раздорский остров, где располагалась другая группа казачьих городков во главе с одноимённым Раздорским, находилась в устье Северского Донца и отстояла от Аксайского острова в 20 км вверх по Дону. Само же название острова происходит от слова *«раздор»* – разноречье, разделение реки на рукава. Слово *«раздор»* и производные от него, как термины обозначающие разделение реки на отдельные рукава, были общеприняты и широко использовались. И поэтому на Дону есть множество мест, в том числе и поселений, названия которых связаны с такой географией. Следует отметить, что у рыбаков сейчас такие места разделения реки имеют название «штаны».

Остров был весьма выгоден казакам, так как запирал проход неприятелю как вверх по Дону, так и по Северскому Донцу. Располагавшийся на этом острове Раздорский городок – один из самых старинных казачьих городков на Дону.

Городок Раздоры в документах XVI – XVII вв. встречается довольно часто, так как в нём размещалось «главное войско», – главное управление Донского казачества. Этот городок был первым войсковым центром казачества в начальный период истории донского казачества – в XVI – первой четверти XVII в.

В настоящее время, когда Дон и Северский Донец изменили свои русла, конфигурация острова также претерпела значительные изменения, Раздорский остров в своей форме напоминал обшир-

[12] *Корнелий Крюйс*. Размышления о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове. Цитируется по материалам личного архива А. А. Колесникова Б/М. 1986. (Рукопись).

ный треугольник. В отписке казаков российскому царю за 1648 г. такой текст: *«… а Раздорной де остров от их Черкаского городка сухим путём вёрст с 40, а водяным путём будет вёрст с 80, а в длину де того острова будет вёрст на 20, а поперёг на 15 вёрст»*[13].

Раздорский городок являлся местом, куда собирались казаки из всех нижних городков перед выступлением в поход. Здесь происходили своеобразные казачьи Вече (казачий круг), общевойсковые молебствования, и находилась церковь. Сюда приезжали купцы со своими товарами. Естественно, что Раздорский городок мог быть больше других. Учитывая, что до XVII в. Включительно подавляющее большинство казаков жило в землянках или жалких куренях, городок мог вместить до 1000 жителей[14].

Сейчас общепринятой версией считается, что Раздорский городок находился на западной части острова Поречный, образуемого рукавом Сухой Донец и Доном, напротив современной станицы Раздорской.

Вместо указанных в середине XVII в. 20 вёрст в длину и 15 в ширину, протяжённость острова Поречный составляет 3 на 4 км. Можно предположить, что казачьи городки Раздорский, Семикаракорский и Кочетовский, располагавшиеся согласно документам XVII в., на расстоянии 17 вёрст, находились на более обширном острове.

Раздорский городок представлял собой хорошо укреплённый военный стан. Здесь жили казаки, готовые каждую минуту по выстрелу вестовой пушки или звуку вестового колокола выступить в боевой поход или отразить внезапный вражеский набег. Городок служил казакам надёжным убежищем. Здесь их охраняли от вражеских набегов естественные водные преграды – реки Дон и Северский Донец, многочисленные протоки и ерики, а также леса, произраставшие здесь в то время.

В Раздорах была активная жизнь: на казачьем кругу решали важные вопросы, производили суды, награждения и наказания, принимали царёвых послов, делили военную добычу. Отсюда всем

[13] Донские дела. СПб. (Пг) 1898–1917. Кн. 3. С. 794.

[14] *Бойко Н. С.* Указ. соч. С. 29–30.

войском или отдельными отрядами шли *«воевать Азов»* и в походы на Крым, возвращались с добычей, продавали её приезжим купцам. Насыщенной была и бытовая, и гражданская жизнь в городке. В течение длительного времени на относительно небольшом месте обитало множество людей. И они должны были оставить следы своего пребывания – культурный слой этого периода. *«Место, на котором в течение какого-то времени жили люди, долго сохраняет следы их жизнедеятельности. Это выражается в том, что нарушается первоначальный почвенный слой. Растительный покров вытаптывается, сооружаются жилища, очаги, печи, хозяйственные постройки, ямы, ограды и т.п. Затем постепенно накапливаются отходы, мусор. Старые жилища ветшают, разрушаются. На их месте или рядом возводятся новые, вновь появляются отходы и т. д. ... которые постепенно втаптываются в землю, затягиваются пылью, наносами от атмосферных осадков и т. д. ... зарастают травами и кустарниками ... образуется новый почвенный слой, который скроет полностью остатки бывшего поселения. Так на месте длительной жизнедеятельности людей образуется и накапливается культурный слой. ...*

Все слои будут отличаться друг от друга цветом, а культурный слой – ещё и наличием культурных остатков – обломков керамики, угольков, уплотнёнными участками полов жилищ и различными неистлевшими в земле остатками вещей или вещами»[15]. До настоящего времени никто из искавших и исследовавших ничего похожего на культурный слой не обнаружил.

Первый, кто занялся поиском Раздорского городка с применением методов археологии, был З. А. Витков. Итоги этих поисков были опубликованы в 1958 году.

«На поверхности острова экспедиция не обнаружила никаких следов существовавшего здесь некогда городка»[16].

[15] *Мартынов А. И., Шер Я. А.* Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1989. С. 12–13.

[16] *Витков З. А.* К вопросу о местоположении нижнедонских казачьих городков. В сб. Учёные записки. Т. 2. Вып. 2. Мурманск, 1958. С. 158.

Для выбора места, где мог располагаться городок, Витков прибегнул к данным из летописных источников и распросам старожилов. Изначально и полностью эта версия базируется исключительно на устной традиции. На этой основе был сделан вывод, что Раздорский городок занимал площадь юго-западного угла острова, ограждённую старым руслом Дона и ериком Артёмчик. Ещё с востока городок прикрывался озером Перекопским и каналом Перекоп. Здесь, на местности, так же никаких следов не обнаружено. На поверхности этого, выделенного таким образом, городища экспедиция, несмотря на тщательный осмотр, не обнаружила подъёмного материала. Заложенные в разных местах в южной части предполагаемого городка четыре траншеи разного размера глубиной от 1,7 до 2,87 м не выявили культурного слоя или каких-либо материалов казачьего периода.

Несмотря на такую неудачу, представления З. А. Виткова о местоположении Раздорского городка не изменились: уточнить и сделать выводы можно будет только после тщательного изучения топографии старинных карт, исторических архивных документов и проведения археологических разведок на острове Поречном.

С тех пор и доныне, в разные годы, на острове проводили археологические разведки и раскопки разные исследователи и организации (от Государственного Эрмитажа до Раздорского этнографического музея-заповедника). Некоторые ставили целью разысканий именно Раздорский городок (эти ориентировались преимущественно на соображения З. А. Виткова), другие исследовали иные объекты культурного наследия. На настоящее время на острове Поречном насчитывается восемь объектов культурного наследия, включая предполагаемый городок.

С 1960 по 1977 гг. на Ракушечном Яре в течение одиннадцати полевых сезонов раскопки проводились археологической экспедицией Ленинградского университета под руководством Т. Д. Белановской. В 1975 г. там же проводил раскопки Д. Я. Телегин. С 2009 г. и по настоящее время (с перерывами) раскопки ведёт РРОО «Донское археологическое общество» под руководством А. В. Цыбрия. Несколько последних лет (с 2006 г.) здесь же

ведут такую же работу сотрудники отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа под руководством Е. В. Долбуновой.

Все перечисленные экспедиции вели раскопки на северо-западном углу острова, на памятнике периода неолита-энеолита, но все проводили разведки и сборы по берегу выше и ниже по течению. Также закладывали шурфы на других участках острова. Все эти мероприятия не сопровождались выявлением каких-либо материалов казачьего периода.

В 1993 г. совместная экспедиция РЭМЗ (Раздорский этнографический музей-заповедник) и музея археологии Ростовского педагогического университета занималась выявлением памятников археологии на острове. Эта экспедиция ставила конкретной целью и выявление Раздорского городка. Шурфовка проводилась в юго-восточной и юго-западной частях острова Поречного. В восточной части были выявлены поселение, кочевья и погребения нескольких археологических культур.

В юго-западной части острова, на территории предполагаемого городка, на земляных сооружениях, которые принято считать оборонительными валами городка, шурфовка также не выявила культурного слоя или каких-либо материалов казачьего периода.

Кроме археологических раскопок активные, многочисленные и упорные попытки предпринимали многие сотрудники Раздорского музея. Тщательные и плановые мероприятия разведочного характера проводил В. В. Алейников, ныне известный археолог, а на тот период работник РЭМЗ. А. А. Колесников, директор РЭМЗ, в сезоны больших половодий пытался исследовать незатапливаемые участки острова, выявляя их в процессе плаваний на лодке по затопленному острову. Но все эти мероприятия не сопровождались открытием материалов казачьего периода, – результаты были ничтожны.

Самые последние раскопки 2019–2020 гг. проводились ГАУКРО «Донское наследие» в формате программы «Определение границ объектов культурного наследия на острове Поречном».

Было заложено восемь щурфов для определения стратиграфии, один из них в непосредственной близости от Петровской гавани. З. А. Витков считал эту территорию *«… наиболее удобным местом для городка, исходя из стратегических соображений … так как именно это место, где оба рукава реки снова сливаются, является ключевой позицией на реке»*[17]. Этот шурф также оказался стерилен в отношении материалов раннего казачьего периода. То есть с тех пор, как в 1958 году З. А. Витков сформулировал свои выводы, ситуация не изменилась: культурный слой казачьего периода не выявлен, материалы раннего казачьего периода не обнаружены. В отношении Раздорского городка итоги раскопок также «юридически ничтожны», если использовать правовые термины.

З. А. Витков объяснял отсутствие культурного слоя исключительно *«ежегодными бурными половодьями»*[18]. По мнению З. А. Виткова эти весенние половодья (сейчас такие имеют термин «катастрофические»), смывали культурные слои городка.

Примерно такое же заключение формулирует и Н. С. Бойко: *«То, что здесь не обнаружено следов археологического слоя, объясняется той же причиной, что и в Раздорском городке, – действием воды»*[19].

Паводки на Дону действительно были регулярны и сопровождались обилием воды. Последнее подобное наводнение наблюдалось в 1994 году. В окрестностях города Семикаракорска, в пойме реки Сал, были смыты дачные посёлки: деревянные сооружения и материалы позже находили за несколько километров от «исходных позиций». Но смывалось далеко не всё, – компактные тяжёлые, заглублённые и т. п. предметы и материалы оставались на своих местах. В подобных ситуациях культурный слой не может исчезнуть полностью.

К тому же, в пойме Дона, по вязкому дну, тяжёлые предметы не смогут переноситься сильным течением на большие расстояния. В нашей местности предметы, переносимые течением в по-

[17] *Витков З. А.* Указ. соч. С. 158–159.

[18] *Витков З. А.* Указ. соч. С. 162.

[19] *Бойко Н. С.* Указ. соч. С. 35.

ловодье, будут отлагаться и накапливаться в низинах, складках рельефа, у возвышений и препятствий, на вязком грунте, – что так же не наблюдается на острове. Для сравнения на синхронном и соседнем (по карте К. И. Крюйса) Семикаракорском городке, находящемся в 8 км выше острова Поречного, материалы раннего казачьего периода обнаруживаются сотнями экземпляров. В береговом обрыве, высотой до 6 м, на котором располагалось поселение, можно выделить до 23 песчаных слоёв, в верхней трети которых и в пограничном слое между чернозёмом и песком массово рассеяны обломки керамики аналогичные тем, которые традиционно встречаются на других казачьих городках и датируются второй половиной XVII и первой половиной XVIII столетий. Мощность чернозёмного слоя составляет 0,5–0,7 м. Стратиграфия и распределение археологических материалов не имеют следов серьёзного воздействия разливов Дона на культурный слой этого поселения[20].

В качестве иллюстрации катастрофического воздействия половодий на объекты на острове З. А. Витков ссылается на рассказы местных жителей: *«… из расспросов старожилов удалось установить, что после перемещения станицы на теперешнее место, на территории старого городка был поставлен каменный поминальный крест, унесённый половодьем в 1917 году. Казаки установили на его месте дубовый крест, пенёк от которого был обнаружен экспедицией с помощью местных жителей почти в центре между рукавами ерика Артёмчик…»*[21]. Далее ещё следует уточнение, что крест был *«весом в 10 пудов»*[22].

Можно допустить, что вода каким-то мощным потоком повалила крест или, если он стоял, на какой-то возвышенности, подмыла его. Но совершенно невероятно, чтобы плоский предмет весом 160 кг был как-либо «унесён» со своего места, – Дон не горная река с большим уклоном и каменистым дном, по которому тяжёлые предметы могут как-то перемещаться.

[20] *Токаренко С. Ф.* Находки Семикаракорского городка // Донской временник: краевед. альманах / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 30. Ростов-на-Дону, 2021. С. 120–124.

[21] *Витков З. А.* Указ. соч. С. 159.

[22] Там же. С. 162.

Следует также иметь в виду, что И. М. Сулин в «Кратком описании станиц области войска Донского» в 1890 году даёт описание креста совсем отличного от описанного старожилами и, соответственно, описанного Витковым: *«Процессия достигает до места стараго городка, где стоит толстый дубовый крест с иконою Божией Матери и с надписью: "Здесь покоятся прахи прародителей древняго городка Раздор"»*[23].

А. А. Колесников в 1987 году демонстрировал мне пенёк, который считали остатком креста – высотой 20–30 см и диаметром 12–15 см. Располагался он на месте, где, как принято считать сейчас, располагался городок или, возможно, рядом с этим местом, к северу. Не возьмусь судить о его возрасте и других качествах, – это был обычный пенёк.

В те годы на острове велась довольно интенсивная сельскохозяйственная деятельность: летом там жили два небольших табуна лошадей, паслось большое стадо коров на западном берегу. На обрыве, располагался загон для скота, сооружённый из жердей (примерно такого же диаметра, как и «пенёк креста»), жилище для людей типа вагона, здесь же лежало плавательное средство, сооружённое на железных понтонах. На острове было множество троп. В глубине острова располагалось ещё какое-то хозяйственное сооружение.

Эта территория тогда не была заповедной или заброшенной, видимо, и ранее служила для хозяйственной деятельности. Возможно, следы и остатки земляных сооружений, валы «искусственного происхождения» могли быть сооружены и позже, чем в XVII – XVIII вв. с простыми и невоенными целями.

Например, в 1942 г., на острове Поречном был учебный лагерь калмыцкой дивизии (110-й ККД). Об этом пишет В. А. Хитров в своих мемуарах «Я должен Вам сказать»: *«Когда немцы рвались через остров на Дону (теперь я уже позабыл его название) (ред., о. Поперечный, по описанию события происходили 18–23 июля 1942 г.), мне пришлось вести бойцов в рукопашную. Вот там мои*

[23] *Сулин И. М.* Краткое описание станиц области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1890. № 20. С. 792.

калмыки себя показали. ... Удержали мы тогда этот остров и немцев не пустили. После боя командир полка сказал мне, что я молодец»[24]. На картах, в том числе и современных, остров Поречный часто обозначают как Поперечный.

Возможность уничтожения следов Раздорского городка половодьем можно допустить, если бы он (городок) располагался в непосредственной близости от береговой линии и был очень небольшим по ширине (узкая полоса на берегу), и потому мог быть погребён под водой при каком–то переоформлении русла реки. Но и в этом случае какие–либо предметы и материалы остались бы на дне под водой.

Ориентиры для поиска и другую информацию о местности З. А. Витков, как следует из его публикации, иногда получал от местных жителей и старожилов.

Старожилы, безусловно, являются уважаемым источником информации, но ненадёжным. Следует иметь в виду, что их рассказы – это представления рассказчиков (или их предшественников, от которых услышан рассказ) о том, какой должна быть или должна выглядеть история с их точки зрения. Это самостоятельные произведения устного фольклора по мотивам каких-то событий, а не свидетельства истории.

Таким образом, оба утверждения З. А. Виткова – о местоположении Раздорского городка на острове Поречном и об уничтожении культурного слоя этого городка паводками – не выглядят убедительными. Городок, если он был на острове, не мог исчезнуть бесследно.

Согласно архивным документам, в 1622 году городок был разорён турками, в связи с чем, войсковой центр перемещается на Аксайский остров в Монастырский городок. Некоторое время спустя Раздорский городок был снова восстановлен и с 1640 г. снова упоминается в документах того времени. Первая казачья столица, куда теперь вернулись казаки после Азова (1640 г.), мало подходи-

[24] *Хитров В. А.* Я должен Вам сказать. М., 2008. С. 12.

ла для контроля устья Дона, для выхода в Азовское и Чёрное моря из-за удалённости от этих объектов.

Сами казаки так обосновывают неудобство Раздорского городка: *«… А как де их Турские люди збили с Манастырского острова, и они де стали жить на том Раздорном острову, … а занято было местечко, которое выше; и то де место в большую воду понимало; тот де остров Роздоры возле реки Дону, а около того острова обшёл Донец. А с Крымские де стороны против того острова гора высока, и от той де горы через Донец к острову место уско: как де приходили под их городок Турские и Крымские люди, и их было с тое горы из городка не токмо что из наряду, и из мелково ружья выбили»*. Так со слов В. Микитина в Москве описали в «Донских делах» ситуацию, сложившуюся в отношении Раздорского городка[25].

А. А. Колесников, как и все сотрудники Раздорского музея-заповедника, считал, что Раздорский городок находился на острове Поречном и потому полагал, что описанный в документе XVII в. обстрел производился с холмов на правом берегу реки Дон, в частности с холма с осыпающимся песочным склоном, ныне находящегося на окраине станицы Раздорской, местные жители называют эту часть станицы «Базки».

Сейчас правый берег Дона возле станицы Раздорской представляет собой оползневую зону, где восточные склоны холмов, расположенных параллельно берегу, являются оползневыми террасами и периодически «сползают» вниз, изменяя рельеф местности. Вероятно, ранее они были ближе к берегу и имели большую высоту.

Сейчас наибольшая высота холмов на этом участке 84–91 м, на большем отдалении от берега до 115 м.

Как уже было сказано выше, в соответствии с «классической» версией городок (в местных топонимах «старый городок») располагался в юго-западной части острова Поречный. Расстояние от

[25] Донские дела. СПб. (Пг) 1906. Кн. 3. С. 794.

холма до предполагаемого места городка составляет около одного километра.

Существует и другая, гораздо более поздняя, версия расположения городка на другом, бывшем, острове по соседству с Поречным. Этот остров на севере ограничивался руслом Дона (местные называют это русло Старым Доном, на картах XX века это русло обозначают как Протока Татарина и Новый Дон), на юге остров ограничивался бывшим руслом реки Дон, изогнутым в крутую дугу (рис. 2). До 1917 г. это русло было основным, после катастрофического паводка, спрямившего в нескольких местах русла Дона и Сала, оно превратилось в пересыхающее староречье («старицу»). Сейчас его называют речка Кривая или ерик Кривой. Таким образом, в настоящее время этот остров уже не является таковым. По этой версии, новой и менее популярной, Раздорский городок располагался на этом, бывшем, острове. Наиболее полно версия описана В. В. Рогудеевым[26].

Вторая версия также не подтверждается какими-либо материальными свидетельствами на местности и потому не отличается обоснованностью от традиционной, сейчас имеющей статус почти официальный.

Следует также иметь в виду, что существуют и другие карты, где остров Поречный не существует, но можно, при желании, выделить другой, гораздо более обширный остров. Так, к примеру, спецкарта западной части России Ф. Ф. Шуберта 1826 года. На этой карте правый рукав Северского Донца – Сухой Донец выглядит не в нынешнем его виде, как почти пересохшая река, а как полноводная, хотя местами неширокая, сравнимая с рекой Сал (рис. 3).

Многие водные объекты, обозначенные на этом пространстве на старых топографических картах, ныне уже не существуют. Множество озёр небольшой площади: Круглинькое, Долгонькое, Двойное, Гнилое, Песчаное, Иловатое, Камышеватое, Калиновское, Соломоново, Попово, Погондруево, Муружное, Мисюрино, Малолое

[26] *Рогудеев В. В.* К вопросу о местонахождении Раздорского городка и вероятных «корнях» казачьего жилища. Сб. Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск, 2004. С. 24–28.

Лебяжье, Сухие Вербы; большие и глубокие озёра: Петровское, Западное, Большое Лебяжье, Ерик Татарин, река Жегуля к настоящему времени исчезли – высохли и заросли кустами и деревьями, после зимы местами наполняются водой и выглядят как большие лужи. Таким образом, водоток на время составления этих карт был многократно больше. Если выделить территорию, ограниченную реками Дон, Северский Донец и Сухой Донец, то можно получить остров с максимальными размерами около 19 км в длину и 16 км в ширину. Эти размеры довольно близки к указанным в отписке казаков за 1648 г.: *«… а в длину того острова будет вёрст на 20, а поперёг на 15 вёрст»*[27], т. е. примерно 21 и 16 км.

По правой стороне реки Дон на этом острове, на протяжении примерно 16 км будут находиться городки Кочетовский, Семикаракорский и, возможно, где-то на западе Раздорский. В документах XVII в. их располагали на протяжении 17 вёрст (18 км).

На острове находилось множество водных объектов, важных для тогдашнего образа жизни казаков.

При впадении в Дон река Сухой Донец располагалась, по-видимому, гораздо ближе к подножию холмов, чем в настоящее время.

Эта информация и соображения сейчас приводятся не для того, чтобы сформулировать ещё какую-либо, третью, версию местоположения Раздорского городка, а как иллюстрация возможности других, совсем отличных от имеющихся вариантов, также без серьёзных оснований и тоже при отсутствии объективных ориентиров.

Наверное, следует ещё отметить большую уязвимость используемой «системы координат» – в архивных документах используемые ориентиры связаны с водными объектами: берег реки, какой-либо изгиб реки, места впадения притоков, устье, остров и т. п. Для нашей территории такие ориентиры ненадёжны, т. к. речная система очень подвижна. Дон и Сал имеют широкую пойму в несколько км, и потому при повышенных уровнях воды легко и часто меняют свои русла.

[27] Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. С. 794.

Для примера, схожая с местоположением Раздорского городка ситуация существует и в отношении первоначального расположения Семикаракорского городка. Семикаракоры меняли место, по-видимому, не менее пяти раз.

И. М. Сулин даёт такое описание первого: *«… Первоначально же она (станица) находилась на левой стороне Дона, между Доном и устьем р. Сала, а потом в полверсте расстояния – в лугу на той же стороне при урочище "Чершаве". Однако, вода согнала станицу отсюда, и она переселилась далее по правой же стороне…»*[28].

До настоящего времени каких-либо следов этого городка не обнаружено. Сал несколько раз менял места впадения с расстоянием между ними до 8 км. Урочище Чершава тоже исчезло. Таким образом, на данный момент нет никаких внятных ориентиров, хотя описанные Сулиным когда-то были вполне конкретны. Следущее же по времени поселение на правой стороне Дона легкодоступно для исследования.

Любые соображения, предположения, версии и т. п. до тех пор, пока не будут подтверждены и доказаны объективными материалами и фактами, остаются мнениями людей, может быть уважаемых и достойных, но это только мнения.

Версия З. А. Виткова существует длительное время, часто цитируется разными авторами, имеет вид общепризнанной. Отвергнуть эту версию тоже не представляется возможным. Причину в своё время сформулировал сам Витков: *«Это … не означает, что за истекшие годы вода смыла абсолютно все вещественные остатки, но обнаружить их можно только с помощью вскрытия большей площади»*[29]. Поиск, таким образом, можно вести неограниченно долго.

На данный момент по совокупности аргументов, к которым относятся свидетельства старожилов, устная, очень развитая традиция, интерпретация некоторых результатов раскопок (например,

[28] *Сулин И. М.* Краткое описание станиц области Войска Донского. Донские епархиальные ведомости за 1891 год. № 1. С. 22.

[29] *Витков З. А.* Указ. соч. С. 162.

ничем не обоснованное утверждение *«выявлены валы и каналы, являющиеся, по-видимому, остатками оборонительной системы Раздорского городка XVI – XVII вв.»*[30]) и т. п., получается, что границы между доказанным фактом и очень вероятным предположением очень размыты.

Среди местного населения версия о городке на острове Поречном и легенды с ним связанные получают больше доверия и вызывают больше уважения, чем действительная история. Г. К. Честертон объясняет подобное тем, что *«легенду сочиняет вся деревня, а историю пишет одинокий сумасшедший».* Очень похожее утверждение, но гораздо более пафосное, сформулировал историк В. Р. Мединский в полемике по поводу своей диссертации: *«Но факты – это не только события, не только объекты материальной культуры – курганы, черепки и пирамиды. Идеи и мифы – тоже факты. Идеи и мифы, овладевшие массами, исторически весомее любых колизеев и виадуков»*[31].

Ситуацию с существующими версиями можно коротко описать так: в отношении первой – искали, но не нашли; в отношении второй – не искали и не нашли…

На настоящий момент версия Рогудеева выглядит даже «более вероятной», поскольку на соседнем острове розыски не велись совсем. Получается, что некая вероятность обнаружения существует.

В своей статье В. В. Рогудеев пишет, что нынешние рыборазводные пруды расположены, возможно, на месте бывшего городка, и не только не позволяют вести разведку, но и разрушили то, что осталось от города: *«Наиболее вероятно, что при их сооружении были срыты остатки Раздорского городка… Досадно, что в 1950 г. этой карты не было у З. А. Виткова, возможно, он успел бы исследовать городок до сооружения прудов»*[32].

---

[30] *Смоляк А. Р.* Исследование памятников археологии на территории Раздорского музея-заповедника. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов, 1994. С. 24.

[31] Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации // Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fe.mail.ru%2F (дата обращения: 23.04.2025).

[32] *Рогудеев В. В.* Указ. соч. С. 28.

Лет пять назад мне рассказывали, что осенью 2010 г., когда воду из прудов слили, то на дне одного из них обнаружили ядро большого диаметра (использовали металлоискатель). Извлекать его полностью не стали. Возможно, эта находка соответствует версии Рогудеева.

Таким образом, городок, по этой версии, располагался на севере острова, примерно посередине. Другой вариант этой же версии располагает городок на берегу Дона, на выступе, который местные жители называют Чёрный рог или Рожок. С юга это место ограничивает озеро Кузякино, которое тоже можно представить частью традиционной для казаков фортификации, – использовали природный объект или приспособили (доработали) его для защиты от нападающих с суши.

Расстояние до этих мест на острове от холмов на берегу составляет более 2 км. Возвращаемся к обстрелу Раздорского городка с горы на крымской стороне.

В Османской империи (Турция) в средние века применялись следующие пушки (названия соответствуют искажённым итальянским названиям, которые переняты у них вместе с технологиями):

1. бал-емез – дальнобойная пушка, использовалась на суше и на море, стреляла ядрами весом до 50 кг;

2. хаван – орудие типа мортиры (самостоятельный вид орудия, относится к осадным, для осады крепостей с высокими стенами, перебрасывала через стену брандкугели и бомбы, очень недальнобойная);

3. кулеврина – (турецк. искажён. – колонборна) дальнобойная пушка, стрелявшая ядрами от 4 до 11 кг;

4. мартен – большая крепостная пушка (стреляла чаще всего «дробом» – щебёнкой – весьма эффективной против осаждающей пехоты);

5. баджалашко – мощная пушка для разрушения крепостей;

6. зарбазен – имели широкое применение (т. е. общее название орудий в какой–то период времени) в зависимости от размеров делились:

а) крупные – шахи или шахане;

б) средние – миане;

в) мелкие – кючок;

г) для разрушения крепостей – шаика.

7. эждердехен – крупная пушка, применявшаяся в XVI – XVII вв.;

8. паранка – (пранкы) – полевая пушка.

Первые известия о применении турками пушек относятся к последней четверти XIV в.

В русском войске в XV – XVII вв. наряд (артиллерия) делился по своему тактическому назначению на «большой наряд» (крепостная и осадная артиллерия) и «полковой наряд», в состав которого входила полевая и, соответственно, полковая артиллерия. Орудия большого наряда имели крупные калибры (до 25 см). Полковой наряд составляли лёгкие подвижные 6–8 фунтовые орудия калибром 9–10 см.

Крупнокалиберные орудия стреляли до 3-х вёрст, практическая дальность составляла 600–800 м, пушки малого калибра стреляли до 600 м, мортиры до 500 м, тюфяки – до 150–200 м[33]. Несмотря на расхождения в конкретных цифрах, мнения о дальности ведения эффективного огня у современных исследователей очень близки.

По современным представлениям средневековые пушки эффективно стреляли на расстояние около 500 м. Таким образом, турецкая артиллерия не могла доставать с правого берега, с холмов, ни до первого, ни до второго места, где по этим версиям мог располагаться городок.

Обстрелять цели на противоположном берегу Дона можно было на очень небольшом удалении от берега, поскольку ширина современного русла составляет 200–270 м. По-видимому, казаки в своём описании сильно преувеличили эффективность обстрела *«с тоя горы»* – наверное, это образное сообщение.

[33] Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 14.

24 мая 1643 года *«… приходили … к Раздорному городку из Азова турские, крымские и нагайские люди и яныченя конные и пешие, и судовые многие люди и к … городку … приступали, и был бой»,* в ходе которого, на приступе, казаки неприятелей *«многих побили»,* но и те *«многие шкоты им* (казакам) *учинили»*[34].

А 5 июня к Раздорам из Азова же подошло большое войско турок, крымцев, ногайцев и темрюцких черкесов, *«конные полем, а катаржные* (галерные) *яныченя и городовые Доном-рекою судами з большим и мелким нарядом* (артиллерией)*»*, во главе с присланным из Стамбула представителем султана Реджеб-агой, кафинским Ислам-пашой и азовским Мустафой-беем. Осадив поселение, они потребовали у казаков выдать им (*«хотели взять не в честь за саблею»*) остановившихся на это время в городке московского посла Илью Милославского и думного дьяка Леонтия Лазаревского, направлявшихся с посольством в Константинополь.

Поскольку по дипломатическим правилам тех лет передача послов под Раздорами означала бы признание по факту установления там новой границы Войска Донского с османскими владениями (получалось, что граница с Турцией здесь пролегала бы по реке Сал). Казаки отказались выполнить требование и заявили, что передадут послов *«на старом разменном месте под Азовым»*. Казаки на кругу порешили – *«костьми лечь, но послов не выдавать»*. Началась осада городка. Турки и их союзники *«били нещадно по городку из орудий, ружей, атаковали судами, пешими и конными отрядами»*. В течение пяти суток у казаков с турками *«битвы были большие»*, немало казаков пало геройской смертью. В частности, 9 июня произошёл неудачный для казаков бой с турками и татарами на берегу. В тот же день Реджеб-ага *«велел … по городку … из … наряду бить нещадно»*. Неприятели обстреливали Раздоры *«с берега из-за Северского Донца и со всех сторон … из пушек и мелкого наряду»*, многие казаки и один из членов посольства были ранены.

[34] Цит. по: Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского в Царьград в 7150 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. С. 7; Донские дела. СПб. (ПГ) 1898–1917. Кн. 2. С. 461–464.

Убедившись в стойкости казаков и их *«крепком сидении»*, враги отступили от городка. Осада закончилась 10 июня, когда Реджеб-ага с войском отошёл от Раздор[35]. А 5 июля Войско передало послов турецкой стороне, как и прежде, под Азовом[36].

Возвращаясь к отсутствию культурного слоя казачьего периода на острове Поречном и в целом находок этого периода, трудно представить, чтобы эти достоверно произошедшие события, если они были на острове Поречном, не оставили после себя следов, или эти следы были полностью смыты. Следы этих боёв неизбежно должны существовать и доныне: пули, ядра, оружие и т. п. не могут быть смыты, тем более что какие-то из них были заглублены в грунт.

Следует, конечно, сказать, что пушки не обязательно стреляли только железными ядрами. Для таких обстрелов был весьма эффективен каменный «дроб» (*щебень*), ещё эффективнее он при отражении массовых штурмов. Артиллерийский обстрел вёлся, вероятнее всего, и с судов.

Мне случилось найти в разные годы и в разных местах три ядра возле станицы Раздорской. Два – на правом берегу, на перекате Среднепоречный. Из них одно – метрах в 50 ниже археологического раскопа Раздорское-1 в 1989 году. По поводу этого ядра В. В. Алейников, бывший тогда сотрудником РЭМЗ, сказал, что ядро это казачье, зажигательное, и могли им стрелять с острова, а поскольку ядро раскалённым попало в глину, то осталось запрессованным в ней. На фото 1.1 ядро внутри окатанного комка глиняного грунта. Как я уже отмечал, все сотрудники РЭМЗ считают, что городок был на острове Поречном.

Второе ядро, точно такое же, было найдено в 2020 году в 300 м выше Раздорского-1 (фото 1.2). Наиболее популярными артиллерийскими орудиями у казаков были фальконеты (название также производное от итальянского «фалькон» – сокол). Эти орудия были

[35] Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского в Царьград в 7150 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. С. 8–13.

[36] Там же. С. 19; *Королёв В. Н.* Донские казачьи городки. Ростов-на-Дону. Изд. Дончак, 2006. С. 165–166.

небольшими по весу и габаритам и, соответственно, мобильными, могли устанавливаться судах. Они стреляли картечью и ядрами диаметром от 45 до 65 мм. Обнаруженные ядра соответствуют этим размерам.

Один из способов сделать ядро зажигательным был следующий: железное ядро нагревали (калили) на открытом огне на костре или в мобильном горне до красного цвета, затем закатывали в ствол пушки и выстреливали. Если иметь в виду, что строения, суда и т. п. были из дерева и других легковоспламеняющихся материалов, то такие зажигательные ядра были вполне эффективными. Их называли «калёными».

Третье, большое, найдено на острове в 2012 году, в 1,2 км ниже северо-западного угла острова (фото 1.3). Сейчас этот участок острова определяется как местонахождение, относящееся к периоду неолита-энеолита Ракушечный Яр-II[37]. Ядро было обнаружено на глубине 0,4 м.

К этим находкам можно добавить наконечники копий, найденные на острове. Один найден недалеко от ядра. Внутри втулки этого наконечника остался обломок древка, покрытый ржавчиной (фото 1.4). Второй наконечник найден вблизи юго-западного угла острова (фото 1.5).

Очень хотелось бы связать эти находки с существованием городка и событиями в письменных источниках, но для этого нет оснований, хотя и категорически отрицать, оснований тоже нет. Это обычные находки – единичные, случайные, не имеющие места концентрации. Такого рода материалы периодически встречаются на берегах Дона от Семикаракорска до Мелиховской. Например, выше оголовья острова Поречного была найдена курительная трубка – деревянная, оправленная в металл, но с утраченной крышкой (фото 1.6).

Подобные находки встречаются и на старых грунтовых дорогах между станицами и хуторами, и имеют самое разное проис-

[37] *Файферт А. В.* Сборы на местонахождении Ракушечный Яр-II // Сб. Археологические записки. Вып. 10. Ростов-на-Дону, 2019. С. 230.

хождение. В окрестностях Раздорской подъёмный материал раннего казачьего периода встречается довольно редко.

Изучая подъёмный материал, следует иметь в виду ещё и десятки людей с металлоискателями (их называют сейчас поисковиками, чёрными археологами или чёрными поисковиками), бродивших в последние годы по острову и обследовавших (конечно, по-своему) обширные территории, в частности западный берег острова и противоположный ему – правый берег Дона. Эти люди, безусловно, не занимаются научным поиском и о них в научных кругах не говорят… Но, тем не менее, это «объективная реальность». Они обычно не информируют о своих находках, но и не скрывают их. Иногда их удаётся опросить. Эти материалы предоставляют новую, иногда любопытную, информацию.

Находки поисковиков тоже не добавляют аргументов в версию расположения городка на острове Поречном. Это, несмотря на многочисленность поисковиков, сплошной охват площади, многократный поиск на тех же местах. Находки раннего казачьего периода единичны и у них, например, мелкая серебряная монета («чешуйка») периода царствования Михаила Фёдоровича, на правом берегу была обнаружена «чешуйка» Петра I.

На западной стороне острова Поречного, на берегу и на удалении от него, материалов казачьего периода много, но все поздние. Больше всего медных монет. Самые ранние – деньга 1734 г. и полушка 1735 г., несколько монет разного достоинства времени Екатерины II, остальные поздние – от Александра I до Николая II. Иногда встречаются серебряные полтинники и рубли. Одна монета золотая – пять рублей 1896 г.

Другие находки: знак «За отличную стрельбу», бронзовая медаль «В память Восточной войны 1853–56 гг.», бронзовые пуговицы.

Эти находки по ассортименту и распределению на местности скорее относятся к потерям на празднованиях, устраиваемых станичниками на острове в честь предков-казаков, как это и описывает И. М. Сулин.

«В станичной жизни поддерживается добрый обычай: в один из предпоследних дней масляницы служат панихиду на ме-

сте "стараго городка" за упокой прародителей. По окончании обедни, несколько десятков казаков в полной форме, с распущенными знамёнами и хоругвями, едут по три в ряд из станицы; за ними на нескольких тройках станичные правители и духовенство; а за теми уже длинный ряд саней с станичниками, окружённый малолетками и подростками на лошадях. Процессия достигает до места стараго городка, где стоит толстый дубовый крест с иконою Божией Матери и с надписью: "Здесь покоятся прахи прародителей древняго городка Раздор". Тут, выбрав площадку, парад становится с восточной стороны и – служится панихида; при словах "вечная память" – даётся залп из ружей, выпивается за упокой усопших несколько вина и процессия тем же порядком возвращается назад в станицу. ...

Кроме этого обычая практикуется ещё другой, но в ином роде: часть станицы "Базки" в союзе с "Городком" идут на "кулачки" против "Забалки". Это бывает тоже на масленице»[38]. Следует отметить, что вместе с этими находками казачьего периода здесь же обнаруживали скифские наконечники, шилья бронзового века и т. п.

Здесь же, на западном берегу острова, явно представлены салтовский импорт (обломки терракотовой тарной керамики) и керамика местного производства этой же культуры (обломки котлов с ушками и кухонной с орнаментом по срезу венчика), датируемые VIII–X вв. По-видимому, их можно выделить как местонахождение салтовской археологической культуры.

Таким образом, на острове Поречном (большей частью на северо-западном берегу) массово представлен подъёмный материал самых разных временных периодов и культур, начиная со времени неолита–энеолита и заканчивая поздним казачьим периодом со второй половины XVIII до конца XIX вв. Но, при этом практически не встречаются материалы раннего казачьего периода XVI–XVII вв.

Отсутствие материалов раннего казачьего периода в раскопках З. А. Витков объясняет «действием воды», «уничтожением павод-

[38] *Сулин И. М.* Краткое описание станиц области Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1890. № 20. С. 792.

ками». Если эту причину считать верной, то ситуация выглядит так, будто паводками уничтожены материалы только одного периода – раннего казачьего. Материалы других эпох и периодов, более ранние и более поздние, встречаются часто и повсеместно.

Очень важно отметить чрезвычайно малое количество керамики казачьего периода – фрагменты кухонной керамики встречаются редко, всего несколько фрагментов по всему периметру острова и за несколько лет поисков, что совсем не характерно для казачьих поселений.

Среди находок поисковиков следует отметить обнаруженное ими в 2005 году скопление круглых свинцовых пуль на участке старой грунтовой дороги из станицы Раздорской в хутор Сусат, проходящей на этом участке рядом (в 20 м) от ерика Кривой, ранее это было русло реки Дон. Здесь, на участке свободном от растительности и доступном для исследования, выявлено около 20 пуль, некоторые с вмятинами от удара.

Те пули, которые отдали мне, – на фото 2. Кроме пуль найден бронзовый наконечник от пояса (фото 3).

После осады 1643 г. и описанных боевых действий Раздоры сильно пострадали: когда в ноябре 1643 г. посольство И. Д. Милославского, возвращаясь из Турции, снова прибыло в городок, он представлял собой, по словам посла, *«место скудное и разорённое, многих кормов купить, добыть не уметь»*[39].

Весной 1644 г. казаки восстанавливают Черкасский городок и принимают решение перенести свою столицу из Раздор в Черкасск. Казачий атаман Павел Фёдоров (Чесночихин) так описывает это событие: *«… апреля в 24–й день … ходили на низ и городок на старых своих юртовых местах, на Черкаском острову, поставили и укрепили накрепко, и наряд по местам поставили, чтоб реки впусте не покинуть и до Воронежа судовой рати турских воинских людей не пропустить. И из Роздорного городка … со всем войском в Черкаской городок поднялись»*[40].

[39] *Королёв В. Н.* Указ. соч. С. 166.

[40] Донские дела. СПб. (ПГ) 1898–1917. Кн. 3. С. 462.

Время переноса станицы на крымскую сторону, на правый берег Дона, точно неизвестно, но, видимо, не ранее второй половины XVIII столетия.

Застройка низовых казачьих городков

Городки Нижнего Дона, расположенные на границе с Турцией, первыми принимали удар неприятеля, имевшего цель уничтожить и городок, и население. Для удержания врагов, стремящихся разорить их жилища, казаки вынуждены были укреплять свои поселения. Они создают простой и оригинальный тип казачьих крепостей, устраиваемый на островах Дона в условиях дефицита строительных материалов.

Основой казачьих укреплений конца XVI – начала XVII вв. являлся земляной вал по периметру городка, на возведение которого шла земля из рва, вырытого снаружи. На валу устанавливался в два ряда плетень, пространство между рядами набивалось землёй и речным песком. Или же две параллельные стены из вертикально поставленных и заострённых вверх кольев, пространство между стенами также засыпалось землёй, снаружи стены обмазывались глиной.

Во второй четверти XVII века плетнёвые укрепления усиливались «остроколом», представлявшим собой ряд вертикальных, вбитых в землю брёвен с заострёнными кверху концами.

Над выездными воротами и со стороны, откуда ждали неприятеля, обычно устанавливались башни-каланчи. На них же находился казачий караул, наблюдавший за приближением неприятеля.

Эти, на первый взгляд простые, укрепления были весьма эффективными при отражении неприятелей, приступавших к городкам «пешей и конной ратью». Взятие казачьих городков, омываемых водами Дона, было связано со многими опасностями и потерями для врага. Точную оценку состоянию городков на Дону в XVII в. даёт атаман Фрол Минаев в ответном письме крымскому хану, грозившему выжечь казачьи городки. *«Войсковой атаман и всё Войско Донское»* писали хану из Черкасска: *«… а и сам ты Хан Мурат Гирей, с великою ратию и большим собранием прийдёшь к нам зимним путём по льду: зачем тебе так далеко забиваться? Мы*

люди небогатые; стад конских и животинных у нас мало; городки наши не корыстны – оплетены плетнями, обвешанными тёрном, а добывать их надобно твёрдыми головами, на посечение которых, как тебе ведомо, у нас есть сильныя руки, острыя сабли и меткия пищали. Побереги здоровье: не ходи»[41].

Служили такие укрепления только простейшей крепостью против кочевников, впоследствии же становились форпостами, охранявшими границу Русского государства. Общеизвестно, что низовые казаки выбирали для своих городков наиболее высокие места в донской пойме.

В системе защиты укреплённых казачьих городков основные защитные функции чаще всего выполняли естественные преграды – река Дон, многочисленные речки, ерики и притоки, густые леса и заросли. Наличие надёжных водных преград, естественных или вырытых, было обязательным условием.

В «Донских делах» есть такое описание: 1650 г. 4 мая *«…пришед на … место, на проливу пустую, учинил на том месте крепости большие, проливу вкось перекопал от воды до воды глубоким рвом, башни и караульные избы вкруг всево обозу учинил, … в приходных местах* (в местах прихода неприятеля) *караул поставил, днём и ночью всяких мест… дозирал»*[42]. Таким образом, выбрав тот или иной остров для своего города, казаки в зависимости от количества поселенцев отсекали рвом части острова, а затем приступали к укреплению городка.

В XVI и XVII вв. одним из наиболее важных принципов при выборе островов для застройки была их хотя бы частичная незатопляемость. В этом случае для самого городка выбиралось наиболее возвышенное место.

Во время весенних половодий казачьи городки часто затоплялись водой. Вода, бывшая в летнее время союзницей казаков и укреплявшая их оборону, при половодье превращалась в их злей-

[41] Цит. по: *Висковатова А. В.* Флор Минаев, Донской Войсковой Атаман // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 63, № 251. СПб.: В типографии военно-учебных заведений, 1846. С. 274.

[42] Донские дела. Кн. 4. СПб. 1913. С. 398.

шего врага *«… бурные разливы весенних вод являлись иногда настолько губительными, что полностью сносили казачьи поселения, уносили домашний скарб»*[43].

Одним из способов борьбы со стихией становится появление казачьих построек на сваях или на высоком подклете. Сохранявшаяся постоянно военная угроза в XVI и XVII вв. ещё не позволяла казакам переносить свои жилища на правый, возвышенный берег Дона. Со временем строительство казачьих куреней на высоком подклете превратилось в устойчивую архитектурную традицию.

Вторым после водных преград, защитным от неприятеля фактором, была близость других городков, обеспечивающая коллективную оборону. Вблизи городков, временно, на зиму, останавливались прибывшие на Дон отдельные группы людей – станы – станицы, которые в случае нападения врага могли укрыться за укреплениями городка. Такие временные стоянки назывались зимовищами. Чаще всего они располагались или непосредственно у городка или в ближайшем лесу, который стал называться зимовой лукой или кошем, где они делали себе жилище. Простейшим, временным жилищем являлся шалаш (он также имел название «шиш»), сделанный из ветвей и хвороста и обложенный дёрном. Если остановка на зимовку была длительной, то делалась землянка. Шалаш и землянка были различных размеров и строились из расчёта на всю группу людей. Так как по обычаю продукты свои они держали в одном месте – суме, отсюда и название, распространённое на Дону – односум. Односумство состояло из группы людей около 20 человек, а число жителей станицы или городка определялось количеством односумств.

Выбрав хорошее место для постоянного жительства, строили себе укрепление – городок, в центре которого ставилась одна становая или станичная изба для односумств. В станичной избе помещалось около четырёх односумств, т. е. 80 человек.

Исстари на Дону общий сбор жителей городка или станицы назывался кругом. Для разрешения вопросов или для выбора нового атамана, все жители населённого пункта собирались в одном

[43] *Витков З. А.* Указ. соч. С. 152.

месте – на майдане, или в станичной избе, располагаясь кругом. Чтобы хорошо было видно говорившего, он выходил на середину круга. Станичная изба ещё носила также название курень, а избранный старшим из живущих в ней – куренным атаманом. Наряду со словом курень в XVI – XVIII столетиях среди жителей Дона широко употреблялось слово «юрта», имеющее несколько смысловых значений – жильё, посёлок, земля, государство, жилища в городках, устраиваемые в холодный период. Последние представляли собой обыкновенные землянки, которые при необходимости оставлялись обитателями. Дворов не было, всё было связано с той тревожной жизнью, которую приходилось вести до XIX века. Из-за отсутствия двора, никаких хозяйственных построек не было, баз для скота находился за городком, на высоком незатапливаемом месте: кряже, бугре.

Впоследствии места, где были сосредоточены хозяйственные дворы и временные сторожевые жилища, заселялись постоянными жителями и получили название «базки». Населённых пунктов, называемых Базки, на Дону очень много.

Расположение станиц по берегам рек, связанное с их безопасностью, приводило к ограничению юртовых земель. Так, в XVII столетии длина юрта отмерялась вдоль берега, а ширина перпендикулярно реке равнялась дальности полёта ружейной пули.

Все городки, расположенные в низкой пойме, при больших наводнениях затапливались.

При массовом бегстве на Дон во второй половине XVII в. расположенные на небольших островах, городки не вмещали всех желающих. В «Донских делах» есть этому письменные свидетельства: *«… А которые де в городок не вместились, и около де тех слобод рвы покопали…»*[44]. Запись от 13 февраля 1649 г.: *«… И, пришет на Дон, против Черкасково города на пустом месте построились … ров копали, и вал взметали, и башню поставили»*[45].

Внутри самих же городков деревянная застройка становилась очень плотной, что способствовало частым пожарам, во время ко-

[44] Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. С. 778.

[45] Донские дела. Кн. 4. СПб., 1913. С. 175–176.

торых дотла выгорали городки. Яркое и подробное описание такого бедствия (но всё же, вероятно, преувеличенное) есть в «Челобитной Войска Донского, привезённой в Москву атаманом Киреем Матвеевым» 1687 года, декабря 25 дня: *«Да в нынешнем году … погорели мы всем войском без остатку и всем до конца разорилися, церковь божия и колокола и город и раскаты и ваше государское жалованье, снаряд, пушки большие и полковые и свинец – всё погорело, и пороховая казна поднялася и у торговых людей запасы и всякой борошен погорел, всем разорилися, пить-есть не чего, а неприятельские люди … близко, а нам оборонитца нечем, пушек, свинцу и пороху нет, и от того разорения многия люди разошлися и остров покинуть хотели, и надеючись на Господа Бога и на ваше великих государей милостивое разсмотрение и жалование, едва на острову удержалися и окопалися землёю, живём в великой тесноте и терпим всякую нужду и голод»*[46].

В XVI в. и в первую половину XVII в. городки казаков были временными, хотя и оставались на старых своих «дедовских местах». Такое положение чаще всего диктовалось удобствами топографии населяемых островов.

Казачьи поселения часто выжигались турками и татарами, которые стремились это делать во время морских походов казаков в Турцию и Крым. Так в 1625 г. во время морского похода казаков в Турцию, под их городки *«… приходили Азовские люди и пожгли казачьих 5 городков … и казаки дей избы опять ставили и плетень хотят около их плесть по-прежнему…»*[47].

Лишь во второй половине XVII в. рублёные из дерева крепостные укрепления сменяют плетнёвые.

Турецкий писатель и путешественник Эвлия Челеби, побывавший на Дону в 1641 году во время одного из набегов на казачьи городки и в 1666 году проехавший по казачьим городкам в составе турецкой правительственной делегации, оставил в своей «Книге путешествий» их описание: *«… Что касается крепостей на берегу реки Дон, то все они – сильные крепости из дерева … Это крепости следующие:*

[46] *Сухоруков В. Д.* Указ. соч. С. 331.

[47] Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. С. 235.

Шива-керман, Хавалу-керман, Капуша-керман, Сунхов-керман, Карына-керман, Павлуша-керман, Василов-керман, Махал-керман, Исфиникерман, Капуса-керман … поселения же невелики, в них по одной–две церкви, торговые ряды, базары»[48].

Некоторые исследователи считают описание этого путешественника действительными, другие полагают, что это выдумка Челеби. Определение названий, данных турецким путешественником казачьим городкам-крепостям, является делом весьма приблизительным. Можно только предположительно судить об их тождестве с существующими в то время городками.

Далее, в описании своего путешествия, Челеби характеризует увиденные им городки:

Шива-керман – *«… крепость эта расположена на северной стороне Дона, противоположной Азову»*.

Парас-керман – *«… крепость эта является весьма прочной деревянной крепостью. Это крепкое сооружение четырёхугольной формы расположено на берегу Дона. Окружность его – целых три тысячи шагов. А внутри крепости дома крыты тростником и камышом. Улицы её вымощены. Есть там и пять–шесть церквей, лавки скорняков и постоялый двор»*.

Токай-керман – *«… это также деревянная крепость на берегу Дона, прочная вследствие своей шестиугольной формы. Протекает Дон, а на суше стоят сто штук кораблей – русских чаек. Крепость же маленькая, в ней расположено до пятидесяти крытых тростником и камышом жилищ. Снаружи крепости, опять-таки на берегу Дона, расположен город, в котором много домов, лавок, семь церквей»*.

Мужикров-керман – *«…эта четырёхугольная крепость тоже расположена на берегу Дона»*.

Исчит-керман – *«…это также неприступная крепость на берегу Дона. Гетман (атаман) её состоит во главе семитысячного войска. Каждое здание внутри этой крепости в хорошем состоянии и разукрашено»*.

[48] *Эвлия Челеби.* Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVI века). Перевод и комментарии. М., 1979. Вып. 2. С. 179.

Жапуха-керман – *«… это также большая крепость на северной стороне Дона. Крепость опять-таки деревянная, но во внутренней крепости есть прочные кирпичные строения. Однако есть и много домов, крытых тростником и камышом и множество церквей. Его торговые ряды и базар очень красочны».*

Сараши-керман – *«… Я увидел очень благоустроенный торговый город. Эта прочная крепость из брёвен опять таки расположена на берегу Дона».*

Помахай-керман – *«… Это также деревянная четырёхугольная крепость на берегу Дона»*[49].

В. Н. Королёв пишет: *«Если считать путешествие Эвлии Челеби по Дону в 1667 г. реальным, то можно предположить, что упомянутый турецким автором городок Худа является Раздорами … городок Тапардок является Семикаракорами»*[50].

Конфигурация укреплённых казачьих городков повторяла контуры острова или представляла правильный четырёхугольник или шестиугольник. Из-за пожаров и наводнений деревянные строения в казачьих городках, существовавших в XVI – XVII вв., часто перестраивались.

При новой постройке использовались как традиционные, привычные, формы и методы строительства, так и новые, почерпнутые там, где часто приходилось бывать казакам – в Крыму, в Украине и на Кавказе. Возможность деревянного строительства зависела от наличия леса и мастеров. Большое влияние на формирование внешнего облика казачьих городков в XVI – XVII вв. оказали выходцы из Запорожья и России.

Придя в Дикое поле и став казаками, за своими плечами они имели уже большой опыт строительства и славу умельцев. Они старались воспроизвести то, что когда-то уже строили. На затапливаемых островах жилища строились из дерева, они ставились на сваи или подклети. Ввиду недолговечности дерева, сваи и подклети впоследствии были заменены каменной конструкцией, применялся ракушечник или песчаник, привезённый из ближайших мест.

[49] *Эвлия Челеби.* Указ. соч. С. 180–193.

[50] *Королёв В. Н.* Указ. соч. С. 166, 174.

Землянки в таких местах использовались, в основном, осенью и зимою, в летнее же время только после спадов воды. В качестве кровельного материала применяется камыш, чакан, тёс, солома.

В начале XVIII в., с уходом неприятеля и перемещением границ России на юго-запад, изменился и облик жизни казаков. Уже не было необходимости жить в экстремальных условиях на островах и бороться с постоянными наводнениями.

В XVIII в. казачьи городки в своём большинстве перемещаются на более возвышенный берег Дона, создавая населённые пункты, называемые станицами, в них появляются распланированные улицы. Исключение составляет лишь Черкасский или нынешняя станица Старочеркасская, оставшаяся на прежнем месте.

С XVIII в. укрепления рядовых казачьих городков – Маныческого, Багаевского, Мелиховского, Бесергеневского, Раздорского, Семикаракорского, Золотовского, Кочетовского, Бабского, приходят в упадок в связи с перемещением границ на юг и в дальнейшем не восстанавливаются. Городки перемещаются на более высокие места и застраиваются в традициях XVIII и последующих веков.

В местах ведения промысла для удобства устраивались временные стоянки-коши. При использовании их на зимний период они становились зимовищем. Возможность спокойно заниматься хозяйством появилась, по существу, только в конце XVIII и в начале XIX столетия.

Следует отметить, что местоположение казачьих городков Багаевского, Маныческого, Бесергеневского, Семикаракорского в основном совпадает с топонимами «Старое городище», «Старый городок», «Старая станица» на этой местности.

Рис. 1. План Черкасской крепости

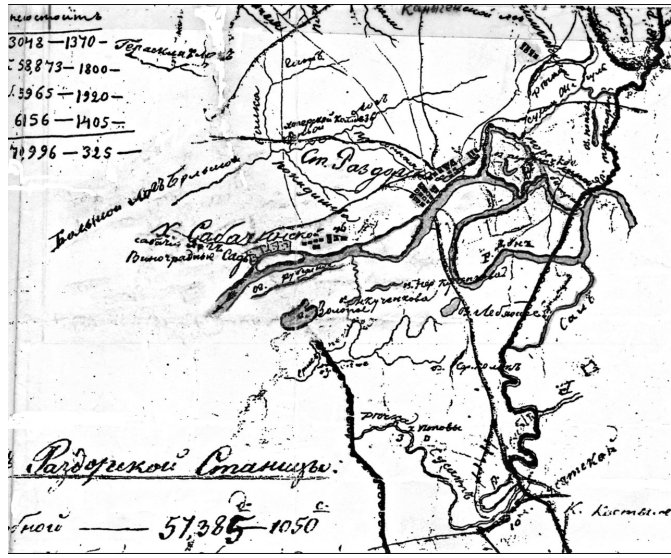

Рис. 2. Фрагмент межевой карты «Проектированный Юртъ Раздорской Станицы». Карта составлена не ранее 1822 г.

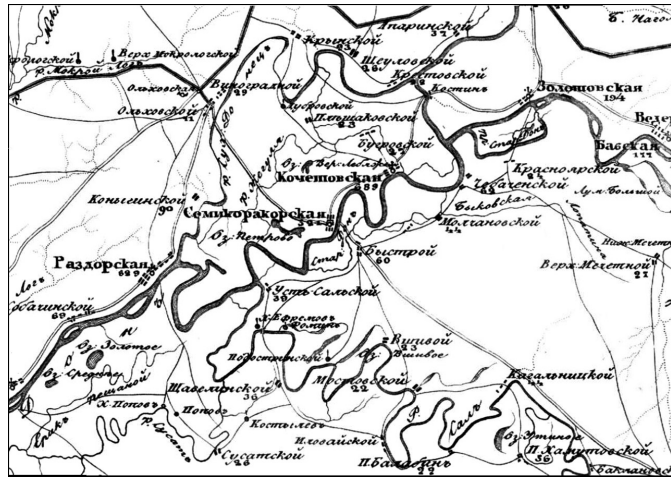

Рис. 3. Фрагмент карты из топографического атласа России 1826 года генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта с обозначением казачьих поселений

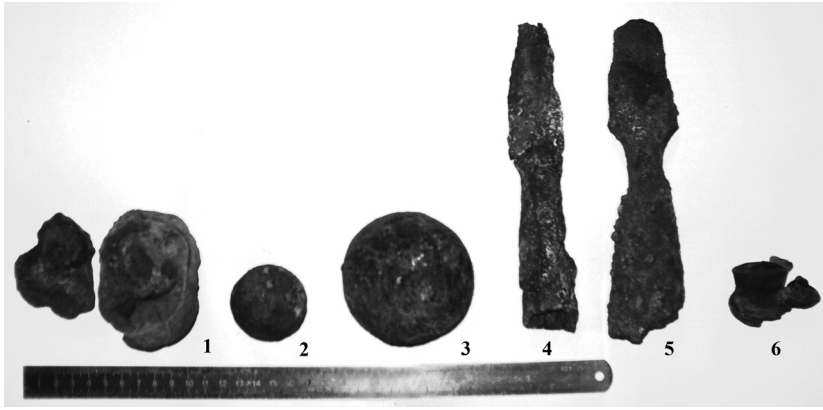

Фото 1. Подъёмный материал казачьего периода возле ст-цы Раздорской

Фото 2. Свинцовые пули,
найденные на грунтовой дороге Раздорская – Сусат

Фото 3. Ременной наконечник, найден там же

А. В. Цыбрий

Татьяна Дмитриевна Белановская (1918–2010). Из истории археологических исследований на Нижнем Дону

В настоящее время объем знаний о древней истории юга России можно считать весьма значительным. Мы имеем более или менее полное представление о всех исторических эпохах (каменный, бронзовый и железный века), изучаются различные аспекты образа жизни первобытных сообществ: хозяйство, быт, материальная и духовная культура. Тем для нас ценнее и интереснее отнюдь не робкие шаги первых исследователей[1], приведшие к фундаментальным открытиям, не утратившим своего значения до сих пор.

Важнейший этап в изучении древностей юга нашей страны связан с именем Татьяны Дмитриевны Белановской, которая в 1960 г. возглавила экспедицию на знаменитом ныне поселении Ракушечный Яр. На Нижнем Дону это были первые раскопки памятника со слоями широкого хронологического диапазона – от каменного века до эпохи бронзы. Кроме того, были выявлены и грунтовые захоронения, относящиеся к разным периодам существования поселения.

Татьяна Дмитриевна Белановская (Родионова) родилась 10 сентября 1918 г. в Петрограде в семье бывшего офицера царской армии[2]. Школу закончила с отличием. В 1936 г. поступила на исторический факультет Ленинградского госуниверситета. С первого курса специализировалась на первобытной археологии, еще студенткой под руководством В. И. Равдоникаса принимала участие

[1] Об одном из пионеров изучения каменного века на Дону геологе и археологе Г. И. Горецком мне уже приходилось вспоминать на страницах этого издания. См. *Цыбрий А. В.* Страницы истории археологии Донского края. Гавриил Иванович Горецкий // Пятнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2023. С. 407–418.

[2] Биографические сведения приведены по *Мурашкин А. И., Тихонов И. Л., Матвеева Е. Г., Беляева В. И.* Несколько слов о Татьяне Дмитриевне Белановской // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, вып. 3 (24). С. 119–126.

в исследовании знаменитого Оленеостровского могильника (мезолит-неолит) на Онежском озере. Выпуск и распределение молодых специалистов-историков пришелся на уже военный июнь 1941 г. До 1944 года Татьяна Дмитриевна работала в военном госпитале, награждена медалью «За оборону Ленинграда». Она вспоминала, что выжить в блокадном городе зимой 1941–1942 гг. удалось лишь чудом. С 1944 г. Татьяна Дмитриевна учится в аспирантуре на кафедре археологии ЛГУ, в 1948 г. ею защищена кандидатская диссертация и началась педагогическая карьера исследовательницы. В 1952 г. она избрана доцентом кафедры археологии ЛГУ. В 1958 г. Татьяна Дмитриевна впервые оказалась в экспедиции на Дону и сразу редкая удача: встреча с учителем станицы Раздорской Л. Т. Агарковым – неутомимым и любознательным краеведом, основателем и руководителем музея. Встреча эта переросла в долгую, продлившуюся до смерти Л. Т. Агаркова, дружбу. Найденное Леонидом Тимофеевичем на острове Поречный местонахождение каменных орудий труда и керамики с легкой руки Татьяны Дмитриевны вошло в большую науку, как уникальное многослойное поселение Ракушечный Яр. В 1959 г. разведки были продолжены – выявлены кремневые мастерские у хуторов Базки и Кременской[3] в Константиновском районе Ростовской области – важнейшее открытие для понимания вопросов ресурсной обеспеченности древнейшего населения этих мест. Затем 11 полевых сезонов на Ракушечном Яре, 40 лет преподавательской работы, сотни учеников, среди которых десятки крупных ученых-археологов, более 50 научных работ, в том числе исключительной важности монография[4], юбилейные сборники и конференции. В 2010 году Татьяны Дмитриевны не стало.

Сухие биографические сведения, характеризуя этапы жизненного пути человека, почти не дают представления о его характере, душевных наклонностях. Мне Татьяна Дмитриевна запомнилась

[3] *Белановская Т. Д.* Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце (По материалам разведок) // Герценовские чтения. Т. XXIII. Л., 1972. С. 156–159.

[4] *Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ, 1995. 198 с.

очень интеллигентной: спокойной, приветливой и доброжелательной, с умом острым, но не язвительным. Прекрасный знаток неолитических древностей Евразии, она с живым участием интересовалась новыми исследованиями, искренне радовалась успехам молодых ученых, поддерживала профессиональным советом и добрым словом. А в её отношении к ростовским археологам чувствовалось теплая «земляческая» нотка: Дон по-особому связывал нас. Но, к сожалению, у меня было всего лишь несколько коротких встреч с ней в начале нынешнего века. Поэтому лучше дать слово самой Татьяне Дмитриевне и коллегам, хорошо и долго знавшим ее.

Из воспоминаний Татьяны Дмитриевны: «Я поступила на работу в военный госпиталь, где трудилась до 1944 года. Вначале в госпитале я работала клиническим лаборантом, но вследствие дистрофии, я уже ходить не могла и перешла на сидячую работу заведующим делопроизводством. И работала я, по сути, за троих, потому что в других госпиталях на моем месте работало три человека. Один занимался делами вещевого снабжения. Другой – учетом горюче-смазочных материалов, которые в период блокады ценились на вес золота, третий занимался квартирно-эксплуатационным имуществом. А я одна занималась всеми этими делами. Тяжелые дни блокады, страшные условия жизни привели к тому, что в 1941–1942 гг. я уже была на грани жизни и смерти... Врачи, с которыми я работала, до окончания войны мне ничего не говорили. Когда кончилась война, мне сказали, что они не сомневались, что зимой 41–42 года я умру от голода, только шел спор, дотяну ли до конца недели или нет... Но, несмотря на все трудности, работа в госпитале оставила у меня самые светлые воспоминания. Почему? Был очень дружный коллектив. Люди старались помочь друг другу. У каждого было много горя, но все с пониманием относились к чужой беде»[5].

Из отчета Т. Д. Белановской о раскопках Ракушечного Яра в 1961 г.: «Во время работы экспедиции были прочтены лекции для рабочих-строителей в Усть-Донецком порту, в клубе станицы Раздорской для жителей станицы, в станице Константиновской для

[5] *Мурашкин с соавт.* Указ. соч. С. 120.

речников. Были проведены экскурсии для учащихся Шахтинской школы, для воспитанников детского дома, для отдыхающих из лагеря отдыха Ростовского Областного управления профтехобразования и из Мелеховского и Пухляковского домов отдыха»[6].

Отмечу, что такого рода просветительская работа проводилась в каждой экспедиции Татьяны Дмитриевны.

Со студенческих лет, с первых раскопок на Оленьем острове дружеские отношения связывали Татьяну Дмитриевну и другого крупного ученого-археолога – Абрама Давыдовича Столяра. Ниже приведу строчки его воспоминаний из сборника в честь 85-летнего юбилея Татьяны Дмитриевны: «Во время войны большой радостью было несколько весточек, полученных от трудившейся в госпиталях Тани. Такие открытки поддерживали огонек очень важной надежды на Победу страны, возвращение в университет, продолжение занятий археологией. В 1944 году, при первой возможности Таня вернулась в возрождавшийся университет. Особо значительной для меня была наша встреча после Победы на родном истфаке. Время это было очень нелегким, во многом критическим для кафедры. Таня приняла на себя особенно тяжкую обязанность и в течение 12 лет (1946–1958 гг.), перенасыщенных "идеологическими" компаниями, кризисом и испытаниями, была секретарем кафедры. Пройти такое испытание, сохранив свою честность и человеческое достоинство, удел немногих»[7].

В. И. Тимофеев: «Доброжелательность, сочетающаяся с требовательностью и взыскательностью, высокая эрудиция, истинно петербургская культура неизменно привлекали к Татьяне Дмитриевне учеников. К их числу относятся А. Н. Румянцев (трагически погибший в начале пути ученого, вскоре после окончания ЛГУ), Е. А. Горюнов, начинавший как исследователь мезолита-неолита, но ставший затем крупным археологом-славистом, В. П. Третьяков, много сделавший для изучения неолита Волго-Окского междуречья

[6] *Белановская Т. Д.* Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции в 1961 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2390. С. 18.

[7] *Столяр А. Д.* Археологическая дружба или «дружба археологической длины» // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 8–10.

и древностей волосовского круга, В. Е. Лузгин, успешно работавший над неолитической проблематикой в Сыктывкаре, сотрудники ИИМК РАН И. В. Верещагина, В. И. Тимофеев, В. Я. Шумкин, сотрудник Гос. Эрмитажа И. В. Калинина, сотрудник кафедры археологии С-ПбГУ Е. Г. Матвеева (Козловская) и другие... До настоящего времени поселение Ракушечный Яр... не имеет себе равных не только в Восточной Европе, но и на значительно более широкой территории по детальности и четкости стратиграфии отложений, прослеженных на широкой площади, богатству и разнообразию археологических материалов, охватывающих значительную часть неолитического и энеолитического периодов. К материалам этого уникального памятника, несомненно, будут обращаться многие поколения исследователей»[8].

Мне посчастливилось уже в наши дни руководить работами на Ракушечном Яре, отмечу в этой связи, что в словах Владимира Ивановича не было преувеличения или завышенных ожиданий: с 2008 г. раскопки на памятнике ведутся систематически, в 2018 г. была проведена международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Т. Д. Белановской, в стране и за рубежом регулярно выходят научные работы ее последователей, материалы памятника широко привлекаются для решения ключевых проблем древней истории Восточной Европы[9].

Е. Г. Матвеева: «О раскопках Ракушечного Яра Татьяна Дмитриевна говорила, что “с самого начала и до конца он раскопан руками студентов”. Это была поистине студенческая экспедиция Ленинградского университета, причем не только исторического факультета. Студенты-историки проходили обязательную археологическую практику – 4 недели, студенты-археологи 6 недель… Из числа студентов назначался Начфин, выдающий деньги дежурным и ведущий все финансовые черновые записи, Начпрод, ведущий

[8] *Тимофеев В. И.* К юбилею Татьяны Дмитриевны Белановской // Археологические вести. 2004. № 11. С. 387–389.

[9] О некоторых результатах исследований памятника см. *Цыбрий А. В., Цыбрий В. В., Цыбрий С. В.* Повседневная жизнь неолитических рыболовов поселения Ракушечный Яр // Тринадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2021. С. 310–318.

учет продуктов, Завхоз, заведующий рабочим инвентарем, и Адмирал, ответственный за наличие в лагере питьевой воды и лодку – наше единственное средство передвижения и связь с берегом. Только через много лет в другой экспедиции я поняла, что таким образом Татьяна Дмитриевна как бы ненароком приучала нас к самостоятельности и организации работы в поле»[10].

И. Л. Тихонов: «Вспоминаются также очень интеллигентные манеры Татьяны Дмитриевны в общении. К студентам она обращалась только на “вы”, а коллег, даже молодых, которые сами были ее учениками, называла только по имени-отчеству. Любила рассказывать, как ей удалось добиться расположения местного населения через работу с их детьми школьниками, привлекаемыми к раскопкам на Нижнем Дону. Также помню забавную историю, рассказанную Т. Д. о первом появлении в Раздорской кафедральных студентов из Африки. “Можно ли им яблоки дать?” – спросила одна из местных жительниц. Спокойная, выдержанная Татьяна Дмитриевна умела поддерживать ровные дружеские отношения со всеми коллегами по кафедре, несмотря на то, что между собой они могли и не ладить»[11].

С большой теплотой вспоминал о Татьяне Дмитриевне Владимир Яковлевич Кияшко – участник той самой первой и самой важной разведки 1958 года. Его словами хочется мне и завершить этот очерк: «Разные люди, не сговариваясь, отмечают простые человеческие качества Татьяны Дмитриевны: её трудолюбие, спокойную целеустремленность, благожелательность, общительность и честность отношений и т. д. Эти суждения мне дороже обычного казенного прославления ушедших, перечня реальных и мнимых заслуг, подчеркивания значительности проделанных работ. Светлая память о тёплом, живом человеке, неутомимой труженице и внимательной исследовательнице прошлого Татьяне Дмитриевне Белановской помогает мне жить и работать»[12].

[10] *Мурашкин с соавт.* Указ. соч. С. 122.

[11] Там же. С. 123.

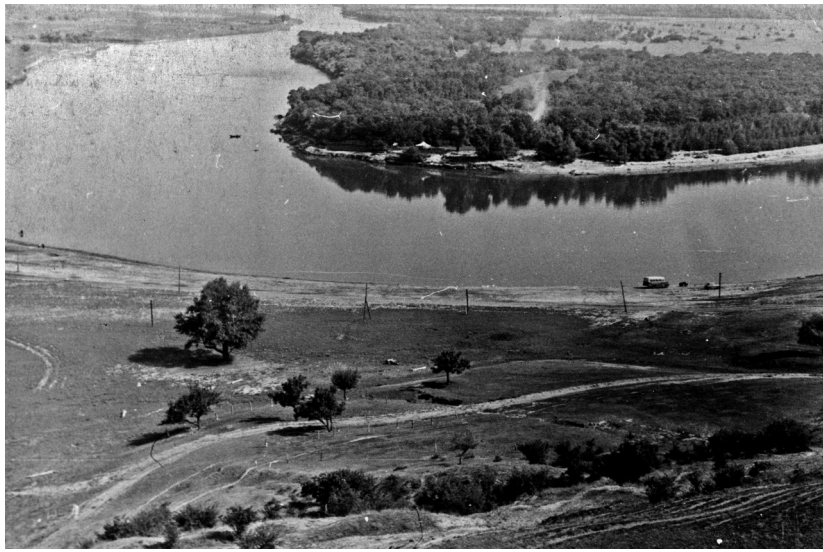
[12] *Кияшко В. Я.* Воспоминания о Татьяне Дмитриевне Белановской // Археологические записки. Вып. 10. Ростов-на-Дону, 2019. С. 9.

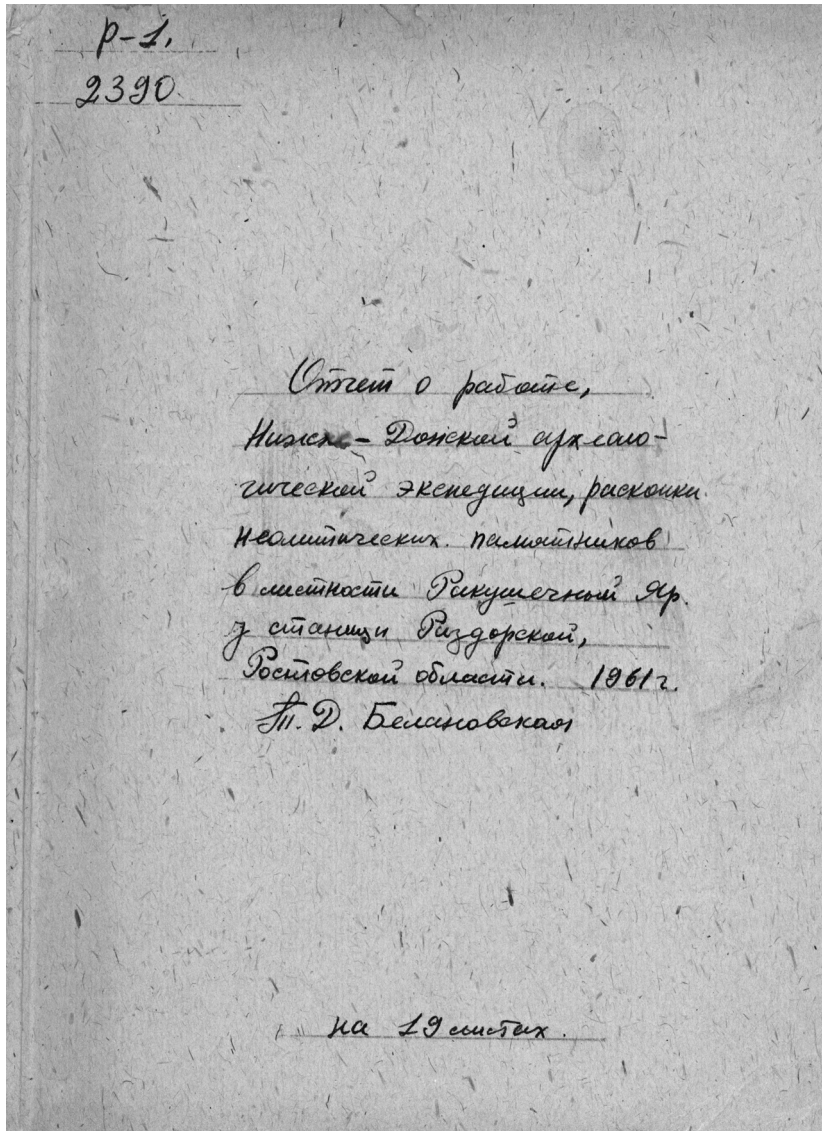
Татьяна Дмитриевна Белановская

Ракушечный Яр. 1969 г. Слева направо Т. Д. Белановская, Л. А. Новак, В. Я. Кияшко, В. Финенко

Ракушечный Яр. Экспедиция 1963 г. Фото из отчета Т. Д. Белановской

Титульный лист отчета 1961 г.

Этнография. Этимология

Л. С. Ильюков

Некрасовская кичка: оформление и истоки

Слово «кичка» или «*кыка»* в старославянском языке означало «волосы». Др.-русск., ст.-слав. кыка ко́μη «волосы», болг. ки́ка «коса, чуб», словен. kêka «пышные волосы на голове», kêčka «коса», чеш. kštice, kštíce «вихор» (стар. kčice «пучок волос на голове, коса»). Слово «кичка» этимологически не было связано с термином «рога».

Кичка являлась атрибутом новобрачной и замужней женщины в центральных и южных губерниях России. Это старинный женский головной убор. Кичка рогатая – это головной убор замужней казачки-некрасовки[1]. Ф. В. Тумилевич приводит сведения о кладке – подарках семьи невесты от жениха. Предметы одежды и украшения являлись важной частью приданного. Когда привозили невесту из церкви, то ей расплетали косу на два конца и обвивали их вокруг головы, а сверху надевали повойник (полотняную шапочку, которая накрывала волосы, заплетенные в две косы), а потом кичку[2].

Слово «кичка» есть в документе 1328 г. Она упоминается в «Домострое», в грамоте князя Ивана Даниловича. Там по старинному свадебному «чину» полагалось на одном из блюд свадебного стола «положите кику, да положите под кикой подзатыльник, да

---

[1] *Абрамова Т. Н.* Некрасовские рогатые кички (К проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Памяти А. М. Листопадова: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. С. 83.

«Кичка – это женский головной убор, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов» (*Сердюкова О. К.* Словарь говоров казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2005. С. 5).

[2] *Тумилевич Ф. В.* Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 41, 42.

подбрусник, да волосник, да покрывало». По мнению Г. С. Масловой, там мог находиться рогатый головной убор[3].

По форме кички бывают рогатые, копытообразные, лопатообразные, котелкообразные. Рогатые кички были распространены в населения южных регионов.

Головной убор донских казачек XVIII века описал С. Г. Гмелин в «Путешествии по России». Замужние женщины имеют «по обеим сторонам кичек два долгих рога, которые часто торчат вверх более, нежели на фут, весьма крепки и у верхнего конца к переду несколько изогнуты»[4]. О кичках упоминал А. И. Ригельман: «У простых и небогатых казаков в верховых станицах жены носят с двумя рожками посредственные и малые кички, с сороками, шитыми шелками и красной бумажною пряжею, так точно как в России деревенские бабы»[5]. Оба треугольных желобчатых выступа имеют острые концы, которые очерчены тремя волнообразными красными линиями, на каждом выступе помещен прямоугольный знак с перекладиной. Основание такой шапки опоясывало красная зигзагообразная лента. В материалах экспедиции И. А. Гюльденштедта в 1787 г. у простой казачки рогатый головной убор не имеет орнамента, он перекликается с тем, что был у казачки из верховой донской станицы. Второй головной убор из коллекции И. А. Гюльденштедта принадлежал мещанке. Он тоже был рогатым. Треугольный выступ расположен на его лицевой стороне. На ней в центре находится большая красная вставка (камень?), окруженная кольцом из мелких точечных украшений. Еще две большие вставки красного цвета расположены в треугольных выступах над висками. Они тоже опоясаны точечным орнаментом. Четыре горизонтальные линии точечного орнамента, покрывают пространство между красными вставками. Нижняя часть этого головного убора

[3] *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. Труды ИЭМ. Новая серия, т. XXXI. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 670.

[4] Путешествии по России для исследования трех царств естества. Ч.1. Санкт Петербург, 1806. С. 261.

[5] *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. Москва, 1846. С. 137.

опоясана четырьмя горизонтальными рядами точек-нашивок, которые в нижней части состояли из небольших подвесок, выступающих на лоб. Последние два головных убора, вероятно, были связаны с модой XVIII века. Они появились под влиянием шляп-треуголок, у которых широкие поля были загнуты в виде углов, имевших желобчатое сечение.

В 1818 г. Евлампий Кательников сопроводил описание женского головного убора из станицы Верхне-Курмоярской графическим рисунком. На нем изображена казачка в уборе в виде кички с высокими рогами, поверх нее надета сорока, против лба – круг, называемой прямок, вокруг лба до ушей рогатенькие висюльки, а с тылу – позатыльник, вышитый золотом и серебром, к нему прицеплены нитки, унизанные бисером и серебряные копейки на концах. На висках такие же нитки. Рога покрыты белым шелком, который свисает ниже пояса[6].

Т. Н. Абрамова, отметив интересные параллели между некрасовскими кичкам и рогатыми уборами из Рязанской и Тульской губерний, предположила, что казаки-некрасовцы, могли происходить из этих районов[7]. Некоторые отмечали, что этот женский убор «полностью не соответствует ни одному известному устойчивому комплексу русской одежды»[8].

Некрасовская кичка была сложным старинным головным убором. Она полностью скрывала волосы на голове женщины. На фотографиях казачки С. Ф. Балаевой, хранящихся в фондах Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника, изображена девушка, на голове которой демонстрируются четыре основных этапа формирования кички рогатой. Эти изображения есть в Госкаталоге Российской Федерации по Старочеркасскому историко-архитектурного музею-заповеднику.

---

[6] *Абрамова Т. Н.* Некрасовские рогатые кички… С. 88.

[7] Там же. С. 88, 89.

[8] *Власкина Н. А.* Костюм казаков-некрасовцев в XIX–XX вв.: историко-культурные связи и условия трансформации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 110.

Судя по ним, на первом этапе на голове находилась тонкая полотняная **шапочка с рожками**, покрывавшая волосы.

На втором этапе на голову надевают **позатыльник** (назатыльник) в виде вытянутой широкой полосы ткани. Она обхватывала волосы, поддерживая их снизу. На его концах расположены две веревочки, которые соединяют ткань, и завязываются на узел. Позатыльник прикрывает волосы и часть шеи.

На третьем этапе на голову надевают **сороку** в виде широкого обруча, который прикрывает верхний край позатыльника. Его лицевая поверхность расшита бисером, образуя геометрический узор, который вписан в рамку. Осевая лента шириной в две линии делит узор на поверхности сороки на две половины, в каждой из них расположено по два крупных шестиугольника с вписанными в них такими же фигурами, но меньших размеров. Снаружи большие шестиугольники по углам ограждают малые шестиконечные фигуры. Над узкой осевой лентой, выступая над обручем сороки, расположено стилизованное изображение птицы с распростертыми крыльями. С двух сторон к ленте с шестиугольными фигурами примыкают два небольших отрезка, заполненные косыми рядами ромбов. На затылке цилиндрический обруч имеет разрыв, в котором закреплена полоса ажурной ткани, выступающая на затылок. Ее нижний край был ограничен узкой полосой плотной ткани, к которой был подшит длинный хвост-тесемка. От нижнего края очелья на лоб свешивается монетовидная подвеска.

На заключительном этапе его формирования поверх рогов набрасывали **шарф** из шелка. К этому шарфу прикалывали брошь в виде розетки.

Все пять некрасовских кичек, хранящихся в донских музеях, отличаются архаизмом. Их сравнительный анализ выходит за рамки данного исследования. Среди рогатых кичек некрасовские экземпляры по форме и оригинальному оформлению деталей выделяются в отдельный тип головных уборов. О его наличии свидетельствует серебряная чешуя с пробитыми парными отверстиями по краям монеты – частая находка в культурных слоях казачьих

городков XVI–XVII веков[9]. Монетные нашивки часто терялись и попадали в культурный слой казачьих городков. Изображения женских головных уборов, которые украшались монетными нашивками, неизвестны. Однако казачки-некрасовцы ретроспективно сохранили некоторые традиции[10], и в частности самобытный женский головной убор, истоки которого уходят в XVI–XVII веках.

После жестокого подавления булавинского восстания на Дону в 1708 г., несколько сотен семей казаком под предводительством Игната Назарова, сподвижника Кондратия Булавина решили покинуть донские городки и переселиться на новые земли[11]. Вначале они останавливаются на Таманском полуострове, а затем мигрировали в Турцию в районе озера Майнос, где в чужеродной среде сохранили самобытную казачью культуру XVII века. Лишь во второй половине XX века, в 1962 году казаки-некрасовцы частично возвращаются на родину. Во время пребывания на чужбине они сохранили многие традиции своих предков. Один из них – женский костюм, в котором особое место занимал женский головной убор, характерный для донских казачек XVI–XVII веков. Головные рогатые уборы некрасовцев претерпели ряд инноваций. В них проявились турецкие ткани, новые монеты, нашивки и подвески восточного типа. Женский головной убор являлся знаком этноконфессиональной принадлежности казачек в иноэтничной стране. Казаки-некрасовцы были старообрядцами, они придерживались дониконовских церковных традиций[12].

---

[9] *Ильюков Л. С.* К вопросу о датировке Траилина городка // Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Доклады и сообщения 26 межрегионального семинара Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова // Известия научно-педагогической кавказоведческой школы В. Б. Виноградова. Вып. 15. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2025. С. 140–143; *Лукьяшко С. И., Русаков М. В.* Предварительные итоги археологического изучения казачьих городков // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. XI. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2024. С. 102–112.

[10] *Смирнов Я. М.* Из поездки по Малой Азии // Живая старина. Вып. I. СПб. 1986. С. 3–31.

[11] Сказки казаков-накрасовцев. Запись, вступительная статья и комментарии Ф. В. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1945. С. 43.

[12] *Власкина Н. А.* Календарная обрядность казаков-некрасовцев (по материалам ИСЭГИ и ЮНЦ РАН) // Народная культура и проблемы ее изучения. Афанасьевский сборник. Вып. XIII. Воронеж: Научная книга, 2015. С. 8.

Я. А. Смирнов после посещения казаков-некрасовцев в Турции на озере Майнос, опубликовал свои заметки, сопроводив их фотографиями. На одной из них сфотографирована группа казаков и казачек, потомков казаков-некрасовцев. После долгих уговоров их удалось сфотографировать. Среди них в праздничном женском наряде была только падчерица одного из казаков, Петровича. Она долго наряжалась, «Но наряд ее был оригинален: на голове высокая “кичка” с двумя рогами золотой парчи под желтым шелковым прозрачным покрывалом, накинутым поверх рогов, волоса надо лбом и на висках подвиты; с кички около ушей спускаются подвески из серебряных цепочек с разнообразными подвесками; на шее мониста, борта ватной кофты с короткими рукавами, обшиты тонкими серебряными монетами, с большими дутыми пуговицами. Три больших выпуклых серебряных бляхи: круглая, средняя и две заостренные на концах, украшают пояс. К средней бляхе приделаны еще привески из монет. Из под коротких рукавов ватной кофты спадаютъ непомерно-длинные рукава нижней одежды, расширяющиеся на концах; полосатый передник и новые красные сапоги заключали этот оригинальный наряд. … Этот наряд остался неизменным со времен ухода некрасовцев с Дона»[13]. Это спустя два столетия после миграции в инородную культурную среду!

В настоящее время в донских музеях имеется пять рогатых кичек некрасовского типа. Один из них хранится в Старочеркасском историко-архитектурного музее-заповеднике, три экземпляра – в Ростовском областном музее краеведения и еще один – в Новочеркасском музее донского казачества. Их история появления в музейных хранилищах, заслуживает специальной работы.

В фондах Старочеркасского историко-культурного музея-заповедника находится экземпляр, который принадлежал казачке-некрасовке А. Я. Алупиной (*фото см. на вклейке*). Он был привезен из Левокумского района Ставропольского края[14].

Остановимся на описании рогатой кички из Старочеркасского музея-заповедника (СИАЗМ № 1706 Т 4752). От головного убо-

[13] *Смирнов Я. М.* Из поездки по Малой Азии… С. 29.

[14] *Родинова Е. В.* Кичка рогатая из собрания СИАМЗ // Наше время. 04.02.2022. № 61–63. С. 11.

ра сохранились два элемента: позатыльник и сорока с подшитыми рогами, которые составляли рогатую кичку. Сорока – это верхняя часть убора. Ее переднюю часть называют очельем, боковые стороны – крыльями, а заднюю часть – хвостом[15].

Позатыльник был сделан из длинной двухслойной полосы ткани. Его лицевая сторона красного цвета. Он огибал затылок и виски и завязывался на лбу при помощи двух коротких веревочек. Его верхний край, лишенный металлических деталей, частично покрывал темя. Монетные нашивки на нем были сосредоточены в его нижней половине.

Он выполнен из трех частей. В центральной части расположен высокий прямоугольник, а по его боковым – два низких треугольника, примыкающих к центральной фигуре. Нижняя половина прямоугольника с трех сторон обрамлена галуном, верхние концы которого загнуты и соединены тонкой перемычкой. Внутреннее пространство, образовавшейся фигуры, заполняют горизонтальные ряды монетных нашивок с пробитыми парными отверстиями для пришивания. Эти отверстия расположены на противоположных краях монеты. В этой фигуре вдоль нижнего края расположены серебряные чешуйки петровского времени, а выше их – ряды восточных монет. Оба боковых прямоугольных треугольника тоже заполнены рядами монетных нашивок. В их нижней части расположены ряды монет петровского времени. Тыльная сторона позатыльника сделана из нескольких кусков ткани. Ее центральная часть состоит из двух вертикальных полос с растительным орнаментом, а треугольные боковые стороны покрыты тканью, украшенной продольными полосами.

Сорока выполнена из двухслойной ткани. Она сделана в форме невысокого цилиндра с широким прямоугольным разрывом на затылке. Ее лицевая поверхность сделана из красной плотной ткани, опоясанной прямоугольной рамкой, нанесенной галуном. Поверхность сороки богато расшита. В ее центре расположена крупная овальная стеклянная вставка сиреневого цвета, помещенная в

[15] *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в.… С. 668.

латунное гнездо. По ее краям, выше и ниже ее, располагались еще две вставки круглой формы, но меньшего размера, тоже закрепленные в гнездах. По бокам этого центрального украшения располагались еще по три вертикальных ряда стеклянных вставок, но в них в центре находится вставка меньшего размера. Поверхность между описанными гнездами заполняют петли, линии которых более тонкие, чем у рамки, расположенной на очелье. К рамке очелья с красным фоном боков подшиты два прямоугольных куска ткани желтого цвета, на которых нашиты по три ряда восточных монет с пробитыми по краям отверстиями.

В незамкнутое кольцо сороки добавлена прямоугольная вставка, которая прикрывала затылок и слегка вступала наружу. Эта матерчатая вставка двухслойная. Снаружи она сшита из четырех ленточек: морковного, зеленого окраса с растительным орнаментом, желтого и красного цветов. Самая нижняя красная лента сплошь расшита линиями галуна. Его линии, заключенные в прямоугольную рамку, образуют ряд фигур W-образной формы. Оборотная сторона этой матерчатой вставки покрыта желтой тканью с растительным узором. К ее нижнему краю, к центру крепится петля из перегнутой пополам длинной и тонкой тесьмы, у которой один конец фрагментирован, а второй целый, на его конце расположен цветным помпоном и несколько каменных бус, помещенных на нитку украшения.

Нижний край позатыльника богато украшен различными подвесками. К его центральной части подшит рад восточных монетных привесок при помощи пары пробитых отверстий у края монеты и двух цепочек, зацепленных за эти отверстия. В нижних углах треугольных сторон позатыльника сосредоточены изящные подвески. В одном случае – это шаровидная фигура из двух полусфер с петлями для цепочек и Б-образная пластинка, которая тоже имеет петли для крепления длинных цепочек. Этот ряд привесок дополняют монетная подвеска и дисковидная подвеска из синей пластмассы с рельефным изображением звезды Давида, на которую наложен белый тонкий месяц. В другом случае, тоже в нижнем углу позатыль-

ника, находятся верхняя полусфера и Б-образная пластинка. Обе с петлями и цепочками. Только, если в первом случае, они имели завершения в виде листовидных и крестовидных пластин, то во втором случае, на концах этих цепей свисали проволочные листики.

При изготовлении рогатой кички два ее центральных элемента – позатыльник и сороку делали из двух слоев ткани. Верхний слой ткани имел монотонный красный цвет, а нижний более простой и пестрый. В XIX веке в одном районе распространения кичек предпочитали использовать темно-красный цвет, в другом – ярко-красный. Описание ткани и монет головного убора из Старочеркасского музея выходит за рамки данной статьи.

Свадебный рогатый головной убор покрывался шарфом. «Когда невесту забирали из родительского дома, она встречала жениха и гостей в головном уборе, состоявшем из сороки со спрятанными рогами»[16], т. е. рога были опущены, прижаты к сороке.

Некоторые исследователи относят развитие и распространение кичкообразных головных уборов не к древней общеславянской общности, а к более позднему периоду и связывают их возникновение с финно-угорскими предками (X–XIII вв.), у которых имелись некоторые аналогичные виды головных уборов. Эти уборы тщательно хранились и передавались по наследству. Утраченные монетные нашивки заменялись другими монетами.

В XIX веке ношение кички в России стало преследоваться православным духовенством – от крестьянок требовали ношение кокошника.

Появление сложного головного убора, которым являлась рогатая кичка, вероятно, по-видимому, было обусловлено проникновением в духовный мир нарождающегося казачества на южной окраине Русского государства культуры золотоордынского времени, у которой казаки восприняли многие черты. Лихие донские казаки в походах за зипунами, привозили вместе с различными товарами и невольниц. С ними в их среду попадали и трансформировались

[16] *Жукова Л. М., Бандурина С. А.* Одежда казаков-некрасовцев // Донской народный костюм: О создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1986. С. 63.

различные элементы другой культуры. К ним относились головные уборы с высоким верхом, к которым крепились амулетницы, расположенные на лицевой и тыльной стороне этих уборов.

По-видимому, ряд символических амулетниц, обозначенных разными цветами ткани, нашивались на тыльной стороне убора и их прикрывали простой полосой ткани. В кольце сороки, на ее затылке располагался ряд цветных лент, которые, по-видимому, являлись символами оберегов, которые охраняли хозяйку головного убора от разных невзгод.

Амулетницы содержали различные средства от бед и пожелания. В них были «сосредоточены» некоторые финансовые запасы хозяйки наряда. «В XIX в. цена отдельных экземпляров кички достигала трехсот рублей ассигнациями»[17]. Праздничные и обрядовые уборы тщательно сохранялись и передавались по наследству.

В культуре кочевников золотоордынского времени (XIII–XV вв.). В восточноевропейских степях были в моде женские головные уборы типа бокка (боктаг) или гу-гу[18]. Традиционно их носили высокопоставленные монгольские и ордынские замужние женщины. В восточновропейских степях они были распространены широко о чем свидетельствуют археологические находки[19].

У кочевников восточноевропейских степей цилиндрический берестяной каркас обтягивался красной тканью. На его макушке имелась ступенька в виде «сапожка», в которую вставляли тонкое навершие с птичкой на маковке. Под уступом, расположенным на ее вершине, к головному убору ниткой подвязывался небольшой цилиндр-амулетница с закрытыми концами. На стенке цилиндра или выше его на корпусе боки находилась ажурная розетка с камнем. В ней находился твердый предмет-амулет. Иногда ее корпус украшает восточная вязь – фрагмент текста из корана. В одном золотоордынском погребении в цилиндрической серебряной амулет-

[17] Русский народный костюм: из собрания Государственного музея этнографии народов СССР / [сост. Л. Н. Молотова, Н. Н. Соснина]. – Ленинград: Художник РСФСР, 1984. С. 29.

[18] *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. С. 162–167.

[19] *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ОГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 175–183.

нице с позолотой, с запечатанными концами находился деревянный стержень из пробкового дерева (?). К поверхности цилиндра, к его центру было приварено круглое гнездо со стеклянной вставкой[20].

Одно из погребений этого типа было обнаружено в 1982 г. в курганном могильнике у хутора Новый в Мартыновском районе Ростовской области. На голове погребенной находилась бокка в виде берестяного цилиндра, обтянутого парчой. По-видимому, на его вершине находилась площадка – карниз, который слегка нависал над лицом погребенной. Под этим карнизом находилась цилиндрическая бронзовая амулетница, окольцованная валиком, который ее делит на две половины. Концы цилиндра закрыты двумя плоскими колпачками. Между ними напаяны две петельки для нитки, которая держала подвеску карнизом, на вершине берестяного цилиндра. Головной убор покрывал шарф, к нему были крепились четыре серебряные ажурные пятиконечные звезды, украшенные жемчугом.

В 1887 г. в кургане Юн-баба на горе в окрестностях с. Киевского, расположенного в Ставропольской губернии, крестьяне обнаружили погребение золотоордынского времени. В нем среди престижного инвентаря обнаружено девять одинаковых золотых пятиугольных ажурных бляшек с жемчужинами, расположенными в центре и в гнездах, каждого лепестка. При помощи петелек и ниток они крепились к ткани головного убора (боктаг)[21].

Ажурный набор из четырех пятиконечных серебряных блях обнаружен в курганном могильнике у х. Новый в 1982 г. Еще один набор, но из двух золотых пятиконечных блях найден в Поволжье у с. Скатовка[22].

Эта статья введение в большую и сложную тему культурогенеза населения ранних казачьих городков Нижнего Дона. В ней

[20] *Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Изд-во Ростовского университета, 1988. С. 129. Рис. 28, 18.

[21] *Бабенко В. А., Колесникова М. Е.* Золотоордынские памятники Ставрополья в научном творчестве А. А. Спицына // Поволжская археология, 2023. №2 (44). С. 221–233.

[22] *Кубанкин Д. А.* Нашивные украшения для боктаг в виде пятиконечной звезды // *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. С. 402, 403.

особое место занимали восточные культуры золотоордынского и калмыцкого типа. Рогатые головные уборы казачек свидетельствуют о том, что, по-видимому, в обществе женщины имели особый статус. Головной убор был средоточием различных символических амулетов, талисманов, оберегов. Для их ношения использовались амулетницы, тумары, филактерии. К сожалению, многие археологические детали, в отличие от этнографических фактов, отсутствуют, что осложняет проведение прямых параллелей между фактами археологии и этнологии.

Работа выполнена по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронтира» в рамках ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-15, № 124012200178-43).

Искренне благодарен руководителям Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника – А. В. Кляндину, Новочеркасского музея донского казачества – С. А. Сединко, Ростовского областного музея краеведения – Г. Н. Куликовой и особенно их сотрудникам – Е. В. Родиновой (Старочеркаский историко-архитектурный музей-заповедник), М. В. Курасовой (Новочеркасский музей донского казачества), Л. А. Демиденко (Ростовский областной музей краеведения) за оказанную помощь в работе с этнографическими материалами.

В. Н. Кальниченко

Построение новой социалистической обрядности в сельской местности Нижнего Дона в 1920–1930-е гг.: проблемы изучения и пути их решения

В настоящее время в российском обществе наблюдаются устойчивый интерес к истории нашей страны, ее культуре и религиозным сообществам. Однако далеко не последнее место занимает проблема достоверности данных публикуемых в различных средствах информации в электронном и печатном виде. В социальном измерении современного российского общества оценка религиозных институтов и ее членов во многом остается негативной, далеко не последнее место в этом занимает проблема не пережитого и не переосмысленного прошлого раннесоветского эксперимента. Взаимодействие с различными общественными и государственными организациями показывает иную крайность – безразличие по отношению к религиозным институтам. Данное обстоятельство связано как с деятельностью советской власти, о которой мы будем писать ниже, но и, несомненно, ролью современных тенденций постекуляризма.

Что же касается историографической ситуации, то следует сказать о новейших исследованиях. Так, с конца 1990-х по настоящее время в отечественной историографии произошел качественный пересмотр государственно-конфессиональных отношений в революционный период, период Гражданской войны в России и в СССР. Было опубликовано сотни статей и монографий, десятки сборников документов (о религиозном положении в СССР, антирелигиозной политике, новых социалистических обрядах в различных регионах страны). В данном ключе следует отметить исследования С. Л. Фирсова[1], А. А. Иванова[2], Б. И. Колоницко-

[1] *Фирсов С. Л.* Время войне и время миру. Православная Российская церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. СПб., Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 168 с.

[2] *Иванов А. А.* Россия в 1917 году: голоса современников и свидетельства документов // Исторический архив. 2018. № 2. С. 194–197.

го[3], П. Г. Рогозного[4], А. С. Пученкова[5], К. В. Годунова[6] и др. Исследования упомянутых российских исследователей показывают острейший кризис власти, имперских светских и религиозных институтов и общества. Кроме того, ученым удалось установить, что период революции 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали временем поиска новых идеалов, а вырабатываемая в эти годы политика стала еще более масштабной после окончательной победы большевиков. Более того, именно в период Гражданской войны большевикам удалось предложить не только наиболее жизнеспособную политическую программу, но и стать новым идеологическим ориентиром для российского общества.

Конечное установление советской власти на Дону в 1920 г. стало временем оформления новой политической, правовой, образовательной и идеологической системы. Серьезных результатов в изучении отмеченных аспектов достигли региональные ученые:

– А. А. Слезин[7];
– О. М. Морозова[8];
– Н. Ю. Беликова[9];
– Ю. А. Бирюкова[10];

[3] *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., Лики России, 2012. 319 с.

[4] *Рогозный П. Г.* Православная церковь и русская революция: очерки истории. 1917–1920. М., Весь мир, 2018. 303 с.

[5] *Религиозный фактор в годы гражданской войны в России*: феномен, значение, региональная специфика / под ред. А. С. Пученкова. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 572 с.

[6] *Годунов К. В.* «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб., Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.

[7] *Слезин А. А.* Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 467–491.

[8] *Морозова О. М.* Влияние идеологии и практики насилия на возникновение и исход революционного конфликта в России // Природа терроризма и психология человека на историческом фоне его угрозы: материалы XXI Междунар. науч. конф., май 2007 г. СПб., Нестор, 2007. С. 206–211.

[9] *Беликова Н. Ю.* Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар., 2004. 162 с.

[10] *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг.: характер отношений на местах: дисс. ... на соиск. ученой степ. канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история». Ростов-на-Дону, 2012. 317 с.

– Л. В. Табунщикова[11];

– А. В. Шадрина[12] и др.

Необходимо также сказать об источниках и подходах, которые на наш взгляд, представляют наибольшую эффективность в решении поставленной цели исследования. Документы ГАРФа (ф. Р-5263)[13] позволяют установить характер взаимоотношений «центра» и «периферии», условия и тактику в проведении антирелигиозных мероприятиях, количественные показатели (относительно численности религиозных организаций в крае, районе) и т. д. Именно в данном фонде мы можем проследить взаимосвязь центральных и региональных ячеек комсомольских организаций и союза безбожников, их место в общественной агитации и пропаганде.

Особое место в настоящем исследовании занимают документы региональных архивных учреждений. Например, из ЦДНИРО (ф. Р.-23, ф. Р-30, ф. Р-101 и др.)[14], в которых обнаруживаются, с одной стороны, властные документы (согласно терминологии профессора КУбГУ А. В. Баранова) периода 1922–1939 гг. С другой стороны, циркуляры, протоколы, резолюции, планы и отчеты региональной администрации, на наш взгляд, являются наилучшим свидетельством механизма регламентации всех сфер деятельности

[11] *Табунщикова Л. В.* Церковь и Советская власть на Дону (церковно-государственные отношения на территории Донской (Ростовской) области (1920–1943 годы)). Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог., Издательство Южного федерального университета, 2021. 380 с.

[12] *Шадрина А. В.* Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 году // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае, Иваново, 28–29 марта 2018 года. Иваново. Ивановский государственный университет, 2018. С. 206–211; *Шадрина А. В., Табунщикова Л. В.* Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов: [отв. редактор А. В. Венков; научн. редактор Н. В. Киселева]. Ростов н/Д., Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 418 с.; *Shadrina A.V.* Antireligious Activities in the Don Okrug of the North Caucasus Krai, and the Specific Situation of the League of Militant Atheists in 1927 // Русский архив. 2017. No. 5(1). P. 52–62.

[13] ГАРФ. Ф. Р-5263 «Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (1929–1938 гг.).

[14] ЦДНИРО. Ф. Р-23 «Азовский райком ВКП (б)»; Там же. Ф. Р-30 «Багаевский РК ВКП (б)»; Там же. Ф. Р-101 «Семикаракорский РК ВКП (б)»; Там же. Ф. Р-114 «Цимлянский РК ВКП (б)»; Там же. Ф. Р-118 «Шахтинский уездный комитет РКП (б)»; Там же. Ф. Р-2287 «Северо-Кавказский краевой совет» и др.

сельского населения (от хозяйственно-экономических мероприятий, установления праздничного канона и построения нового досуга, до атеистической пропаганды и выведение религии из общественного пространства).

Посещение региональных архивохранилищ не является пустым коллекционированием, а помогает масштабно определить характер отношений представителей центральной и региональной власти, руководителей парторганизаций и рядовых членов партии (или беспартийных) на «местах», а также понять роль антирелигиозной пропаганды в построении нового общества. Данные материалы были нами просмотрены, например, в ЦХАД г. Шахты в ф. Р-33, ф. Р-156, ф. Р-186, ф. Р-278, ф. Р-432 и др.[15]

Не менее примечательным и информативным источником является периодическая печать. К числу малоизвестных печатных изданий раннего советского периода по-прежнему относится газета «Большевистская смена» (современная газета – «Наше время»), на страницах которой представлены (с разной периодичностью)[16] постоянные упоминания недостаточной квалификации кадров представителей советов, борьба старого мира (империалистического) и нового (социалистического), результаты данного противостояния. Здесь же можно отметить газету «Знамя Коммуны», некоторые сюжеты из которой представлены в данном исследовании (о классовом противостоянии и стратегиях выживания).

---

[15] ЦДНИРО. Ф. Р-33 «Шахтинский Районный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов (РИК)»; Там же. Ф. Р-156 «Шахтинско-Донецкий Окружной административный отдел»; Там же. Ф. Р-186 «Шахтинский городской Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов (горсовет)»; Там же. Ф. Р-278 «Шахтинско-Донецкий Окружной Исполнительный комитет (Окрисполком)»; Там же. Ф. Р-432 «Константиновский районный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов» и др.

[16] *Кальниченко В. Н*. Газета «Большевистская смена» как источник по истории антирелигиозных акций в Северо-Кавказском крае в 1920-е гг. // Власть и общество в условиях реформ в 1920-х гг.: материалы Международной научно-практической конференции /ответственные редакторы В. В. Касьянов, А. Ю. Рожков, Ю. А. Яхутль; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 116–119.

Кроме того, в газетных публикациях подобного рода нередко публично оговариваются комсомольцы, посещающие церкви или находящиеся под «религиозным дурманом» родителей. Следует также подчеркнуть, что далеко не все сообщения, публикуемые на страницах периодики, имеют объективную природу. В целом, данный источник следует верифицировать с результатами отчетов заседаний секретарей парторганизаций и регионального руководства ВКП (б), т. к. этот корпус источников фиксировал текущее положение в распространении периодической печати на селе и, наконец, какое место она занимала в бытовой жизни сельского населения в конкретный исторический период.

Следующий вид источника до сих пор имеет как своих сторонников, так и активно критикующих его. Речь идет, прежде всего, об устном источнике. По мнению известного американского исследователя П. Томсона, «устные свидетельства, обычно принимающие форму автобиографических повествований, обнаруживают одну трудность, которая свойственна любым интерпретациям истории. Фактически средством выражения исторического опыта является жизнь одного человека»[17]. Данное выражение совершенно справедливо характеризует *индивидуальный взгляд* на прошлое, о котором спрашивают респондента. Личное прошлое нередко способствует наилучшим образом реконструировать поведенческие особенности внутрисемейных отношений (старшего и младшего поколений), показать различные стратегии воспитания детей, а также определить влияние идеологии на традиционную систему жизнедеятельности человека на Нижнем Дону.

Ни для кого не секрет, что в 1920–1930-е гг. происходил поиск наилучшей формы, методов и смыслов, представляющей социалистическое видение будущего. Примечательно, что для достижения данной перспективы как старшему, так и младшему поколению следовало навсегда отказаться от коллективного (общественной преемственности) и индивидуального (семья, индивид) прошлого. Однако действительность оказалась намного сложнее. В текущем

[17] *Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история / Пер. с англ. М., Издательство «Весь Мир», 2003. С. 267.

контексте мы имеем в виду не только дореволюционные практики жизнедеятельности, разрыв социальных ролей (классовый), но и вопрос религиозности населения. Например, организаторы Всесоюзной переписи 1937 г. констатировали, что результаты антирелигиозной пропаганды недостаточны. Так, начальник Центрального Управления Народнохозяйственного учета Госплана СССР И. А. Кроваль констатировал, что изменения в религиозном сознании населения страны все же произошли, но «если бы наша антирелигиозная пропаганда велась не по случаю праздников и вокруг них, а систематически, мы имели бы значительно большую часть неверующих»[18]. Напомним, что данная перепись была изъята из публичного пользования и стала дополнительным поводом к пересмотру государственно-конфессиональных отношений. В данном случае мы имеем в виду усиление антирелигиозного курса, который будет выражен в фабрикации уголовных дел в отношении духовенства и рядовых верующих, содержании и количестве акций, направленных на закрытие религиозных организаций и объектов, и непосредственно в масштабах закрытия и разрушения церквей, молитвенных домов на территории СССР. Подчеркнем, что не менее важно использовать опыт других исследователей, в частности, речь идет об опубликованных сборниках документов (даже, если они не относятся к территории вашего исследования). Документы в опубликованных сборниках могут свидетельствовать об общей тенденции государственного курса.

Определенное место в настоящем исследовании занимает теоретическая модель смены прежних символов политической культуры (имперской) и замена их иной содержательной конструкцией (советской). В данном отношении необходимо сказать о нескольких ключевых терминах. Понятие «iconoclash» предполагает замену действующего памятника другим или изъятие памятника из публичного пространства[19]. В данном случае речь пойдет не

[18] Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов / [сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков]. М., РОССПЭН, 2007. С. 41.

[19] *Фюрекс Э.* Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / перевод с франц. В. А. Мальчина. М., Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

только о коммеморальных практиках, но и непосредственно о религиозных объектах, которые становились объектами демонтажа в физическом и структурно-символическом виде (дома культуры, спортзалы, монументы советским лидерам). Любопытно, что в это же время немедленно *освобожденные* пространства (места демонтированных культовых строений) нередко превращались в пустующие *места памяти*. Однако, там, где культовые объекты сменялись культом вождей (монументы), зачастую социальные рамки памяти исключали свидетельства даже о его местонахождении (А. Ассман подобную форму забвения называет техникой «стирание»)[20].

Подчеркнем, что значительное место в советской агитационно-пропагандистской деятельности занимала проблема установления новых советских праздников (или некого канона советских массовых праздников), получивших историческое обоснование: «5-ти летие освобождение Края от белых», траурные мероприятия по случаю смерти В. И. Ленина, «годовщина Красной армии», годовщина февральской революции и др.

В этой связи, справедливо отметил известный немецкий исследователь М. Рольф: «в процессе коммуникации между властной сферой и обществом возникали гибридные праздничные культуры, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы»[21].

Приближаясь к завершению теоретической конструкции, обратимся к некоторым результатам, которые нам удалось получить в ходе выбранного исследовательского маршрута. После успешного проведения «антицерковной кампании» по изъятию церковных ценностей государственные органы в «центре» и на «местах» постепенно выстраивают новую тактику *взаимоотношений* с религиозными организациями. События голода 1921–1922 гг., с одной

[20] *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; составление, пер. с нем. Б. Хлебникова. 2-е изд. М., Новое литературное обозрение, 2024. С. 20.

[21] *Рольф М.* Советские массовые праздники / М. Рольф; [пер. с нем. В. Т. Алтухова]. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 10.

стороны, вынуждено корректировали государственный курс в области антирелигиозной деятельности. С другой стороны, стали поводом к осуществлению масштабной агитационно-пропагандистской кампании в отношении религиозных организаций и ее представителей. Основным средством реализации стала периодическая печать и показательные судебные процессы. Центральные маркеры пропаганды заключались в информировании населения в укрывательстве «церковниками» ценностей и участии духовенства в подпольных антиправительственных организациях[22].

В это же время, значительное место в оформлении новой системы ценностей отводится созданию комплекса антирелигиозных мероприятий. Одной из таких кампаний станет – «Комсомольское Рождество». Первоначально данная кампания должна была быть организована «в Москве и Петрограде», но изысканность предлагаемых инсценировок была поддержана и другими региона. Организация данных мероприятий в Донской области началась еще в декабре 1922 г. На кампанию было выделено «300 тысяч рублей»[23]. Как справедливо заметила Л. В. Табунщикова: «власть не скрывала, что целью подобного мероприятия являются именно молодые люди»[24].

Мероприятие спланировано было детально, основной комплекс событий *триумфального* шествия проходил по центральным улицам г. Ростова-на-Дону. Конечно, на маршрутном листе были обозначены основные религиозные объекты. Реализация кампании имела не только яркую и эмоциональную окраску, но и глубокое идеологическое содержание. Выражено это было в коммеморальной практике (дата проведения 6–7 января), а также в эмоциональ-

[22] *Патенод Б.* Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года / Бертран Патенод; [пер. с англ. О. В. Чумиевой; науч. ред. И. И. Курилла]. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. С. 772.

[23] *Табунщикова Л. В.* Политика Советской государства в отношении Русской православной церкви на Дону (1920–1943 гг.): дисс. ... на соиск. ученой степ. докт. ист. наук: 5.6.1 «Отечественная история». Ростов н/Д., 2024. С. 182.

[24] *Табунщикова Л. В.* Политика Советской государства в отношении Русской православной церкви на Дону (1920–1943 гг.): дисс. ... на соиск. ученой степ. докт. ист. наук: 5.6.1 «Отечественная история». Ростов н/Д., 2024. С. 182.

ных формах: «фейерверки летят высоко вверх. Факелами сжигают ”богов”». «Огненные языки лижут их. – Кончай, ребята, скорей их! – кричат комсомольцы. – До-лой бо-гов!»[25]. Конечно, нельзя не сказать и о воспитательном аспекте кампании: «в рабочих клубах читались доклады, ставились антирелигиозные пьесы и устраивались вечера самодеятельности в Большом театре им. Максима Горького в Нахичевани»[26].

Известно, что в сельской местности мероприятий подобного масштаба не проводилось. Объяснялось это тем, что «”масса крестьян и казаков и много молодежи еще коснеет в религиозных предрассудках, им нужны знания, а демонстрация знаний не даст”»[27]. Конечно, это далеко не весь перечень причин, настигших организаторов новых обрядовых практик (бессистемная идеологическая программа, отсутствие профессиональных кадров, недостаточный уровень финансирования). Нам представляется, что стихийность и агрессивность самой кампании создавала обратный эффект в переориентировании сельских граждан. Например, по сообщению С. М. Хромых: «как мне моя бабка рассказывала, эти люди надели на себя звериные лица и стали ходить по домам»[28]. Известно, что эти люди не были из местных жителей, а приехали из бывшей окружной ст-цы Константиновской.

В феврале 1923 г. представители местной власти пытаются *оживить* внутрипартийную жизнь. Предлагалось не только организовать коммунистическую партийную конференцию, но провести «кампанию по вынесению икон из квартир коммунистов»[29]. Кроме того, в рамках мартовской антирелигиозной кампании

[25] *Tabunshchikova L. V.* “Komsomol Christmas” 1923 in the Don Region on the Materials of the Periodical Press // Russkii Arkhiv, 2016, Vol. (12), Is. 2. pp. 138–151.

[26] *Табунщикова Л. В.* Комсомольское рождество в 1923 г. в Донской области (по материалам периодической печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2016. № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 177.

[27] Там же. С. 178.

[28] Респондент: Хромых Сергей Михайлович, 1970 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 1.02.2022 г. Продолжительность 79 мин. // Личный архив автора.

[29] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.

предполагалось продолжить «вынесение икон из квартир коммунистов», отказаться от дня отдыха в воскресенье и перенести выходной на другой день[30].

Особое внимание уделялось подготовке кампании «Комсомольская Пасха», а также организации антирелигиозных кружков. К реализации данной инициативы привлекались активисты, отмечались положительные тенденции – «удалось изыскать достаточное количество средств, мобилизовано 20 уездработников»[31]. Нельзя не сказать о том комплексе мероприятий, организуемых представителями агитпропа. Итак, массово проводились митинги с обсуждением происхождения праздника Пасхи, истории христианства и отдельных сюжетов его учения (о непорочном зачатии), а также был произведен «суд над неверующим подростком»[32]. Помимо митингов была организована демонстрация: «5 и 3-го (апреля – *В. К.*) днем по всем детдомам и в дома рабочих подростком были проведены беседы на антирелигиозные темы»[33]. Отмечалось, что газета была «мобилизована» для освещения кампании.

По случаю празднования 1-го мая 1922 г. во многих хуторах состоялось торжественное открытие «хут-читален», а в детских домах проведены беседы с детьми о значении праздника. Но наибольшую значимость мероприятию предавала многолюдность, «большое количество знамен, специально приготовленных, плакаты с лозунгами, три оркестра музыки»[34]. В рамках мероприятия приняли участи до 5 тыс. чел. Не менее масштабно была организована антирелигиозная программа «на Троицу». На протяжении нескольких дней (26–28 мая) проводились разнообразные митинги с обсуждением на тему происхождения праздника, «создал ли Бог человека или человек Бога» и проблеме науки и религии[35]. Обсуждения проходили в клубах, где основной аудиторией были коммунисты, комсомольцы и демобилизованные красноармейцы.

[30] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.

[31] Там же.

[32] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.

[33] Там же.

[34] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 40. Л. 20.

[35] Там же.

Особое место в общественной жизни сельского населения постепенно занимают образовательные институты. Прежде всего, для взрослого населения создавались, крепли и расширяли ареал деятельности избы-читальни, «хут-читальни», клубы и культпросветы. В отношении же детей, подростков и молодежи основными источниками *просвещения* теперь являлось не домашнее образование или учреждения церковно-приходского типа, а советская 4-х и 7-ми классовая школа. Кроме того, значительное место в повседневной жизни ребенка занимают комсомольские и пионерские организации.

Следует также сказать, что местные органы власти все большее внимание уделяли повышению уровня грамотности населения и тех, кто реализовывал задачи партии. Немаловажную роль в данной деятельности стал занимать сельский учитель. Однако, старое поколение учителей далеко не всегда представляла идеологические интересы государства (антирелигиозного характера). Например, отмечалось, что были учителя, которые не принимали участие в кампании «Комсомольское Рождество», некоторые из них стремились «ввести преподавание закона Божьего»[36].

Для изменения подобного положения предлагалось к школам прикреплять «партийного товарища», проводились конкурсы «на выявление лучшего и худшего учителя», а также организовывались курсы повышения с корреспонденцией на местах[37]. На наш взгляд, данное мероприятие позволяло выявить настроение не только учителя, но и состояние религиозности населения в инспектируемой локации. Любопытно, что полученные данные фиксировали остаточные или универсальные элементы мировоззрения сельского

[36] *Табунщикова Л. В.* Церковь и Советская власть на Дону (церковно-государственные отношения на территории Донской (Ростовской) области (1920–1943 годы)). Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог., Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 135.

[37] Там же. С. 135–136.

населения: «осталась святая вера в бога или вернее: страх перед карой божией»[38].

В неразрывном единстве находились агитационно-пропагандистские мероприятия, их организаторы и непосредственные участники. В данном случае под участниками мы выделяем учителей и школьников. Относительно же пионерских организаций, то учителей также привлекали к работе, но действовали они исключительно во вспомогательных целях[39]. Также оговоримся, что значительное количество массовых советских праздников оформлялось участием преподавательского состава. Не исключением становились и траурные события. Например, митинги и общественные собрания по случаю кончины В. И. Ленина проводились также в учебных заведениях[40].

В кампании «лицом к деревне» особое внимание уделялось привлечению женщин к общественным работам, для чего необходимо было создать условия по улучшению «быта крестьянки <...> организации яслей, детских садов, акушерских пунктов»[41]. Кроме того, региональные власти полагали, что вовлечение женщин крестьянок в общественно-трудовые мероприятия возможно путем культурно-просветительской деятельности. В резолюции относительно комсомольских организаций подчеркивалось, что деятельность комсомольских ячеек в Семикаракорском районе осуществляется небрежно, а некоторые ситуации и вовсе возмущали региональное руководство. Например, «когда ячейки в сельсоветах вместо того, чтобы приходить со своими дельными предложениями, старались командовать над взрослым крестьянством». Относительно антирелигиозной пропаганды комсомольцы «высмеивали религиозность, оскорбляли чувства верующих»[42]. Объявлялась задача предотвратить подобные случаи и выработать иной механизм

[38] *Табунщикова Л. В.* Церковь и Советская власть на Дону (церковно-государственные отношения на территории Донской (Ростовской) области (1920–1943 годы)). Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог., Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 136.

[39] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

[40] ЦХАД. Ф. Р. 278. Оп. 2. Д. 10. Л. 30.

[41] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[42] Там же. Л. 5.

работы. Так, комсомольцам следовало посещать партсобрания, вести документацию (планы и отчеты), кроме того, в общественной деятельности обязаны были представлять идеологические интересы государства. Например, в области политического просвещения – привлечь беспартийную молодежь к участию в общественной жизни, обеспечить устойчивый интерес к повышению уровня знаний (стенгазеты, книги, газеты) и спорту. Несколько позднее о деятельности физкультурной ячейки «Спартак» в ст. Цимлянской будет сказано, что «комсомольцы-спартаковцы распространяют свое влияние на беспартийную молодежь»[43].

Сельскохозяйственную пропаганду необходимо было развивать путем сельскохозяйственного кружка, привлекая «возможно больше широких слоев населения»[44]. Антирелигиозная пропаганда заключалась в преодолении «хулиганских выходок» и распространении научных знаний. Предлагалось всеми мерами избегать влияния «различных сект среди крестьянства», после чего следовать особым директивам[45].

Конечно, комсомольцам ставились задачи по изменению быта: «в основном работа должна выразиться в борьбе с пьянством, с самогоном, половым развратом, уличными драками, неуважением к девушкам <...>, борьба с суевериями, предразсудками, знахарством»[46]. В противопоставление существующих практик требовалось внести коррективы в развлечения и игры. Кроме того, «организовать октябрины, комсомольские свадьбы, тем самым привлечь молодежь к общественному строительству станицы[47]. Комсомольские организации патронировали деятельность девушек и пионерии[48], и конечно, сам *дух* антирелигиозной пропаганды[49].

---

[43] Комсомольцы работают активно // Советский Спорт. № 20. 16 мая 1926 г. С. 5.

[44] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 7.

[48] Там же.

[49] Совещание по антирелигиозной пропаганде // Большевистская смена. № 3. 11 января 1927. С. 1

Однако все же центральной просветительской площадкой оставалась изба-читальня, в условиях которой черпали свое вдохновение не только комсомольцы, но и партийные активисты. В связи с чем, выборы в Советы приобретали особый агитационно-пропагандистский шарм. В ходе кампании «лицом к казачеству» предполагалось использовать следующую тактику: «пусть он враг, пусть у него старая казачья закваска, пусть у него кулацкий уклон <...>, если он имеет авторитет у населения, наши коммунисты во главе с секретарем ячейки обязаны его индивидуально обработать, сдружиться с ним, <...> узнать его мировоззрение и опекать его»[50].

Одним из приемов в культурно-просветительской деятельности советской власти были массовая праздничная культура. Примечательно, что некоторые праздники не имели укоренения в «массах» и отмечались, пока ставилась региональной властью такая задача. Например, «5-ти летие освобождение Края от белых». В это же время, существовал наиболее устойчивый комплекс коммеморативных практик: «смерть Ленина, 9 января, годовщина Красной Армии, Годовщина февральской Революции, Международный женский день, Парижская коммуна»[51].

Следует также сказать и о месте периодической печати в просветительской деятельности региональной власти. Несмотря на то, что распространение центральной и локальной периодики оставляло желать лучшего, все же некоторые теоретические материалы постепенно доходили до своих пользователей. Так, около 350 экземпляров Е. М. Ярославского было доставлено «в деревню»[52]. По сообщению С. М. Хромых он лично видел у деда в х. Топилин Семикаракорского района работу Е. М. Ярославского «Библия для верующих и неверующих», которую он бережно хранил в «божнице» (святом углу)[53].

---

[50] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

[51] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

[52] Там же. Л. 9.

[53] Респондент: Хромых Сергей Михайлович, 1970 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 01.02.2022 г. Продолжительность 79 мин. // Личный архив автора.

Кроме того, в резолюции 1926 г. сообщается, что осуществление массовой кооперативно-просветительской деятельности в регионе возможно при условии использования клубов, изб-читален, домов крестьянина, красных уголков, собраний и сходов, школ, базаров, ярмарок и т. п.[54] Так, в Цимлянском районе сельским населением эффективно были усвоены досуговые практики взамен религиозных. В короткие сроки был организован хор, библиотека, музыкальные и драматические кружки. Культурное разнообразие привлекало как молодежь, так и взрослое население. В других районах наблюдалось соединение светских и религиозных практик. Б. Ф. Шашлов отмечает, что в х. Павлов Семикаракорского района часть населения продолжала ходить «у церковь», другая же часть ходила в библиотеку и на различные кружки[55]. В свою очередь, сеть изб-читален была недостаточной. Сообщалось, что «в среднем 1 изба на 8 населенных пунктов»[56]. Более того, в некоторых районах сообщалось, что антирелигиозная пропаганда среди населения вообще не ведется. Так, о положении в Семикаракорском районе имеются следующие сведения. Некоторые населенные пункты практически полностью охвачены влиянием религиозных течений, к коим относятся старообрядцы, баптисты и хлысты. При этом, подчеркивалось, что значительно больший авторитет население питает («женщины» и молодежь) к родителям, нежели к церковному институту, тем самым обращаясь к «старым традициям»[57]. Не менее примечательным является тезис о том, что «в религиозных течениях масса верующих не разбирается и идет за священнослужителями религиозного культа»[58].

В ст. Нижне-Гниловской Аксайского района сообщалось о беспорядках в избе-читальне, руководимых заведующим учреждением: «иногда перебарщивает в управлении так, что все ребята от

[54] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

[55] Респондент: Шашлов Борис Фадеевич, 1932 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 5.01.2022 г. Продолжительность 92 мин. // Личный архив автора.

[56] ЦДНИРО. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 77. Л. 11.

[57] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 10. Л. 28 об.

[58] Там же.

14 до 16, а иногда и до 17 лет летят из избы-читальни кубарем»[59]. Встречаются также примеры положительного влияния изб-читален в районе. Постепенный авторитет данных учреждений достигается активным участием населения «во время проведения революционных праздников и посещений спектаклей»[60]. Особой результативностью пионерские и комсомольские ячейки похвастаться не могли, деятельность которых сводилась исключительно в устных товарищеских беседах.

Помимо невысокой их эффективности комсомольцы регулярно попадали в сводки периодической печати. Например, в ст. Манычской Багаевского района сообщалось как «под влиянием праздничного настроения с сорокоградусной задумали прокатить на карусели обманным путем, а после не долгих прений избили хозяина и подошедшую женщину»[61]. Отмечались также недостатки в ношении комсомольской символики – «значок КИМа». Данная проблема, например, была распространена в ст. Аксайской: «в большинстве случаев значков не носят», ключевой же причиной было их отсутствие – «нет значков, их не продают», в других станицах тем более[62]. Напомним, что система символов и знаков являлась не последним фактором легитимации власти.

Не менее важной проблемой, как отмечали участники прений при ДК ВКП (б) чрезмерная загруженность учителя общественной работой, в результате чего «хромает как общественная так и школьная работа»[63]. В целом для более продуктивной работы женщин необходимо было усилить снабжение специальной литературой и «усилить связь центра с местами»[64].

В это же время, постепенное распространение приобретает Союз Безбожников: «в 1926 г. на весь СССР насчитывалось 2500

[59] Порядки в Н.-Гниловской избе-читальне // Большевистская смена. № 14. 5 июня 1926 г. С. 5.

[60] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

[61] Подвиги наших комсомольцев // Большевистская смена. № 38. 27 октября 1926 г. С. 3.

[62] Просто нет знаков // Большевистская смена. № 14. 1926 г. С. 7.

[63] ЦДНИРО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

[64] Там же. Д. 10. Л. 15–16.

ячеек, объединявших около 80–100 тыс. членов»[65]. Положительная тенденция наблюдалась не только в количественном отношении, но и активное участие в антирелигиозных мероприятиях. Сообщалось, что при Донском комитете комсомола организовалось бюро юношеской секции безбожников, основным промыслом которой являлась организация подобных кружков, проведение массовой работы и «распространение антирелигиозной литературы»[66]. Все большее значение в просветительской деятельности отводится молодежным организациям. Например, при станичной избе-читальне организуется кружок чтецов. Основная направленность данных кружков заключалась задача – «разъяснить все неясное в газетах посетителю и если он неграмотный, прочитать интересующее его»[67].

Накануне Рождества Христова (по старому стилю) в 1926 г. особое место было отведено чтению лекций на тему: «Как возникла религия», «Как возник праздник “Рождество Христово”», «Религия, Праздники, молодежь», которые нашли отражение в газетных публикациях. Например, в последней заметке акцентировалось противопоставление празднованию Рождества в дореволюционной России и современному положению «свободная от предрассудков» (в данном случае речь шла о молодежи) и необходимости изучения социальных корней религии[68]. Однако, иного комплекса мероприятий нами не было зафиксировано. С одной стороны, еще не была выработана механически повторяющаяся модель проведения комплекса «Комсомольское Рождество». С другой – действия директивы, регламентирующей проведение подобных мероприятий, действовали по принципу *вспышки*, не меняя традиционного представления христианского праздника. Иными словами, антирелигиозная пропаганда на данном этапе не была

[65] *Табунщикова Л. В*. Церковь и Советская власть на Дону (церковно-государственные отношения на территории Донской (Ростовской) области (1920–1943 годы)). Южный федеральный университет. Ростов н/Д; Таганрог., Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 234.

[66] В Донском комитете ВКЛКСМ // Большевистская смена. № 52. 22 декабря. 1926. С. 4.

[67] Получили совет у чтеца // Большевистская смена. № 7. 25 января 1927 г. С. 3.

[68] Против тьмы религии, за свет культуры. К празднику «Рождество Христово» // Большевистская смена. № 53. 24 декабря 1926 г. С. 2.

последовательной, а имела цикличный характер. Именно об этом сообщалось на итоговом антирелигиозном совещании, созванном Крайкомом ВЛКСМ, совместно с Донкомом ВЛКСМ и Краевым и Донским Советами союза безбожников в январе 1927 г. Подчеркивалось, что, несмотря на активную просветительскую деятельность молодежных организаций в среде профессиональных и социальных рамок сельского населения «религиозные верования еще находят приют»[69].

Кроме того, краевое руководство, пользуясь формулой противопоставления, отмечает, что антирелигиозная пропаганда обязана выступить «подсобным средством» и она призвана «разоблачать классовую сущность религии», в связи с чем, необходимо немедленно усилить работу в данном направлении, а также систематизировать программу антирелигиозного кружка[70].

Вопрос классовых противоречий все чаще актуализировался в общественно-политической повестке различных организаций. Исключением не стал и комсомол. В резолюции партконференции 18–19 июня 1929 г. уточнялось о необходимости организационно-идеологического укрепления комсомольских ячеек и осуществить «чистку советского аппарата от разложившихся элементов, извращающих советские законы»[71]. Именно в этот период была развернута кампания по чистке «по партлинии»[72]. Кроме того, отмечались случаи «об искажении партийной линии по анти-религиозной пропаганде»[73]. Постановлением бюро крайкома ВЛКСМ предписывалось прибегнуть к механическому «исключению комсомольцев из Союза, лишенных избирательных прав»[74]. В целом, увеличение «лишенцев» постепенно будет расти, что приведет к оформлению новой стратегии поведения в среде сельского и город-

[69] Итоги краевого антирелигиозного совещания // Большевистская смена. № 7. 25 января 1927 г. С. 3.

[70] Там же.

[71] ЦДНИРО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

[72] ЦДНИРО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 13. Л. 77.

[73] Там же. Л. 12.

[74] О комсомольцах лишенных избирательных прав // Большевистская смена. № 9. 4 февраля 1927 г. С. 3.

ского населения Нижнего Дона. Например, в х. Больше-Мечетной Константиновского района гражданин В. Ф. Шабанов обращается в Президиум Шахтинско-Донецкого окрисполкома о пересмотре решения о лишении избирательных прав в связи с тем, что «к эксплуатации никакого отношения не имею и жил самостоятельно»[75].

Напомним, что ранее Василий Федорович «являлся членом семьи Шабанова Ф. А. который применял наемный труд», по причине чего получил соответствующий статус в 1928 г.[76] Невысокое материальное положение и разрыв семейных отношений с отцом благоприятно сказались на решении Окружного исполкома – «восстановить»[77]. Подобная ситуация наблюдалась и в других населенных пунктах. Так, житель ст-цы Багаевской П. Г. Костин писал: «отрекаюсь от своих родителей лишенных избирательных прав <...> и порываю с ними всякую связь»[78]. Такую же модель выбрал и другой сын – Григорий[79]. В иных случаях жены отказывались от мужей[80]. Исключением не стал отказ родителей от своих детей: «Мы Акулиничевы Алексей Григорьевич 80 лет и Мария Николаевна 80 лет отрекаемся от своего сына кулака <...> как от чуждого элемента и порываем всякую связь»[81]. Нельзя не сказать о случаях отказа детей от родителей священнослужителей. Например, «Я, гр-ка Анна Вячеславовна Серикова отказываюсь от своего отца, представителя религиозного культа»[82]. Но наиболее выразительным явлением, получившим широкое распространение именно в данный период, следует считать отказ духовенства от своего служения: «Я, Агаков И. В. довожу до всеобщего сведения, что уже 2-й год не служу дьяконом и совершенно отрекаюсь от дьяконства»[83]. Кроме того, Н. Д. Попов также отказывается от сво-

[75] ЦХАД. г. Шахты. Ф. Р-432. Оп. 1. Д. 968. Л. 11.

[76] Там же. Л. 5.

[77] Там же. Л. 3 об.

[78] Объявления // Знамя Коммуны. 10 февраля 1931 г. № 70. С. 4.

[79] Объявления // Знамя Коммуны. 2 марта 1931 г. № 78. С. 4.

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] Объявления // Знамя Коммуны. 5 апреля 1931 г. № 92. С. 4.

[83] Объявления // Знамя Коммуны. 21 сентября 1931 г. № 174. С. 4.

их священнических обязанностей, а также указывает, что впредь «ничего не имею общего с моим отцом священником»[84].

По данному поводу справедливо заметила Ш. Фицпатрик: «такие ситуации всегда были сложны, поскольку в них играли свою роль всевозможные трения, присущие отношениям между родителями и подрастающими детьми»[85]. В свою очередь, политика классовой идентификации середины 1920-х – середины 1930-х гг., с одной стороны, предлагала способ выхода молодежному контингенту из прежних социальных связей. С другой стороны, создавала условия для разрыва традиционных ролей, а в перспективе сужала рамки внутрисемейной памяти[86].

Конечно, данная ситуация хотя и была характерна в социокультурной инженерии советской власти, однако в масштабах традиционной системы сельской местности широкого распространения все же не получила. Кроме того, исследователи отмечают, что в 1920-е гг. постепенно оформлялись «красные святцы», согласно которым и выбирались имена[87]. Л. В. Табунщиковой подробно удалось реконструировать революционное таинство – «октябрины», выявить комплекс наиболее примечательных имен («Нарком, Электрина, Маркс, Энгельс и Энгельсина»), а также представить взаимосвязь гражданской обрядности и церковных таинств на территории Донской области[88].

---

[84] Объявления // Знамя Коммуны. 2 марта 1931 г. № 78. С. 4.

[85] *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик; [пер. с. англ. Л. Ю. Пантиной]. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 82.

[86] Респондент: Кальниченко Юлия Васильевна, 1939 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, х. Мечетной, 9.03.2021 г. Продолжительность 39 мин. // Личный архив автора.

[87] *Жидкова Е.* Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3–4 (30). 2012. С. 408–429; *Бондаренко Е. Д.* Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. № 4. 2013. С. 166–171; *Шаповалов С. Н.* Практика проведения антирелигиозных праздников на Кубани в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. С. 20–24; *Шитова А. А.* Антирелигиозная борьба и изменения праздничных традиций в 1920-е годы // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 66–76.

[88] *Табунщикова Л. В.* «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. № 6 (67). 2015. С. 85–94.

Совершенно незначительный след в социальном измерении памяти сельского населения Нижнего Дона оставила практика советских имянаречений (октябрины). Нам удалось установить действительное положение дела относительно получения сельским населением революционных имен: в ст-це Семикаракорской – «Октябрина», в ст-це Кочетовской – «Индустрина»[89].

По-прежнему в резолюциях отдела народного образования Азовского района констатировалось: «влияние семьи учащихся преобладает над влияние школы»[90]. В свою очередь, отсутствие действующего прихода или общины и, несомненно, практика вытеснения привычных форм жизнедеятельности сельского населения создавала гибридное содержание повседневной культуры советской деревни на Нижнем Дону. Образовывались различные стратегии поведения в резкоизменяющихся условиях повседневности 1930–1940-х гг.

По данному поводу справедливо написал Н. В. Пискунов: «были характерными и ситуации, когда молодые люди из духоборской и молоканской среды сами уходили на армейскую службу в качестве добровольцев. Это объяснялось внутрисемейными разногласиями и желанием молодых людей избавиться от религиозного давления родителей»[91]. В данном контексте следует определить характер деформации внутрисемейных взаимоотношений и осуществляемых практиках. Прежде всего, необходимо рассмотреть воспитательную практику.

По сообщению жителей сельской местности детей привлекали к молитвенным действиям с раннего возраста: «с маличку»[92], «как

[89] *Респондент:* Павлова Александра Ильинична, 1933 г. р. Интервьюер: Павлова. Место проведения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, х. Исаевский, 24.03.2024 г. Продолжительность 125 мин. // Личный архив автора.

[90] ЦДНИРО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 14. Л. 55.

[91] *Пискунов Н. В.* Трансформация государственной политики в России XX в. по отношению к старообрядцам и сектантам Нижней Волги и Дона: дисс. ... на соиск. ученой степ. канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история». Волгоград., 2022. С. 104.

[92] Респондент: Пятницкова Валентина Филипповна, 1924 г. р., урож. ст. Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО, образование – 6 классов, работала на обувной фабрике, православная, казачка; зап. в ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 3.

начнешь только разговаривать, так и начинаить учить»[93]. Респонденты отмечают, что центральное место отводилось молитве «Отче наш/Отче всех/Отчу читали»[94], реже – «Богородицу/Богородице дево, радуися», «Живый в помощи»[95], «Верую, в единого Бога»[96].

Примечательно, что данный корпус молитв имел разнообразное применение в повседневных мероприятиях и ситуативных операциях последующей жизни ребенка: утренние и вечерние молитвы, перед едой, «когда душит домовой»[97], «от сглаза»[98] и в прочих житейских необходимостях.

Однако в ходе активной агитационно-пропагандистской деятельности региональных властей некоторые дети во время обучения в школе меняли тактику поведения и старались избежать

[93] Респондент: Наумова Вера Петровна, 1927 г. р., урож. Ст-цы Нижнекундрюченской Усть-Донецкого района РО, техникум, зоотехник, православная, казачка; зап. в ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого района Ростовской области в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 1.

[94] Респондент: Сизякина Екатерина Кузьминична,1925 г. р., урож. х. Листопадов Усть-Донецкого р-на РО, образование – 4 класса, разнорабочая, православная, казачка; зап. в х. Чумаковский Усть-Донецкого р-она РО в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84 а, Т. 4; Савкина Надежда Евдокимовна, 1929 г. р., урож. х. Мостовой Усть-Донецкого района РО, 5 классов, доярка, птичница, православная, казачка; зап. в х. Мостовой Усть-Донецкого района Ростовской области в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 1; Респондент: Бакулина Александра Ивановна, 1937 г. р., урож. Ст-цы Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО, образование – 9 классов, санитарка, православная, казачка; зап. в ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 4.

[95] Респондент: Пятницкова Валентина Филипповна, 1924 г. р., урож. ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО, образование – 6 классов, работала на обувной фабрике, православная, казачка; зап. в ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 3.

[96] Респондент: Герасимова Таисия Николаевна, 1936 г. р., урож. х. Броницкий Усть-Донецкого р-на РО, образование – 7 классов, свинарка, православная; зап. в ст-це Нижнекундрюченская Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 3.

[97] Респондент: Ковалева Мария Александровна, 1937 г. р. Интервьюер: Кальниченко, Холодова. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, х. Костылевский, 30.12.2024 г. Продолжительность: 109 мин. // Личный архив автора.

[98] Респондент: Савкина Надежда Евдокимовна, 1929 г. р., урож. х. Мостовой Усть-Донецкого района РО, 5 классов, доярка, птичница, православная, казачка; зап. в х. Мостовой Усть-Донецкого района Ростовской области в 2007 г. Соб. Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 1.

участия в молитвенных мероприятиях. Например, Т. К. Рыковская отмечала: «бабушка когда-то нащинаить спать ложиться, она нащинаить сама молитву читать и говорить: повторяй, повторяй. Я гарю (говорю – *В. К.*), я сказала, не сказала, на тебе в лоб»[99]. О подобном случае сообщала М. А. Красюкова[100]. По сообщению Б. Ф. Шашлова Васса Трофимовна (его мать) направила респондента на обучение к местному мастеру-плотнику, после чего: «научился я у него плотничать немножко. <…> А икона была Николая Угодника, вот такая высота (респондент показывает размер иконы – 1 м). Ну, я стол с нее (обеденный стол – *В. К.*). <…> А я спрятался, знаю, что мать ругать будет же, из-за покоя, из иконы сделать стол»[101]. В последующем Б. Ф. Шашлов вспоминал о своей работе «это ж мое первое произведение»[102]. Представленные девиации, на наш взгляд, имели непосредственное выражение чаще всего после того, как респонденты встраивались в общественно-культурную жизнь сельской местности (в т. ч. в состав отдельных молодежных организаций).

В это же время, традиционный уклад сельского населения постепенно деформировался, все чаще религиозные практики оформлялись в индивидуализированные формы. Внутри семьи происходила дифференциация по религиозному признаку (чаще всего старое поколение хранило строгий пост и регулярно молилось дома и/или ходило молиться по домам). При этом традицион-

[99] Респондент: Рыковская Таисия Константиновна 1928 г. р., урож. х. Черни Усть-Донецкого р-на РО, в ст-це Усть-Быстрянской – с 1953 г., 4 класса, животновод, православная, казачка; зап. в ст-це Усть-Быстрянская Усть-Донецкого района РО в 2007 г. Соб: Терскова Н. В., Шепеленко Т. Е. // ПМДЭ ЮФУ 2007, П. 84а, Т. 2.

[100] Респондент: Красюкова Марфа Алексеевна, 1929 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, г. Семикаракорск, 28.04.2025 г. Продолжительность 57 мин. // Личный архив автора.

[101] Респондент: Шашлов Борис Фадеевич, 1932 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 5.01.2022 г. Продолжительность 92 мин. // Личный архив автора.

[102] Респондент: Шашлов Борис Фадеевич, 1932 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 5.01.2022 г. Продолжительность 92 мин. // Личный архив автора.

ный характер отношений между членами семьи (дедушки, бабушки, дети) практически был неизменен.

Нельзя не отметить, что в условиях отсутствия действующего религиозного общества, верующие выработали механизм самостоятельных, реже общественных (чаще всего это относится к старообрядцам) молебствий на территории индивидуального недвижимого имущества (курени, флигели, хаты). Примечательно, что устойчивая религиозность сельского населения выражалась зачастую в детях дошкольного возраста (вне гендерных прерогатив), среднем и престарелом возрасте (только женщины). Впрочем, показатели в общесоюзных границах отражали подобное положение (за исключением молодежного контингента)[103].

В процессе закрытия и ликвидации религиозных объектов мужчины (средний возраст и старики) проявят полное бездействие. В качестве исполнителей идеологического заказа выступит молодежь и мужчины среднего возраста в силу своих профессиональных обязанностей. В свою очередь, именно женский *актив* станет воплощением настойчивости и хранительницей религиозных ценностей на данном этапе. Например, по сообщению Н. Т. Назаренко известно, что в конце 1930-х гг.: «…эта церковь была. Милиция, участковые тогда были, они ж хотели зайти к ним, а они отстояли»[104]. В данном случае респондент сообщает о физическом выступлении в ходе закрытия церкви Преображения Господня в х. Обуховский Азовского района. Похожий же сценарий физического противостояния произошел и в х. Каныгин Раздорского района[105]. И по неофициальным данным эта церковь так и не

[103] Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов / [сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков]. М.: РОССПЭН, 2007. С. 118–123.

[104] Респондент: Назаренко Наталья Тихоновна, 1941 г. р. Интервьюер: Кравченко. Место проведения: Ростовская область, Азовский район, х. Дугино, 14.02.2022 г. Продолжительность 25 мин.

[105] *Кальниченко В. Н*. История храма в хуторе Коныгин Усть-Донецкого района Ростовской области // Двадцать первый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Русская духовная культура: от традиции к современности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Челябинск, 17–18 мая 2023 года / Сост., науч. редактор И. Н. Морозова. Челябинск., Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 85.

была закрыта. Подобные мероприятия широкого распространения не имели. Храмы по-прежнему подвергались закрытию вплоть до 17 июня 1941 г.

Таким образом, обращаясь к построения новой социологической обрядности в сельской местности Нижнего Дона необходимо, прежде всего, использовать опыт отечественных и зарубежных исследователей, определить географию архивохранилищ, а также определиться с теоретико-методологическими основаниями исследования. На наш взгляд, наиболее эффективным подходом следует считать междисциплинарный. А исследовать новую обрядность эффективнее всего в плоскости агитации и пропаганды. Так, можно выявить весь комплекс предлагаемых изменений повседневной и праздничной культуры в сельской местности микрорегиона.

И наконец, после преодоления голода 1921–1922 гг. постепенно оформляется новая система ценностей. Таким мероприятием стала масштабная карнавальная инсценировка «Комсомольское Рождество». Данная кампания была ориентирована, прежде всего, на молодежный актив. Однако данная кампания широкого распространения не имела и за редким исключением была осуществлена в условиях села. Вслед за этим, местное партийное руководство проводит серию мероприятий (вынос икон из домов комсомольцев, «Комсомольская Пасха»), расширяя не только географию проведения, но и вовлеченность граждан сельской местности. В это же время, происходил поиск наиболее эффективных методов просвещения «масс». Кроме того, власти ожидали, что удастся быстрыми темпами вовлечь в общественную жизнь женщин, беспартийный актив и стариков, но значительных результатов так и не было достигнуто. Вызвано это было стремительными изменениями политики «центра», недостаточным образовательным уровнем организаторов кампаний и, несомненно, традиционной моделью жизнедеятельности сельского населения. С одной стороны, в сельской местности, по-прежнему, детей крестили в церкви и нарекали по церковным святцам, реже по именам родственников, значительно реже (единичные случаи) упоминаний революционных имен. С раннего детства в дошкольный период старое поколение (ба-

бушки или тети) учили молитвам, которые на протяжении всей их последующей жизни являлись ситуативным ориентиром. С другой стороны, поступление в школу и те идеологические рамки (в т. ч. пионерские и комсомольские организации), которые они предлагали в конечном итоге корректировали их отношение к религиозным мероприятиям. Внутрисемейная дифференциация по религиозному признаку действительно имела место, однако, по-прежнему сохранялись прежние формы взаимоотношений. Кроме того, кампания по закрытию религиозных обществ и ликвидация культовых объектов предоставила населению самостоятельный выбор дальнейшего пути, в условиях которого население выработало стратегию индивидуального отправления религиозных потребностей (пост, молитва, таинства), реже – коллективные моления «по домам» (чаще всего – старообрядческое население).

О. М. Антонов

Фамилии донских казаков XVIII века (на примере станиц Цимлянского района Ростовской области)

Настоящая статья рассматривает фамилии казаков, проживавших в станицах, которые имеют отношение к современному Цимлянскому району: Камышовская, Кумшацкая, Цимлянская (ныне город Цимлянск), Терновская, Филипповская (ныне Маркинская), Гугнинская (ныне Новоцимлянская). Также станица Нижне-Курмоярская, которая ранее входила со своими хуторами в состав Цимлянского района, а при строительстве Волго-Донского судоходного канала прекратила своё существование. Поселения Волгодонского района, которые периодически переходили в состав Цимлянского района в результате корректировки границ, а некоторые из них и остались, исторически же они привязаны к станицам Романовской и Верхне-Каргальской (ныне Каргальская).

В XVIII веке переселение на Дон, в отличие от предыдущего века, шло преимущественно группами, с семьями, которые пытались закрепиться на новом месте и наладить привычный уклад. Освоение новой территории в этот период связано с развитием сельского хозяйства и возникновением хуторов для занятия земледелием и скотоводством. В результате этого произошло увеличение роста населения более чем в 10 раз к концу XVIII века[1].

Население станиц, имеющих отношение к настоящему исследованию, выросло: в Камышовской с 1752 по 1800 гг. на 33,3 %, в Верхне-Каргальской с 1763 по 1800 гг. – 44,4 %, в Романовской с 1751 по 1800 гг. – 43,7 %, в Кумшацкой с 1745 по 1800 гг. – 54,7 %, в Терновской с 1747 по 1800 гг. – 71 %, в Гугнинской с 1746 по 1800 гг. – 54,9 %, в Нижне-Курмоярской с 1748 по 1800 гг. – 29,3 % (подробнее смотри таблицу).

[1] См. подробнее: *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д, 1961. Глава II.

Количество казачьего населения по станицам с 1718 по 1803 гг.[2]

Год	Камышев.	В. Кар.	Романов.	Кумшац.	Цимлян.	Терновс.	Филиппов.	Гугнин.	Н. Курмояр.
1718*	92 м.	88 м.	51 м.	72 м.	127 м.	58 м.	110 м.	64 м.	77 м.
1745	-	-	-	474: 270 м. 204 ж.	-	-	-	-	-
1746	-	-	-	-	-	-	-	533: 305 м. 228 ж.	-
1747	-	-	-	-		360: 206 м. 154 ж.	-	635: 325 м. 310 ж.	-
1748	-	-	-	-	-	-	-	-	1056: 510 м. 546 ж.
1749	-	-	-	-	-	371: 218 м. 153 ж.	-	-	-
1751	-	-	517	-	-	-	-	-	-
1752	576: 347 м. 229 ж.	-	-	-	-	-	-	-	-
1759	-	-	-	-	-	572: 305 м. 267 ж.	-	-	-

[2] Информация и подсчёты произведены по следующим изданиям: *Сулин И.* Краткое писание станиц области войска Донского. Станицы по Дону // Донские епархиальные ведомости. 1893. № 7/8, с. 301, 303–304; № 9, с. 354, 356–357; № 11, с. 459; № 13, с. 572; № 17, с. 762–764; *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках… М. 1846. С. 114; Ведомость… о состоящих в войске Донском… жителей мужеска пола… (1803 г.) // Земля в судьбах донского казака. Сборник историко-правовых актов 1704–1919 / Отв. редактор Дулимов Е. И., составитель Коршиков Н. С. Ростов-н/Д. 1998. С. 77–78. Присяги донских казаков, 1718: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2012. С. 11, 117–123. Выписки из дела о казаках, записавшихся в двойной раскольнический оклад, 1763–1767 // Сыскные дела о донских казаках: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 10 / авт.-сост. В. А. Гусев. 2017. С. 360–361.

Год	Камышев.	В. Кар.	Романов.	Кумшац.	Цимлян.	Терновс.	Филиппов.	Гугнин.	Н. Курмояр.
1763	613: 314 м. 299 ж.	494: 249 м. 245 ж.	476: 244 м. 232 ж.	-	-	-	-	-	-
1766	161 м.	158 м.	150 м.	162 м.	184 м.	84 м.	58 м.	56 м.	63 м.
1768 **	162 м.	158 м.	150 м.	162 м.	184 м.	84 м.	58 м.	56 м.	63 м.
1768	-	-	-	-	-	-	-	720: 325 м. 395 ж.	-
1794	-	-	-	557 м.	-	-	-	-	-
1798	-	-	-	-	-	-	-	1224: 607 м. 617 ж.	-
1800	864: 428 м. 436 ж.	888: 421 м. 467 ж.	918: 472 м. 446 ж.	1046: 523 м. 523 ж.	2300: 1115 м 1185 ж	1243: 618 м. 625 ж.	-	1182: 586 м. 596 ж.	1494: 745 м. 749 ж.
1803	440 м.	500 м.	482 м.	681 м.	809 м.	548 м.	831 м.	615 м.	743 м.

Примечание:

* Подсчёты проведены по Крестоприводной книге, которые отражают взрослое мужское население.

** Подсчёты проведены А. Ригельманом. Сведения отражают мужское население с 16-летнего возраста, включая сказочных казаков и малороссиян, которые служат.

Приведённые данные иллюстрируют изменения количества населения со второй половины XVIII века. Если обратиться к информации по мужскому населению, а оно отмечалось более подробно, чем женское, то в начале века мужчин было в разы меньше. О количестве взрослых мужчин по станицам даёт представление Крестоприводная книга 1718 года, в которой поимённо указаны казаки, которые присягали на верность престола. К присяге от Камышовской до Нижне-Курмоярской станиц были приведены 739 взрослых мужчин. При сравнении с данными ведомости 1803 года по мужскому населению, исключая детей до 19 лет и крестьян, в тех же станицах числилось 3021 казак.

В последующие годы, к концу XIX в. население войска Донского стремительно росло, в связи с этим XVIII век можно считать отправной точкой при изучении фамилий, т. к. в этот период характеризуется оседлостью и началом увеличения населения, зарождением и установлением казачьих фамилий.

Источниками для выявления фамилий послужили опубликованные волгоградским историком В. А. Гусевым только те документы XVIII в.[3], которые содержат имена жителей с привязкой к станицам, а также приведённые фамилии из исповедальных росписей и метрических книг краеведом И. Сулиным в своих очерках

[3] Присяги донских казаков, 1718: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2012. С. 117, 118, 122; Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 6 / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2015. С.21–22, 166–175; О происхождении донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград: Панорама. 2013. С. 49–50, 73, 92–95, 191–195, 214–218; Поселение на Волге донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2013. С. 19–21, 24, 33, 37, 41–43, 49, 50, 58, 64, 65, 224–226, 232, 233; Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 7 / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2015. С. 9, 19, 20, 27–35, 86, 150–164, 321; Перепись черкасам в Войске Донском: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 8 / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2016. С. 247–284; Перепись черкасам в Войске Донском. Часть II: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 9 / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2016. С. 307; Сыскные дела о донских казаках: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 10. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2017. С. 100–104, 301–307, 336, 341, 343–344, 347–348, 350–351, 367–368; Служба донских казаков. Мятеж на Дону: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 11. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2018. С. 26, 73, 78, 83, 90–91, 111–112, 127, 143, 173, 175, 196, 237–238, 270–272, 275, 277, 289, 290, 295–296, 302, 327, 330–331, 333; Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 12. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2019. С. 185–186, 205–211, 293, 295, 301, 302, 309, 311–312, 315, 317–325, 338, 339, 342–343, 348–349, 365, 369–370, 379; Казаки на Дону, Волге и Кавказе: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 14. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2020. С. 18–19; Служба, быт и бунт донских казаков, XVIII век: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 15. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2022. С. 293, 298, 304–305, 321–322; Служба и бунт казаков, XVII–XVIII века: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 16. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2022. С. 55, 225, 314, 316; Казаки и раскольники на Дону, XVII век. Отставные казаки Войска Донского 1780–181 годов: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 17. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2023. С. 279–283; Казаки и бурлаки, XVII–XVIII века: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 18. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2024. С.101, 154; Мятежи и подвиги донских казаков. Конец XVII–начало XIX века: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 19. / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград. 2025. С.122–126, 135–140, 155–157, 173, 193, 201–203, 245, 251, 264, 265.

о станицах[4]. Особо следует отметить дела об отставных казаках 1770, 1775, 1777, 1780–1781 годов, в которых приведены биографические сведения о 638 казаках в исследуемых станицах (см. таблицу), чьё рождение преимущественно приходится на первую половину XVIII в.

Количество отставных казаков XVIII в.

Станицы	1770	1775	1777	1780/81
Камышовская	15	19	13	5
Верхне-Каргальская	13	14	10	10
Романовская	8	28	7	15
Кумшацкая	12	15	16	11
Цимлянская	22	63	22	17
Терновская	16	30	9	12
Филипповская	24	24	14	17
Гугнинская	21	25	9	14
Нижне-Курмоярская	24	26	8	20
Итого:	**155**	**254**	**108**	**121**

Большинство донских фамилий (около 61 %), как отмечает ростовский учёный Л. М. Щетинин, образовались от прозвищ, которыми наделяли людей в зависимости от их внешности, особенностей характера или поступков[5].

По описательным характеристикам встречаются такие фамилии, как: Великанов (Камышовская), Волаконогов (Верхне-Каргальская), Плешаков (Романовская), Безбородов (Кумшацкая), Дурноглазов (Цимлянская), Дристунов (Филипповская), Глухов (Гугнинская), Плясов (Нижне-Курмоярская) и другие.

Этнонимические прозвища, которые легли в основу фамилий: Цыганов (Нижне-Курмоярская), Калмыков (Каргальская, Цимлянская), Поляк (Филипповская).

[4] *Сулин И.* Краткое писание станиц области войска Донского. Станицы по Дону // Донские епархиальные ведомости. 1893. № 11, с. 463; № 13, с. 573, 575; № 17, с. 763, 765.

[5] *Щетинин Л. М.* Русские имена (Очерки по донской антропонимии). Изд. 3-е, исправ. и допол. Ростов-на-Дону. 1978. С. 33.

Встречаются фамилии, основанные на топографических прозвищах: Базовсков (Кумшацкая), Забазнов (Терновская, Филипповская, Гугнинская и др.). Эти фамилии произошли от слова «баз», что означает отгороженное на дворе место для скота.

Прозвища, связанные с профессией или должностным положением, стали основой для таких фамилий: Кузнецов (Камышовская), Комиссаров (Верхне-Каргальская), Банников (Романовская), Чеботарев (Верхне-Каргальская), Полковников (Цимлянская) и другие.

От названий географических объектов образовались следующие фамилии: Раздорсков встречается в Камышовской и Романовской станицах, Бесергенев – в Верхне-Каргальской, Каргальсков – в Верхне-Каргальской, Кошкинской (одно из параллельно существующих наименований станицы Филипповской до конца 18 века) – в Верхне-Каргальской, Богучарсков и Вешенсков – в Кумшацкой, Тульцов – в Цимлянской и т. д.

От календарных имён появились фамилии: Иванов, Антонов, Артемов, Исаев и другие, от некалендарных – Позняков и другие.

По временной шкале некоторые фамилии прослеживаются достаточно уверенно, так Мухин в станице Камышовской, Калмыков – в Цимлянской, Перелыгин – в Филипповской, все с 1699 г. Такой вывод основывается только на тех документах, которые использовались автором. В отдельно взятом случае, чтобы говорить о фамилиях, которые стали устойчивыми в той или иной станице, требуется дополнительное привлечение документов, в том числе метрических книг, а также проведение генеалогического исследования, не ограничиваясь только XVIII веком.

По итогам сбора информации составлены списки фамилий, которые бытовали в то время в исследуемых автором станицах (см. приложение). Они приведены так, как были записаны. При этом, следует отметить, что в одном и том же документе фамилия человека могла писаться по-разному, что также отражено. Нельзя исключать и профессиональных качеств писцов и особенностей стандартов делопроизводства того периода, так как некоторые источники в сравнении с другими явно уступают по уровню образованности, что сказывается на правильности передачи фамилий.

Приложение

Фамилии казаков XVIII века

Камышовская:

Агапов (1775, 1783, 1787), Акулинкин (Акулинин) (1763, 1775, 1777, 1783), Алифанов (1787), Антонов (1787), Артемов (1775), Астахов (1787), Белеков (1787), Бирюков (1783), Болдырев (1770), Веденеев (1775), Великанов (1775), Видонов (1783, 1787), Гаврилов (1775, 1787), Галушкин (1783, 1787), Григорьев (1787), Девяткин (1787), Демкин (1787), Евдокимов (1770, 1775, 1777), Ермилов (1763, 1775, 1777), Ермаков (1783), Ершов (1787), Ефимов (1787), Жалутков (1775, 1787), Житков (1770, 1775, 1777, 1787), Жиров (1794), Зверякин (1770), Землянихин (Землянухин) (1700, 1792), Зиборов (1787), Зотов (1763), Иванов (1763, 1765, 1777), Исаев (Исаиев) (1763, 1777, 1783, 1787, 1793), Казьмин (1770), Калпаков (1775), Кандратов (1765), Кастрюков (Кустрюков) (1775, 1777, 1783, 1787), Калачев (1787), Квакин (1787), Клачнев (1792), Климов (1770), Клочнев (1787), Коласов (Колосов) (1763, 1770, 1787), Кочетов (1775, 1787), Кузнецов (1770, 1775, 1783, 1787),

Ларионов (1770), Левонов (1787), Ломовцов (Ламовцев, Ламовцов, Ламцов) (1763, 1770, 1775, 1787), Люпин (1775), Ляпин (1777, 1783, 1787), Макаров (Макарев) (1763), Маркин (1777, 1783, 1787), Марков (1787), Михайлов (1770), Мухин (1699, 1700, 1718, 1763,1775, 1777, 1780, 1783, 1787), Навиков (1783, 1787), Назаров (1780, 1787), Неприхин (1775), Нестеров (1787), Папов (Попов) (1763, 1780, 1783, 1787), Парфенов (1787), Пацалуев (1793), Передоикин (1763), Петров (1770, 1777, 1787), Плешаков (1783), Потапов (1763), Разсдорскав (1763), Раманов (1787), Ребов (1770), Рышкин (1765), Самсонов (1787), Самойлов (1787), Семиглазов (1783), Сергеев (1775), Сивяков (Сивеков) (1780, 1783, 1787), Сидоров (1777, 1787), Степанов (1777), Талкушкин (1775, 1787), Тарарин (1783, 1787), Терехов (1787, 1793), Тимофеев (1777, 1780), Федоров (1775), Фралов (1783, 1787), Хахлачев (1763, 1787), Цыга-

нов (Цыгонов) (1787), Чебараков (1777), Чеснаков (1783), Чириков (1777, 1787), Чудаков (Чудоков, Чюдаков) (1783, 1787), Чумаков (1787), Шипанов (1783, 1787), Шириков (1777), Широков (1783, 1787), Шрипонов (1787), Щипанов (Щипонов) (1770, 1787), Яковлев (1775, 1793).

Верхне-Каргалькая:

Авчиников (1783), Адининсков (1783, 1787), Алабухов (1783), Алаухов (1775, 1777, 1783, 1787), Алексеев (1787), Антипов (1783, 1787), Арьков (1777, 1783, 1787), Бабаев (1783), Безопасной (1770), Бесергеневсков (Бесергеневской, Берсегенев, Бесергенев) (1770, 1777, 1787), Бирюк (1731, 1735), Болдир (Болдырев) (1718, 1780, 1787), Водопоев (1787), Волоконогов (Волаконогов, Валаканогов) (1780, 1783, 1787), Ворлыханов (1787), Герасимов (1763, 1770, 1787, 1792), Гладилин (1775, 1777, 1787), Грачев (1777), Гуров (1775, 1780, 1783, 1787), Гуреев (1787), Давыдов (1787), Детков (1787), Донецков (Данецков) (1763, 1787), Данилов (1787), Дулимов (1770, 1787), Евдокимов (1787), Евтеев (1783), Екимов (1787), Елисеев (1783), Еремин (1783), Заикин (1783), Замаранкин (Заморайкин) (1770, 1787), Земин (Зимин) (1763, 1787), Земцов (1787), Иванин (1777, 1783), Иванов (1763, 1787), Игнатов (1783, 1787), Инюшкин (1780, 1787), Кальцов (1783, 1787), Камисаров (1787, 1792), Каргальсков (1763, 1777, 1783, 1787), Калмыков (1775, 1787), Кандрашев (1787), Квакин (1780, 1783), Клеменов (1777, 1783, 1787), Кановалов (1775), Князев (1700, 1780, 1783, 1787), Ковалев (1783), Кожин (1787), Кортояков (Куртояков) (1770, 1787), Кошенской (Кошкин, Кошкинской) (1733), Крашнев (1770), Крилов (1787), Кудинов (Кудимов) (1770, 1787), Кузнецов (1733, 1763, 1770, 1775, 1777, 1783, 1787), Кулкин (1787), Куркин (1787), Лазарев (1763), Латыш (1718), Лукьянов (1783), Максимов (1763), Мартинов (1763), Мельников (1787), Мисин (1783, 1787), Мусин (1775), Никифоров (1763), Кандрав (1787), Князек (Князев) (1700, 1703, 1779), Крашнев (1783), Кудинов (1787), Куртояков (1787), Орлов (1735), Павлов (1783, 1787), Паленин (Поленин) (1775, 1777,

1783, 1787), Пугачев (1770), Пожаров (1787), Родимов (Радимов) (1735, 1777, 1780), Раздорской (Роздорской) (1699, 1700, 1703), Разсегаев (1775), Растегаев (1775, 1787), Резепов (1783), Рышкин (1787), Рыжав (1735), Рыжай (Рыжей) (1733), Ребой (1700), Рубанцов (1783), Рышкин (1763, 1770), Рязанов (Резанов) (1700, 1703), Свиридов (1770), Седой (1732), Семисотный (1763), Соболев (Собалев) (1787), Степанов (1763), Стрюков (1718), Тарасов (1779), Трафимов (1787), Терченок (1700), Тюрин (1783), Уваров (1783, 1783, 1787), Улимов (1780), Фокин (1783, 1787), Фалимонов (Фолимонов) (1783, 1787), Харитонов (1763, 1775, 1780, 1783, 1787), Холостов (Халастов) (1775, 1783, 1787), Чеботарь (Чеботарев, Чиботарев) (1699, 1733, 1787), Чювилкин (1787), Чюмак (Чумак) (1733, 1735), Чуванов (1777), Шаршуков (1783), Шутов (1783).

Романовская:

Абратов (1775), Андреев (1787), Анисимов (1770, 1787), Аносов (1765, 1787), Анофрев (1777), Антюфеев (1770), Арлов (1780, 1783, 1787), Банников (1733, 1735), Белый (Белой, Белов) (1763, 1775, 1780, 1783, 1787), Болдырь (Болдырев) (1763, 1770, 1775, 1778, 1780, 1787), Барисов (1783, 1792), Васильев (1765), Гаврилов (1777), Герасимов (1787), Гладков (Глатков) (1783, 1780, 1787), Голой (Голов) (1733, 1778, 1779, 1780), Горий (Горин) (1763, 1775), Григорьев (1777, 1783), Гугнин (1775, 1783, 1787), Дарьин (Дарин, Дорин, Даирин) (1733, 1735), Дементьев (1780, 1787), Демков (1787), Денисьев (1778), Дмитреев (1787), Дурноусов (1775, 1780, 1787), Езев (1783, 1787), Ермилов (1787), Ермолов (1787), Ерофеев (1777, 1787), Ефремов (1763), Зайцов (1775, 1787), Залотов (Золотовской) (1733), Иванов (1763), Ивановсков (1787), Калмычкин (1783), Карагучев (Карагичев, Карагучов, Корагучев) (1731, 1735), Кастярев (1787), Киндеев (1775, 1787), Коновалов (1787), Кононов (1775), Костин (1765), Костентинов (1775), Краснов (1763, 1775), Кузнецов (1777, 1780, 1787, 1794), Кулаков (1733, 1735), Кулыгин (1763, 1780, 1787), Кучеров (Кучерев) (1775, 1787), Лактионов (1783), Логов (1778), Лозотовский (1735), Лыков (1775), Лысой

(Лысов) (1700, 1780, 1787), Ляхов (1733, 1780, 1787), Маргунов (1780), Мартинов (1778, 1779), Матвеев (1775), Маханков (1787), Михеев (1783), Немухин (1780), Нестеров (1763, 1770, 1777), Невидим (Невидимов) (1763, 1765, 1775, 1787), Николаев (1787), Полеев (Палеев) (1787), Панфилов (1775, 1787), Плешаков (Плешак, Плещак, Плешиков) (1731, 1735), Поляк (Полеков) (1770, 1783), Попов (1765, 1787), Раздорсков (Раздорской) (1775, 1787), Реуцков (1787), Ротов (1733), Рябов (Ребов, Рябой) (1731), Садавов (1787), Салавьев (1783, 1787), Сватов (1787), Селезнев (1775, 1787), Селиванов (Силиванов) (1779, 1780, 1787), Сергеев (1787), Серов (1777), Сивохин (1787), Скакунов (1775, 1787), Сулацков (1780, 1787), Сусоев (1787), Тимофеев (1770, 1775, 1780, 1787), Трафимов (1787), Тюрин (1763), Устин (Устинов) (1770, 1780, 1783, 1787), Федоров (1775), Федотов (1775, 1783, 1787), Федотьев (1775, 1787), Фралов (1775, 1777), Харитонов (1763, 1775), Харланов (1783, 1787), Хахлачев (1775, 1787), Хухлаев (1783, 1787), Чекунов (1765, 1783), Чюрилин (Чюрилен) (1787), Шамин (1763, 1779, 1787), Шейкин (1775), Шумков (1787), Язев (1787).

Кумшацкая:

Агапонов (1770), Агапов (1787), Антипов (1780), Артемов (1787), Байгарин (1787, 1793), Базовской (Базов, Базавсков) (1770, 1777, 1787, 1793), Бабров (1787), Безшапочной (Безшапочнов) (1770, 1787), Баранов (1777, 1787, 1792), Богучарсков (1787), Бодров (1787), Бойгарин (Байгарин) (1787), Болдырь (Балдырь, Болдырев) (1733, 1787), Бабкин (Бапкин, Бабков) (1733, 1787), Банник (1732), Безбородов (1763), Безъюртный (Безъюртной) (1732, 1733), Безшапочнов (Безшапочной) (1765, 1775, 1787), Бодров (1787), Бойгарин (1763), Баранов (Боранов) (1787), Борматов (1787), Бугучарсков (Богучарсков) (1787), Буянов (1777, 1780, 1783, 1787), Быстрянсков (Быстрянцов) (1763, 1777, 1780, 1787), Веселый (Веселов) (1763), Вешенсков (1783, 1787), Гарелов (1787), Гарбачов (1787), Глатков (Гладков) (1775, 1787), Голой (1733), Гончаров (1794), Горохов (Гарохов) (1765, 1775, 1787), Гугняв-

кин (1787), Дарафеев (1783, 1787), Дурнов (1787), Дьеков (1783, 1787), Диков (1784), Еланский (1735), Евлантьев (1787), Ермаков (1763, 1765, 1775, 1787), Ермилов (1783, 1784), Ерофеев (1787), Ефимов (1770, 1787), Ефремов (1763, 1775, 1780, 1787), Злазлев (Злазнев) (1775, 1780, 1787), Железников (1733, 1763, 1777, 1780, 1787), Жуков (1783), Журавлев (1780, 1787), Ивлахов (1783), Исаев (1777), Кабылянсков (1787), Каженов (1787), Казьмин (1777, 1783, 1787), Кандауров (1787), Кандратьев (Кондратьев) (1777, 1787), Кановалов (1787), Каргальсков (Каргальской) (1780, 1783, 1787), Карташов (1783, 1787), Кирсанов (1763), Киселев (1787), Клюев (1770, 1787), Коротков (1787), Косов (Касов) (1733), Котлюбинцов (1742), Кузнецов (1770), Кумшацкой (1735), Ларионов (1783), Лобов (1787), Лаптев (Ламтев, Лаптин) (1770, 1787), Логвинов (1770, 1775, 1787), Манулов (Мануйлов) (1787), Мастафин (Мустафин) (1775, 1787, 1792), Матвеев (1787), Мелехов (Меляховской) (1733, 1735), Мельник (Мельников) (1732, 1763), Меркулов (1780, 1787), Моляр (1763), Мурза (Мурзин) (1732, 1733, 1735), Мухин (1703), Нагиб (Нагибин) (1763, 1775, 1787), Наугольнов (Наугольный) (1787), Нефедов (1770, 1777, 1780, 1787), Николаев (1775), Новиков (Навиков, Навыков) (1777, 1787), Панфилов (1777), Парамонов (1763, 1783), Патешнов (Потешнов, Потешкин) (1787), Паутинцов (Поутинцов) (1787), Персиянинов (Персиянов) (1775, 1787), Петилапов (1777), Пивоваров (1763, 1777), Подкопаев (1787), Подсеченов (1770), Поздеев (1742), Попов (1787), Паутинцов (Поутинцов) (1783, 1787), Проваторав (Правоторов, Праваторов) (1763, 1777, 1783, 1787), Пшонников (1787), Радионов (1787), Рагилев (Регилев) (1787), Раманов (1787), Рошков (Рашков) (1763, 1783, 1793), Рындын (1763), Рудаков (1783), Самсонов (1783, 1787), Селезнев (1733, 1735, 1765, 1777, 1787), Сиволобов (1763, 1777, 1787), Сивохин (1787), Симионов (Семенов) (1775, 1787), Скорбогатов (1787), Сорокин (Сарокин) (1763, 1777, 1787), Стучила (Стучилин) (1733, 1763, 1787), Сулацков (1783, 1787), Тапилин (1783, 1787), Терентьев (1775), Терихов (1787), Терсков (1787), Тополев (1787), Трифанов (1783), Усатинков (Усатинькой) (1733), Усач (Усатов)

(1732, 1735), Федоров (1735, 1763, 1787), Фетисов (1787), Филатов (1780, 1787), Фомин (1787), Фралов (1775, 1787), Фионов (1770, 1775), Хватов (1733), Хвост (Хвастов) (1733), Хракин (1794), Чебаков (1763, 1783, 1787), Чеботарь (1700), Чибизов (1787), Чюприков (Чуприков) (1765, 1770), Чумаков (1787), Черноклинов (1783, 1787), Шандриков (1787), Шеробанов (1787), Швец (1732), Яковлев (1735, 1777, 1787).

Цимлянская:

Авчинников (1770, 1775, 1787), Агафонов (1775, 1787), Альникин (Алникин, Альников) (1775, 1783, 1787, 1793), Алифанов (1787), Анисимов (Анисемав) (1765, 1766, 1777, 1787), Андреев (1765), Артемов (1765, 1787), Архипов (1770, 1787), Астахов (1775, 1787), Афанасьев (1765), Бабин (Бабкин) (1783, 1787), Балашов (1765, 1779, 1783, 1787), Бородин (Барадин, Бародин) (1765, 1783, 1787), Безроднов (1777, 1787), Белогубов (Белагубов) (1780, 1787), Белаусов (Белоусов) (1784, 1783, 1787, 1793), Беркутов (1787), Блинников (1763), Бобров (Бабров) (1775, 1783, 1787), Болдырь (Болыдрев) (1699, 1787), Болошев (1777), Бурлаков (1787), Быков (1763, 1777, 1787), Быкодоров (Быкадоров) (1783, 1787), Быстриков (1763, 1775, 1787), Варков (1787, 1794), Варламов (1787), Васильев (1764), Водолазов (Вадалазов) (1765, 1775, 1780, 1783, 1787), Войсков (1780), Волуйский (Валуйсков) (1763, 1787), Гаврилов (1765), Гласков (1787), Говорков (Гаварков) (1775, 1787), Галицын (Голицын) (1775, 1777, 1780, 1787, 1790), Ганчеров (1775), Гардеев (1775, 1787), Гласков (1775, 1787), Голоднов (1787), Грицын (1777, 1780, 1783, 1787), Гуров (1765, 1787), Глухой (1765), Далашев (1793), Дакукин (1783), Даравов (Даравев, Доравов) (1763, 1765, 1775, 1787), Дементьев (1765), Донецков (1787), Дружакин (1777, 1787), Дурноглазов (1775, 1777, 1787), Егоров (1787), Егурков (1783, 1787), Евдокимов (1787), Евсиков (1787), Екимов (1765), Елисеев (1787), Емельянов (1763, 1765), Енов (1765, 1783, 1787), Еремин (Еремкин) (1765, 1775, 1783, 1787), Еремчинков (Еремейчинков) (1787), Ермилов (1775, 1777, 1787), Ефремов (1787),

Жружакин (1775), Журавлев (1765, 1783, 1787), Жучик (1733), Захватов (1765), Захдит (1763), Захаров (Захарьев) (1775, 1780, 1783, 1787), Зотов (1763, 1787), Иванов (1765, 1770, 1775, 1787), Ивенев (1787), Идичев (1792), Исаев (Исаиев) (1763, 1765, 1766, 1775, 1783, 1787), Исакев (1787), Каймачников (1763, 1775, 1777, 1783, 1787), Калмык (Калмыков) (1699, 1733, 1763, 1765, 1775, 1783, 1787), Калишкин (1787), Калузон (Кулузон, Колузон) (1732, 1735), Кандуков (1779, 1783, 1787), Канчуков (1787), Капылков (Капылок, Копылков) (1765, 1779, 1783, 1787, 1792, 1793), Кандрашин (Кандрашов) (1775, 1777, 1780, 1787), Каплин (Каплен) (1765, 1775, 1783, 1787), Карташов (Карташев) (1763, 1787), Карапаткин (Карупаткин) (1763), Каргальсков (1787), Картавов (1787), Касов (Косов) (1770, 1787), Каширкин (1793, 1794), Колосов (Коласов) (1787), Кострюков (Кастрюков) (1765, 1770, 1787), Киреев (1765, 1787, 1793), Клеменов (1763, 1765, 1770, 1775, 1783, 1787), Кленкин (Кленин) (1783, 1784, 1787), Климов (1765, 1770, 1775, 1787, 1792), Клипиков (1787), Кобылин (Кабылин) (1733), Конопкин (Канопкин) (1780, 1787, 1793), Казьмин (Козьмин) (1765, 1766), Кондауров (Кандауров) (1763, 1765, 1787), Кочетов (1699), Крахин (1770, 1775, 1777, 1780, 1787), Кубешков (1775), Кудрявец (Кудрявцов) (1732, 1735), Кузин (1775), Кузнецов (1732, 1735, 1765, 1770, 1775, 1783, 1787), Кулегин (1783, 1787), Кулешов (1763, 1783, 1787), Кундуков (1765), Куприянов (1777, 1787), Лабачев (1775), Лазуткин (1783, 1787), Левичев (1787), Ленивов (1787), Лепилин (1793), Леонов (1770, 1787), Лепчиков (1775), Летягин (1770), Максимов (1770), Малахов (1765, 1770, 1777, 1783, 1787), Малюгин (1783, 1787), Минаев (1765, 1787), Михайлов (1763), Муравлев (1775), Мурзин (1777, 1787), Наумов (1787), Некредин (Никредин) (1775, 1777, 1783, 1787), Непредин (1775), Нестеров (1765, 1775, 1787), Никитин (1770), Никифоров (1787), Пастухов (1775, 1783, 1787), Пантелеев (Пентелеев) (1765), Пегинков (1787), Персицков (1787, 1794), Перфилов (1787), Пигарев (1787), Позняков (Пазняков, Пазнеков, Позняк) (1733, 1763, 1765, 1790), Полетов (Палетов) (1777, 1787), Полковников (1765, 1787), Полубедов (Полобедов,

Полуобедов) (1763, 1777, 1780, 1787), Полунин (1787), Полобезов (1787), Полуехтов (1787), Поляков (1787), Попов (Папов) (1770, 1775, 1777, 1783, 1787), Пракофьев (1763, 1770, 1787), Прелов (1763), Рагавников (Раговников) (1787), Радимов (1787), Радионов (1765, 1770), Разин (1765, 1787), Расторопов (1787), Рекунов (Рыкунов) (1770, 1775, 1779, 1787), Реуцков (1787, 1792), Роговников (1763), Рудов (1787), Сагайдашнов (1775), Сазонов (1775), Самодуров (1787), Самойлов (Самойлин) (1765, 1775, 1787), Сачков (1765, 1775, 1777, 1780), Седельников (1779, 1787), Селиванов (1787), Семенов (1765), Семенцов (1763, 1775, 1783, 1787, 1792, 1793), Семидетнов (Семидненов) (1787, 1790), Скаваротников (Скавародников) (1775, 1787), Скапцов (1777, 1780, 1787), Сорончин (Саранчин) (1732, 1735, 1787, 1794), Сосов (1775, 1787), Стариков (1763, 1765, 1787), Старчиков (1775, 1787), Сучков (1780), Табунщиков (1770), Тарасов (1765), Теликов (1787), Терехин (1787, 1790), Терской (Терсков) (1699, 1787, 1793, 1794), Тимков (1787), Тимофеев (1770), Тиншин (1787), Тинчихин (1787), Титов (1765, 1775, 1777), Тулец (Тульцов) (1733, 1783, 1787), Трафимов (1763, 1765), Тунцов (1765), Тюляков (1787), Тюрин (1783), Ульянов (1787), Фамин (1765), Федоров (1763), Федосеев (1775, 1777, 1787), Фетисов (1787), Филатов (1787), Филин (1775, 1777, 1780, 1783, 1787), Филипов (1765, 1777, 1787), Фирсов (1777, 1787), Фролов (Фралов) (1787), Худеков (Худяков, Ходяков) (1732, 1733, 1763, 1765, 1775, 1783, 1787, 1790, 1793), Хахин (Хохин) (1777, 1787), Хохлачов (Хахлачев) (1733, 1777, 1780, 1783, 1787, 1793), Цыганов (1787), Чапчиков (1763, 1775, 1780, 1787), Чедаев (1787), Чекалкин (1787), Чекушин (Чакушин) (1763, 1787), Черников (1783), Чернобровкин (Чернабровкин) (1763, 1765, 1783, 1787), Чибезов (1783, 1787), Чудаев (1780), Чумаков (Чюмаков) (1765, 1775, 1787), Шабалкин (Шебалкин) (1763, 1765, 1775, 1777, 1787), Ширшиков (1775), Шубенкин (1783), Шурупов (Щурупов) (1732, 1735), Щербаков (1777, 1787), Юдин (Юден) (1763, 1765, 1777, 1787), Юдкин (Юткин) (1783, 1784, 1787), Юзичев (1787), Юдичев (1793), Яковлев (1763), Янов (1775), Ярмилов (1787).

Терновская:

Абрамов (1777), Авилов (1787, 1794), Авчинников (1763, 1787), Ажинин (1765), Ажнакин (1765, 1775, 1778, 1787), Алексеев (1763), Андреев (1765), Афанасьев (1765), Бабкин (Бапкин) (1765, 1778, 1780, 1783, 1787), Бадрой (Бадров, Бодров) (1765, 1767), Бакланов (1775), Богомолов (1699), Болдырев (1763, 1775, 1787), Бугунаев (1767, 1787), Бузакин (Бузаков) (1770, 1775, 1783, 1787, 1793), Валах(Валохов) (1765, 1770), Веригин (1763, 1775, 1777, 1783, 1787, 1792, 1793), Вихлянцов (1778), Водолазов (1765, 1783, 1787), Гуров (1775), Дабарошкин (1763), Дмитрев (1770), Дуваров (1699), Дьяков (Дьеков) (1775, 1780, 1783, 1787), Елфимов (1780), Емельянов (1765, 1775, 1787), Еремин (1778), Забазнов (1778, 1780, 1783, 1787), Завертяев (1699), Зеничев (1763), Зеновьев (1765, 1775, 1783, 1787), Зубков (1775), Егоров (1763), Егупов (1775), Ефимов (1770), Елфимов (1787), Жиров (Жирнов, Жирков, Жирников) (1699, 1733, 1763, 1775, 1778, 1780, 1783, 1780, 1787), Жеребятьев (Жеребятников) (1763, 1765, 1780), Журов (1783), Иванин (1765, 1770, 1775), Иванов (1765), Иваников (1766), Иванкин (1787), Калинин (1775), Калмыков (1767, 1775, 1792), Кандратьев (1699), Карташов (1778, 1787), Клеменов (1699), Карпов (1770), Клевцов (1763, 1767, 1770, 1775, 1777, 1787), Козел (Козлов) (1699, 1765, 1787), Коротков (1780, 1787), Куекин (1770), Кузнецов (1778, 1787), Кундрюцков (1778, 1780, 1787), Куркин (1775), Кучкин (Кучков) (1765, 1775, 1787), Ладыгин (1787), Ленков (1783), Любимов (1770, 1775, 1787), Макаров (1775), Маркин (Марков) (1765, 1778, 1780, 1787), Миронов (1765), Мясцов (1735), Нарбеков (1770, 1778), Нардеков (1780), Никольсков (1778, 1780, 1787), Перелыгин (1699), Петров (1763, 1765, 1777, 1787), Подсеченов (Потчечинев) (1783, 1787), Подуруев (1787), Притков (1765, 1773, 1775, 1777), Русак (Русаков) (1699, 1765, 1767, 1780, 1787), Сакалов (1770, 1783, 1787), Семенов (1765, 1780), Семеновичев (1778, 1783, 1787), Сидоров (1777), Сысоев (1765), Текучев (1761, 1763, 1765, 1766, 1775, 1780, 1787), Тетерев (1770), Терновской (1765), Тирсаяк (1699), Туголуков (1787), Танянин (1787), Тилилин (1787),

Утя (1770), Февралев (1763, 1765, 1775, 1777, 1780, 1783, 1787), Федоров (Федаров) (1763, 1765, 1770, 1775), Фетисов (1765, 1775, 1787), Фролов (Фралов) (1763, 1765, 1775, 1777, 1780, 1783, 1787), Фомичев (1787), Фиров (1787), Хорошев (1778), Чернов (1763), Черников (1765, 1770, 1777, 1783, 1787), Шаповалов (Шеповалов) (1783, 1793), Шебалкин (1778), Шляхтин (1787), Юшевей (Юшев) (1733, 1777, 1787), Ягупов (1765), Яковлев (1765), Ярилин (1765, 1770).

Филипповская:

Абакумов (1787), Агеев (1783, 1787), Альховацков (1787), Антонов (1763, 1775, 1777), Анофрев (Ануфрев) (1780, 1783), Арженовской (Арженовсков) (1770, 1777, 1787), Атаршин (Атарщик, Ойтаршин, Отарчик) (1731, 1735), Арлов (1787), Артамонов (1783), Басов (1783, 1787), Боев (Баев) (1767, 1770), Богатырев (1787), Бурмитов (Бурмистров) (1770, 1775, 1787), Гаварков (Говорков) (1770, 1777, 1787), Глухов (1777), Голоушкин (1763), Голов (1787), Горбунов (Гарбунков) (1765, 1780, 1783, 1787), Горшенев (1775, 1780, 1783, 1787), Грудин (Грудинин, Грудилин) (1780, 1783, 1787), Давыдов (1775), Донецков (1780), Дристунов (1780, 1787), Евсеев (1775, 1787), Ежов (1763, 1765, 1783, 1787), Еланков (Еланской) (1731, 1735), Елисеев (1775), Ерофеев (1755), Жиров (1783), Жуков (1775), Забазнов (1763, 1775, 1777, 1780, 1783, 1787), Заволокин (1787), Захаров (1787), Зимин (1775, 1787), Иванов (1775, 1787), Казьмин (Казмин) (1745, 1770, 1787), Казьмичев (1783), Казлов (1780, 1787), Калмыков (1787), Карпов (1775, 1783, 1787), Киселев (1763, 1770, 1777, 1783, 1787), Коновалов (1770, 1775), Константинов (1745), Коренев (1775, 1777, 1783, 1787), Королев (1787), Карнеев (1787), Кропотов (1793), Крутой (Крутов) (1731, 1735, 1775, 1777, 1787), Кручинин (1783), Кудинов (1765), Лавренов (1787), Лазарев (1770, 1787), Латышев (1780), Лахмытов (1787), Лесников (1780, 1787), Лимин (1780), Линков (Линьков) (1770, 1775, 1783, 1787), Линен (1787), Лихавацков (1767), Лошкамов (1787), Макеев (1738), Максимов (1777, 1787), Макушев

(1783), Марков (1738), Медведев (1763, 1765, 1770, 1775, 1783, 1792), Мельник (1733), Мигулинсков (1770, 1787, 1792), Михин (1763), Мяхков (1787), Нагиба (1770, 1787), Назаров (1780, 1787), Павлов (1770), Паршин (Паршын) (1770, 1787), Пастухов (1775), Перелыга (Перелыгин) (1699, 1700, 1763, 1772, 1777, 1787), Перемигин (1780), Перфилов (1767), Петров (1787), Поликарпов (1770, 1783), Полшин (1777), Поляк (1718), Пориваев (Перываев, Порываев) (1775, 1787, 1793), Поцелуев (Поцалуев) (1779, 1787), Разбегаев (1787), Ребышев (Ребышов) (1775, 1783, 1787), Руковицин (Рукавицын) (1780, 1787), Рыльщик (1731, 1735), Савельев (1763), Самойлов (1763, 1787), Садков (Сатков) (1787, 1792), Свиридов (1775, 1787), Скачков (1777, 1787), Слащилин (1775), Слепухин (1775, 1787), Смирнов (1787), Степанов (1770, 1775, 1787), Сысоев (Сусоев) (1755, 1763, 1787), Сухарев (1763, 1783, 1787), Сухоруков (1780), Татьянин (1770), Тимофеев (1783), Тихонов (1787), Торотинов (1770), Туголуков (1783), Улитин (1763, 1787), Усков (Усов) (1783, 1787), Халадков (Халадков) (1763), Химин (Хамин) (1763, 1770, 1777, 1787), Хрянсков (1787), Чевильдеев (Чувильдеев) (1770, 1777, 1787, 1794), Чекунаев (1777), Челбин (Чалбин) (1763, 1770, 1771, 1787), Чувилкин (1775, 1787), Шведов (1770, 1787), Шевердяв (1787), Шеледев (1780).

Гугнинская:

Агапов (1780, 1787), Александров (1780), Алпатов (1777), Алферов (1775, 1783, 1787), Андреев (1770, 1787), Анохин (1787), Антипов (1787), Аргучов (1787), Афонасьев (1780, 1787), Бабров (1787), Бакалдин (1775, 1779), Бакланов (1760, 1770, 1787), Барисов (1780, 1787), Бармин (1760), Бирюков (1787), Бондарь (Бондырь) (1731, 1735), Брюхов (1787), Бурунин (1787), Волошин (1763), Герасимов (1787), Глухов (1775, 1780, 1787), Говорок (1732, 1735), Грузинец (Грузинов) (1732, 1735), Гуреев (1787), Данилов (1775), Денисов (1787), Дмитрев (1775), Додонов (Дадонов) (1777, 1779, 1787), Докалдин (1777), Донецкий (Донецкой) (1732, 1735), Емельянов (1763, 1770), Ермилов (1783), Ефимов (1770), Жирок (Жы-

рок) (1760, 1763, 1787), Забабурин (1760, 1775), Забазнай (Забазной) (1733), Завьялов (1733), Зайцов (1775, 1787), Зайчиков (1763), Залатарев (Залтарев) (1770, 1780, 1787), Захаров (1775, 1787), Зрянин (1765, 1780, 1783), Зыбен (1787), Иванов (1763, 1777, 1787), Изюмов (1735), Кабанов (Кобанов) (1760, 1770, 1777, 1787), Казаков (1735), Казьмин (1792), Калмыков (1760, 1775, 1780, 1783, 1787), Каргальской (Каргальсков) (1732, 1735, 1770, 1777, 1783, 1787), Карелов (1777, 1787), Карпов (1787), Картечь (1787), Киселев (1775, 1779, 1783, 1787), Киреев (1780), Клеменов (1787), Кленкин (1770), Клепин (1763), Клепичев (1760), Копанев (1770), Коровин (1760), Костентинов (1787), Краюшкин (1760), Крывошлыков (1770), Крюков (1770, 1783, 1787), Кувичик (Кувичкин) (1779, 1787), Кузнецов (1763, 1775, 1777, 1787), Кузьмин (1787), Курмоярский (Курмоярской) (1787), Лиманов (1787), Лучинка (1732), Макеев (1787), Максимов (1783), Мардвинцов (1779, 1787), Миронов (1779, 1787), Монацкой (Манатцкой) (1731, 1735), Мяхков (1783, 1787), Нагорнов (1770, 1777, 1783), Наследкин (1760), Нефедов (1787), Носеткин (1763), Нутрецав (1787), Павалюхин (1775), Павлов (1787), Парфенов (1780), Парфентьев (1763), Паршин (1787), Пермяков (Пермеков) (1760, 1770, 1775, 1787), Пимонов (1787), Пичков (1760, 1779, 1794), Песковатсков (Писковацков, Песковацков) (1763, 1775, 1787), Подковырка (1732, 1735), Подслепин (Подслепенькей, Подслепинкой) (1732), Поленов (1787), Полубед (Полобедов) (1760, 1780), Поляков (1760), Попов (1733), Потапов (1787), Прегарелов (Прогорелов) (1760, 1783), Ремезов (1763, 1775, 1787), Ролдигин (Ролдыгин) (1731, 1735), Романов (1787), Селиверстов (1787), Сергеев (1787), Скакунов (1770), Слепов (1732), Степанов (1787), Сударкин (1760, 1770, 1775), Сургучев (1775), Татаров (1760), Терентьев (1775), Тимофеев (1780, 1787), Тиханов (Тихонов) (1783, 1787), Урвыт (1760), Федоров (1763, 1787), Федотов (1775), Фетисов (1763, 1775, 1787), Филатов (1787), Фолимонов (1780), Харланов (1777, 1783, 1787), Харитонов (1787), Хорелков (1760), Хорсиков (1783), Хохлачев (Хахлачов) (1760, 1763, 1770, 1777, 1783, 1787), Чаплин (1760, 1770), Чарбин

(1760, 1770, 1779, 1787), Чебак (1770), Ченцов (1787), Чернобородов (1760), Чеченцов (1777), Чумаков (1787), Шляхтин (1770), Шлянсков (Шлямсков) (1777, 1787), Шмактунов (1770), Широков (Шыроков) (1783, 1787), Юдин (Юден) (1779, 1787).

Нижне-Курмоярская:

Авдеев (1775), Абакумов (1775, 1787), Азяков (1783, 1790), Акимов (1770), Аксенов (1777, 1778, 1787, 1794), Аксянников (1787), Алпатов (1787), Альсяпин (1787), Андреев (1777), Аникин (1783, 1787), Аникеев (1787), Анисимов (1770), Антипов (1770), Антонов (1770), Апаротав (1787), Арлов (1787), Артамонов (1790), Астахов (1783), Афанасьев (1775), Ахмыл (Ахмылов, Ахмилов) (1733, 1763, 1766, 1787), Баклонов (1778), Борадин (Бардин) (1778, 1787), Бирючков (1763), Болдырев (Балдырев) (1763, 1770, 1775, 1778, 1787, 1790), Бояринов (1787), Бударин (1763, 1770, 1777, 1783, 1787), Варфоломеев (Ворхоломеев) (1778, 1787, 1794), Васильев (1770), Воробьев (1783, 1775), Гаврилов (1787), Голов (1775, 1778, 1783, 1787), Голицын (1787), Деев (1787), Демин (1783, 1790), Дмитрев (1778, 1780, 1787), Дорофеев (1787), Дремашов (1763), Дубовсков (1787), Дуваркен (Дуваркин) (1787), Дьяков (1787), Егоров (1778, 1787), Евлантьев (1775), Епифанов (1787), Ермаков (1783, 1787), Ермилов (1780), Жемчюг (Жемчюгов, Земчюгов, Жемчюжников) (1720, 1770, 1775, 1778), Железнеков (1780, 1787), Журавлев (1787), Забазнов (1787), Иванов (1770, 1775), Ильин (1763, 1787, 1790), Исаев (1783, 1787), Кавалев (1787), Казляев (1787), Казьмин (1780, 1783, 1790), Калинин (1775, 1780, 1787), Калычев (1783), Камарев (Комарев) (1763, 1775, 1780, 1787), Каренков (1779), Кастрюков (1787), Кирилов (1770), Киреев (1783), Клачков (1777, 1778), Клеменов (1778), Колмык (Калмыков) (1699, 1763, 1787), Колычов (Калычев) (1775, 1787), Кондратьев (1770), Коринкев (Каренков) (1790, 1794), Королев (Каралев) (1760, 1778, 1780, 1787, 1794), Кропоткин (Кропаткен, Крапаткин) (1764, 1783, 1787), Крупов (1763), Крутов (1763, 1770, 1777, 1787, 1793), Крючков (1787), Кубеков (1770, 1778, 1780, 1787), Куглаков

(1760), Кудинов (1770, 1783, 1787), Кузнецов (1780, 1787), Кулганов (1783), Кулегин (1787), Кулагин (1763, 1783, 1787), Кулыгин (1777), Кубеков (1760, 1790), Кудеков (1787), Курбаткин (1787), Лашмаков (1787), Леневихин (1760), Лукьянов (1763, 1775, 1777, 1780, 1787), Лысой (Лысов) (1777, 1783, 1787), Лысячков (1787), Лыткин (1787), Мазанов (1783, 1787, 1794), Максимов (1787), Мартинов (1778, 1783), Медведев (1794), Мельников (1780), Моисеев (Маисеев) (1770), Миколков (1733), Минаев (1787), Михайлов (1766), Мыльников (1783), Наумов (Наумав) (1783, 1787), Невидим (1699), Невымайкин (1783), Нефедов (1763), Никольский (Никольской) (1732, 1735), Осипов (1770, 1775), Павлов (1775, 1783, 1787), Панфилав (1787), Паротов (1783), Патапов (1777), Паскребален (1787), Пастухов (1787), Пенкин (1778, 1787), Плахов (1777, 1787), Плетнев (1783), Плотников (1787), Плясов (1790, 1794), Подчухряев (1783), Полубедов (Палабедов) (1787, 1790), Поляков (1790), Помыкен (1787), Попов (1770, 1787), Попченков (1763), Пригунов (Прыгунов) (1775, 1787), Пудовкин (1763), Пупков (1787), Пашачкин (1787), Ражнов (1787), Садовов (1778, 1783, 1787), Сафронов (1787), Савельев (1770, 1775, 1787), Самойлов (1770), Самохин (1778, 1780, 1783, 1787), Селезнев (1775, 1783, 1787), Сидоров (Сидарав) (1767, 1787), Симионов (1775), Сакалов (1775), Степанов (1775), Стучилин (1780, 1787), Сорокбаткин (Соракбаткен, Сурубаткин) (1780, 1787), Сухотин (1699), Тапарков (Топорков) (1760, 1775, 1783, 1787), Тарасов (1783), Татарков (1763), Текучев (1780), Телеганов (1787), Тельнов (1787), Темнов (1780), Титов (1794), Трафимов (1783, 1787), Туалук (1733), Тугалуков (Туголуков, Тугулуков) (1760, 1763, 1775, 1777, 1783, 1787, 1792), Уласов (1783), Ульянов (Ульянин) (1733, 1735), Хахлачев (Хахлачей) (1778, 1792), Цыганов (1787), Федоров (1763, 1770), Федосеев (1760, 1763, 1775), Фомин (1787), Фролов (1780, 1787), Чекунов (Чикунов) (1775, 1783, 1787), Черкесов (1778, 1783), Чернобровкин (1787), Чухряев (1787), Ширяй (1699), Шкурин (Шкурен) (1787), Шортав (Шортов) (1783, 1787), Юренков (1780), Яковлев (1777), Языков (1787), Ярмилов (1787).

Церковная история

П. И. Украйченко

Николаевская церковь станицы Цесаревичской (Вольно-Донской)

Как я уже отмечал[1], вопрос образования и истории станицы Цесаревичской практически не изучен. Ещё хуже дело обстоит с церковной историей, в научной литературе, пожалуй, есть только упоминание. Единственная работа, в которой говориться о наличии церкви Николая Мир-Ликийского в станице Цесаревичской, является работа Шадриной[2], которая хоть и носит справочный и краткий характер, но довольно подробно описывает основные вехи истории храма.

Основу моего исследования составляют документы, хранящиеся в Ростовском государственном архиве. Документы из дела «Об образовании новой станицы из хуторов Котельникова, Караичева, и др. Верхне-Курмоярской станицы под названием Цесаревическая»[3] рассказывают не только об образовании станицы, но и о первой иконе храма, привезённой Фёдором Калиновичем Траилиным, который представлял интересы переселенцев при строительстве новой станицы[4] из Константинополя.

Документы, хранящиеся в деле «О построении церкви в станице Цесаревичской Донецкого округа Ермаковского благочиния»[5],

[1] *Украйченко П. И.* Станица Цесаревичская Донецкого округа Области войска Донского // Шестнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2024. С. 31.

[2] *Шадрина А. В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. Справочник / Отв. редактор А. В. Венков. – Ростов н/Д: Антей, 2014. С. 93.

[3] ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 1178.

[4] *Украйченко П. И.* Указ. соч. С. 32–33.

[5] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936.

раскрывают процесс постройки новой церкви. Из-за отсутствия фотографий и рисунков особую ценность приобретают описания месторасположения храма и церковных построек, хранящиеся в этом деле.

Дело «Николаевской церкви станицы Вольно-Донской»[6] содержит в себе прошение о возобновлении церковных служб жителей станицы и близлежащих хуторов к новой власти в 1921 году. И особую ценность представляет инвентарная опись, приложенная к этому прошению, которая позволяет судить об имущественном состоянии храма.

Хотелось бы отметить, что документы дореволюционного периода в какой-то мере сохранились, а вот документов более позднего периода найти практически не удалось кроме «Акта об изъятии церковных ценностей»[7], хранящегося в ГКУ РО «ЦХАД в г. Шахты Ростовской области».

На мой взгляд, введение в научный оборот новых документов даст толчок к дальнейшему изучению не только истории станицы Цесаревической, но и духовной жизни жителей как до революции, так и в советский период.

История церкви в станице Цесаревической (Вольно-Донской) начинается с приговора казаков переселенцев о создании новой станицы.

6 декабря 1909 года они обращаются к Императору Николаю II с просьбой о создании станицы и церкви при ней: «Первым зданием новой станицы будет храм Божий, во имя исконного покровителя Донского казачьего войска, коего имя носит, вождь всех военных сил Российской империи, Его Императорское Величество, Государь Император Николай Александрович, празднуемого Православной церковью – сего дня, – Святителя Христова, Архиепископа Мир-Ликийского чудотворца.

Для написания большой иконы в тот храм – имею, ныне в своих руках – копию древнего изображения Святителя, написанную живописцами, состоящими при Вселенской Патриархии в Констан-

[6] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 72.

[7] ЦХАД. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

тинополе, с благословением Вселенского Патриарха Иоакима III и его благословение. Эту икону я получил из Константинополя, 18 числа прошлого ноября. На обратной стороне образа надпись – по гречески и по русски, укреплённая печатью Патриарха, следующего содержания: “Сия святая Икона Святого отца нашего Николая Мирликийского Чудотворца есть точная копия с древней иконы святителя, находящейся в Патриаршем храме Константинопольской Патриархии. Вселенская Патриархия 17 октября 1909 г.”»[8].

Новая станица была создана Постановлением Войскового Земельного совета от 22–30 июня 1910 г.[9] 5 ноября 1910 года положением Военного совета было решено: «Присвоить вновь образованной в Донецком округе, области войска Донского, станице наименование “Цесаревичская“»[10].

Согласно отчёта комиссии по проверке Донецкого окружного земельного совета на 30 июня 1912 г. к строительству церкви в станице Цесаревичской ещё не приступали: «Общественных зданий, как-то: церкви, школы и станичного правления нет. Вообще с благоустройством поселения станицы не спешат, а между тем в церкви и школах нужда неотложная. Ближайшая церковь – в 15 верстах от станицы – в посёлке Яновом. Приговор станичного сбора, с планом на общественные постройки, с 6 мая 1912 не получил ещё разрешение – попал, очевидно в обычные условия канцелярской волокиты, а настойчивости со стороны станицы нет»[11].

К тому же, кроме обычной волокиты, произошёл курьёзный случай по какой-то причине прошение на постройку церкви было передано через Нижне-Чирское благочиние, хотя Цесаревичская относилась к благочинию Ермаковскому. И только 18 марта 1913 года Благочинный Нижне-Чирского благочиния Михаил Крылов отправляет приказ в Ермаковское благочиние «для исполнения»[12].

[8] ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 1178. Л. 45–45об.
[9] ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 2000. Л. 2.
[10] ГАРО. СИФ. Инв. № 6599. С. 179.
[11] ГАРО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 208. Л. 4об–6.
[12] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 6.

Параллельно с проектом церкви на рассмотрение был отправлен и проект постройки начального училища: «Особое отделение просит Строительное, по рассмотрении препровождаемых плана (с копией и сметы на постройку здания начального училища в станице Цесаревичской, сообщить, с возвращением приложений, в возможно непродолжительном времени своё заключение»[13].

После рассмотрения проект получил заключение: «1912 года Августа 4 дня. Мы, нижеподписавшиеся, рассмотрев проект на постройку здания начального училища в станице Цесаревичской смету нашли их составленными в техническом отношении правильно, а цены по которым составлена смета не превышает действительных цен»[14].

Работы по строительству церкви начинаются в апреле 1913 года. «1913 Апреля 1 дня Ермаковского благочинного Священника Григория Кравченкова в присутствии нижеподписавшихся. Производил осмотр места, в станице Цесаревичской Донецкого округа Области войска Донского, на которой жители сей станицы желают построить церковь. Место это находится на левом берегу речьки "Сухой" текущей на Северо-восток, место по грунту удобное для постройки и приличное для церкви; место возвышено и ровно и занимает срединное место в станице, оно размером 100*100=1000 квадратной сажени. Ермаковский благочинный Кравченков»[15].

18 апреля 1913 г. был составлен приговор общества станицы, в котором станичники, помимо строительства храма, обязались построить два причтовых дома, церковноприходскую школу и выплачивать членам причта пособие 600 рублей в год: «Домохозяева поселения самой станицы, хутора Власова казачьего происхождения и посёлка Вальков не войскового сословия выслушали предложение Ермаковского благочинного Григория Кравченкова о том, что при постройке церкви в нашей станице необходимо построить церковные квартиры со всеми необходимыми подворными службами для членов притча, на первый раз для священника и

[13] ГАРО. Ф. 301. Оп. 25. Д. 422. Л. 213.
[14] ГАРО. Ф. 301. Оп. 25. Д. 422. Л. 215.
[15] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 8.

помощника, здание для церковно-приходской школы и отвода для них дворовых мест и давать ежегодно притчу пособия в размере 600 руб. Постановили: отвести, два дворовых места между, церковной площадью и двором казака Андрея Калмыкова под церковно-приходскую школу и садом для неё. 3-е место между двором урядника Онисима Медведева и двуклассного министерского училища для священника и 4-е между дворами станичного правления и казака Василия Изварина – для помощника и на этих подворьях оборудуем постройки причтовые со всеми надворными службами для священника и помощника и здание для церковно-приходской школы. Для сей школы пускать отопление, давать сторожа и в редких случаях ремонт здания и школьного инвентаря. Кроме сего обязуемся нашему будущему притчу давать в год 600 руб.»[16]

«2 мая 1913 г. был избран строительный комитет под председательством помощника станичного атамана Шляхтина.

21 мая 1913 г. постройка церкви была разрешена Областным правлением Войска Донского. Церковь была возведена к октябрю 1914 г. Освящена 8 декабря 1914 г. Преосвященнейшим Гермогеном (Максимовым), епископом Аксайским в сослужении ключаря кафедрального Вознесенского войскового собора г. Новочеркасска протоиерея Захарии Лобова и другого духовенства. Церковь деревянная. Однопрестольная»[17].

30 мая 1913 г. «Утверждены... в состав строительного комитета по постройке церкви станицы Цесаревической – председателем урядник Павел Горбачёв, и членами: урядник Федот Шмелёв, казак Иван Зладюкин, Фадей Комаров, Андрей Баранков, Никита Аржанов (Атаман хутора Власов), Иван Манохин, Тихон Черепахин и казак из дворян Иван Алимов»[18].

[16] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 10.

[17] *Шадрина А. В.* Указ. соч. С. 93–94.

[18] Донские епархиальные ведомости № 18 от 21 июня 1913 г. С. 377 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/material/attachments/2015/07/30/1913_18.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

Тогда же был избран состав церковно-приходского попечительства: «При церкви станицы Цесаревической председателем урядник Илья Ильич Песков и 3 человека членами»[19].

2 ноября 1914 года Ермаковский благочинный Григорий Кравченков обращается к Архиепископу Донскому и Новочеркасскому Владимиру: «Честь имею почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство разрешить выдать освящённый антиминс для разрешённой к освящению церкви во имя святителя Николая Мирликийского празднуемого 9 мая в станице Цесаревичской»[20].

На этом рапорте стоит резолюция: «Освящение назначается на 8 декабря. На случай если не удастся вершить освящение архиерейским чином, выдать освящённый антиминс»[21].

8 декабря 1914 года церковь была освящена: «Честь имею почтительнейше донести, что сего дня 8 декабря, с соизволения Вашего высокопреосвященства, новый деревянный храм в станице Цесаревичской во имя святителя Николая Мирликийского празднуемого 9 мая, освящены его преосвященством, Преосвященнейшим Гермогеном, Епископом Аксайским в присутствии ключаря кафедрального гор. Новочеркасска собора протоиерея Захария Лобова, Ермаковского благочинного священника Григория Кравченкова, священника Александра Гиляревского, священника Михаила Поцепухова, священника Николая Попова и священника Александра Дьякова»[22].

6 апреля 1915 г.: «Определены на священнические места ... при церкви станицы Цесаревической псаломщик Рождество-Богородицкой церкви станицы Ермаковской Спиридон Попов»[23].

---

[19] Донские епархиальные ведомости № 18 от 21 июня 1913 г. С. 379 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/material/attachments/2015/07/30/1913_18.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

[20] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 32.

[21] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 32.

[22] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11936. Л. 34.

[23] Донские епархиальные ведомости № 15 от 15 апреля 1915 г. С. 186 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe- duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/24/3e/243e3791-bf50-4bcc-a495-6bd1eb352d9e.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

8 апреля 1915 г. Церковным старостой – при церкви станицы Цесаревической был утверждён Самон Писков[24].

«Распоряжением Святейшего Правительствующего синода на имя Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского, от 30 марта 1915 года, за № 4243 дано знать, что при Николаевской церкви станицы Цесаревической Донецкого округа, Ермаковского благочиния, открыт самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика, с отнесением содержания по сим вакансиям на местные средства. Пособия от прихожан 600 рублей на причт, дома подцерковные, в состав сего прихода войдёт 703 души православных мужского пола»[25].

2 мая 1915 года: «на штатное священническое место станицы Цесаревической окончивший курс названной семинарии (Донской духовной) Николай Павлов»[26].

«Определением Донского Епархиального Начальства, от 14 апреля 1915 года для правильного и скорого судебно-административного делопроизводства по Донской епархии образованы новые благочиния, некоторые же разделены на два благочиния...»[27].

«... 6. Цесаревическое в состав коего войдут церкви следующих поселений: 1. Ново-Марьево-Яновский посёлок, 2. Араканцев хутор, 3. Грузиново-Нагорновский посёлок, 4. Александров хутор, 5. Морозовская станция, 6. Цесаревическая станица, 7. Нижне-ка-

[24] Донские епархиальные ведомости № 16 от 27 мая 1915 г. С. 233 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: ttps://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/58/86/5886de6e-e23f-442f-a872-7e562fa2601e.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

[25] Донские епархиальные ведомости № 15 от 15 апреля 1915 г. С. 182 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/24/3e/243e3791-bf50-4bcc-a495-6bd1eb352d9e.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

[26] Донские епархиальные ведомости № 19 от 13 мая 1915 г. С. 265 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/f5/66/f566787a-fc6a-4266-8d2b-8550bcdc9d8e.pdf (дата обращения: 18.05.2025).

[27] Донские епархиальные ведомости № 21 от 27 мая 1915 г. С. 316–317 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/96/7f/967fed20-0114-4a83-9aa4-714b83f3a607.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

линов хутор, 8. Крылов хутор, 9. Любимов хутор, 10. Ясеновский хутор, 11. Есаулов хутор, 12. Николаев хутор, 13. Таубевская станица. Из Ермаковского благочиния. 14. Лукичёво-Сулиновский посёлок, 15. Терновой хутор. Из Милютинского благочиния.

В состав Цесаревического благочиния войдёт 15 церквей; в составе Ермаковского благочиния останется 15 церквей и в Милютинском благочинии останется 19 церквей»[28].

Определением Донского Епархиального начальства, от того же числа, назначается благочинным: «Цесаревическим – станции Морозовской священник Николай Попов»[29].

В августе 1915 г. был избран состав церковно-приходских попечительств: «При Николаевской церкви станицы Цесаревической председателем казак Стефан Гаврилович Крестьянов и 22 человека членами»[30].

«Приговор. 1921 года, Апреля 7 дня. Мы нижеподписавшиеся прихожане Николаевской церкви Вольно-Донской станицы в собрании своём обсуждая обязательное постановление Донского Исполнительного комитета, отпечатанного 28 августа 1920 года в газете “Советский Дон” и нам объявленного Морозовским благочинным 1 го сего апреля – по делам церкви – Постановили: просить Донисполком оставить за нашим приходом храм и его имущество означенное в прилагаемой при сём инвентарной описи для наших религиозных и обрядовых целей. При этом прихожане изъявляют полную готовность содержать храм и притч на свои доброхотные пожертвования, как это делали до сих пор, без всякого принудительного облича»[31].

---

[28] Донские епархиальные ведомости № 21 от 27 мая 1915 г. С. 321 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/96/7f/967fed20-0114-4a83-9aa4-714b83f3a607.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

[29] Там же. С. 325–326.

[30] Донские епархиальные ведомости № 31 от 5 августа 1915 г. С. 321 // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/3f/04/3f046c96-0205-4a78-8a35-392646120e45.pdf (дата обращения: 26.05.2025).

[31] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 72. Л. 1.

К этому приговору была приложена инвентарная опись: «Николаевского храма в станице Вольно-Донской Донецкого округа, составленная 25 марта 1921 года. Церковь деревяная, крытая жестью, построена в 1914 году.

На ней шесть колоколов медных: 1 – в 74 пуда, 5 фунтов, 1 – в 32 пуда 16 фунтов, 1 – в 15 пудов 9 фунтов, 1 – в 3 пуда 24 фунта, 1 – в 2 пуда 6 фунтов, 1 в 35 фунтов.

Инвентарь церковный: 1. Антиминс, два металлических безлощённых потира с приборами, ковчежец для хранения святых даров, металлический, одна дароносица сребро-безлощённая, а другая металлическая, две серебряных ложечки, вызолоченные четыре блюда для просфор, кандия для святой воды, сосуд для освящения хлебцев, три металлических кадила, четыре медных креста, три металлических евангелия, две пары металлических венцов, две одежды напрестольные, матерчатые и глазетовые. Один металлический семисвечник, восемь больших металлических подсвечников и три малых, одна люстра металлическая, восемь налойчиков с платками, шесть хоругвей матерчатых и три металлических.

В алтаре девять икон, два выносных креста, а в средней части храма 84 иконы, из которых одна только в сребро-вызолощеная в ризе малого размера.

В иконостасе три яруса с изображением святых угодников, три завесы для алтарных врат, две священничиские ризы из глазета и две из материи аплике, а одна риза из черного манчестера.

Все ризы с пренадлежащими им приборами, один дьяконский стихарь из материи аплекс, три священничиских подрясника из шерстяной материи и полушёлковый, пред клиросом стоит распятие с предстоящими и крестами. В пономарке одна икона деревянная, одна плащеница на бархате, одна купель крестильная, два стола, один шкаф для риз, свечной шкаф.

Богослужебные книги на весь год, всё в целости.

Книги: приходные с 1917 года, обыскная книга и метрическая, справочные книги за 1920-21 гг.

Библиотеки нет.

Церковная печать, металлическая.

Здания принадлежащие храму: а) караулка деревянная о четырёх комнатах крытая жестью и небольшой сарайчик для склада топлива.

Денег наличных по книгам значиться 1010 рублей, банковых билетов нет»[32].

О полученной резолюции на приговор ничего не известно. Но в 1922 году комиссией по изъятию церковных ценностей Морозовского округа Донской области был составлен акт, к сожалению, сохранившийся в очень плохом состоянии и плохо читаемый: «Акт. 1922 года 19 мая, член подкомиссии по изъятию <…> в храмах Морозовского округа Донской области Филипп Зеленский в присутствии Вольнодонского волисполкома т. Волкова <…> Николаевской церкви в Вольнодонской станице В. Устинова, членов церковного совета М. Изварина и Е. Калмыкова прихожан М. Аликанова, А. Дорохина и Н. Белинского произвёл осмотр Николаевской и сличение инвентаризации с натурой. Описи до 1917 года не <…> что подтверждает, представленный 2 июня 1918, говорящий что некоторые книги в том числе и инвентарные <…> время передал в 1918 году проверка производилась по описи 1922 г. Договор имеется.

Церковь новая выстроена в 1914 году нет никаких даже священные сосуды, дарохранительница и причастница <…> крест и Евангелие металлические. Единственная ценность сереб. риза весом не более 20 золотников на храмовой иконе Николая Чудотворца. Решено изъятье ея как единственной ценности в беднейшей из церквей, не производить.

Начальник подкомиссии: Ф. Зеленский. Член Вольнодонского волисполкома Волков. Священник Василий Устинов. Члены церковного совета: Е. Калмыков, М. Изварин. Прихожане: М. Аликанов, А. Дорохин»[33].

Изучая историю церкви в станице Вольно-Донской (Цесаревической), я столкнулся с тем, что местные жители не знали о суще-

[32] ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 72. Л. 4.

[33] ЦХАД. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

ствовании церкви в станице. Утрачена была всякая память об этом. С большим трудом удалось установить даже место где она стояла, с правой стороны от современного Дома культуры.

Не было сведений, когда и куда она исчезла. Это связано скорее всего с тем, что на данный момент в населённом пункте фактически отсутствуют коренные жители.

И совсем недавно, благодаря потомку коренных казаков станицы Цесаревической (Вольно-Донской) Нужнову Александру Дмитриевичу удалось установить судьбу здания Николаевской церкви.

В 1956 году в станицу Вольно-Донскую из хутора Сибирьки было перенесено правление колхоза «Борец за коммунизм», а помещений для административных служб не было. Поэтому правлением колхоза было принято решение о разборе здания церкви. Из церковных брёвен было построено правление колхоза (в районе левого заднего угла нынешнего правления), клуб (сейчас на этом месте находиться памятник «Землякам, не вернувшимся с войны») и школа, помещение которой не сохранилось (находилась между нынешним зданием правления колхоза и школьной кочегаркой).

Таким образом, благодаря воспоминаниям, а письменные источники отсутствуют, можно сказать, что история храма Николая Мир-Ликийского в станице Цесаревической (Вольно-Донской) заканчивается в середине 50-х годов XX века.

Образование

Е. Н. Донскова

Этапы развития образовательной системы на примере учебных заведений в хуторе Чекаловом в конце XIX – начале XX века

Возникновение и развитие народного образования в хуторе Чекаловом являлись прямым отражением формирования социально-экономической и духовной среды казачьего населения далекого хутора. Изучая этапы становления учебных заведений в данном хуторе, мы можем четко проследить основные вехи развития системы просвещения на территории Области Войска Донского (Земли войска Донского до 1870 г.). Условно их можно разделить на три основных фазы.

Первая – это открытие «безмездных училищ», когда начальное обучение входило в обязанность приходского духовенства, осуществлялось бесплатно, располагаясь в помещениях причта или домашних условиях – пришлась на период с 1840-х до 1860-х годов.

Вторая – открытие министерских училищ, следствие того, что наказной Атаман Войска Донского, в начале 1860-х годов, получил право принимать решение об открытии приходских училищ в станицах, а затем и в хуторах.

И третья – она возникла, как необходимость создания церковно-приходских училищ. К ней привел негативный опыт отстранения духовенства от непосредственного контроля за вновь открытыми учебными заведениями, в результате чего детей зачастую обучали люди с сомнительной репутацией. Политика же Александра III, была направлена на возвращение доминирующих позиций церкви в образовании, а также на защиту традиционных нравственных устоев в последние десятилетия XIX века.

Все эти периоды нашли прямое отражение в истории возникновения учебных заведений в хуторе Чекаловом, где ведущую организационную роль играл, независимо от изменения форм и наименований, приходской священник.

Начиная с момента постройки церкви Рождества Богородицы в хуторе Чекаловом в 1859 г., приходской священник Александр Федорович Данилевский предпринимал многочисленные попытки организовать при церкви безмездное училище для прихожанских детей. «Обладая от природы твердой волей и настойчивым характером», по мнению современников, он регулярно обращался в станичное правление Есауловской станицы, которое долгое время оставляло его просьбы о предоставлении помещения и об оказании какой-либо помощи без удовлетворения. Подтверждением данного факта служит один из ежегодных рапортов Благочинного Цымлянского благочиния – Никиты Никольского, в котором сказано что, *«причт хутора Чекалова по неимению училища прихожанского при их церкви не представляют об оном сведений, и что для открытия его нет никаких средств, так как Есауловское Станичное Правление, к коему принадлежит хутор Чекалов, доставляет все средства для находящегося в Есауловской станице прихожанское училище...»*[1].

Этап первый – «безмездное» обучение

26 июля 1861 г. был подписан указ Святейшего Синода «О доставлении ежемесячных сведений об успехах в деле народного образования». Донская Духовная консистория через благочинных сообщила духовенству Донской епархии, что *«на народное образование обращено особое Государя Императора внимание»* и предписала *«причтам тех церквей, где нет еще безмездных для прихожанских детей училищ, немедленно и с усердием озаботиться заведением таковых»*[2].

Через несколько месяцев, в ноябре 1861 г., священник Александр Федорович Данилевский, дьякон Василий Алексеевич Алек-

[1] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 4659. Л. 25.

[2] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5764. Л. 22.

сеев, и дьячок Николай Павлович Попов начали обучение первых детей прихожан церкви хутора Чекалова. Безмездное училище разместилось в домике для сторожей, принадлежавшем церкви[3].

В страховой оценке Рождество-Богородицкой церкви хутора Чекалова, проведенной в 1910 г., сказано, что сторожка при церкви деревянная, крыта железом, длиною 3 саж., шириною 2 саж., высотою 1 сажень, окон 5 шт., дверей 3 шт., построена в 1859 г[4]. Таким образом, помещение для первых учеников казачьего хутора было небольшим: площадью около 30 квадратных метров с невысоким потолком чуть более 2 метров.

В основу действий приходского духовенства по устройству таких школ легло определение Священнейшего Синода о первоначальном обучении поселянских детей Олонецкой губернии, утверждённое 3 сентября 1836 г., исходя из него, начальное обучение стало непосредственной обязанностью приходского духовенства. В определении было сказано, что получение знаний может осуществляться в домашних условиях, в помещения членов причта, без требования финансового возмещения от родителей учеников: «принимает же без всякого договора и без требования возмездия»[5].

Из сохранившихся документов известно, что, занятия в хуторе Чекаловом, для таких учеников, начались в воскресный день, 10 ноября 1861 года. Впервые прозвучала молитва перед учением: *Преблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго смысл и укрепляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителем же нашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу. Премилосердный Господь!*

Архивные дела донесли до нас имена первых учеников хутора. Первыми за «парты» сели сыновья казаков: Сухов Петр 11-ти лет, Левшин Григорий 9-ти лет, Левшин Терентий 10-ти лет,

[3] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5540. Л. 49об.

[4] ЦГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 370. Л. 95.

[5] Правила о церковно-приходских училищах православного духовного ведомства. – Санкт-Петербург: Синод. тип., 1865. С. 1–2. ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина: [сайт]. URL: https://www.prlib.ru/item/438797 (дата обращения: 04.03.2025).

Левшин Иван 7-ми лет и Левшин Иван, сын урядника, 9-ти лет. Спустя два дня к ним присоединились дети урядника из дворян Кирьянова: Иван 12-ти лет и Деомид 11-ти лет. В следующее воскресенье, 17 ноября, прибыли сыновья казаков: Стефан Сухов и Федот Донсков – 11-ти и 12-ти лет, соответственно. С 20 ноября ряды обучающихся значительно пополнили сыновья урядников и казаков хутора Чекалова: Востриков Мирон, Левшин Трофим, Чекалов Григорий, Чекалов Спиридон, Левшин Александр, Сухов Иван, Донсков Ипат, Донсков Сергей, Андреев Василий, Донсков Андрей, Донсков Анисим, Сухов Платон, Бурняшев Яков возрастом от 9-ти до 14-ти лет. Набор закончился 12 января 1862 года, последними за парты сели: Левшин Василий 15-ти лет, Левшин Иван 16-ти лет, Ушаков Иван 16-ти лет. Самыми маленькими оказались сыновья казака Захара Ефимовича Забазнова – Иван 7-ми лет и Петр 6-ти лет. Таким образом, в первый год было принято к обучению 27 казачьих сыновей. (Для справки: хуторское население в 1861 г. составляло 65 дворов, мужского населения 224 души, женского – 237 душ)[6].

Согласно установленным правилам, обучение продолжалось от окончания осенних полевых работ до начала весенних, примерно с 1-го сентября по 1-е мая. Каникулы приходились на наиболее активный период применения детского труда в сельскохозяйственных работах. В летние месяцы было рекомендовано собираться по праздникам в послеобеденное время для повторения молитв, катехизиса и священной истории[7].

Из представленного отчета за 1861 г., следует, что предметами обучения были: букварь, чистописание, священная история, псалтырь. Одних детей обучали только знанию букваря, другим добавляли чистописание. Казачьему же сыну, Ивану Ушакову, севшему за парту в 16 лет, пришлось одновременно постигать и букварь, и псалтырь, и чистописание.

Такие факты подтверждают особенности функционирования школ в Донской епархии, создание которых пришлось на 60–70-е гг.

[6] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5191 Л. 111об.

[7] Правила о церковно-приходских училищах … Указ. соч. С. 3.

XIX в.: широкий возрастной диапазон учащихся, нерегламентированность содержания обучения, отсутствие единых учебных программ. В преподавании дисциплин не было единообразия и системности.

Можно предположить, что занятия в этой школе выглядели так: «Каждый учащийся занят своей работой; один читает начатки христианского учения… другой читает по книжке журнала, третий по иной какой-либо книжке; есть книжки "Родного Слова" – Ушинского и Паульсона, научаются чтению по славянской азбуке… или по азбуке гражданской печати… В углу стоят рослые мальчики и делают… одни маленькое сложение, маленькое вычитание на числа небольшой величины), другие – большое сложение, большое вычитание и т. д.»[8]

Оценивались как успехи, так и поведение обучающихся. Шкала отметок успехов: «очень хорошо», «хорошо», «весьма хорошо», «довольно хорошо», «порядочно» «довольно порядочно», «не худо». Оценку «очень хорошо» заслужил только один ученик – Донсков Сергей 10-ти лет! Поведение оценивалось: «хорошо» и «весьма хорошо».

По окончании учебного 1861–62 гг., все дети были переведены на следующий курс обучения[9].

Сохранились отчеты за несколько последующих лет работы «безмезной» школы в хуторе Чекаловом, из которых видна динамика роста количественного состава обучающихся, а также небольшие изменения наполнения классов учениками родителей разных сословий.

В 1863 г., в первом полугодии обучается 37 детей, во втором – 45. Вместе с казачьими сыновьями обучение начинают и крестьянские дети: Мартиян Овчинников сын Государственного крестья-

[8] *Федорова Н. В.* Церковно-приходские школы в Донской и Новочеркасской епархии в 60–70-х годах XIX века. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tserkovno-prihodskie-shkoly-v-donskoy-i-novocherkasskoy-eparhii-v-60-70-h-godah-xix-veka?ysclid=mfs1ce9dyf978254377 (дата обращения: 12.12.2024).

[9] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 4659. Л. 61об.–65.

нина 9-ти лет и Стефан Абрамченков, сын временнообязанного крестьянина 15-ти лет[10].

В 1864 г., в первом полугодии обучается 34 ученика, во втором – 47[11]. Население хутора в этом году, согласно клировым ведомостям составляет 65 дворов, мужского населения 247 души, женского – 263 душ[12].

Школы «безмездного» обучения не имели постоянных источников средств для существования. Устойчивость церковных начальных школ зависела от благосостояния населения и настойчивости духовенства. Содержаться они должны были за счет церковных приходов. В нашем случае все заботы по содержанию школы и обучению ложились на плечи только священноцерковнослужителей.

Тем не менее, контроль за деятельностью безмездных училищ осуществлялся как со стороны Донской духовной консистории, так и со стороны Наказного Атамана. В 1863 г. атаман обращал внимание духовного ведомства на то, что в некоторых безмездных училищах детей обучали наемные учителя либо причетники под наблюдением приходских священников, а не собственно священнослужители[13]. Донская духовная консистория в свою очередь, предписала всем благочинным довести до сведения всем наставникам училищ, чтобы они «всегда и непременно» занимались с учениками сами, «ни под каким предлогом» не доверяя это сторонним лицам, а также «не увеличивали по ведомостям число учеников», а показывать только, тех «кто точно обучаются у них грамоте»[14].

При изучении первоисточников подобных фактов в приходе церкви хутора Чекалова установлено не было.

[10] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 299. Л. 21об.
[11] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 306. Л. 5об., 21.
[12] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5540. Л. 54об.
[13] ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 106. Л. 117.
[14] ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 106. Л. 105.

Этап второй – министерские училища

В 1867 г. Войсковому Наказному Атаману войска Донского было предоставлено право *«разрешать открытие приходских училищ в хуторах таких станичных обществ, которые по приговорам своим будут просить об этом, ежели в хуторах этих имеются церкви или молитвенные дома, а число жителей не менее 300 душ мужеского пола, или же таковое количество состоит в районе нескольких хуторов. На каждое приходское училище, открытое в хуторе на вышеизложенном основании отпускать из войсковых сумм по 350 руб. в год и кроме сего, прикомандировать к училищу, на полном содержании от войска, одного казака внутренней службы для прислуги. Приобретение необходимой мебели, наем домов, отопление оных и прочие расходы по училищам, относить на средства тех хуторов, где будут открыты училища»*[15]. Следует пояснить, что в данном случае термин «приход» имел только административное значение.

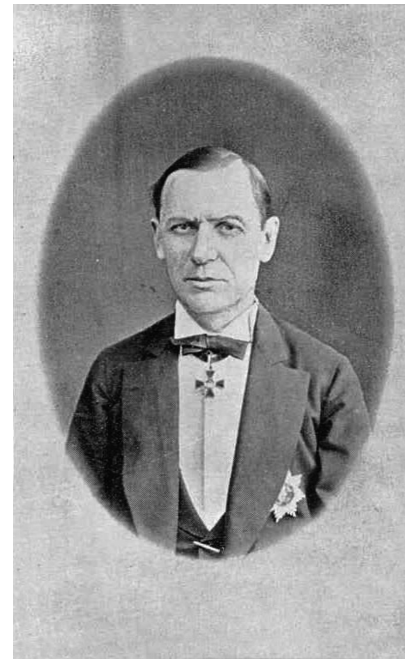
1 декабря 1868 г. Есауловское станичное Правление направляет рапорт Наказному Атаману Войска Донского, Господину Генерал-Лейтенанту и Кавалеру Черткову, в котором сказано: *«Сдешней станицы прихожане Чекаловской Рождество-Богородицкой Церкви, составили приговор о желании открыть в хуторе Чекаловом Приходского училища, Станичное Правление находя оный правильным и с потребностями согласным, честь имеет представить при сем к Вашему Превосходительству на благоусмотрение и разрешение. Атаман Сотник Донсков. Судья Урядник Донсков. Писарь Донсков»*[16].

В этом же месяце, 30 числа Генерал-Лейтенант Чертков уведомляет Войсковое Правление, об открытии приходского училища в хуторе Чекаловом, как имевшем церковь и не менее трехсот душ жителей. *«Разрешая открыть в хуторе Чекаловом приходское училище с тем чтобы содержание этого училища относилось на средства того хутора с определенным от войска пособием, на точном основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 27 Апреля*

[15] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 866. Л. 3.
[16] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 956. Л. 1.

сего года, положения Верховного Совета, я уведомляю о сем Войсковое Правление для зависящего к исполнению распоряжения и предлагаю поставить о сем в известность Статского Советника Робуша»[17].

Спустя несколько месяцев, 16 апреля 1869 г. Штатным Смотрителем 2–го Донского окружного училища, было *«открыто приходское училище в хуторе Чекаловом, Есауловской станицы. Законоучителем в этом училище определен мною священник Александр Данилевский, а учителем бывший учитель Пятиизбянского приходского училища – Семен (Гаврилович – авт.) Козловский. Директор училищ Робуш»*[18].

Робуш Соломон Степанович, директор народных училищ Донской области

Таким образом, народное образование в далеком казачьем хуторе взошло на вторую ступень развития просвещения на Дону. Дошедшие до нас источники неоднократно указывают на первостепенную роль в открытии приходского училища священника Александра Данилевского. В 1893 г., в статье, опубликованной к пятидесятилетию служения в священном сане протоиерея Александра Данилевского, было сказано: *«Основание приходского училища в хут. Чекалов стоило о. протоиерею больших трудностей и неприятностей. На каждом шагу он встречал препятствия как со стороны Чекаловского общества, так и от недостатка средств. Дело доходило даже до того, что за неимением необхо-*

[17] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 956. Л. 2–2 об.

[18] Там же. Л. 3.

димых средств училищный Совет решил закрыть школу, на что общество с радостью согласилось, один только о. протоиерей не ослабевал в энергии и добился того, что школа опять воскресла. Так она просуществовала до того времени, содержась на попечительские деньги, когда наконец о. протоиерей на собранные деньги, в количестве 1500 рублей, купил деревянный двух-этажный дом в станице Цымлянской, который и перевезли в Чекалов, для помещения в нем приходского училища. И школа сделала свое дело: теперь каждый из чекаловцев, один перед другим, старается обучить грамоте своих детей; не ограничиваются они уже и приходским училищем, но посылают детей в средние и даже высшие учебные заведения»[19].

Здание было приобретено в 1882 г.[20]

Как было выше сказано, первым учителем приходского училища стал Семен Гаврилович Козловский.

В следующем, 1870 г., его сменил урядник Федор Михайлович Серебряков, окончивший педагогическое отделение при Новочеркасской гимназии.

В августе 1872 г. в должность учителя вступил Михаил Артемьевич Листопадов. Уроженец станицы Екатерининской, выходец из казачьей семьи, в 1872 г. он также окончил курс педагогического отделения в Новочеркасской гимназии и был определен в Новочеркасское женское училище, откуда и был перемещен в этом же году, по его прошению, в хутор Чекалов[21].

Роль Листопадова М. А. в обучении хуторских детей хочется отметить особенно: в течение восьми лет он являлся единственным наставником местных детей. В этот промежуток времени пришлось становление школы. В 1882 г. он переведется в хутор Аникин, а затем в 1883 г., прослушав курс богослужения будет рукоположен в сан священника. В хутор Чекалов он вернется в 1894 г., где станет

[19] Пятидесятилетие служения в священном сане протоиерея Александра Данилевского, в хут. Чекалов, Чертковской стан. // Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск, 1893. № 2. С. 72. URL: https://ya.ru/archive/catalog/267a66a2-5f7d-4ad7-b36e-a854b3fb2dd3/43 (дата обращения: 11.02.2025).

[20] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7890. Л. 2.

[21] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9954. Л. 112об.

приходским священником и законоучителем в приходском училище. Листопадов М. А. – отец Александра Михайловича Листопадова (1873–1949) – выдающегося фольклориста, этнографа и музыковеда, собравшего более 1200 казачьих песен.

Из отчетов штатного смотрителя 2-го Донского окружного училища о состоянии окружных, приходских и женских училищ за 1870–1874 гг. можно выделить несколько основных аспектов, характеризующих организацию и содержание приходских училищ (табл. 1)[22].

Таблица 1. Источники содержания учебного заведения, постоянные и временные

Год	Из войсковых сумм		Из окружного казначейства		Из станичных сумм		От Церковных попечительств и обществ		Всего	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1870	346	50	-	-	-	-	-	-	346	50
1871	345	-	-	-	-	-	125	-	470	-
1872	-	-	345	-	-	-	150	0	495	-
1874	-	-	345	-	-	-	150	0	495	-

В хуторе Чекаловом, наряду с постоянным источником содержания училища из казны Войска, средства выделялись и приходским попечительством, открытым при церкви в 1867 г. Пожертвования от Почетных Смотрителей, Попечителей и блюстителей в 1870–72 гг. не было, в 1874 г. от их имени было внесено 50 рублей. От местных дворян и граждан было пожертвовано в 1870 г. – 5 рублей 1 коп., в 1871 г. – 125 руб., в 1872 г. пожертвований не было, в 1874 г. – 21 руб.

Как было уже упомянуто, в первые годы училище не имело собственного помещения, это в определенный период времени поставило под угрозу сам факт его существования. Плату за наем

[22] ГАРО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 398, 431, 416, 464.

помещения вносило хуторское общество. В 1870 г. она составила – 40 руб., в 1871 г. – 50 рублей, в 1874 г. – 75 рублей. Из 27-ми приходских училищ, открытых во 2-ом Донском округе, Чекаловское – единственное, оплачивавшее наём помещения только за счет средств хуторского общества.

В 1897 г. российский педагог В. П. Вахтеров об организации начального обучения в России в эти годы, в своей работе «Всеобщее обучение» выскажет следующее мнение: *«...составители проекта взяли из прусской и французской системы только административный контроль и руководство школами, без обеспечения сих последних какими-либо материальными средствами, а из английской только право обществ и лиц учреждать или не учреждать школы, обучать или не обучать малолетних без необходимого при этом условия – широкого простора для частного почина. Получился результат в высшей степени прискорбный. За общественными и частными лицами оставлено было право давать или не давать средства на содержание школ, но им не было предоставлено права делать какие-либо распоряжения по учебной части, контроль и руководство школами в этом последнем отношении возложены на органы Министерства Народного Просвещения и духовного ведомства»*[23].

На момент открытия школы училищная библиотека имела в своем распоряжении 54 книги; к концу 1874 г. фонд расширился до 114 экземпляров. Небогатый набор учебных пособий состоял из географической (исторической) карты, таблицы для изучения чтения и письма, математической таблицы и комплекта картинок для изъяснения святой истории, все в одном экземпляре.

В 1880 г. к должности учителя приступил Илья Андреевич Тормазов, в 1882 г. его сменил Павел Алексеевич Дубровин, который бессменно занимал эту должность, вплоть до 1910 г.[24] (Умер в 1917 г. от тифа, похоронен на хуторском кладбище). На учитель-

[23] *Вахтеров В. П.* Всеобщее обучение. Типография Высочайше утверж. Т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1897 г. С. 8. Донская государственная публичная библиотека: [сайт]. URL: https://vivaldi.dspl.ru/bx0001513/view/?#page=14 (дата обращения: 06.06.2025).

[24] ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3133. Л. 57об.

ском месте в последующие годы до 1915 г. работали: Николай Арсеньевич Урганов, Михаил Родионов, Павел Сазонов, Семен Смирнов.

В 1911 г. училище преобразовано в двухклассное (по другим источникам в 1912 г.). На преобразованное училище был установлен дополнительный отпуск средств из земельных средств области к уже ранее ассигнованным. Сумма составила 695 рублей в год[25]. Дубровин П. А. становится заведующим двухклассного училища и занимает эту должность по 1914 г. В Клировых ведомостях за 1910 г. он упомянут, как гражданин города Петербурга, Губернский секретарь[26]. Его сменяет Челбин К. К.

Одним из последних Заведующих двухклассным училищем стал Савва Григорьевич Борисов, выходец из казачьей семьи хутора Челбина Филипповской станицы. Окончив Новочеркасскую учительскую семинарию, как стипендиат, он обязан был прослужить в должности учителя не менее 4-х лет, таковую должность удалось получить в станице Чертковской. *«В станице Чертковской я прослужил сначала учителем, а затем Заведующим школой двухклассного училища с 1909 г. по 1915 г. За этот промежуток времени я усиленно занимался вопросами новой школы, ибо чувствовал, что старая была построена не на принципе свободного развития личности, а наоборот, она подавляла личность, воспитывала покорного слугу»*[27].

С 1 ноября 1915 г. по март 1916 г. Борисов С. Г. был перемещен по собственному желанию из станицы Чертковской в хутор Чекалов. В марте 1916 г. мобилизован и вернулся только феврале 1918 г.; место учителя было занято[28].

---

[25] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за год 1912. – Санкт-Петербург: Глав. упр. иррегулярных войск, 1870–1917, 1913. С. 124. НЭБ: [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003860020?page=194&rotate=0&theme=white (дата обращения: 13.12.2024).

[26] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11747. Л. 132.

[27] *Камышан К.* Меж вихрей вселенской метели… (из цикла «Архивные истории») // Морозовский вестник. 2025. 31.01. № 4. С. 10.

[28] Там же.

В 1917 г. учителем был казак Василий Арсенович Левшин[29].

С 1893 г. учреждается должность преподавателя гимнастики, которую в разные годы занимали хуторские казаки в звании урядника: Казьма Донсков, Илья Чекалов, Андрей Чумаков, Архип Чумаков.

Весною 1912 года в газете «Донские областные ведомости» была опубликована небольшая заметка:

«6 мая в день рождения Его Императорского Величества Государя Императора, после торжественного Богослужения был проведен парад учениками местной 2-х классной школы. Ученики, в составе полусотни, были выстроены на церковной площади держа ружья на плечо.

По окончании молебна при произнесении многолетия Царствующему Дому раздался выстрел из миниатюрной пушки, что мне напомнило парады в Новочеркасске.

Парад принимал хуторской атаман урядник Неведров (Ефим – прим. Е. Д.). Учениками командовал их учитель гимнастики Ч. (Чумаков Ан. – прим. Е. Д.), команда которого была не хуже любого урядника.

По приеме от учителя рапорта, атаман подошел к ученикам, поздоровался с ними и поздравил с праздником Рождения Его Императорского Величества Государя Императора, провозгласил здравицу Верховному Вождю. Громкое ликующее "ура" раздалось ему в ответ. Как один, все ученики подхватили этот клич, насколько позволяла им детская грудь, в этот момент раздался громкий выстрел из пушки.

Ученики прошли перед атаманом церемониальным маршем, получая от него похвалу, и тут дружно, в такт отвечая на приветствие. Это была торжественная минута, юные лица маленьких донцов горели от радости и умиления. В заключение атаман поблагодарил учеников, и пригласил их отправится в школу за получением гостинцев.

Жаль только, что малыши не были подготовлены к тому времени к пению казачьих песен. Надеемся в другой раз услышать от малышей и песни.

[29] ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3133. Л. 30об.

Нет, нескоро еще иссякнет у казаков воинский дух, как бы не старались вытравить его недруги казачества. С малых лет укореняется в сознании казачат служить Верой и Правдой Царю и Отечеству. Разве сообщаемый мною факт не подтверждение этого? Петров»[30].

Должность Законоучителя со дня открытия и вплоть до своей смерти осенью 1896 г. занимал протоиерей Александр Федорович Данилевский. Его сменил вернувшийся в х. Чекалов в сане священнослужителя Листопадов М. А., который прослужил до 1905 г. Законоучители следующих лет: священники Яков Жуков и Трифон Терников.

Выборная должность почетного блюстителя, обязанного заботиться о материальной стороне училищ, а также следить за учебно-воспитательной частью, многие годы оставалась вакантной. В 1880 и 1881 гг. почетным блюстителем был Меленьковской 1-й гильдии купеческий сын Константин Иванович Савинков. Затем несколько лет сие место пустовало. С 1891 по 1899 гг. – купец Федор Егорович Кузнецов. А с 1901 г. официальную заботу на себя взяли казаки хутора: Василий Николаевич Донсков, Андрей Левшин, В. Ф. Васильев (казак?), А. А. Донсков.

С 1 января 1878 г. в области Войска Донского начало действовать «Положение о начальных народных училищах», утвержденное 25 мая 1874 г. Оно еще более сократило возможности для влияния духовного ведомства на начальное народное образование. Начальные училища, зависевшие от различных ведомств, были подчинены Министерству народного просвещения. Переход безмездных школ под юрисдикцию Министерства народного просвещения сводило к ограничению учительской деятельности священнослужителей до преподавания одного Закона Божия.

В 80–90-е гг. XIX в. правительство предприняло ряд шагов (в том числе и в области народного просвещения), направленных на ослабление влияния в обществе радикально-демократических и

[30] Хутор Чекалов Чертковской станицы // Донские областные ведомости. Новочеркасск, 1912. № 98. С. 3. Донская государственная публичная библиотека: [сайт]. URL: https://vivaldi.dspl.ru/pn0010891/view/?#page=3 (дата обращения: 12.02.2025).

либеральных идей. Александр III считал, что Церкви необходимо вернуть доминирующие позиции в образовании, защитив тем самым традиционные нравственные устои. Царствование Александра III для церковно-приходской школы – период расцвета[31].

Этап третий – церковно-приходские школы

Подтверждением утверждения, что в царствование Александра III церковно-школьное дело вновь получило импульс к развитию, и число церковно-приходских школ в Донской епархии снова начинает расти, является и открытие церковно-приходской школы в хуторе Чекаловом. С этого момента в хуторе параллельно функционируют два учебных заведения: приходское (министерское) училище и Церковно-приходская школа.

Церковно-приходская школа в приходе церкви Рождества Богородицы в хуторе Чекаловом была открыта 29 января 1890 г. на остаточную церковную сумму, помещалась в собственном доме[32].

Школа была открыта так же заботами и стараниями о. протоиерея Александра Федоровича Данилевского, о чем было заявлено на праздновании его пятидесятилетнего пребывания в священном сане[33]. По словам современников: *«С каким восторгом он всегда говорил о великих реформах в царствование Императора Александра II, и с какою радостью он передавал о совершившейся свободе на Руси, об этом нужно было слушать и говорить с ним, чтобы понять только»*[34].

---

[31] *Федорова Н. В.* Церковно-приходские школы в 60–80-е годы XIX века: динамика численности в связи с изменениями политики в сфере начального народного образования: (на примере Донской и Новочеркасской епархии) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1 (213). С. 76.

[32] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10051. Л. 131.

[33] Пятидесятилетие служения в священном сане протоиерея Александра Данилевского, в хут. Чекалов, Чертковской стан. // Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск, 1893. № 2. С. 72. URL: https://ya.ru/archive/catalog/267a66a2-5f7d-4ad7-b36e-a854b3fb2dd3/43 (дата обращения: 15.02.2025).

[34] Протоиерей Рождество-Богородицкой церкви хутора Чекалова Александр Фёдорович Данилевский // Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск, 1896. № 24 С. 782–783. URL: https://ya.ru/archive/catalog/dc818677-5875-42d6-96cf-d3fb144f43ce/60 (дата обращения: 14.02.2025).

Важную роль в становлении ЦПШ в хуторе Чекаловом (табл. 2) сыграл и М. А. Листопадов, возглавлявший ее более 10-ти лет. В Донских Епархиальных Ведомостях было сказано: *«Школа располагает собственным удобным зданием о двух классных комнатах и помещением для библиотеки. Здание это приобретено для школы и затем перенесено на церковную площадь, благодаря заботам и старанию заведующего школою священника Мих. Листопадова. Последний относится к школе с большим сочувствием, усердием и заботливостью, вникает во все её нужды и потребности и весьма деятельно руководит всем ходом занятий в ней. Закон Божий преподает он старательно и регулярно, вполне целесообразно распределяя по группам учебный материал по своему предмету. Успехи учеников по закону Божию вполне отвечают требованиям программы. По остальным предметам занятия ведет местный псаломщик Ник. Попов. В способности и умении вести дело обучения ему нельзя отказать; при желании и усердии он мог бы быть вполне хорошим учителем. Не смотря на многолюдство школы (72 ученика: в 1-м отд. 33, во 2-м 27 и в 3-м 12), он успевает справляться со своими учительскими обязанностями и не без успеха проходит учебный курс»*[35].

В клировых ведомостях за 1910 г. сказано, что *«церковная школа помещается в доме церковном. На содержание её отпускается: от отделения Епархиального училищного совета 100 рублей (жалование помощнику учителя). Из станичных, хуторских и церковных сумм определенных сумм на содержание церковной школы не отпускается»*[36].

[35] Донские епархиальные ведомости. Новочеркасск, 1897. № 23. С. 589. URL: https://ya.ru/archive/catalog/70395e24-f97d-4330-b569-111d32631af8/23 (дата обращения: 14.02.2025).
[36] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11747. Л. 132.

Таблица 2. Церковно-приходская школа в хуторе Чекаловом

Год	Заведующий церковно-приходской школой и законоучитель	Учитель	Ученики	
			Мальчики	Девочки
1891		Псаломщик Николай Попов	15	4
1892				
1893				
1894	Священник Михаил Листопадов	Дьякон Василий Дионисьев Псаломщик Николай Попов	40	31
1895	Священник Михаил Листопадов	Дьякон Василий Дионисьев Псаломщик Николай Попов	35	28
1896	Священник Михаил Листопадов	Псаломщик Николай Попов	34	29
1897	Священник Михаил Листопадов	Псаломщик Николай Попов	38	36
1898	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Великокняжеской Антон Сухоиваненков	34	43
1899	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Екатериненской Павел Андреев	23	29
1900	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Екатериненской Павел Андреев	40	42

1901	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Екатериненской Павел Андреев	48	42
1902	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Екатериненской Павел Андреев и казак ст. Романовской Федот Сидоров	52	40
1903	Священник Михаил Листопадов	Казак ст. Екатериненской Павел Андреев и казак ст. Романовской Федот Сидоров	нет информации	нет информации
1904	Священник Михаил Листопадов	Урядник из дворян ст. В. Кундрюченской Константин Сережников	– // –	– // –
1905	Священник Евдоким Монченко	Урядник из дворян ст. В. Кундрюченской Константин Сережников	– // –	– // –
1907	Священник Трофим Терников	Дьякон Сергей Зарницын Псаломщик Федор Широков	– // –	– // –
1908	Священник Трофим Терников	Дьякон Сергей Зарницын Псаломщик Федор Широков	– // –	– // –
1910			58	38

В деле «О построении нового храма в хуторе Чекаловом 1913 год» неоднократно поднимется вопрос о постройке нового помещения для ЦПШ. В 1904 г. Донской Епархиальный училищный совет настойчиво пытается обязать Чекаловское хуторское общество изыскать средства для постройки нового здания ЦПШ из средств, собранных для строительства нового здания Церкви. Общество, в свою очередь, не соглашается принимать на себя сие обязательства, мотивируя ограниченностью в средствах на постройку нового здания Церкви. В 1913 г., сразу после освящения нового здания Церкви, Донской Епархиальный училищный совет, вновь *«ходатайствует перед Епархиальным Начальством об оказании содействия к обеспечению Чекаловской церковно-приходской*

школы зданием, которое отвечало бы своему назначению, во избежание возможности распоряжения со стороны врачебной или полицейской власти о прекращении занятий в настоящем антигигиеничном и угрожающем здоровью и жизни учащихся здании школы … в котором полы шатаются, стены получили наклонение в одну сторону, потолок провис, в полах, потолке и стенах щели через которые свободно проникает в классы не только ветер, но и во время дождя вода»[37]. Духовная Консистория обращается к Наказному Атаману с просьбой о содействии. Вопрос остается нерешенным вследствие отсутствия средств и предшествующей трёхлетней засухи.

Нельзя обойти вниманием еще один факт: в зону ответственности духовного начальства относились не только церковно-приходские школы, но и крестьянские школы грамоты, в большинстве своем организованные для детей крестьянского сословия, временно проживавших на войсковых землях.

В нашем случае, открытие школы грамоты связано с постройкой походного храма в крестьянском поселке Большом Клоповском (Хлоповском) в 1892 г. В силу ряда обстоятельств, а именно, отдаленность поселков и усиление распространения болезней, было разрешено за счет средств, имевшихся при церкви, из остаточной церковной суммы открыть походный деревянный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы (приписан к церкви в х. Чекаловом). Открытие походного храма – очередная заслуга настоятеля Александра Данилевского.

В 1897 г. этот походный храм был перенесен в поселок Мало-Клоповский (Хлоповский). А спустя два года, 6 октября 1899 г. в поселке Мало-Клоповском (Хлоповском) при походном храме открыта церковная Школа Грамоты, которая помещалась в церковной сторожке[38].

Предметами обучения в церковной школе грамоты являлись Закон Божий, церковное пение с голоса, чтение церковнославянское и русское, письмо и начальное счисление, преподавание велось по

[37] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10103. Л. 87–87об.

[38] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10406. Л. 133.

учебным пособиям и руководствам, издаваемым Синодом. Все предметы, в том числе и Закон Божий, вел избранный учитель, а на священника возлагалась обязанность более частого посещения школ, при которых он испытывал учащихся в пройденном, наблюдал за преподаванием учителя и вел беседы по предметам Закона Божия.

Школа просуществовала три года (табл. 3). Все три года школой заведовал Священник Алексей Шовский. Первые два – учителем был назначен казак станицы Нижне Чирской Дмитрий Александрович Чубраков. В 1901 г. – учительствовал Крестьянин Иван Денисович Данильченко[39]. В школе обучались как мальчики, так и девочки, в разные годы общее количество учеников составляло от 15 до 25 детей.

Таблица 3. Церковная школа грамоты в поселке М-Хлоповском

Год	Заведующий школою	Учитель	Ученики	
			Мальчики	Девочки
1899	Священник Алексей Шовский	Казак станицы Н-Чирской Дмитрий Чубраков	19	3
1900	Священник Алексей Шовский	Казак станицы Н-Чирской Дмитрий Чубраков	11	4
1901	Священник Алексей Шовский	Крестьянин Иван Данильченко	нет информации	нет информации

Весною 1903 г. походный храм переносится в хутор Черкасский станицы Филиповской, ранее, 9 октября 1902 г., он был переименован в честь Святого Великомученника Пантелеймона (по-прежнему приписан к церкви х. Чекалова). Церковная школа грамоты открывается в 1902 г. (табл. 4), помещается в собственном доме (здании)[40].

[39] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10631. Л. 140об.

[40] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10955. Л. 188.

Церковная школа грамоты в хуторе Черкасском просуществовала до 1909 г., все годы школой заведовал священник Церкви Рождества Богородицы хутора Чекалова – Яков Жуков, должность учителя в разные годы исполняли казак ст. Великокняжеской Антон Васильевич Сухоиваненков, дочь казака Прасковья Петровна Малькова и дочь урядника Баклановской станицы Агафья Яковлевна Зубарева.

Таблица 4. Церковная школа грамоты в хуторе Черкасском Филипповской станицы

Год	Заведующий школою	Учитель	Ученики	
			Мальчики	Девочки
1902	Священник Яков Жуков	нет	нет информации	нет информации
1903	Священник Яков Жуков	Казак ст. Великокняжеской Антон Сухоиваненков	– // –	– // –
1904	Священник Яков Жуков	Казак ст. Великокняжеской Антон Сухоиваненков	– // –	– // –
1905	Священник Яков Жуков	Казак ст. Великокняжеской Антон Сухоиваненков	– // –	– // –
1907	Священник Яков Жуков	Дочь казака Прасковья Малькова	– // –	– // –
1908	Священник Яков Жуков	Дочь урядника Баклановской станицы Агафья Зубарева	– // –	– // –

Наряду с выше перечисленными школами, священники церкви хутора Чекалова учили Закону Божиему в приходском училище хутора Севастьянова, расположенного в нескольких верстах ниже по речке Россошь. Сохранились Похвальные Свидетельства за подписью Якова Жукова и Трифона Терникова.

Результаты первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г., показали, что из 1712 (за исключением детей до 7-ми лет) человек наличного населения, проживавшего в хуторе Чекаловом, 47 % были грамотными, а 34 % – получили низшее образование в местных учебных заведениях[41].

Таблица 5. Данные первой всероссийской переписи 1897 года касательно уровня грамотности жителей хутора Чекалова

Население	Грамотных			Неграмотных			Всего	В числе грамотных получило образование			
	Войскового сословия	Невойскового сословия	Итого	Войскового сословия	Невойскового сословия	Итого		Домашнее	Низшее	Среднее	Высшее
М.п.	342	105	447	245	184	429	876	143	299	4	1
Ж.п.	131	40	171	485	180	665	836	23	147	1	-

Как было сказано выше, жители хутора не ограничивались приходским училищем, а отправляли своих детей в средние и даже высшие учебные заведения. Учеников чекаловского училища, спустя несколько лет можно было встретить в списках выпускников Усть-Медведицкой, Нижне-Чирской и Новочеркасской гимназий.

Так, например, сын казака Захара Фомича Чекалова – Александр, пишет в своей автобиографии: *«Грамоте научен своим малограмотным, но большим почитателем грамотности отцом. Начальное образование получил в местной школе, открытой в*

[41] Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года. Ч. 1. С. 118–119; Ч. 2. С. 118–119. НЭБ: [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1796269?page=91&rotate=0&theme=white; https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1796270?page=64&rotate=0&theme=white (дата обращения: 14.02.2025).

1869 г., а среднее – в Усть-Медведицкой гимназии, которую окончил в 1880 году с серебряной медалью, и в том же году поступил в Петербургский университет на математическое отделение физико-математического факультета»[42].

Его брат – Герман в 1893 г. окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище[43]. Брат – Петр в 1897 г. окончил Новочеркасскую мужскую гимназию и продолжил обучение в одном из университетов Российской империи, став впоследствии старшим инженером дирекции Юго-Западных железных дорог[44].

Августин Чумаков

В семье войскового старшины Назара Ивановича Чумакова, сыновья Александр и Августин, по окончании Новочеркасской гимназии, так же окончили высшие учебные заведения: Августин – историко-филологический факультет Императорского Московского Университета[45], Александр – юридический[46].

Завершая рассказ о школах, существовавших в х. Чекаловом в период с 1861 по 1917 гг., хочется в очередной раз подчеркнуть особую роль священно-церковнослужителей, зачастую отчаянно отстаивавших свои позиции, направленные на ведущее положение русской православной церкви в сфере народного образования. Благодаря их подвижничеству, настойчивости и упорству, учебные заведения не закрывались в самые сложные периоды, когда их финансирование осуществлялось только из церковной казны. Церковь не просто занимала определённую нишу в системе образования, а была одним из ключевых столпов в конце XIX – начале XX века в деле начального обучения и нравственного воспитания.

[42] ЦХАД. Ф. Р-439. Оп. 1 Д. 1077. Л. 22.

[43] *Корягин С. В.* Чекуновы и другие. Выпуск № 76. М.: Русаки, 2008 г. С. 104.

[44] ЦХАД. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 1077. Л. 20.

[45] ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 304. Л. 30.

[46] РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1131. Л. 13 об.

А. Б. Изюмский

Донские учителя в революции 1905 года

Начало XX в. было для России ознаменовано серьёзным ростом общественного движения, причём немалую роль в нём играли учителя народных школ. Донская область не являлась здесь исключением[1]. Материалы официальных учреждений нередко фиксируют активное участие учителей в распространении революционной литературы, использование ими своего положения для антиправительственной пропаганды в школе, активную поддержку оппозиционных депутатов на выборах в Государственную Думу и местные органы самоуправления. Этот тип сельского педагога прекрасно показан на страницах мемуаров Владимира Набокова в образе его домашнего учителя Василия Мартыновича Жерносекова: *«В дебрях наших лесов, горячо жестикулируя, он говорил о человеколюбии, о свободе, об ужасах войны и о тяжкой необходимости взрывать тиранов динамитом. Когда же он потчевал меня цитатами из "Долой оружье!" благонамеренной, но бездарной Берты Зуттнер, я горячо восставал в защиту кровопролития, спасая свой детский мир пружинных пистолетов и артуровых рыцарей»*[2].

Известны и случаи непосредственного участия тех или иных народных учителей в революционных действиях, включая террористические акты. Так, в 1906 г. учительница сельской школы Зинаида Коноплянникова застрелила в экипаже командира Семёновского полка генерала Мина (за активное участие в карательных действиях), а народный учитель Александр Петров взорвал в 1909 г. на конспиративной квартире начальника Санкт-Петербургского охранного отделения полковника Карпова.

Индивидуальный террор на Дону не получил большого распространения, и никто из учителей в нём не участвовал. Един-

[1] См. *Изюмский А. Б.* Народные учителя Донской области в общественном движении начала XX века (по материалам ГАРО) // Донской временник: краевед. альманах / Донская гос. публич. б-ка. Вып. 33. Ростов-на-Дону, 2024. С. 161–174.

[2] *Набоков В. В.* Другие берега. М., 2022. С. 30.

ственный крупный террористический акт (убийство жандармского подполковника Иванова в Ростове-на-Дону) был совершён группой рабочих-боевиков, примыкавших к большевистской партии. В Области войска Донского народные учителя большей частью брались под наблюдение «инстанциями» за действия, которые свидетельствовали об их политической неблагонадёжности, но с точки зрения формально-юридической состава преступления не содержали. Например, в слободе Поздеевке Донецкого округа, когда туда летом 1905 г. прибыли революционные агитаторы братья Мазуренко *«для возбуждения крестьян против ПРАВИТЕЛЬСТВА и частных землевладельцев»*, то «*на сходе поддерживали их сторону учитель Лаврентий Лащенко – сын местного крестьянина и псаломщик Алексей Попов, у последнего они пили чай»*[3]. Примерно тогда же в слободе Ильинской Ростовского округа священник Николай Волков *«приносил в чайную граммофон, который играл марсельезу, а учителя в присутствии Волкова подпевали: "Отречёмся от старого мира и Царских чертогов"»*[4].

Однако в декабре 1905 г. в ряде городов вспыхнуло вооружённое восстание, организованное радикальными революционерами, которые считали недостаточными уступки, провозглашённые императорским манифестом от 17 октября. Руководители повстанцев призывали к свержению власти и созыву Учредительного собрания для определения будущей формы правления и характера необходимых реформ. Центром такого восстания в Ростове стал рабочий район Темерницкое поселение. Об этом восстании немало написано ещё в советскую эпоху, когда Темерник даже называли донской Красной Пресней. Но внимание исследователей почему-то не привлёк один любопытный эпизод – попытка группы крестьян оказать помощь восставшим рабочим.

Это событие интересно в частности тем, что активное участие в нём приняли два народных учителя. Документы Ростовского областного архива зафиксировали следующие факты: *«21 декабря 1905 года, днём, в экономию мещанина Эммануила Туманова, рас-*

[3] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11327. Л. 18 об.

[4] Там же. Л. 23. Правильно: «Нам не надо златого кумира, ненавистен нам царский чертог».

положенную при реке Кугове Ростовского-на-Дону округа, явилась толпа крестьян посёлка Михайловского Ильинской волости, в числе около 27 человек»[5]. Среди крестьян присутствовали также народные учителя Лукьянов и Семянников из Михайловского. Пришедшие потребовали от хозяина предоставить продовольствие *«для боевой дружины, которая "дерётся" в Ростове за крестьян»*, причём *«один из учителей добавил, что в случае отказа в их требовании , "будет хуже" так как они разгромят экономию»*[6]. Мещанин Туманов сразу согласился отдать одного бычка, но ему заявили, что этого мало, и хозяин добавил второго бычка и мешок солонины.

К вечеру того же дня упомянутые люди появились в экономии сотника Каменнова при слободе Ириновке. На этот раз хозяина они не застали, и учителя обратились к старшему приказчику Артёму Черненко с требованием выделить для восставших двух бычков. *«На предложение же Черненко показать ему бумагу, на основании которой они предъявили ему такое требование, Семянников ответил, что бумаги у них никакой нет, причём стал настаивать, чтобы Черненко пожертвовал пару быков»*[7]. Приказчик попытался возражать, но пришедшие стали демонстративно готовиться к поджогу сараев, и он вынужден был уступить. Толпа увела двух лучших быков и одного кабана, причём учителя с трудом уговорили крестьян воздержаться от поджогов и дальнейших грабежей, говоря: *«Довольно уже, мы не успеем зарезать и тех, которых взяли»*.

Свидетели показали, что изъятый скот был в скором времени разделан и отправлен по железной дороге в Ростов. Однако восстание в Ростове в том же декабре было подавлено и люди, пытавшиеся помочь повстанцам, оказались под следствием. К счастью для них это было не военное следствие (что грозило военно-полевым судом и немедленной расправой) и даже не расследование жандармского управления, а разбирательство прокуратуры окружного суда. В результате процесс сильно затянулся, причём

[5] ГАРО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

[6] ГАРО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 101. Л. 2–2 об.

[7] Там же. Л. 2 об.

за прошедшее время изменились и обвинение, и количество подозреваемых. Установить сколько человек было причастно к насильственному захвату скота судебному следствию так и не удалось. Непосредственно в этих действиях было замечено более 20 человек, но несомненно о них знали и другие крестьяне, не отправившиеся в экономии, но помогавшие разделывать скот и отправлять туши на станцию. Тем не менее, окончательно к ответственности были привлечены только девять человек: семь крестьян и два сельских учителя. Изменился и самый характер обвинения. Так как скот забирали для помощи ростовским повстанцам, то речь явно шла о преступлении, которое Уложение о наказаниях трактовало как бунт против верховной власти (*«то есть восстание скопом и заговором против государя и государства, а равно и за умысел ниспровергнуть правительство во всём государстве или в некоторой его части, или же переменить образ правления»*). Такое преступление подлежало весьма серьёзной ответственности даже если *«ни смятений и никаких иных вредных последствий от него не произошло»*. Тем не менее, упоминание о помощи повстанцам из материалов следствия куда-то исчезло и вместо этого туда вошло утверждение, что скот изымался только для нужд бастующих железнодорожников. В результате, все причастные к делу оказывались виновны не в причастности к бунту, а лишь в незаконном «публичном скопище».

В то же время, из девяти подследственных только один крестьянин признал себя виновным, остальные подозреваемые на протяжении всего следствия ни в чём не сознались. Учитель Митрофан Лукьянов (мещанин города Бирюч Воронежской губернии, 19 лет) заявил, что *«человек 7–8 крестьян почти силой заставили его отправиться по экономиям для сбора пожертвований в пользу темерничан»*, причём весь скот владельцы отдавали совершенно добровольно, так как *«ни он, обвиняемый, ни Семянников, ни крестьяне ничем не угрожали»*[8]. Роль организатора он не признал, ссылаясь на то, что всего 11 дней как был назначен в сельскую школу и не мог за такой короткий срок приобрести серьёзный

[8] ГАРО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 101. Л. 3 об.

авторитет у крестьян. Учитель Дмитрий Семянников (крестьянин Владимирской губернии, 18 лет) в свою очередь заявил, что *«вместе с Лукьяновым на сбор пожертвований по экономиям он отправился по просьбе крестьян, не видя в этом ничего противозаконного»*, а все пожертвования были добровольными, но при этом *«ни он, обвиняемый, ни Лукьянов никакой активной роли не играли»*. Семеро крестьян, проходивших по делу, настаивали, что они или отсутствовали на месте преступления, или не видели того, что происходило в экономиях, или же выполняли распоряжение сельского старосты, сделанное на основании некоего приказа, присланного из волостного правления. И только один (Егор Сиденко, крестьянин Области войска Донского, 36 лет) частично признал вину, подтвердив, что *«в экономии Каменнова быки были взяты путём насилия»*[9]. Надо отметить, что товарищ прокурора, который вёл дело, не принял оправданий подследственных и в марте 1911 г. сформулировал обвинение, согласно которому крестьяне под воздействием двух учителей устроили публичное скопище для насильственного изъятия чужого имущества, *«с целью оказать поддержку забастовщикам»* (но не участникам вооружённого восстания). Всем подследственным было предъявлено обвинение по 1–2 части статьи 269 Уложения о наказаниях, а учителям ещё и в руководстве незаконными действиями крестьян. Этим выводом следствие и завершилось.

Суд состоялся только два года спустя. Каждый обвиняемый получил повестку с предложением избрать себе защитника и, если желает, привлечь других свидетелей, помимо выявленных следствием. Крестьяне высказали просьбу пригласить в качестве свидетелей своих односельчан, но суд нашёл, что показания этих людей *«значения для дела не имеют»*[10]. Учитель Митрофан Лукьянов к началу суда был уволен из ведомства министерства просвещения, призван в армию и служил ефрейтором в 123-м Козловском пехотном полку, расквартированном в Харьковской губернии. Он ходатайствовал вызвать в качестве свидетеля бывшего инспекто-

[9] ГАРО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 101. Л. 4

[10] Там же. Л. 38–39.

ра народных училищ, но ему также было отказано. Сам процесс открылся в Ростове-на-Дону только в апреле 1913 года. Меры пресечения к обвиняемым не применялись, но уклониться от судебной ответственности не попытался никто. Присутствовали на суде председатель Р. В. Самсон фон Гиммельштиерн, а также судьи Д. А. Ложкин и А. Д. Верёвкин-Шалюто. Обвинение поддерживал товарищ прокурора Д. Н. Кужба, а защищали подсудимых не особо известные присяжные поверенные А. И. Петровский и В. С. Шарф и помощники присяжных поверенных Н. И. Алиханов и А. Н. Роскосов. Присяжных заседателей, обычно склонных к снисхождению по отношению к подсудимым, на этот раз не было. Их заменили сословные представители: ростовский предводитель дворянства С. И. Кунаков, ростовский же городской голова М. И. Кирьянов и старшина Койсугской волости Д. С. Радченко.

Суд отклонил требование защиты об оправдании подсудимых, признав их виновными в «незаконном скопище», однако снял с обоих учителей обвинение в организации преступления. Окончательный приговор всем участникам «скопища» составил четыре месяца тюрьмы, но ввиду амнистии по случаю 300-летия дома Романовых, от отбывания наказания подсудимые были освобождены. Почему такое могло произойти? Традиционные обвинения царских судебных чиновников в либерализме и даже оппозиционности по отношению к власти (идущие со времён романа И. Родионова «Наше преступление») явно в этом случае не проходят. Предводитель дворянства Кунаков имел неважную репутацию в денежных вопросах, но либерализмом никогда не грешил. Ещё меньше может быть заподозрен в последнем городской голова Кирьянов – человек крайне правых взглядов, возглавлявший ростовское отделение «Союза русского народа». Политические убеждения волостного старшины нам неизвестны, но как правило сельская низовая администрация придерживалась весьма консервативных взглядов. Вероятней всего, в приговоре суда отразился правовой характер государственности Российской империи, который в отличие от современной РФ зачастую препятствовал без очевидных улик и иных доказательств произвольно подминать законы под интересы действующей власти.

К. В. Камышан

Горькая судьба учителя Саввы Георгиевича Борисова (1888–1937)

24 января в России неофициально вспоминают о жертвах политики расказачивания. Именно в этот день, 24 января 1919 года, было издано секретное распоряжение (циркулярное письмо) Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казакам[1], которое стало началом геноцида казачества на государственном уровне.

Эта трагедия первой половины XX века затронула судьбы многих людей, которые стали жертвами массовых арестов, выселений и расстрелов.

Порой, когда изучаешь документы в архивах, натыкаешься на те, что задевают за живое своей жестокой правдой. Именно такие документы я и хочу вам представить. Это Дело о лишении избирательного права[2] учителя, казака по происхождению – Саввы Георгиевича Борисова.

В первой Конституции РСФСР, которая была принята в 1918 году, содержалась статья под номером 65. В ней были перечислены группы людей, которые ограничивались в правах.

Так, лишались избирательных прав и не могли быть избранными кулаки, бывшие офицеры царской армии, полицейские и жандармы.

К числу лишённых прав также были отнесены те, кто использовал труд наёмных работников, священнослужители, в том числе монахи, душевнобольные и преступники, совершившие тяжкие преступления.

Ограничение политических прав гражданина в СССР существенно влияло на его жизнь и карьеру. Можно сказать, что такие люди становились изгоями в обществе.

---

[1] Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казакам. 24 января 1919 г. // РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5; Ф. 17. Оп. 65. Д. 35. Л. 216. Машинописный экз. Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/465160#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 08.08.2025).

[2] ЦХАД. Ф. 78. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

Те, кто был лишён избирательных прав, не могли участвовать в партийных собраниях и выдвигать свою кандидатуру на какую-либо должность. Они также не могли рассчитывать на повышение по службе, даже если подавали заявление о переводе на более высокую должность. Кроме того, лишённые прав граждане теряли возможность состоять в профсоюзах, что лишало их многих привилегий.

Все члены семьи человека, лишённого избирательных прав, также оказывались в таком же положении. Дети были лишены возможности получить полноценное среднее и специальное образование.

А в разгар «Большого террора» 1937 года многие лишенцы, попадавшие под определение «бывших людей» (аристократы, священники, царские офицеры, кулаки) и вовсе лишились жизни.

Вот в эти «жернова» попал и С. Г. Борисов. Историю своей жизни он изложил в автобиографии для Дела о лишении избирательного права, которую привожу с необходимыми пояснениями.

«Родился я в 1888 году, 1 октября в х. Чёлбине, бывшей Филипповской станицы 1-го Донского округа, Донской области (хутор затоплен Цимлянским морем – *К. К.)* в семье очень бедных родителей. Родители занимались земледелием и принадлежали к бывшему казачьему сословию. Жизнь в семье была тяжелой. С 12 лет пришлось заниматься посильной работой в поле, так как отец и мать были старики, а старший брат отличался болезненностью. До 17 лет занимался хозяйством и в то же время все свободные часы уделял самообразованию, потому что к приобретению знаний питал непреодолимое желание (я кончил приходскую школу в 1900 г. и двухклассное училище в 1902 г.). Моей заветной мечтой было сделаться народным учителем, так как к этой работе чувствовал особое призвание с одной стороны и с другой – это выбиться из той бедности и тяжелой физической работы, которая выпала на мою долю с детства. С этой целью я стал подготавливаться у одного учителя для поступления в Новочеркасскую учительскую семинарию.

В 1905 году я поступил по экзамену в учительскую семинарию в г. Новочеркасске, но на помощь со стороны родителей не приходилось рассчитывать. Учиться пришлось в скверных условиях. Питался на 5 коп. в сутки и спал в коридорах семинарии, так как за квартиру платить было нечем. Постоянная нужда, хроническое недоедание, усиленные занятия и, наконец, работа в кружках молодежи в бурные революционные годы 1905–1906, участие в забастовочном движении и распространение прокламаций Р.С.Д.Р.П. (Российская социал-демократическая рабочая партия – *К. К.*) в деревне чуть не стоили мне жизни.

В г. Новочеркасске на открытом митинге перед объявлением "пресловутых свобод", мы подверглись избиению плетьми со стороны казаков, которые были вызваны полицией для разгона митинга. Две нагайки, которые попали по моей спине, будут памятны до смерти, т. к. кровоподтеки были заметны около двух месяцев.

Во время разгона нас из города по повелению "высшего начальства" в 24 часа пришлось разъехаться по деревням. Но и здесь в глухих медвежьих уголках, царстве темноты и невежества, жизнь была очень опасная. Работа по распространению до 2000 прокламаций не прошла даром. Пришлось пережить сильное гонение и нападение ночью из-под угла со стороны казаков, с целью убийства, как "идущего против царя и бога".

В 1906 году с получением стипендии в размере 13 руб. ежемесячно, материально жизнь улучшилась, кроме этого занялся репетированием чиновных сынков с целью заработка.

В 1909 году я окончил семинарию и, как стипендиат, обязан был прослужить в должности учителя не менее 4-х лет. Должность учителя удалось получить в глухой станице Чертковской. В этом же году я женился на дочери казака земледельца. Учительская работа в заброшенной станице, оторванность от культурных центров, бдительный надзор со стороны начальства всё это убило бурную революционную жизнь недавнего прошлого.

В станице Чертковской я прослужил сначала учителем, а затем Заведующим школой двухклассного училища с 1909 г. по 1915 г.

За этот промежуток времени я усиленно занимался вопросами новой школы, ибо чувствовал, что старая была построена не на принципе свободного развития личности, а наоборот, она подавляла личность, воспитывала покорного слугу. С этой целью я в часы досуга организовал нелегальную школу из своей группы, где в основу работы положил полную самодеятельность и активность учащихся. Главное внимание было обращено на изучение окружающей жизни, природы, трудовой деятельности людей и общества. Результаты этой работы в высшей степени были хороши, не только для учащихся, но и лично для меня. Пришлось выйти из скорлупы учителя и связаться с книжным рынком, в результате чего у меня составилась очень приличная библиотека.

Здесь необходимо отметить оценку работы "высшим начальством". Бывший войсковой атаман барон Таубе пообещал мне "66 градусов широты для охлаждения пылких чувств" (т. е. выслать за Полярный круг – *К. К.*), но не знаю почему обещание это не было приведено в исполнение.

С 1915 года с 1 ноября по март 1916 года я служил Заведующим Чекаловским 3-х классным училищем, куда был перемещен по собственному желанию. В последних числах марта я был мобилизован в ряды армии и зачислен рядовым во 2-ю запасную сотню, откуда и был вместе с другими учителями откомандирован в Новочеркасское казачье училище на 8-ми месячные ускоренные курсы прапорщиков. По окончанию школы в январе 1917 года был зачислен в комплект донских казачьих полков и откомандирован в 13-ю запасную сотню, где и был зачислен младшим офицером без должности. В командном составе в тылу недостатка не ощущалось и поэтому нас должны были отправить на фронт.

К военной службе питал полнейшее отвращение, т. к. не мог перенести рабского подчинения, за что постоянно получал выговоры от командира сотни.

В феврале 1917 года вспыхнула революция. Я был переведен в 3-й запасной полк, где был избран председателем сотенного комитета, а в первых числах октября назначен для отправки на ру-

мынский фронт. Отправка эта задержалась от того, что временное буржуазное правительство было низвергнуто и власть перешла в руки рабочих и крестьян.

В феврале 1918 года я оставил часть и возвратился домой для занятия своей должности учителя. Но учительствовать мне не пришлось потому, что место мое было занято другим учителем и кроме того Чекаловский Совет предложил мне работать бесплатно. Не имея средств к жизни, я не мог принять предложение и вернулся домой для занятия мирным земледельческим трудом.

В апреле 1918 года я от плуга был мобилизован в белую армию, в которой тоже командных должностей не занимал, т. к. не пользовался доверием у высшего начальства. В июне был назначен исполнять должность полкового адъютанта в 61-м пешем полку, но за самовольный отпуск пленных крестьян по их месту жительства был отстранен от должности и мне грозил военно-полевой суд. Только приказ об освобождении желающих учителей офицеров от военной службы спас меня от возможных репрессий. Я покинул часть и возвратился в школу хут. Чекалов, где вступил в должность заведующего последней.

Работал в школе по 1-е февраля 1919 года, после чего вторично был мобилизован и зачислен в 62-й конный полк запасным офицером, но вскоре заболел, сначала острым катаром желудка, а затем сыпным тифом. По выздоровлению я был откомандирован в 5-й запасной полк, как безлошадный и не оправившийся от болезни. Во время отступления деникинской армии на Кубань, я снова заболел возвратным тифом и был увезен в Крым. Из госпиталя был отправлен в 8-й полк и зачислен на должность полкового адъютанта.

Из Крыма вместе с полком эвакуировался за границу, где при первой возможности вырвался из тисков военщины, как политически неблагонадежный и как принимавший активное участие в восстания против белогвардейского командования в лагерях Турции.

С острова Лемнос, куда нас перевезли по распоряжению французов, я отбыл в Грецию в мае 1921 г. под охраной французских властей, т. к. меня считали большевиком. В Греции я поступил на

работу в качестве чернорабочего. Работал в поле, на заводах, на постройках. В свободное время изучал установку работы в английских, американских и греческих школах и занимался изучением греческого языка. Организовал группу эмигрантов для оказания помощи голодающим в России и развил агитацию за возвращение на родину.

Мысль о возвращении на родину у меня зародилась с первых дней, когда я очутился за гранями последней, т. к. я по своим убеждениям не сходился во взглядах с сторонниками "Единой неделимой России". Сознав всю правоту Соввласти в деле освобождения всех трудящихся и познакомившись с программой Р.К.П. (б), я решил за свой счет и риск возвратиться на родину будучи уверенным, что Советская власть далека от мести за совершенное, невольное с моей стороны преступление, и своим честным трудом на благо трудящихся искупить свою вину (как он ошибался! – *К. К.*).

В 1922 году в октябре месяце я покинул Грецию и возвратился в Россию. На Родине в стране Советов, я встретил к себе самое внимательное отношение. Это дало мне силы и бодрость принять участие, не за страх, а за совесть в общей напряженной работе по строительству первой в мире Социалистической Республики.

С 1923 года работал по просвещенской линии. Сначала в школе 1-й ступени имени Троцкого (бывшая школа № 2 им. Ворошилова в г. Морозовске – *К. К.*), с 1 октября 1924 года назначен ОКРОНО (окружной отдел народного образования – *К. К.*) заведующим отделом переподготовки»[3].

После установления Советской власти и создании Морозовского округа в составе Донской области, произошла «ломка» прежней системы образования. Школа была отделена от церкви. Новая система только выстраивалась. Катастрофически не хватало педагогических кадров. Как выстроить новую систему образования, на местах плохо представляли. Отделы образования порой возглавляли не профессионалы, а назначенцы, главным требованием к которым было – это преданность революционным идеям.

[3] ЦХАД. Ф. 78. Оп. 1. Д. 75. Л. 18–19.

Как пример, «Характеристика (с грифом «Секретно») председателю Морозовского окрисполкома на заведующего отделом народного образования Морозовского округа Радинъ[4]:

1. Тов. Радинъ прибыл на должность Заведующего Окружным отделением народного образования всего лишь месяц тому назад и, следовательно, полной характеристики дать слишком затруднительно.

2. Но все же за это короткое время, некоторые недостатки у тов. Радинъ настолько выпуклы, что можно вполне говорить о его непригодности на должности Заведующего ОКРОНО.

3. Самый главный недостаток, неумелое руководство Окружным отделением народного образования: т. е. непонимание функций ОНО – о чем говорит его доклад о работе состояния ОНО и его руководственная работа с инспекторами и беседы с таковыми.

4. Тов. Радинъ слишком щепетилен во всех вопросах и не хочет сознавать свои ошибки.

5. Не менее важный недостаток – это неумение выкладывать свои мысли на русском языке, что зачастую его трудно понять, тем более при выступлениях с докладом на собраниях.

6. Не умение улавливать настроение масс, чем в результате создается недовольство масс, следствием чего является урон авторитета.

7. Задает вопросы дошкольным детям (7–9 летним) на которые иногда взрослый не ответит. Как например: какая разница между эсерами и меньшевиками.

8. По моему мнению тов. Радина можно использовать на какую-либо другую работу, но во всяком случае не как работника просвещения».

Сменил его на этой должности в 1924 году, такой же некомпетентный и малообразованный сотрудник. Чтобы судить об этом, достаточно прочитать всего один ответ в его анкете, написанной собственноручно. В графе образование он написал «ниСшее».

[4] ЦХАД. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

Возвратившись из эмиграции в 1923 году, С. Г. Борисов приступил к работе в школе. Здесь было решено использовать его богатый учительский опыт, и он был избран председателем окружного методического совета отдела образования.

В 1923 году по его инициативе образовываются окружные «педагогические самокурсы», а он назначается их руководителем. Ранее, для подготовки учителей кандидатов направляли на учебу в Ростов-на-Дону, что вызывало большие неудобства.

Сохранилось Свидетельство об окончании в 1923 году таких краткосрочных курсов в Ростове-на Дону Е. В. Вавиловой[5]. Из которого узнаем, чему обучали будущих школьных работников. Эти же предметы изучались и на «педагогических самокурсах» в Морозовске.

В этот период страна переходила ко всеобщему начальному образованию. Достаточно сказать, что в Морозовском районе в 1920 году было 18 школ, а в 1924 их стало уже 45.

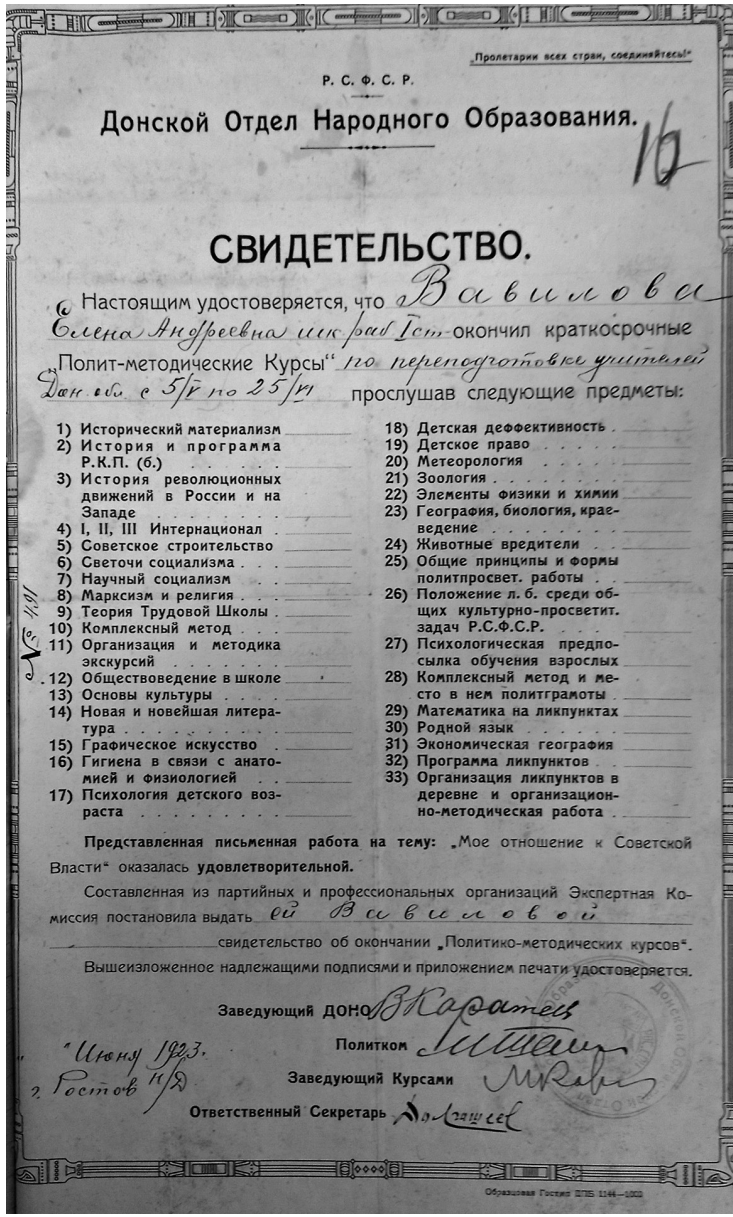
В Морозовском округе, как и во всей стране, в этот период не хватало педагогических кадров. Вот С. Г. Борисову и поручили провести их подготовку. Имея за плечами практический опыт работы в системе образования, он сумел выстроить учебу «педагогических самокурсов», на которых, за короткий срок подготовили необходимое количество учителей для школ округа.

Вот, что писали о нем в ходатайстве курсанты Морозовских педагогических курсов: «Выражаем искреннюю благодарность т. С. Г. Борисову за его неустанную работу, за желание дать нам как можно больше в области педагогики. Мы никак не ожидали, что за такой короткий период времени получим очень многое (период обучения был два месяца – *К. К.).* Теперь мы чувствуем себя достаточно подготовленными для перестройки работы в школах»[6].

Но не прошлое его участие в революционном движении, не участие в агитационной работе по возвращению россиян на родину, не работа в окружном отделе образования не спасли его от репрессий. В том же 1924 году он решением Морозовской изби-

[5] ЦХАД. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

[6] ЦХАД. Ф. 78. Оп. 1. Д. 75. Л. 17.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Р. С. Ф. С. Р.

Донской Отдел Народного Образования.

16

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Настоящим удостоверяется, что гр Вавилова Елена Андреевна ик раб Ест окончил краткосрочные „Полит-методические Курсы" по переподготовке учителей Дон обл с 5/V по 25/VI прослушав следующие предметы:

1) Исторический материализм
2) История и программа Р.К.П. (б.)
3) История революционных движений в России и на Западе
4) I, II, III Интернационал
5) Советское строительство
6) Светочи социализма
7) Научный социализм
8) Марксизм и религия
9) Теория Трудовой Школы
10) Комплексный метод
11) Организация и методика экскурсий
12) Обществоведение в школе
13) Основы культуры
14) Новая и новейшая литература
15) Графическое искусство
16) Гигиена в связи с анатомией и физиологией
17) Психология детского возраста
18) Детская деффективность
19) Детское право
20) Метеорология
21) Зоология
22) Элементы физики и химии
23) География, биология, краеведение
24) Животные вредители
25) Общие принципы и формы политпросвет. работы
26) Положение л. б. среди общих культурно-просветит. задач Р.С.Ф.С.Р.
27) Психологическая предпосылка обучения взрослых
28) Комплексный метод и место в нем политграмоты
29) Математика на ликпунктах
30) Родной язык
31) Экономическая география
32) Программа ликпунктов
33) Организация ликпунктов в деревне и организационно-методическая работа

Представленная письменная работа на тему: „Мое отношение к Советской Власти" оказалась **удовлетворительной.**

Составленная из партийных и профессиональных организаций Экспертная Комиссия постановила выдать ей Вавиловой свидетельство об окончании „Политико-методических курсов".

Вышеизложенное надлежащими подписями и приложением печати удостоверяется.

Заведующий ДОНО В Карапетов

Политком Литвин

Заведующий Курсами М Кравц

Ответственный Секретарь Ломшев

г. Ростов 1/9 „Июня 1923.

Образцовая Гостип ОПБ 1144—1000

рательной комиссии был лишён избирательного права, как белый офицер и эмигрант. Это повлекло его увольнение в 1925 году из ОКРОНО и исключение из профсоюза.

Чтобы кормить семью (жену и 5 сыновей: Николай – 13 лет, Вениамин –12 лет, Евгений – 10 лет, Алексей старший и Алексей младший) он устраивается работать в школу 1-й ступени им. Октябрьской революции х. Любимова (сейчас это школа № 1 им. Луначарского в Морозовске – *К. К.*)

Савва Георгиевич, в 1925 году, подает заявление о восстановлении своих прав и Морозовский райисполком, учитывая его заслуги в подготовке учительских кадров для Морозовского округа, принимает решение о восстановлении его избирательных прав.

Но радость Борисова о возвращении ему прав была не долгой. Вновь образованный Шахтинско-Донецкий округ, куда вошел Морозовский район пересмотрел дело С. Г. Борисова и отменил решение Морозовского райисполкома.

В 1927 году Савва Георгиевич просит руководство Морозовского райисполкома возбудить ходатайство перед Шахтинско-Донецким округом «о восстановлении в правах гражданина», в честь 10-летнего юбилея Октябрьской революции, но получает отказ.

Пришёл 1937 год. Год массовых политических репрессий и чисток. Все дела о лишении избирательных прав граждан были пересмотрены т. н. тройками, которые, как правило, по бывшим белым офицерам выносили один приговор – расстрел.

И как итог: **Борисов Савва Георгиевич** (1888 г. р., Азово-Черноморский кр., Цимлянский р-н, хут. Чёлбин, русский, учитель школы. Осужден 1937.10.26 тройка при УНКВД по АЧК. Расстрелян 1937.11.23 [Книга памяти Ростовской обл.][7].

Что стало с семьей С. Г. Борисова неизвестно. Удалось только установить, что его сын – Борисов Вениамин Саввич, 1912 г. р., с 1934 года проходил службу в РККА. Участник Великой Отечественной войны. Службу в Вооруженных Силах СССР окончил в 1965 году в Штабе тыла ВВС КА в звании инженера-полковника.

[7] Борисов Савва Георгиевич. Открытый список: [сайт]. URL: https://ru.openlist.wiki/Борисов_Савва_Георгиевич_(1888) (дата обращения: 15.08.2025).

В. С. Борисов

Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды[8].

С 1942 года на фронте был и старший сын – Борисов Николай Саввич. Воевал в 27 гв. стрелковом полку 11 гв. дивизии орудийным номером. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[9].

Об остальных членах семьи сведений нет.

Проходят годы, уходят люди, последние живые свидетели, которым пришлось на собственном опыте пережить тяготы репрессий, беззакония и террора. Важно помнить об этом и передавать эту память следующим поколениям, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась.

[8] Борисов Вениамин Саввич. Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92365820/?backurl (дата обращения: 15.08.2025).

[9] Борисов Николай Саввич. Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1536208296/?backurl (дата обращения: 15.08.2025).

А. П. Гелисханова

От начальной школы I ступени до средней общеобразовательной школы – путь в 100 лет: история Владимировской средней школы Морозовского района Ростовской области

Образование всегда играло ключевую роль в развитии общества, обеспечивая передачу знаний, навыков и культурных ценностей от поколения к поколению.

Появление школ в начале XX века было обусловлено необходимостью подготовки квалифицированных специалистов для работы в промышленности, науке и других сферах. Государство начало осознавать важность образования для экономического и социального прогресса, что привело к расширению сети образовательных учреждений и улучшению качества обучения.

Школы XX века стали не только местом получения базовых знаний, но и инструментом формирования личности, воспитания граждан, способных участвовать в жизни общества и вносить вклад в его развитие. Образование стало доступнее для более широких слоёв населения, что способствовало снижению уровня неграмотности и повышению общего уровня культуры.

Современная школа должна помочь каждому ученику раскрыть свои способности, воспитать личность и патриота, готового жить в мире высоких технологий. В России школы должны хорошо выполнять запросы всех, кто участвует в образовательном процессе, государства и общества. Владимирская средняя школа в Морозовском районе Ростовской области успешно решает эти задачи.

Но прежде, чем перейти к истории Владимировской СОШ, необходимо сделать небольшое историческое отступление, о местности, где она расположена. О заселение этих земель и народонаселении.

Земли нынешнего Широко-Атамановского сельского поселения, на территории которого расположена Владимировская школа

и в ней обучаются дети из хуторов этого поселения (Владимиров, Беляев, Павлов, Малая Хлоповая, Большая Хлоповая, Широко-Атаманский, Троицкий, Комсомольский, Чекалов), по историческим меркам стали заселяться довольно поздно, в середине XIX – начале XX вв.

Первые упоминания о населенных пунктах на месте нынешних хуторов Беляев и Владимиров, встречаем в Клировых ведомостях Цимлянского благочиния за 1873 год[1], среди прихожан Рождества Богородицы церкви хутора Чекалова указаны жители: *«Беляевскомъ-Нагибинъ на б.(*на балке Голой – *Г. А.). Головскомъ-Афанасьевскомъ при б. (*при балке Голой – *Г. А.) Иногородних временно проживающихъ на войсковыхъ степяхъ православныхъ»*. В *Беляевскомъ-Нагибинъ* муж. – 40, жен. – 50, обоего пола – 90. В *Головскомъ-Афанасьевскомъ* муж. – 39, жен. – 45, обоего пола – 84.

Для понимания, населенный пункт поселок Беляевский-Нагибин (более позднее название Голово-Беляевский) – это нынешний хутор Беляев.

Поселок Голово-Афанасьевский (позднее он наименовался: поселок Афанасьевский, хутор Афанасьев, хутор Майоршин, хутор Владимиро-Майоршин) – это нынешний хутор Владимиров.

Необходимое пояснение, почему населенные места называются одни посёлками, а другие хуторами. До революции 1917 года поселения с казачьим населением назывались хуторами и станицами, а населенные места с крестьянским населением, проживающим при владениях помещиков, на которых они работали – посёлками.

Одни поселения назвали по их владельцам, как то: Афанасьевский (х. Афанасьев), Беляевский (х. Беляев) – по фамилии владельцев, которые получив участки войсковой земли поселили на них крестьян. А поселение «вдовой майорши Евдокии Беляевской» назвали – хутор Майоршин.

Другие, по географическим объектам: поселение Медвежье (на балке Медвежьей, позже хутор Медвежка), Голово-Беляевский, Голово-Афанасьевский, как указано выше, на балке Голой.

[1] ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 6623. Л. 89–90.

По первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года указаны поселки Афанасьевский (он же Майоршин и Голово-Афанасьевский,) и Беляевский (он же Голово-Беляевский)[2].

Сам хутор Владимиров[3] образован по решению Областного Правления войска Донского в 1912 году на участках Войсковой земли с присоединением, позднее, владельческих поселков Майоршин и Афанасьевский.

Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в будущем хуторе Владимирове (п. Афанасьевский он же Майоршин) было 24 двора и 113 жителей (58 муж. и 57 жен.). Из них грамотными всего 14 человек, все мужчины. В п. Беляев (пос. Голово-Беляевский) – 13 дворов и 69 жителей (33 муж., 36 жен.). Грамотных 11 чел, но среди них указана и одна женщина[4].

Образование все получили домашнее, за исключением одного, получившего низшее. Так как своих образовательных учреждений в этих поселениях не было, то по всей видимости, он обучался или в церковно-приходской школе в х. Чекалове при церкви Рождества Богородицы, прихожанами которой являлись жители этих поселений[5]. Или в крестьянской школе грамотности, что более вероятно, т. к. эти поселения населяли в основном крестьяне.

---

[2] Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года. Ч. 1–3. [С указанием в поселениях числа дворов и хозяйств, наличного и приписного населения, а также с распределением населения по сословиям, по вероисповеданиям, родному языку и возрастным группам]. – 1905. – [2], II, XXVI. С. 120. Российская национальная библиотека (НЭБ): [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1796269?page=92&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.05.2025).

[3] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1912 год. Т. 48. – Санкт-Петербург: Глав. упр. иррегулярных войск, 1870–1917, 1913. – XLIII. С. 135. Российская национальная библиотека (НЭБ): [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003860020?page=205&rotate=0&theme=white (дата обращения: 19.05.2025).

[4] Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года Ч. 1–3. С распределением населения: по грамотности и образованию, по главным занятиям, по ремеслам, по семейному положению, с указанием лиц, имеющих физические недостатки. – 1905. С. 120. Российская национальная библиотека (НЭБ): [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1796270?page=65&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.05.2025).

[5] ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 10197. Л. 143–144.

Предметами обучения в церковной школе грамоты являлись Закон Божий, церковное пение с голоса, чтение церковнославянское и русское, письмо и начальное счисление, преподавание велось по учебным пособиям и руководствам, издаваемым Синодом. Все предметы, в том числе и Закон Божий, вел избранный учитель, а на священника возлагалась обязанность более частого посещения школ, при которых он испытывал учащихся в пройденном, наблюдал за преподаванием учителя и вел беседы по предметам Закона Божия.

В школе обучались как мальчики, так и девочки, в разные годы общее количество учеников составляло от 15 до 25 детей.

Журналом Областного правления Войска Донского от 29 августа 1915 года (по старому стилю) в хуторе Владимирове[6] учреждено самостоятельное хуторское управление и введена должность хуторского атамана. Хуторское управление заведовало хуторским обществом, как по военной, так и по гражданской части. Это значило, что оно имело право, кроме решения ежедневных вопросов службы, ходатайствовать, с учетом мнения казаков, о постройке церкви в хуторе и образовании при ней школы.

Известно, что Успенская церковь в хуторе Владимирове была выстроена. Точной даты ее открытия нет. В справочнике А. Г. Сизенко «Церковный клир городских, станичных и хуторских церквей Войска Донского XVIII в. – 1918 г.»[7], указана дата 1917 год, однако упоминаний, о том, что при ней открыта школа нет.

Можно предполагать, что никаких учебных заведений ни в хуторе Владимирове, ни в близлежащих хуторах, в то время, за исключением хутора Чекалова, до революции и установления Советской власти не было.

В то время, согласно справочника «Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. Издание областного войс-

[6] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1915 год. Т. 51. – Санкт-Петербург: Глав. упр. иррегулярных войск, 1870–1917, 1916. – XXXI. С. 102. Российская национальная библиотека (НЭБ): [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003860017?page=140&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.05.2025).

[7] *Сизенко А. Г.* Церковный клир церквей Войска Донского (городские, станичные, хуторские, слободские, станционные, поселковые и сельские) XVIII в. – 1918 г.: фактографический справочник. – Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2018. С. 443.

ка Донского статистического комитета 1915 год»[8], в хуторе Владимирове и в соседних хуторах и поселках проживало:

Населённый пункт	Кол-во дворов	Муж.	Жен.	Всего
х. Владимиров	41	83	75	138
пос. Беляев (Голово-Беляевском)	40	137	143	280
пос. Афанасьевский (Голово-Афанасьевский, х. Майоршин)	53	195	178	373
х. Ермаковский	32	110	97	207
пос. Медвежье	53	203	272	475
пос. Самарин	12	53	46	99
пос. Соленка	56	296	299	595

После окончательного установления на всей территории Донской области Советской власти (1920 г.), прошли большие административно-территориальные преобразования. В апреле 1921 г. был организован Морозовский округ, куда территориально вошел хутор Владимиров (в некоторых документах, того времени, он упоминается, как хутор Владимиров-Майоршин) и все соседние хутора.

Позже, в 1924 г., когда из округа был выделен Морозовский район все они были включены в образованный Больше-Хлоповский сельский Совет. Дальнейшая, хозяйственная и социальная жизнь, здесь, была связана с Морозовским районом.

В эти же годы произошли значительные изменения в социальной жизни наших земляков.

Советская власть придавала образованию населения огромную роль. Чтобы работать в новых условиях, участвовать в общественной жизни и строить социалистическое государство, нужны были образованные люди, и школе была отведена особая роль.

[8] Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. – Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1915. С. 107. № 805. Государственная публичная историческая библиотека России: [сайт]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46056-alfavitnyy-spisok-naselennyh-mest-oblasti-voyska-donskogo-novocherkassk-1915#mode/inspect/page/66/zoom/9 (дата обращения: 20.05.2025).

Советская школа создавалась как единая система совместного и бесплатного общего образования с двумя ступенями: первая – 5 лет обучения, вторая – 4 года обучения. Провозглашалось право всех граждан на образование независимо от национальной принадлежности, равенство в образовании мужчины и женщины, безусловность светского обучения (школа отделялась от церкви). Кроме того, на учебные заведения возлагались воспитательная и производственная функции.

В качестве первоочередной задачи была провозглашена борьба с неграмотностью.

Такие же мероприятия проводились и в наших краях. После создания Морозовского округа в его структуре был образован «Окр.отд.нарообр» (окружной отдел народного образования). Аббревиатуры и сокращенные наименования организаций – это данность того времени.

21 сентября 1921 года Приказом № 1 создается Морозовская окружная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности («Окрграмчека»)[9].

В п. 5. этого приказа предлагается для ликвидации безграмотности на всей территории округа до 1-го октября 1921 года всем городским и станичным Исполкомам назначить уполномоченных по ликвидации безграмотности.

В п. 6. на них: «...лежит руководство работой школ по ликбезграм (ликвидации безграмотности – *Г. А.*), срочный учет неграмотного населения в округе, учет лиц могущих быть привлеченными в качестве ликвидаторов из грамотных крестьян, казаков, рабочих, открытие школ, обеспечение последних школьными работниками...»

Обязательному обучению подлежали лица обоего пола, не умеющие читать и писать, считать в возрасте от 17 до 50 лет.

Главной задачей ликбеза было обучение населения элементарной грамотности: научить читать, писать и считать.

Работу по ликбезу в районе проводили комсомольские организации в тесном контакте с органами народного просвещения.

[9] ЦХАД. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

«Мы не рабы. Рабы не мы». Такие слова писали те, кто получал первые навыки письма.

В самые короткие сроки, комсомольцы провели работу по ликбезу. Ряд комсомольцев после работы по ликбезу были направлены в систему народного просвещения, т. к. учительских кадров катастрофически не хватало[10].

Следующим шагом было создание школ в сельской местности.

На 1 сентября 1921 года в Морозовском районе было открыто 40 сельских школ I ступени, т. е. практически во всех крупных хуторах, в том числе и в хуторе Владимирово-Майоршине. Всего в районе было открыто 45 школ.

Открытие школ потребовало от новой власти немало усилий. Необходимо было обеспечить школы не только помещениями, мебелью, книгами, топливом, но главное, найти учителя. Нехватка учителей была огромная. И поэтому в станице Морозовской в 1921–1925 годах действовали педагогические самокурсы, где за короткий срок, готовили учителей для этих школ.

Школа в хуторе получила название Владимиро-Майоркшинская начальная школа I ступени. Заведующим в открытую с 1 сентября 1921 года школу назначили Котельникова Александра Михайловича.

Сохранилась его анкета[11]: Котельников Александр Михайлович, 1905 г. р., уроженец Сальского округа, из духовного сословия. Отец был священником небольшого прихода в поселке Нижне-Тавричанский Сальского округа области войска Донского.

В дальнейшем Александру Михайловичу это припомнили. В апреле 1924 г., во время, т. н. «пересмотра работников просвещения», а по существу очистке от «чуждых элементов», он был сокращен из школьных работников.

До назначения во Владимиро-Майоршинскую школу имел стаж работы 1 год и 2-х месячные курсы. Как школьный работник получал жалование 22 руб. 61 коп. в месяц. На момент работы в школе был холост.

[10] История Морозовского комсомола 1917–1928 гг. Рукопись, 1975. Морозовский краеведческий музей. Л. 154.

[11] ЦХАД. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 49. Л. 124–125.

На вопрос, с какими методами преподавания знаком? Отвечал: ранее только со звуковым, а на курсах ознакомился с программой ГУСа и теперь стараюсь это применять при обучении.

Программы ГУСа (Государственного учёного совета) – комплексные программы, которые использовались в советской школе в 1920-е годы. **Их суть** заключалась в том, что вместо отдельных предметных дисциплин вводились комплексные темы, объединяющие вокруг одного явления несколько вопросов из разных предметных дисциплин.

Комплексы делились на три раздела:

1. «Природа и человек». Например, в четвёртом классе этому разделу соответствовали темы «География России и других стран. Жизнь человеческого тела».

2. «Труд».

3. «Общество». В этом разделе рассматривались темы «Государственный строй России и других стран. Картинки прошлого человечества».

Но новая форма обучения не прижилась и с 1931 года, школы вернулись к традиционной форме обучения – предметной.

Интересен его ответ в анкете, на вопрос: «Ваш взгляд на трудшколу, как школу индивидуального труда в условиях сельскохозяйственного уклона в школе деревенской?» Ответ: «В настоящей школе нельзя развивать индивидуальный труд, а только коллективный. Сельские школы должны иметь сельхозуклон». Все в духе того времени.

Стоит заметить, что и в наше время вопрос о том, что «сельские школы должны иметь сельхозуклон» становится актуальным. Так при организации обучения в сельских школах с 2025 года в России работает госпрограмма по созданию специальных аграрных классов – в них школьники будут получать необходимую базовую подготовку для работы в агропромышленном комплексе страны. Но справедливости ради, стоит также отметить, что это не «изобретение» Советской власти или нынешнего Министерства образования. Еще в Российской империи при сельских церковно-

приходских школах проводились сельско-хозяйственные занятия, в виде полеводства, садоводства и огородничества[12].

Кроме преподавания в школе А. М. Котельников читал лекции и доклады в избе-читальне.

Школу разместили в здании *«преобразованного из общественного дома, бывшего домом церковнослужителя»*[13], в хуторе Владимиро-Майоршин (так в то время назывался населенный пункт – *А. Г.).*

Здание деревянное, с деревянной крышей и деревянным фундаментом, 1912 года постройки. Из имеющихся трех комнат, в самой большой, с шестью окнами, устроили класс. Две другие комнаты отдали под квартиры учителям. Отапливалось все здание одной «голландской печкой». Для отопления в холодный период требовалось 150 пудов кизяка (*1 пуд – это примерно 16 кг, т. е. необходимо было около 2, 4 т кизяка. Кизяк – высушенный или переработанный навоз, который используется в качестве топлива – А. Г.*).

В классе было 5 шестиместных парт, 5 четырехместных, 2 стола и комод.

В 1923–1924 учебном году в школе обучалось 45 учеников (33 мальчика и 12 девочек). Число дворов в хуторе в это время насчитывало 85.

Из сведений о посещаемости школы узнаем, что причинами пропусков, кроме болезни, были *«домашние дела, естественные препятствия, отсутствие одежды и обуви, праздники»*. Наибольшее количество пропусков занятий приходится на февраль и март, в основном из-за естественных препятствий и по причине отсутствия одежды и обуви.

После увольнения А. М. Котельникова 1 апреля 1924 года новым заведующим школы назначили А. А. Киреева, которая проработала в этой должности совсем немного, до сентября 1924 года,

[12] Отчет об итогах учебного года. Раздел IV. «Сельско-хозяйственные, ремесленные и рукодельные занятия при церковных школах. Отношение к ним населения» // Донские Епархиальные ведомости. № 36. 1903 г. С. 82–85. Духовенство русской православной церкви в XX веке – Биографическая база данных и собрание материалов: [сайт]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/5d/12/5d123193-19d3-4b44-9327-1ba213862326.pdf. С. 82–85 (дата обращения: 25.05.2025).

[13] ЦХАД. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

т. е. до начала нового учебного года. После ее перевели заведовать школой в хуторе Широко-Бахолдин (сейчас это Милютинский район), а на ее место заведующим школы назначили П. П. Левшина.

Сведения о нем и о его работе еще предстоит установить. Известно только, что он из семьи казаков из хутора Чекалова, которые активно участвовали в установлении Советской власти в районе.

В это же время, в 1921–1924 гг. были открыты начальные школы 1 ступени и в соседних с хутором Владимиров хуторах: Медвежка, Самарин, Чумаковская коммуна (х. Чумаков).

В то время, согласно справочника «Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю»[14] в хуторе Владимирове и соседних хуторах проживало:

	Кол-во дворов	**Муж.**	**Жен.**	**Всего**
х. Владимиров	33	85	71	156
х. Беляев	59	130	154	284
х. Ермаков	13	29	32	61
х. Кумшак	18	67	62	129
х. Майоршин	58	134	158	192
х. Медвежий	86	232	259	491
х. Самарин	78	211	226	437
х. Соленка	54	141	157	298
х. Чумаков	11	18	15	33

После введения в школах района в 1930/31 учебном году обязательного начального обучения в объеме 4-х классов в последующие годы, были открыты начальные школы и в других окрестных хуторах: Соленка, Кумшак, Новая деревня, Вишневка, Павлов, Троицкий.

В 1937/38 учебном году начался переход к обязательному обучению в объеме семилетки для всех детей, оканчивающих сельские

[14] Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Округ Шахтинско-Донецкий, район Морозовский, Больше-Хлоповский с/с. С. 367. Донская государственная публичная библиотека: [сайт]. URL: https://vivaldi.dspl.ru/bx0000120/view/?#page=366 (дата обращения: 25.05.2025).

начальные школы. И в том же 1938 году Владимировская школа была преобразована из начальной в семилетнюю. В неё пришли учиться около 200 учащихся из перечисленных выше хуторов[15].

Первым директором Владимировской семилетней школы назначили Самсонова Бориса Тихоновича, 1916 г. р., члена ВКП(б). До назначения на должность директора имел педагогический стаж два года. Преподавал он историю. Ему пришлось решать, кроме организации учебного процесса, комплектование учительскими кадрами и все хозяйственные вопросы.

Из небольшого здания, бывшего дома священнослужителя в хуторе Владимирове, в котором находилась начальная школа, семилетку разместили в более просторном здании с необходимым количеством помещений.

Большую помощь по ремонту и оборудованию школы оказывали Владимировский сельский совет и созданная в 1930 году Владимирская МТС (машинно-тракторная станция – *Г. А.*)[16].

Постепенно улучшалась материальная база школы, поступали книги, наглядные пособия, налаживался учебный процесс, но началась война. Многие ученики старших классов прекратили посещать школу, т. к. заменили на работах своих отцов и братьев, ушедших на фронт. А в июле 1942 года хутор оккупировали немцы и занятия временно были прекращены. За период оккупации школьное здание частично пострадало, мебель и оборудование было разломано.

После освобождения хутора в январе 1943 года и ремонта школы она вновь приняла учеников.

Работа Б. Т. Самсонова по налаживанию учебного процесса и восстановлению школы была по достоинству оценена. Его наградили в 1946 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[17]

---

[15] История Морозовского комсомола 1928–1940 гг. Рукопись, 1975. Морозовский краеведческий музей. Л. 118.

[16] Там же. Л. 85, 88.

[17] Муниципальный архив Морозовского района Ростовской обл. Ф. 35.Оп. 1. Д. 30. Л. 53, 54.

В муниципальном архиве Морозовского района хранится документ о наполняемости сельских и городских начальных, семилетних и средних школ Морозовского района за 1948–1949 учебный год[18], из которого узнаём, сколько же было учащихся в то время во Владимировской семилетней школе и начальных школах в соседних хуторах.

Наименование школы	**1 класс**	**2 класс**	**3 класс**	**4 класс**	**5 класс**	**6 класс**	**7 класс**	**Всего**
Владимировская семилетняя школа	15	15	10	10	10	19	10	89
Начальные школы:								
Чумаковская	15	11	9					35
Кумшацкая	7	10	-					17
Медвежанская	7	6	7					20
Соленкинская	6	5	7					18
Вишевская	14	9	11					34
Ново-Деревенская	3	5	4					12
Самаринская	8	7	3					18

Дальнейшую историю Владимировской СОШ проследим по воспоминаниям очевидцев того времени.

По воспоминаниям А. И. Шевченко: «В середине 60-х годов прошлого столетия колхоз имени Чумакова выкупил здание Владимировской МТС и все хозяйственные постройки. Среди них – шикарное здание конторы, в виде большой буквы П. В него немедленно перевели нашу начальную школу (из хутора Чумак – *Г. А.*) и семилетку из Владимирова. В старой конторе МТС организовали интернат. К нам после начальной школы поступали учиться ребята с окрестных хуторов – Медвежки, Солёнки, Троицкого, Чекалова,

[18] Муниципальный архив Морозовского района Ростовской обл. Ф. 35. Оп. 1. Д. 32. Л. 180–188.

Севастьянова. Школа стала называться Владимировской восьмилетней. Она дала стране трёх кандидатов наук»[19].

Переход на восьмилетнее образование в СССР был осуществлён **24 декабря 1958 года** принятием закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». И уже с нового учебного года (1959–1960 гг.) Владимировская семилетняя школа стала восьмилетней. Полное среднее образование было увеличено на один дополнительный класс – с 10 до 11-ти лет обучения, но через пять лет (1963 год) 11-й класс был ликвидирован, как неудавшийся эксперимент.

Ученики 5 класса на фоне Владимировской восьмилетней школы, 1975 г.

Директором Владимировской восьмилетней школы был назначен прежний директор «семилетки» Б. Т. Самсонов.

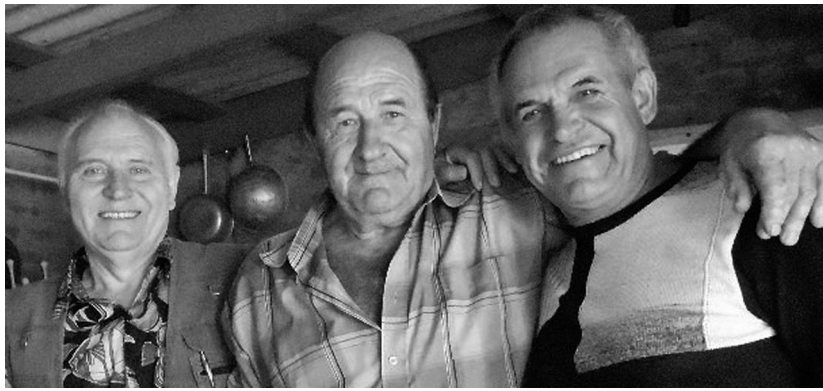
После окончания восьмого класса многие выпускники продолжили учебу в других школах для получения полного среднего образования. Так большинство окончивших Владимировскую восьмилетнюю школу продолжали учебу в ближайшей Знаменской средней школе в п. Знаменка Морозовского района.

[19] *Шевченко А. И.* История с краеведением // Донской временник. Выпуск 33-й. 2025 г. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/4/art.aspx?art_id=2032 (дата обращения: 20.05.2025). Статья опубликована только в электронной версии «Донского временника».

Среди тех, кто окончил 8 классов во Владимировской школе, мы их можем по праву считать их выпускниками нашей школы, есть кандидаты наук. Оба – первого выпуска восьмилетней школы в 1961 году.

Лобачев Павел Фокович, проживающий в городе Воронеж. Он – кандидат экономических наук. Разработал эффективный метод управления консалтинговой деятельности.

Радченко Александр Поликарпович – кандидат технических наук. Его исследования и изобретения связаны со строительной отраслью.

Одноклассники (слева на право):
Лобачев П. Ф., Курочкин И. В., Радченко А. П.

Шевченко Александр Иванович

Шевченко Александр Иванович – журналист, писатель и краевед, проживает в г. Кингисепп Ленинградской области. Член Петербургского Союза журналистов, действительный член Русского Географического общества, а с 28 апреля 2016 года – член «Союза писателей России». В 2017 году награждён к 90-летию Кингисеппского района знаком «За вклад в развитие района». В 2018 году стал лауреатом литературной премии имени маршала Советского Союза К. Мерецкова за книгу «Дивизия ЛАНО»; лауреат Литературной премии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга имени маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Им написано несколько книг по истории Морозовского района: «Лазорик в истоке реки Быстрой», «В полосе наступления группы армий “Б”».

В 1975 году районными властями было принято решение о строительстве в хуторе Беляеве новой, типовой, современной школы, т. к. прежние школы располагались в приспосабливаемых зданиях и помещениях.

Со дня образования школы среди учителей было очень много талантливых и ярких личностей

Второй выпуск Владимировской школы 1978–1979 учебного года

В 1977 году школа была построена и 1 сентября распахнула свои двери для учеников. Одновременно она была преобразована из восьмилетней школы во Владимировскую среднюю общеобразовательную школу, которая продолжает свою работу и сейчас.

Директором средней школы был назначен Федор Тимофеевич Васильченко.

В 1978 году состоялся первый выпуск учащихся, получивших полное среднее образование. К сожалению, фотографии первого выпуска 1977–1978 учебного года мы не нашли, но есть фотография второго выпуска Владимировской школы 1978–1979 учебного года.

Наименование учебного заведения	**Период**	**Руководили школой**
Владимиро-Майоршинская начальная школа 1 ступени	1921–1938 гг.	Заведующие школой: Котельников Александр Михайлович (1921–1924 гг.) Киреева А. А. (1924 г.) Левшин П. П. (1924–?)
Владимировская семилетняя школа	1938–1959 гг.	Самсонов Борис Тихонович
Владимировская восьмилетняя школа	1959–1976 гг.	Самсонов Борис Тихонович
Владимировская средняя общеобразовательная школа	1977–1982 гг.	Васильченко Федор Тимофеевич
МОУ Владимировская СОШ	1982–1983 гг.	Гаврин Владимир Леонидович
МОУ Владимировская СОШ	1983–2006 гг.	Гаврина Любовь Григорьевна
МБОУ Владимировская СОШ	2006 г. – по наст. время	Савилова Любовь Александровна

Директора школы
1938–2025 гг.

Б. Т. Самсонов

Ф. Т. Васильченко

В. Л. Гаврин

Л. Г. Гаврина

Л. А. Савилова

.

Педколлектив, 1985 год
Нижний ряд (слева направо): Ахмедова М. А., Шрамкова А. И., Гаврина Л. Г., Пичугина Л. И., Близнюк Т. С., Устименко С. Н.
Верхний ряд (слева направо): Ефимченко А. Л., Савилова Т. Г., Баранникова И. И., Лебедева Е. И., Калашникова И. А., Устименко Н. П.

Педколлектив и работники школы, 1990 год
Нижний ряд (слева направо): Устименко С. Н., Овчаренко А. И., Савилова Н. В., Пичугина Л. И., Шрамкова А. И., Близнюк Т. С., Ахмедова М. А.
Верхний ряд (слева направо): Агафонова Г. И., Баранников Н. В., Стреха М. А., Гапликова А. В., Шпакевич С. А., Курочкина Е. И., Устименко Н. П., студентка-практикантка (Ф.И.О. неизвестно), Гапликов П. В., Гаврин В. Л.

Учителя, которых нет с нами, но память о них жива, потому что они внесли огромный вклад в воспитание и обучение подрастающего поколения:

– Близнюк Тамара Семеновна, учитель биологии;

– Пичугина Лидия Ивановна, учитель русского языка и литературы;

– Ефимченко Анатолий Леонидович, учитель русского языка и литературы;

– Гаврин Владимир Леонидович, учитель физической культуры;

– Гаврина Любовь Георгиевна, учитель математики;

– Бугакова Вера Владимировна, учитель начальных классов.

Педагоги, которые находятся на заслуженном отдыхе, это не просто бывшие учителя, а настоящие хранители педагогических традиций, чей опыт и мудрость остаются бесценным достоянием образовательной системы:

– Шрамкова Анна Ивановна, учитель начальных классов;

– Ахмедова Мария Александровна, учитель начальных классов;

– Гапликова Алла Владимировна, учитель истории;

– Гапликов Павел Васильевич, учитель технологии;

– Устименко Светлана Николаевна, учитель математики;

– Устименко Николай Петрович, учитель физики и информатики, педагогический стаж 40 лет;

– Устимова Алла Владимировна, учитель английского языка;

– Баранникова Ирина Ивановна, учитель химии и биологии;

– Баранников Владимир Викторович, учитель физической культуры, педагогический стаж 50 лет.

Педколлектив, 2025 год
Слева направо: Тимохина Л. Х., Ермолова Г. Г., Остривная Д. А., Завальнюкова В. И., Гапликова А. В., Курочкина Е. И., Савилова Л. А., Баранникова И. И., Красноперова С. Г., Суворова Л. Ю., Жиренко Л. Д., Гелисханова А. П., Мамаева М. К.

Сейчас педагогический коллектив состоит из 13 педагогов. Это: Савилова Любовь Александровна, Завальнюкова Валентина Ивановна, Жиренко Людмила Дмитриевна, Гелисханова Анна Петровна, Красноперова Светлана Григорьевна, Курочкина Елена Ивановна, Ермолова Галина Геннадьевна, Остривная Дарья Анатольевна, Каргина Евгения Сергеевна, Чеснокова София Романовна, Тимохина Лариса Халидовна, Вдовченко Екатерина Анатольевна, Суворова Любовь Юрьевна.

Из них 8 являются учителями высшей и первой категории. Труд лучших педагогов отмечен наградами:

Савиловой Любовь Александровне присвоено почетное звание «Почётный работник общего образования РФ»;

Гелисханова Анна Петровна награждена ведомственной наградой Министерства просвещения РФ «Отличник просвещения».

Многие выпускники школы стали учителями. Учили и учат детей в родной школе, где учились их мамы и папы, бабушки и дедушки. Это:

Валентина Ивановна Завальнюкова (Красноперова), учитель начальных классов;

Галина Геннадьевна Ермолова (Широкова), учитель начальных классов;

Анна Петровна Гелисханова (Шубич), учитель русского языка и литература;

Евгения Сергеевна Каргина (Давыдченко), учитель физики и информатики;

Дарья Анатольевна Остривная (Гнутова), учитель математики;

София Романовна Чеснокова (Верещагина), учитель английского языка;

Марина Константиновна Мамаева (Дранец), учитель истории;

Екатерина Анатольевна Вдовченко (Пескова), учитель математики.

Показателями высокого уровня образования является количество учащихся получивших золотые и серебряные медали «За особые успехи в учении I и II степени»:

1993 год – Ефимченко Евгения (серебряная медаль «За особые успехи в учении»);

1998 год – Устименко Наталья (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2001 год – Устименко Ольга (серебряная медаль «За особые успехи в учении»);

2007 год – Устименко Анастасия (серебряная медаль «За особые успехи в учении»);

2008 год – Басай Анна (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2009 год – Малофейкина Татьяна (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2011 год – Белогубцев Владимир (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2012 год – Десятниченко Людмила (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2013 год – Жиренко Андрей (золотая медаль «За особые успехи в учении»); Дранец Оксана (серебряная медаль «За особые успехи в учении»); Савилова Арина (серебряная медаль «За особые успехи в учении»);

2014 год – Папина Анастасия (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2017 год – Гелисханова Полина (золотая медаль «За особые успехи в учении», медаль «За особые успехи выпускнику Дона»);

2021 год – Съедина Полина (золотая медаль «За особые успехи в учении»);

2024 год – Петриченко Варвара (медаль «За особые успехи в учении» II степени);

2025 год – Аверченко Евгений (медаль «За особые успехи в учении» I степени); Чеснокова Вероника (медаль «За особые успехи в учении» I степени, медаль «За особые успехи выпускнику Дона»).

Образовательная программа школы, учебный план предполагает деление занятий, как на обязательные, так и занятия по выбору учащихся.

Учащиеся школы – активные участники школьных, районных и областных олимпиад, конкурсов и конференций, пополняя копилку достижений школы.

В 2004 году в школе появился первый отряд Юных Инспекторов Движения, более 20 лет ребята ведут пропаганду безопасности дорожного движения (руководитель А. П. Гелисханова). Состав ЮИДовцев ежегодно меняется, но большая работа по пропаганде правил дорожного движения остается навсегда. Ежегодно ЮИДовский отряд нашей школы становится победителем не только муниципальных конкурсов, но и региональных. Жизнь не стоит на месте. ЮИДовское движение обогащается новыми направлениями работы, становится ещё более массовым, интересным и полезным. Ребята, носящие гордое звание «Юный инспектор движения», вы-

растают достойными гражданами своей Отчизны, служат проводником идей добропорядочного образа жизни, уважительного отношения к окружающим, становятся достойной сменой тем, кто сегодня обеспечивает порядок и безопасность на наших дорогах.

Юные инспекторы движения 2019 года, представлявшие Морозовский район на областном смотре-конкурсе ЮИД (слева направо): Диана Чумакова, Заира Керимова, Валерия Варга, Полина Съедина, Ангелина Ильяшева, Рената Нагорная, Арина Владимирова, Анна Мамаева, Марина Горбатова, Алена Агафонова

В 2005 года в школе основана театральная студия «Синяя птица» (руководитель А. П. Гелисханова). Это уникальное творческое объединение, созданное для раскрытия творческого потенциала учащихся. Творческие победы участников студии включают: призовые места в конкурсах различного уровня; успешное выступление на районных фестивалях; участие во всероссийских проектах; выступления перед различной аудиторией.

Участники театральной студии 2017 года перед показом спектакля «Не покидай меня» (слева направо): Габибулла Алисултанов, Рената Нагорная, Кристина Лаврищева, Полина Гелисханова, Кристина Лаврищева, Арина Владимирова, Алексей Володин

В 2020 году в школе появился пресс-центр «Школа.ru» как площадка для развития творческих способностей учащихся и формирования их коммуникативных навыков. Изначально он представлял собой редакцию школьной газеты, где ребята учились писать статьи, делать репортажи и создавать фоторепортажи о жизни учебного заведения. Постепенно пресс-центр трансформировался в школьный медиацентр, объединяющий различные направления медиадеятельности: традиционные форматы – школьная газета, фоторепортажи, стенгазеты; цифровые медиа – социальные сети; технологические решения – монтаж видео, работа с графическими редакторами, создание презентаций.

В 2022 году в школе был создан отряд **ЮНАРМИЯ «ПАТРИОТ»** – это добровольное военно-патриотическое движение, созданное для воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и любви к Родине. ЮНАРМИЯ – это не просто организация, а путь к формированию активной гражданской позиции, развитию лидерских качеств и укреплению патриотического духа молодого поколения. Руководитель отряда учитель истории Марина Константиновна Мамаева.

Выпускники нашей школы живут и работают в разных концах нашей страны.

В наше не простое время выпускники нашей школы достойно выполняли и выполняют свой долг на СВО, проявляя мужество и героизм, приближая победу.

К большому сожалению, есть и погибшие.

Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина от 23 июня 2025 года, выпускник 2006 года нашей школы, **Кузор Андрей Игоревич,** проживавший в хуторе Малая Хлоповая, представлен к государственной награде – ордену Мужества (посмертно).

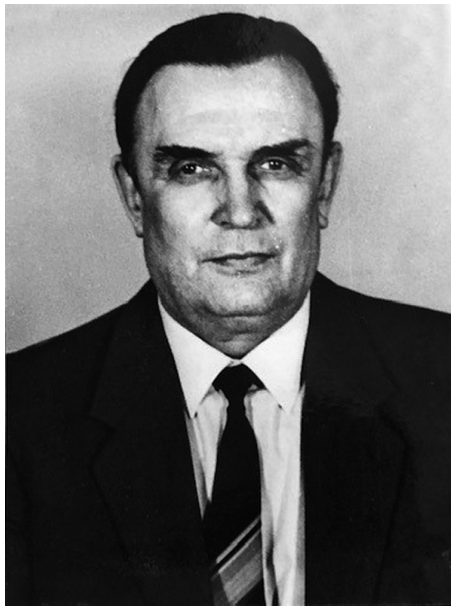
За сто лет в нашей школе учились сотни людей. Для кого-то это просто место, где они получили знания. Для других – это место, где они провели детство и стали взрослыми. Для третьих – это как дом, где они росли, жили и строили свою жизнь.

Школа всегда будет важна для этих людей!

Наука. Культура. Искусство. Средства массовой информации. Литература

В. И. Вегерин

От самолётов к космическим кораблям. К 100-летию Заслуженного конструктора Труфанова Юрия Николаевича

16 ноября 2025 года исполнилось 100 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка – ветерана Великой Отечественной войны, лауреата Ленинской премии, академика Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, Заслуженного конструктора РФ Юрия Николаевича Труфанова.

Юрий Труфанов родился в станице Константиновской Константиновского района Северо-Кавказского края (ныне – город Константиновск Ростовской области) в семье сотрудника уголовного розыска Николая Васильевича (1896–1930) и учительницы Марии Потаповны (1897–1984).

Отец Юрия Николаевича происходил из известного в XIX в. на Дону рода церковно- и священнослужителей[1]. Но его отец, Василий Максимович (дед Юрия Николаевича), нарушил семейную традицию – служил кассиром 2-го разряда 1-го Донского окружного казначейства. Ушли от церковной службы и его 11 детей: среди них были и учителя, и почтово-телеграфные чиновники[2], и даже работник уголовного розыска – Николай Васильевич[3].

Мама Юрия Николаевича – Мария Потаповна (в девичестве Черпакова) – крестьянка села Румянцева Карсунского уезда Симбирской губернии[4]. В 1912 году окончила Александровское женское четырёхклассное училище в станице Константиновской[5] и поступила в 5-й класс женской гимназии К. П. Панченко. А после окончания полного курса (7 классов) в 1915 году была удостоена звания учительницы начальных училищ, с правом заниматься обучением и на дому[6]. Так, с 18-ти лет Мария Потаповна начала свою педагогическую деятельность.

С установлением и упрочением советской власти новое образование требовало соответствующей подготовки педагогических кадров, и в 1934 году Мария Потаповна окончила 9-ти месячные краткосрочные курсы подготовки учителей начальной школы при Константиновском педтехникуме. По окончании их, пройдя установленный 3-летний испытательный стаж педагогической работы в школе, Мария Потаповна в августе 1938 года была удостоена звания учителя начальных классов советской школы.

[1] *Шадрина А. В.* Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов н/Д: Антей, 2014. С. 73, 89, 90, 350.

[2] *Корягин С. В.* Казачьи фамилии на буквы "Т - У" (начало) // Заграничный поход 1813–1814 гг. (весна 1814 г.). М.: Древлехранилище (Тип. Росархива), 2021. (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 142). С. 201.

[3] ГАРО. Ф. Р-97. Д. 878. Л. 4–5.

[4] Метрическая книга Сергиевской церкви села Румянцево Карсунского уезда Симбирской губернии на 1897 г. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 32. Д. 28. Л. 474об. URL: https://yandex.ru/archive/catalog/42cd3bee-0b05-4920-9d5d-659f3727c5d2/483 (дата обращения: 28.09.2025).

[5] Аттестат об окончании Александровского женского четырёхклассного училища в станице Константиновской. Семейный архив Труфановой Л. М.

[6] Аттестат об окончании Константиновской женской гимназии К. П. Панченко. Семейный архив Труфановой Л. М.

Отец Юрия Николаевича, Николай Васильевич, в это время был начальником уголовного розыска и погиб во время ликвидации какой-то банды. Об этом Юрий Николаевич рассказывал своей жене – Люции Михайловне, а она отметила это в своих воспоминаниях. После смерти Николая Васильевича, в 1930 году, семья Труфановых переезжает в хутор Тереховский, к подруге матери Гавриловой Марии Ивановне. Здесь Мария Потаповна устроилась работать учителем начальных классов в Тереховской начальной школе. А Юрий Николаевич пошел учиться в школу.

В школе было свое подсобное хозяйство, огород, за которым ухаживали дети, и – что самое главное в те голодные годы – один раз в день кормили. Каждое лето школьники один месяц отдыхали в колхозном пионерском лагере, организованном здесь же, в хуторе Тереховском, в бывшем подворье Аристарха Кужелева. Дети находились в лагере круглосуточно. В соответствии с режимом, их три раза в день кормили, водили на реку купаться, им был положен «тихий час». В остальное время они занимались в кружках, разучивали песни, трудились – ухаживали за школьными поросятами и огородом. Это была интересная и насыщенная жизнь.

Юрий Труфанов перед поступлением в техникум

Летом 1939 года в отряд, где был Юра, прибыл новый вожатый – студент Константиновского педагогического училища. В свободное время вожатый увлечённо рассказывал своим подопечным о самолётах. Именно его рассказы в немалой степени предопределили выбор Юры – и будущей профессии, и всей судьбы. Юрий Николаевич сохранил в памяти только

его имя – Михаил. Но по воспоминаниям школьного товарища Юрия – Чернокнижникова Григория Стефановича, 1924 года рождения, ныне здравствующего – это был их земляк Михаил Быкадоров, который мечтал стать лётчиком[7].

Семилетнюю школу Юра окончил уже в соседнем х. Голубинском Белокалитвенского района. Затем он поступил в Ростовский индустриальный техникум на специальность «Обработка металла резанием». 15 февраля 1941 года техникум был передан Наркомату авиационной промышленности и переименован в Авиационный (РАТ)[8].

С началом Великой Отечественной войны учебный процесс постоянно прерывался, поскольку студенты работали на строительстве оборонительных рубежей. Юрий Николаевич так описывал этот период своей жизни:

«В октябре 1941 года я, как и все мои товарищи был послан на строительство оборонительных рубежей. Работал под Синявкой, Ростовом, Новочеркасском, Бессергеновской до мая месяца 1942 года. С мая 1942 года работал в колхозе "Заря Пролетариата" в хуторе Тереховском, Раздорского района, Ростовской области, по местожительству матери. В июле 1942 года в связи с наступлением немцев, я эвакуировался вместе с колхозом. Мать не смогла эвакуироваться, имея на своем иждевении мать и брата инвалидов II группы, которые не могли передвигаться. Эвакуироваться нам не удалось, т. к. нас обошли немцы и нам пришлось в начале августа вернуться домой и прожить несколько месяцев на оккупированной немцами территории. Во время оккупации я не работал, семья жила за счет продажи и обмена вещей на продукты питания. В феврале 1943 года, сразу же после прихода нашей армии, я был призван в Советскую Армию. В октябре 1943 г. после контузии и лечения в госпитале я был демобилизован и снова стал продолжать учебу в авиационном техникуме. В июне 1944 г. я был

[7] *Лагутин В. Г.* Навеки двадцатилетний // Тринадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2021. С. 194.

[8] Ростовский авиационный техникум (РАТ). URL: https://museum.rgkript.ru/941-950.html (дата обращения: 11.09.2025).

снова призван и направлен в пехотное училище на учебу, но ввиду плохого состояния здоровья учиться не смог, был призван годным лишь к нестроевой службе и направлен в запасной полк. Был сначала комиссаром отдельной роты, а затем комиссаром батальона 106 стр. полка. В декабре 1944 г. дирекция техникума стала ходатайствовать о моем освобождении из армии. В январе 1945 г. по расположению отдела кадров штаба СКВО я был направлен в техникум для окончания учебы. В январе 1946 г. окончил техникум и прибыл на работу на машиностроительный завод»[9].

Окончив с отличием техникум по специальности «Самолётостроение», Юрий начал работать техником в опытно-конструкторском бюро (ОКБ) № 49 (ныне – «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г. М. Бериева»). К этому времени оно уже было возвращено в Таганрог из Красноярска, куда было эвакуировано во время ВОв. В ОКБ № 49 активно велись работы по созданию дальнего морского разведчика Бе-6 и лёгкого самолёта-амфибии Бе-8[10]. В феврале 1949 г. техник Труфанов был переведен на должность инженера-конструктора бюро.

Юрий Труфанов – студент МАИ

Одновременно Юрий поступил учиться в Ленинградский заочный индустриальный институт на механико-машиностроительный факультет. Однако во время обучения Ю. Труфанов возвращается к своей давней мечте –

[9] Автобиография Ю. Н. Труфанова из личного дела. Архив Таганрогского авиационного научно-технического комплекса имени Г. М. Бериева.

[10] Таганрогский авиационный научно-технический комплекс имени Г. М. Бериева. URL: https://руни.рф/Таганрогский_авиационный_научно-технический_комплекс_имени_Г._М._Бериева (дата обращения: 12.06.2025).

поступить в Московский авиационный институт (МАИ). И в 1952 году, в порядке перевода с 5-го курса Ленинградского заочного индустриального института, Юрий Николаевич был принят на 4-й курс МАИ на самолетостроительный факультет.

В годы учебы он работал по совместительству начальником курса. Здесь же, в стенах института, познакомился с будущей супругой Люцией Михайловной.

После успешного окончания МАИ в 1955 году Ю. Труфанов получает диплом инженера-механика по самолетостроению и распределение в ОКБ-23. И 1 апреля 1955 года молодого специалиста принимают на работу в проектный отдел под руководством О. А. Сидорова.

Юрий Николаевич так вспоминал об этом периоде:

«Еще до окончания МАИ у меня сложилась твердая мечта – попасть в ОКБ-23, первенец которого стратегический бомбардировщик "М-4" в 1953 году прошел над Красной площадью как лидер парада.

1 апреля 1955 года я впервые прошел проходные завода и попал в КБ-200, в котором рождались проекты ОКБ-23. Короткая беседа с П. Л. Селяковым, затем начальником отдела Сидоровым О. А. и далее бригада перспективного проектирования Бирюкова Н. И. Первая встреча со "старослужащими" – выпускниками МАИ 1951 года – Дермичевым Г. Д., Егоровым Н. И., Синявским Г. Е., Бобровниковым Ю. П. Они уже прошли "М-4", "ЗМ", работали над проектами "40", "50" и другими. При этом проект "40" (крылатая ракета "Буран") был реализован в металле и не по вине Генерального работы были прекращены.

Волею судьбы и, несомненно, начальства я включился в работу по самолету "50" – сверхзвуковому стратегическому бомбардировщику. Даже в сравнении с новейшим стратегическим бомбардировщиком "ЗМ" проект "50" был огромным шагом вперед по всем составляющим структурам самолета – аэродинамика, прочность, конструкция, технология, материалы, системы навигации и управления самолетом, его вооружения и т. д.»[11]

[11] *Труфанов Ю. Н.* Владимир Михайлович Мясищев // Звёздная эпоха Мясищева в Филях. – М.: Воздушный транспорт, 2002. С. 237.

Довольно скоро Труфанов становится начальником проектной бригады, ведущим конструктором проекта, затем отдела и далее назначается ведущим конструктором сверхзвукового самолета М-50, уже непосредственно подчиняясь генеральному конструктору ОКБ В. М. Мясищеву. Эта машина, экипаж которой составлял всего 2 человека, воплотила многие уникальные по тем временам идеи – к примеру, она была оснащена системой балансировки за счет перекачки топлива (при переходе на сверхзвуковую скорость менялась центровка самолета).

«Уже в 1959 году самолет "50" совершил первый и успешный полет, участвовал в параде в честь дня авиации в августе (июле – В. В.) 1961 года, после чего попал в Монинский музей ВВС. В летных испытаниях самолет подтвердил основные проектные характеристики, кроме крейсерской скорости и дальности полета.

Сверхзвуковой стратегический бомбардировщик М-50 в сопровождении истребителей МиГ-21 на воздушном параде в Тушино 9 июля 1961 г.

Из-за задержки доводки его штатных двигателей М-16-17 (Главный конструктор Зубец П. Ф.) летные испытания проходили

с двигателями ВД-7, ВД-7М, их характеристики позволили лишь превзойти скорость звука (М=1,02), не была достигнута проектная весовая отдача по топливу.

Однако в модификации этого самолета "М-52" и эта проблема была решена. Самолет был построен и с передачей ОКБ-23 в состав ОКБ-52 был уничтожен. Ошибочная позиция о ненужности авиации (кстати и крупного надводного флота) в ракетно-ядерный век дорого обошлась стране – уничтожено большое количество самолетов и вертолетов, исковерканы судьбы людей. Последующее развитие событий, да и сегодняшний день наглядно демонстрируют, что это было по существу преступление. Известны сегодня не только исполнители этой доктрины (если так можно сказать), но и ее создатели. История назовет все имена, нужно, наверное, время»[12].

Ю. Н. Труфанов принимал участие в разработке и ряда других, неординарных для своего времени проектов:

«С сентября 1956 года, в соответствии с постановлением правительства в ОКБ-23 совместно со смежными организациями началась проектная проработка сверхзвукового гидросамолёта с атомным двигателем (проект"60М"). При разработке проекта самолёта "60М" использовались результаты исследований, проводимых по самолётам "60" и сверхзвуковому гидросамолёту "М70", разрабатываемому с 1955 года. Проектные работы по самолёту "60М" выполнялись с непосредственным участием инженеров ВМФ, откомандированных для работы в ОКБ-23. Руководство этой группой осуществлял полклвник Ш. К. Рахматулин. Ведущим конструктором по проекту самолёта "60М" был назначен Ю. Н. Труфанов»[13].

В конце 50-х – начале 60-х годов в оборонительной доктрине Советского Союза произошли перемены. В качестве приоритетной была признана ракетно-ядерная тематика. 3 октября 1960 года Совет Министров СССР принял решение о передаче ОКБ-23 в состав

[12] *Труфанов Ю. Н.* Указ. соч. С. 237–238.

[13] *Перепелицкий Г. Н.* Учитель, Воспитатель и Руководитель // Звёздная эпоха Мясищева в Филях. – М.: Воздушный транспорт, 2002. С. 196.

реутовского ОКБ-52 под наименованием «Филиал № 1». Так, практически в одночасье несколько выдающихся проектов, на десятилетия опережавших время, оказались замороженными. Развитию авиации был нанесен непоправимый ущерб.

В. Н. Челомей, сменивший Мясищева на посту Генерального конструктора ОКБ-23, в 1962 году назначает Юрия Труфанова главным ведущим конструктором. «Самолетчик» превращается в ракетчика. Основным полем его деятельности становится участие в создании межконтинентальной баллистической ракеты УР-500 (такое обозначение было выбрано, поскольку стартовая масса ракеты должна была превысить 500 тонн). Общую концепцию тяжелого универсального носителя сформулировали к концу 1961 года, а весной следующего определили ее облик и основные характеристики. 29 апреля 1962 года постановление о создании 3-ступенчатой ракеты тяжелого класса было подписано в Совете Министров СССР.

Юрий Николаевич вспоминал:

*«Еще пару лет назад, я, всего лишь начальник проектной бригады, по поручению Владимира Михайловича посетил Главного конструктора Челомея В. Н. на предмет использования его крылатых ракет П-35, П-6 на самолетах-ракетоносцаях 3М и М-50, 52. По моему глубочайшему убеждению, именно слаженный, высокопрофессиональный коллектив ОКБ, даже став филиалом в кратчайший срок, совместно с заводом № 23, сумел создать и начать ЛИ (*лётные испытания *– В. В.) новейших ракетных комплексов УР-200 (1962 г.), УР-100 (1963 г.), УР-500 (1965 г.).*

Таким обилием решения сложнейших задач в сверхсжатые сроки не может похвастаться ни одно КБ!»[14]

Уже в июле 1965 года состоялся первый пуск ракеты с заводским номером «207» – двухступенчатого прототипа УР-500 с научной космической станцией «Протон-1» весом 12 тонн. Чуть позже двухступенчатая УР-500 вывела на орбиту еще две станции «Протон». В печати новую ракету и все ее последующие модификации,

[14] *Труфанов Ю. Н.* Указ. соч. С. 239.

и модернизации окрестили «Протоном». В 1967 году начались летные испытания космической модификации «Протона» – универсальной ракеты – носителя УР-500К. За участие в создании «Протона» – ракеты, ставшей на десятилетия одной из лучших систем этого класса в мире, Ю. Н. Труфанов в 1970 году удостоен Ленинской премии.

В декабре 1968 года Ю. Н. Труфанов назначается заместителем начальника, а затем главным инженером 3-го Главного управления Министерства общего машиностроения (МОМ), которое курировало вопросы создания ракетно-космических систем для научного исследования Луны, Марса и Венеры.

«Руководство КПСС и правительства строго контролировало выполнение этих программ, призванных сохранить лидерство СССР в исследовании космоса. Все понимали при этом наше отставание по программе Н1-Л3 от программы "Сатурн–Аполлон" и стремились облетом Луны "смягчить" ситуацию»[15].

В процессе работы Юрий Николаевич тесно общался с заместителем министра Г. А. Тюлиным, который был ещё и Председателем Госкомиссии по Лунной программе. Юрий Николаевич так отзывался о совместной работе с Тюлиным:

«У него был девиз: "Работайте, работайте – и найдете решение". И он сам придерживался этого девиза, работал самозабвенно, не считаясь с выходными днями, с нерабочими часами. Увлекал других. Мне говорил: "Если надо ехать в Воронеж – поезжай. Бери с собой, кого хочешь". И я ехал, на месте решал организационные вопросы.

И проект был реализован, корабль Л1 в беспилотном варианте облетел Луну. И не наша вина, что в облет не послали космонавтов.

<…>

Своим отношением к делу Тюлин и нас, подчиненных, учил. Замечания делал редко, причем не в духе разноса, а как бы советовал, высказывал пожелания. Точно так же он вел себя и на полигоне.

[15] *Труфанов Ю. Н.* Компетентен, выдержан, корректен // Книга о ракетчике / ред.-сост. А. Ф. Евич. – Москва: Гранат, 2004. С. 181.

Я приезжал на полигон перед запусками дней за 10–15, старался подоскональней знакомиться с ходом подготовки к пускам. Георгий Александрович прибывал за 2–3 дня до пуска. Выслушав мой доклад, он сам отправлялся в МИК (монтажно-испытательный корпус космодрома – В. В.), на стартовую позицию.

Тюлинские "университеты" оказали огромное влияние и на мое становление инженера и организатора работ. Ведь после моего перевода в МОМ я был назначен заместителем председателя его Госкомиссии»[16].

В мае 1974 г. директором и Генеральным конструктором НПО «Энергия», образованного на базе предприятий ЦКБЭМ (центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения – *В. В.*), назначается академик В. П. Глушко. По его предложению Ю. Н. Труфанов назначается министром МОМ С. А. Афанасьевым первым заместителем Глушко. Это был нелегкий, но весьма плодотворный период[17]. Работать приходилось буквально на износ, о чем свидетельствуют воспоминания Труфанова:

«Я знал Глушко много лет как создателя двигателя 1-ой ступени "Протона". "Пережил" вместе с ним две катастрофы носителя из-за дефектов в двигателях, а эти "события" очень сближают людей. Мы относились друг другу с должным уважением. Одновременно я понимал, что назначение Глушко без согласования с Афанасьевым приведет к непростым условиям работы. Что и подтвердилось в дальнейшем»[18].

Кроме реализации ранее начатых программ «Союз–Аполлон», орбитальных станций и пилотируемых кораблей, в кратчайшие сроки необходимо было разработать базовый ракетный модуль с двигателем тягой 1000 т для семейства РЛА (ракетный летательный аппарат) и МТКС (многоразовая транспортная космическая система) «Буран», включая 1000 тонный орбитальный корабль.

[16] *Труфанов Ю. Н.* Компетентен, выдержан, корректен... Указ. соч. С. 182.

[17] См. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королева 1946–1996 / Подгот. А. П. Александров и др. – Королев: Ракет. -косм. корпорация «Энергия», 1996. С. 288–290; *Черток Б. Е.* Ракеты и люди. Лунная гонка. М.: Машиностроение, 2002. С. 456–509.

[18] *Труфанов Ю. Н.* Компетентен, выдержан, корректен... Указ. соч. С. 182.

Если по текущим программам не было никаких вопросов, то по основным параметрам базового ракетного модуля для РЛА и МТКС, и по облику орбитального корабля системы «Буран» между Глушко и Афанасьевым шли тяжёлые «сражения».

«Интересы дела требовали ускорения принятия оптимальных технических решений. Часто министр стал давать мне поручения непосредственно. Тюлин как первый зам. министра, и просто как человек, длительное время плодотворно работающий с командой С. П. Королева (в его памяти – с командой Сергея), в которую входил и Глушко, принимал все возможное для ускорения дел, но, в конце концов, вынужден тоже опираться на меня. В итоге основные планировавшиеся результаты к концу 1975 г. были достигнуты, а в начале 1976 г. я на два месяца слег в больницу, а после нее – подал заявление о переводе меня на другую работу. Мне пошли навстречу»[19].

Министр перевел Ю. Н. Труфанова в НПО имени С. А. Лавочкина на должность заместителя главного конструктора. Одновременно Юрий Николаевич возглавил секцию экспертной комиссии по рассмотрению эскизного проекта по комплексу «Энергия–Буран».

В 1980 году Юрия Николаевича Труфанова переводят в научно-производственное объединение «Молния» (ныне – ОАО «НПО «Молния»»), где под руководством генерального конструктора Г. Е. Лозино-Лозинского велась работа по созданию планера многоразоваго космического корабля «Буран». Юрий Николаевич возглавил и успешно выполнил работы по созданию посадочного комплекса и технической позиции для «Бурана»[20]. Многократно он отправлялся на Байконур, где курировал работу по строительству посадочного комплекса. Для посадок «Бурана» на Байконуре был специально построен аэродром «Юбилейный» с усиленной ВПП (взлётно-посадочной полосой) размерами 4500×84 м (основной

[19] *Труфанов Ю. Н.* Компетентен, выдержан, корректен... Указ. соч. С. 182.

[20] Многоразовый орбитальный корабль «Буран» / Ю. П. Семенов, Г. Е. Лозино-Лозинский, В. Л. Лапыгин, В. А. Тимченко и др.; Под ред. Ю. П. Семенова и др. – М.: “Машиностроение”, 1995. С. 386–395.

аэродром посадки — «Посадочный комплекс орбитального корабля»). Кроме того, были подготовлены два запасных аэродрома для «Бурана».

15 ноября 1988 года в 06:00 со стартового комплекса площадки №110 космодрома Байконур впервые в истории отечественной космонавтики был произведен запуск многоразовой транспортной космической системы «Энергия-Буран».

Совершив 2 витка вокруг Земли, орбитальный корабль «Буран» через 205 минут, в 09:25, приземлился на посадочную полосу аэродрома «Юбилейный». Впервые в мире была проведена посадка орбитального корабля в автоматическом режиме. Отклонение программы по времени в момент остановки корабля на полосе составило одну секунду, а отклонение корабля от оси полосы – всего 1,5 метра.

В 1995 году Ю. Н. Труфанов становится заместителем генерального директора и главным конструктором НПО «Молния». Возглавив конструкторское бюро, Ю. Н. Труфанов с присущей ему энергией обеспечивает проведение работ совместно с Государственным космическим научно-производственным центром (ГКНПЦ) имени М. В. Хруничева по созданию перспективной ракетно-космической системы «Ангара» и её модификаций, разработке многоразового ускорителя «Байкал», предназначенного для выведения космических объектов на опорные орбиты в широком диапазоне без отчуждения земель под поля падения отработавших ускорителей 1-х ступеней.

«Байкал» представляет собой гибрид ракеты и самолёта: имеет поворотное крыло, хвостовое оперение и турбореактивный двигатель, обеспечивающий крейсерский полёт ускорителя при возвращении на аэродром. Название «ускоритель» в полной мере характеризует основную задачу корабля – выведение на орбиту второй ступени – ракеты «Ангара». После этого беспилотный «Байкал», как обычный сверхзвуковой самолёт, возвращается на аэродром, расположенный непосредственно вблизи стартового комплекса, а одноразовая вторая ступень выводит в космос полезную нагрузку.

Это особенно актуально в условиях внутриконтинентального расположения российских космодромов.

В 2001 году на 44 авиасалоне в Ле-Бурже Ю. Н. Труфанов в составе Российской делегации представлял полноразмерный макет многоразовой ступени «Байкал» для ракет класса «Ангара» (*см. фото на вклейке*).

15 ноября 2005 года Юрий Николаевич Труфанов вернулся в Фили и до самой смерти трудился в качестве заместителя генерального конструктора в КБ «Салют».

Генеральный директор НПО «Молния» А. С. Башилов (слева) и его заместитель Ю. Н. Труфанов, начало 2000-х гг.

Несмотря на большую занятость, Юрий Николаевич пользовался любой возможностью побывать на малой родине – в хуторе Евсеевском, где любил посидеть с удочкой на берегу реки. На вопросы хуторян, кем он работает в Москве, с усмешкой всегда отвечал: «Вот умру, тогда и узнаете».

Выдающийся инженер и конструктор Юрий Николаевич Труфанов скончался 21 апреля 2008 года. Похоронен на Хованском (Северном) кладбище в Москве рядом с могилой матери.

За свою трудовую деятельность Юрий Николаевич был отмечен рядом ведомственных и государственных наград:

• 1970 – Ленинская премия за работу в области специального аппаратостроения (Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР от 12 ноября 1970 года);

• 1987 – медаль «Ветеран космодрома Байконур» (решение Совета ветеранов космодрома «Байконур» от 2 октября 1987 года);

• 1996 – нагрудный знак «Почётный авиастроитель» (за большой вклад в развитие авиационной промышленности, 29 августа 1996 года)

Кроме того, 18 декабря 1996 года указом Президента Российской Федерации Ю. Н. Труфанову присвоено почётное звание «Заслуженный конструктор». А в 2002 году Юрий Николаевич был избран действительным членом (академиком) Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского.

P. S. Автор статьи выражает огромную благодарность родным Ю. Н. Труфанова – жене Люции Михайловне и дочери Алле Юрьевне Труфановым – за предоставленные материалы, а также за решение передать эти документы, фотографии и личные вещи Юрия Николаевича в музей Константиновского педагогического колледжа.

Д. А. Щербак

Материалы к биографии Г. А. Ознобишина. Находки последних лет

Знакомству с творческим наследием Георгия (Егора) Ознобишина предшествовал поиск иллюстративного материала для церковно-исторических публикаций. К их числу можно отнести как собственные работы, так и труды единомышленников.

Первоначально изучались фонды ГАРО, Донской государственной публичной библиотеки, а также музеев нашего региона. Внимание уделялось различным семейным архивам, частным коллекциям и текущим предложениям антикварного рынка. Всё это приносило свои плоды, но со временем стало ясно: горизонты поисковой деятельности необходимо расширять. Это закономерно привело к изучению различных федеральных фондов. Необходимо отметить, что не менее ценные находки были сделаны в иных регионах страны, иногда и за рубежом. В 2018 г. состоялась рабочая переписка с Научно-исследовательским музеем Российской академии художеств. Её результатом и стало моё знакомство с альбомом работ Ознобишина[1]. Первое впечатление было настолько сильным, что сразу возникло желание выпустить в свет сборник рисунков художника. К тому же хранитель коллекции посетовал, что со стороны донских музеев не поступало предложений по организации выставки работ мастера. Тогда лишь шесть рисунков были использованы в качестве иллюстраций для фактографического справочника А. Г. Сизенко[2]. И только один из них публиковался повторно, в книге с воспоминаниями моего деда о Великой Отечественной войне[3].

[1] НИМ РАХ. КП-610/405–502.

[2] *Сизенко А. Г.* Церковный клир церквей Войска Донского (городские, станичные, хуторские, слободские, станционные, поселковые и сельские) XVIII в. – 1918 г.: фактографический справочник / А. Г. Сизенко. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2018. 963 с., [7] л. цв. ил., факс.; 21.

[3] *Щербак Д. А.* Мы шли на смерть ради Родины. Воспоминания уроженца и жителя Воронежской области Дмитрия Ивановича Заходякина, к 80-летию начала Великой Отечественной войны / Д. А. Щербак. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2021. 263 с., [1] с. ил., портр., факс., цв. ил., цв. портр., цв. карты, цв. факс.; 22х23.

В 2024 г. выяснилось, что в фондах Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся фотокопии рисунков Ознобишина. Черно-белые снимки были выполнены в 1974 г. Так как за сорок лет состав коллекции мог измениться, была проведена сверка, которая их не выявила.

Время показало, что издание альбома в вышеуказанный отрезок времени было бы преждевременным. Убедительной прозвучала просьба отложить этот шаг со стороны А. В. Шадриной. Одной из причин оставался тот факт, что на протяжении полувека в поле зрения исследователей находился небольшой объём биографических сведений о художнике. В фондах ГАРО хранится четыре дела, три из которых – докладные записки Ознобишина войсковому наказному атаману Н. А. Краснокутскому периода 1875–1879 гг.[4] Четвёртое – докладная записка Областному правлению[5] проживающего в станице Урюпинской статского советника Георгия Андреевича Ознобишина за 1888 г. с просьбой «об усыновлении ...воспитанницы[6] Марии Золотопуповой ...или об изменении ея фамилии». Было принято решение крестьянской дочери-сироте «...присвоить, согласно просьбы воспитателя, фамилию Туркиной»[7]. За тот же период в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества сохранились в большем количестве, содержащие ценные сведения, докладные записки, отчёты и документы на бланках, подписанные Георгием Андреевичем[8].

В публикациях наших дней авторами отмечено, что неизвестно ни место рождения, ни время и место смерти художника[9]. К не-

[4] ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1272; Там же. Д. 1273; Там же. Д. 1845.

[5] Там же. Ф. 301. Оп. 8. Д. 1274. Л. 123–124.

[6] Воспитанница Мариинского приюта. *Крайсветная Л. В. Ознобишин Егор Андреевич и его деятельность в деле создания Донского музея. Краеведческие записки: сб. науч. трудов / Новочеркасский музей истории донского казачества. Вып. 11. Ростов н/Д.: Альтаир, 2014. С. 244.*

[7] ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 1274. Л. 123, 123 об.

[8] НМИДК. КП–24927/1–84.

[9] *Крайсветная Л. В.* Ознобишин Егор Андреевич и его деятельность в деле создания Донского музея. Краеведческие записки: сб. науч. трудов / Новочеркасский музей истории донского казачества. Вып. 11. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2014. С. 244, 246; *Максименко Л. И.* Альбом Е. А. Ознобишина // Дон. временник. Вып. 28. Ростов-на-Дону, 2019. С. 134.

известным фактам теперь можно добавить и точный год рождения, но об этом будет сказано ниже.

Ситуация изменилась осенью 2025 г. с совершенно неожиданной стороны. Невольно вспоминаются слова проповеди, услышанные в храме: «Случай – это псевдоним Бога».

В работе над родословной семьи и «белыми пятнами» в биографии своего деда Н. И. Щербака я посчитал ценным источником информации картографический материал XVIII – первой половины XX в. В поле зрения оказался «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-топографического отдела»[10]. В справочнике значится имя Георгия Андреевича Ознобишина и шифр периодического издания, в котором был опубликован некролог о нём. Таковыми оказались «Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества».

Фактически публикация озаглавлена как отчёт о состоянии Кавказского отдела ИРГО за истекший период, и лишь часть текста является некрологом по своему содержанию:

«21-го февраля 1905 года на семьдесят втором году жизни[11] скончался *Георгий Андреевич Ознобишин.* Покойный получил образование в Императорской академии художеств, где окончил курс со званием класснаго художника 2-ой ст[епени] и с правом на звание учителя гимназии по чистописанию и рисованию. Всю свою долголетнюю и служебную деятельность Г. А. Ознобишин провел на педагогическом поприще, на которое впервые вступил в 1866 г., когда был назначен учителем рисования, черчения и чистописания в новочеркасскую гимназию. Затем, 15-го сентября 1883 года покойный назначен был инспектором народных училищ Донской

[10] *Пагирев Д. Д.* Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 30: Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-топографического отдела / Д. Д. Пагирев. Тифлис, 1913. С. 335.

[11] Согласно тексту, годом рождения следует считать 1833–1834 гг. Краткая биография с датой рождения в 1837 г. была опубликована к 250-летию Академии художеств. *Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914. Ч. II биографическая / Петроград: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. С. 143.*

обл[асти][12], откуда через 6 лет (18 декабря 1889 г.) перемещен на такую же должность в Харьковскую губ[ернию]. За выслугою в 1894 г. двадцатипятилетняго срока Г. А. Ознобишин был уволен от службы, но в том же году снова получил место по учебному ведомству – учителя рисования[13] в шушинском[14] реальном училище, откуда 18 августа 1898 г. переведен в тифлисское реальное училище на должность учителя рисования и чистописания[15]; в этой должности покойный оставался уже до самой своей смерти. Г. А. Ознобишин состоял членом многих ученых обществ и особенно интересовался археологией[16]. Членом Отдела покойный был избран 7-го января 1902-го года»[17].

P. S. Хотелось отметить, что есть перспектива изучить сохранившееся в архивных фондах Грузии личное дело учителя рисования Г. А. Ознобишина, и выразить надежду, что документы прольют свет на неизвестные факты его биографии.

[12] *Булгаков Ф. И.* Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия: биографии, портреты художников и снимки с их произведений: Т. 1–2 / Ф. И. Булгаков. Т. 2: [Л – Я]. СПб., 1890. С. 77.

[13] Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 г. 1895. С. 54–55.

[14] Шушá (азерб. Şuşa, арм. Ծուշի) – уездный город в составе Елизаветпóльской губернии. Расположен в предгорьях Карабахского хребта.

[15] Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 г. Ч. 1. 1904. С. 50–51.

[16] Примерная программа для организации Донского музея / [Е. Ознобишин]. Новочеркасск: тип. Ф. Траилина, 1883. С. 3–5.

[17] Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1905–1906. Т. XVIII, № 4. Тифлис, 1906. С. 264–265.

Р. А. Бочарников

Кирпич Области Войска Донского: производство, виды, типы кладок середины XIX – начала XX веков

Специфика производства

В рассматриваемый период времени на Дону преобладала распространённая на то время ручная формовка кирпича в деревянных (позже – в металлических) ящиках (формах), что напрямую отражалось на его гранях, фактуре и конечных размерах после сушки и обжига.

Заводы располагались в соответствующих районах, богатых глиной и водой – основными компонентами для производства строительной керамики. После ряда приготовлений (выдерживание, мятка) глиняное тесто отправлялось на формовку, которая, как уже было указано выше, была вначале преимущественно ручной и лишь в конце XIX – начале XX в. могла быть уже и машинной.

Формы для производства кирпича были с дном или без (так называемые «пролётки»). Они изготавливались чуть большего размера – учитывалось свойство сырца уменьшаться в размерах в ходе предварительной просушки на открытом воздухе и последующего обжига (рис. 1, *см. на вклейке*).

После формовки сырец отправлялся на просушку. Как правило, она производилась на отдельных площадках, «полянках» под открытым небом. Сырец выкладывался либо на широкую свою часть (постель), либо на узкую (ложок).

В этот период живность, обитающая на территории производства, могла оставлять следы на сырце. Это, как правило, отпечатки лап собак, кошек, птиц, копыт свиней и коз (рис. 2).

Также на поверхности кирпича встречаются следы пальцев рабочих, реже – обуви.

После естественной просушки (от 3-х до 15-ти дней) сырец отправлялся в печь для обжига, в которой он порядка двух недель подвергался воздействию разных температурных режимов. Этот этап, а также способ укладки сырца в печи (близость или отдален-

ность от источника тепла) также влияли как на его конечные размеры, так и на его свойства[1].

После выгрузки готового кирпича из печи он сортировался, как минимум, на три вида: – строительный – хорошо обожжённый (как его называли «красный»); – пережжённый или «железняк»; – «недопал» или «алый».

Железняк имел свойство не впитывать влагу и, будучи темно-бурого или даже графитового цвета, часто имел на своей поверхности стекловидные фрагменты – из-за своих свойств он отправлялся обычно для кладки фундаментов, стен сырых помещений или мощения канав.

Алый кирпич, как материал с недостаточными прочностными характеристиками – шел для возведения внутренних стен, перегородок и дымовых шахт. Был дешевле красного строительного[2].

Именно из-за описанной выше технологии, кирпичи этого периода имеют шероховатую поверхность, грани – не ровные, а размеры варьируются и могут расходиться порой до 10–12 мм при сравнении кирпичей из одной партии. Благодаря этим факторам – кладки из таких кирпичей имеют свою неповторимую «живую» фактуру, которая особенно выразительно проявляется при боковом солнечном освещении.

Форматы. Зависимость размеров от времени производства

В 1847 году в России был издан официальный документ, стандартизирующий кирпичное производство в стране. Это были «Правила для единообразной и прочной выделки кирпича, долженствующего употребляться как в С.-Петербурге, так и в других местах России на казенных и частных заводах». В нём регламентировался размер кирпича, который должен был приближаться к эталону в **6х3х1½ вершка, что соответствует современным 266х133х67**[3].

[1] *Мильчевский О.* Технолог-практик / Октавиан Мильчевский, – М.: Типография С. Орлова, 1868. С. 652.

[2] Там же. С. 618.

[3] Правила для единообразной и прочной выделки кирпича, долженствующего употребляться как в С.-Петербурге, так и в других местах России на казенных и частных заводах Утв. воен. министром 24 янв. 1847 г.

Можно сказать, что к таким размерам местный кирпич смог приблизиться только в начале XX века, в то время как кирпич, «выделанный» в третьей четверти XIX века был меньшего формата. В городах Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону прослеживается явно выраженная зависимость между периодом производства кирпича и его форматом, и цветом.

В ходе визуального осмотра открытых кладок подавляющего числа зданий исторической застройки можно отметить, что в них встречается два основных формата красного кирпича – в предлагаемой автором терминологии это «маломер» со средними размерами 240–250 х 120–125 х 50–55 и «большемер» со средними размерами 265–270 х 135–140 х 65–70 (рис. 3).

Ориентировочный период производства кирпича малого формата: середина XIX века – 1890-е гг. Самый мелкий формат, при этом, наблюдается у кирпичей, соответствующих производству середины XIX в. Период производства кирпича более крупного формата: конец 1880-х – конец 1910-х гг.

К «большемеру» можно отнести и белый силикатный кирпич, его средние размеры 270х130х65 – он наиболее приближен к размерам, рекомендованным «Правилами для единообразной выделки кирпича». Применение этого материала началось после 1911 года, когда в Ростове и Новочеркасске заработали два специализированных завода (рис. 3).

Интересно, что в ранний советский период наблюдается уменьшение формата кирпича относительно «большемера» нач. XX в.

Отдельно стоит упомянуть огнеупорные кирпичи, которые производились как для отопительных систем жилых и общественных зданий, так и для промышленных предприятий. Производство кирпича в Области Войска Донского (ОВД) было незначительным и ограничивалось несколькими производителями. Из известных – это заводы Фандеева, Бурцева и Трифилова в Ростове на-Дону, Чубарова в Нахичевани и Пастуховых в Сулине (которые производили кирпич для нужд своего Металлургического завода) – рис. 4. Формат огнеупоров традиционно меньше красного строительного кирпича.

Типы перевязок

В ходе натурных исследований автором систематизированы основные типы кладок, встречающиеся в регионе с учетом таких параметров как цвет и вид кирпича, период его производства, а также конструктивного способа возведения здания.

В целом вплоть до третьей четверти XIX века при возведении стен наибольшее распространение в России получила укладка кирпича **верстовой перевязкой**. Донская Область в этом моменте не стала исключением, более того, основным видом перевязки она оставалась здесь и до начала 20-х годов XX века (рис. 5).

Эта перевязка представляет собой чередование тычков и ложков в слое. Следующий слой кладется так, чтобы тычок был посередине ложка кирпича нижнего слоя. В Европе этот вид перевязки получил название *готической*, в связи с тем, что именно в готике подобная кладка получила широкое применение. В литературе встречаются также и другие названия этого вида перевязки – *старорусская, польская, «тычок-ложок».*

Кроме того, на изучаемой территории выявлены и другие виды перевязок, получившие, однако, намного меньшее распространение. Они встречаются в отдельных объектах и часто связаны с особенностями их строительства. К таким видам можно отнести следующие:

– **тычковая перевязка** – когда на лицевую поверхность стены выходят только тычки. В частности, такой вид кладки встречается в Новочеркасске в зданиях третьей четверти XIX века – начала XX вв.;

– ложковая перевязка. Встречается, в основном, в том случае, когда постройки из деревянных пластин обложены в ½ кирпича. В этом случае кладка выполняет роль облицовки. При этом, для лучшей связи слоев кирпича с деревянной основой, применялось армирование кладки при помощи крупных кованых или проволочных гвоздей. Связи проходили между кирпичами – гвозди вбивались в деревянную стену сквозь раствор в момент её обкладки. Встречаются такие кладки в жилых домах в один или два этажа,

возведенных в период второй половины XIX века и вплоть до начала XX.

– цепная (или обыкновенная) перевязка. В этом случае тычковые ряды чередуются с ложковыми. Примерно с середины 1920-х годов этот вид перевязки начинает доминировать, особенно при строительстве крупных многоквартирных домов[4];

– **бессистемная (или хаотичная) перевязка**, как и в случае с ложковой – отмечается в зданиях с комбинированным типом возведения стен, когда возводилась сначала основа из толстых деревянных пластин, которая затем обкладывалась в 1 или в 1½ кирпича.

Кроме того, следует отметить такой интересный вид местных кладок, как **узорчатые кладки.** Взаимодействие желтых тычков и оранжевых ложков в кладках с верстовой перевязкой создает свою эстетику и, безусловно, являясь преимущественно местной особенностью, в краеведческих кругах уже получившей название «донской» (рис. 6).

Встречаются, также, примеры, когда путем такой игры оттенков сторон красного кирпича на простенках фасадов зданий выкладывались узоры. Таким образцом может служить «Дом купца Россалимо» (1880-е гг.) в Ростове-на-Дону (Донская ул., 36) или Покровская церковь (нач. XX в.) в Константиновске (рис. 7).

Клеймение

Без преувеличения можно сказать, что клеймение кирпича образует особый вид декоративно-прикладного искусства, и, кроме своего сугубо информационного значения, отражает часто этнокультурный аспект, о чем свидетельствует не только типографика, но и размещение смысловых знаков на кирпичах. Клеймение кирпича в России регламентировалось все теми же «Правилами» от 1847 года. В разных регионах бывшей Российской Империи этот вид маркировки кирпича имел свои особенности, делался разными способами и при разных стадиях технологического процесса.

[4] *Рошефор Н. И.* Иллюстрированное урочное положение на общестроительные работы. Часть II. / Николай Иванович Рошфор, – М.: Государственное Техническое Издательство, 1929. С. 103.

Клеймо «выжималось» на одной из сторон кирпича. По этим различиям и собранным на сегодня аналитическим данным, исследователи уже могут классифицировать кирпичи по разным регионам их производства[5].

Исходя из анализа **более пятисот видов** местных клейм из собрания автора, можно утверждать, что на Дону в дореволюционный период было распространено размещение клейма исключительно на широкой плоскости кирпича – постеле. Этот факт отличает ОВД от других областей Центральной России.

В ходе исследования была выявлена (как и в случае с форматами) зависимость вида и стиля графики клейма от периода выделки местного кирпича.

В рассматриваемых оттисках можно обозначить три основных вида их отображения: **рельеф, углубленный рельеф и контррельеф**.

Преимущественно, на них наносилась первая буква фамилии владельца производства или его инициалы: две буквы или три. Причем, традиционно, при последних вариантах – первой всегда шла начальная буква имени, а последней – фамилии и никак не наоборот. Это является важным фактором при атрибуции клейма.

Наиболее простыми по начертанию и исполнению являются клейма более раннего периода производства кирпича – это рельефные клейма. Как правило – это буквы (рис. 8).

Оттиск получался за счет вырезания букв или знаков в дне деревянной формы. Как правило, это был лишенный изысков «бытовой» шрифт.

Нельзя не упомянуть, что на кирпичах, произведенных в период середины – третьей четверти XIX века встречаются и наиболее интересные виды клейм – знаки и рисунки, которые, очевидно, несут какую-то смысловую нагрузку, пока не поддающуюся расшифровке. Их можно предположительно атрибутировать только по косвенным признакам – соседству подобных кирпичей с более понятными клеймами со знаками письменности в одной кладке.

---

[5] *Киселев И.* Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков / И. Киселев. – Москва: Академия, 2005. С. 303.

Примером может служить знак креста с характерной клинчатой формой лучей – так называемый «австрийский» крест, который встречался в одной кладке вперемешку с буквами «Я.В.». По этим признакам эти клейма могут принадлежать заводу ростовского купца Якова Василенко. Однако, смысл нанесения такого символа до сих пор не ясен (рис. 9)[6].

Разнообразие видов клейм начинает проявляться примерно со второй половины 1880-х годов: появляются контррельефные клейма, выполненные при помощи оттисков, специально отлитых из цветного металла клише, которые привинчивались к дну форм (или подкладных досок). Шрифты на таких штампах – уже того или иного стиля графического начертания (рис. 10). Оттиски, выполненные таким способом, свидетельствуют, как правило, о довольно крупных производствах, функционирующих не один год.

Кроме инициалов владельцев, начинают встречаться уже и полные надписи их фамилий. Преимущественно в 1890-х годах появляются клейма с углублённым рельефом – выдавленные буквы во вдавленных плашках. Известны, например, клейма одного стиля на кирпичах нахичеванских производителей: «БУБЛІЕВЪ», «САНИНЪ», «СЕВАСТЬЯНОВЪ», а также одно из самых крупных по размеру клейм в ОВД – нахичеванского производителя Саркиса Баронова (рис. 10).

Отметим также, что при мелких кустарных производствах, например, в хуторах и станицах большинства округов культуры клеймения развито не было. Часто в руинированных зданиях встречаются кирпичи местной выделки без клейм.

В завершение можно упомянуть о продолжении практики клеймения и в ранний советский период. Встречаются как характерные знаки с символикой новой страны (серп и молот, пятиконечная звезда), так и аббревиатуры (реже полные надписи) промысловых артелей или национализированных заводов прежних владельцев (рис. 11).

[6] Оценки недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога, 1886.

А. В. Харитонов

Пропавшая фотолетопись: фотографии 26-го донского казачьего полка периода Первой мировой войны

«Проходили годы, участники вымирали, и о содеянных подвигах оставалось лишь одно предание, а если кое-что и попадало на страницы истории, то уже большей частью в искажённом виде. А ведь большинство подвигов могло иметь огромное воспитательное значение для подрастающего поколения, сынов славного Тихого Дона».

Из приказания по 25-му
Донскому казачьему полку № 19
от 6 мая 1915 года полковника
И. К. Хрещатицкого

Старинные фотографии являются ценным и интересным историческим источником, позволяющим не только получить визуальное представление о давно ушедшей эпохе, но и существенно дополнить или уточнить уже имеющиеся сведения объективной информацией. Особое значение имеют фотографии при изучении военной истории: хроник боевых действий, полковых историй, биографий военнослужащих. Во время Первой мировой войны благодаря техническому прогрессу и интересу к фотографии было сделано огромное количество фотоснимков, значительная часть которых сохранилась до наших дней. Многие воинские части Русской Императорской армии стали использовать фотографии при оформлении своих полковых историй и альбомов. Не остались в стороне от нового увлечения и донские казаки. Одним из таких полков, в котором велась целенаправленная работа по составлению фотолетописи об участии в войне, был 26-й Донской казачий полк.

26-й Донской казачий полк – полк второй очереди, который формировался в 1-м Донском округе Области Войска Донского, и его сборным пунктом была ст. Константиновская. После объявле-

ния мобилизации в 1914 году полк был сформирован из казаков 1-го Донского округа, из станиц Константиновской, Ермаковской, Мариинской, Николаевской, Богоявленской, Семикаракорской, и частью Сальского округа, станиц Великокняжеской, Денисовской и Батлаевской. Поэтому, среди казаков полка был большой процент старообрядцев и калмыков.

Окончив формирование, 2 августа 1914 г. 26-й Дкп выступил из ст. Константиновской и по железной дороге был отправлен на фронт. С 14 августа 1914 г. полк приступил к несению сторожевой и разведывательной службы в составе 4-й Донской казачьей дивизии. За время Первой мировой войны 26-й Дкп в составе 4-й Донской казачьей дивизии воевал в 5-й и 2-й армиях на Юго-Западном фронте, 5-й армии на Северо-Западном и Северном фронтах, 1-й и 12-й армиях на Северном фронте (с ноября 1915 года до сентября 1916 года в составе 6-го конного корпуса). С момента формирования 26-м Дкп командовал полковник Поляков Петр Минаевич. В июне 1915 года его сменил полковник Иван Константинович Хрещатицкий. Именно благодаря И. К. Хрещатицкому в полку стала вестись целенаправленная работа по составлению фотолетописи полка, и до наших дней сохранилось много уникальных фотографий.

Полковник И. К. Хрещатицкий войну начал помощником командира 25-го Донского казачьего полка (заведующим хозяйством полка)[1], временно командовал этим полком. Иван Константинович был одержим идеей сохранения исторической памяти об участии донских казаков в войне. В приказании по 25-му Донскому казачьему полку № 19 от 6 мая 1915 года полковник И. К. Хрещатицкий обращал внимание на то, что «много было славных боевых схваток полков, а ещё больше подвигов, совершенных отдельными казаками. Первые иногда записывались и хотя кратко, но вносились в приказы по части, последние же ускользали в большинстве случаев, жили лишь в памяти участников.

…Проходили годы, участники вымирали, и о содеянных подвигах оставалось лишь одно предание, а если кое-что и попадало на

[1] РГВИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 15209. Л. 35.

страницы истории, то уже большей частью в искажённом виде. А ведь большинство подвигов могло иметь огромное воспитательное значение для подрастающего поколения, сынов славного Тихого Дона»[2]. Поэтому он просил каждого офицера подробно записывать подвиги казаков в свои памятные книжки, а потом сообщать эти сведения специально назначенному офицеру. Этот офицер должен был вести для сбора сведений специальную тетрадь[3].

Однако ведущую роль в деле сохранения исторической памяти Хрещатицкий отводил фотографиям, которые бы наглядно иллюстрировали историю войны. Для этого во время командования И. К. Хрещатицким 25-м Дкп по его инициативе был приобретен фотоаппарат. Среди казаков полка нашелся профессиональный фотограф – казак Столяров. В результате, к июню 1915 года было сделано более 100 фотоснимков[4] о боевой жизни 25-го Дкп. При этом Хрещатицкий требовал, чтобы на обороте каждой фотографии было краткое пояснение с обозначением года, числа и местности, или фамилии. Сделанные фотографии предполагалось использовать для оформления альбома на 200–300 фотоснимков об участии 25-го Донского казачьего полка в войне[5]. По мнению Хрещатицкого для оформления альбома нужно было собрать следующие фотоснимки:

1. Портреты офицеров, врачей, чиновников полка;
2. Фотографии полкового знамени;
3. Снимки всех сотен и команд в пешем и конном строю;
4. Групповые фотографии всех георгиевских кавалеров;
5. Снимки наиболее отличившихся казаков;
6. Виды местности, где происходили наиболее упорные бои и укрепленные позиции, занимаемые полком;
7. Разрушенные деревни и здания;
8. Снимки пленных и трофеев;
9. Все следы немецкого варварства;

[2] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 13.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 14 об.

[5] Там же. Л. 13 об.

10. Вообще всё, имеющее впоследствии историческое значение и способное служить иллюстрацией боевой деятельности полка[6].

Однако 25-му Дкп не повезло, с 28 июня 1915 года И. К. Хрещатицкий был назначен временно командующим 26-м Дкп, а с декабря утвержден командиром этого полка. Новое назначение не изменило планов полковника Хрещатицкого, свои идеи он решил воплотить в 26-м Дкп. Как писал сам Хрещатицкий, «приняв 28 июня в командование 26-й Донской казачий полк, приступил к осуществлению своей идеи в этом полку. Приступая к этому, натолкнулся на следующее препятствие: в полку не оказалось не только профессионального, но даже сносного любителя фотографии»[7].

Поэтому, в своём рапорте начальнику штаба Войска Донского в декабре 1915 года Хрещатицкий указывал, что «война, вероятно, протянется долго, и крайне желательно иметь казака-фотографа». На основании чего он просил «прислать фотографа в качестве добровольца или по наряду, или перевести из другого полка»[8]. При этом Иван Константинович очень сожалел, что отсутствие фотографа не позволило запечатлеть многие уже имевшие место эпизоды из боевой деятельности полка[9].

Просьбу Хрещатицкого услышали. В апреле 1916 года в 26-й полк в качестве полкового фотографа, прибыл направленный распоряжением атамана 1-го Донского округа, казак Василий Иванов ст. Романовской. Василий Иванов оказался превосходным фотографом, в совершенстве знал своё дело и относился к нему добросовестно и аккуратно[10].

Василий Иванов прослужил в 26-м Дкп до апреля 1917 года, и был уволен на льготу как негодный к военной службе по состо-

[6] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 13 об.

[7] Там же. Л. 14 об.

[8] Там же. Л. 14 об., 15.

[9] Там же. Л. 14 об.

[10] Что касается необходимого оборудования, то найти его не составило большого труда – на приобретение фотографического аппарата с принадлежностью из полковой казны было потрачено 470 рублей. ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 705а. Л. 30.

янию здоровья[11]. Давая высокую оценку профессиональным качествам Василия Иванова, И. К. Хрещатицкий указывал, что именно «благодаря ему удалось мне осуществить свою мечту: путем передачи в Областной и Окружной музеи альбомов со снимками из боевой и повседневной жизни полка, дать возможность будущему поколению сынов Тихого Дона видеть подвиги их славных отцов и дедов. Благодаря Иванову многие казаки и казачки имели возможность на страницах “Донских ведомостей“ видеть своих близких и родных»[12].

Таким образом, согласно сообщению Хрещатицкого, были оформлены два альбома с фотографиями под названием «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка во время Великой войны». Сведений о передаче альбома в 1-й Донской округ и его дальнейшей судьбе найти не удалось. Судьба другого альбома также неизвестна. Альбом включал в себя фотографии всех офицеров 26-го Дкп, служивших при графе М. Н. Граббе, а также снимки из боевой и повседневной жизни полка. Известно, что альбом был доставлен в г. Новочеркасск 8-го ноября 1916 года представителями полка: войсковым старшиной Лобовым и полковым адъютантом сотником Маргушиным, и, очевидно, передан в областной музей[13]. Но о дальнейшей судьбе этого альбома сведений нет.

Среди экспонатов «Новочеркасского музея истории донского казачества» известна только одна фотография, имеющая отношение к 26-му Дкп. Это снимок 6-й сотни полка, датированный 3 сентября 1916 года и на котором отмечен казак Гладков Михаил Васильевич[14]. Этот экземпляр фотографии, очевидно, не из полкового альбома.

Однако в ГАРО в фонде Х. И. Попова хранятся Приложение к альбому «Участники войны 1914 года 26-го Донского казачье-

[11] ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 705а. Л. 30.

[12] Там же.

[13] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 30 об.

[14] ГБУ культуры РО «Новочеркасский музей истории донского казачества», инвентарный номер фот-5081, НМИДК КП 16435, номер в госкаталоге 18809119.

го полка»[15] и Пояснение к снимкам альбома «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны»[16]. Приложение к альбому «Участники войны 1914 года 26-го Донского казачьего полка» содержит список из 56 офицеров и чиновников с кратким описанием их службы и заслуг. Список составлен с учётом старшинства, перед фамилией указан порядковый номер. В конце документа приводится не пронумерованный список офицеров, исключенных из списка полка по разным причинам. Подписи и даты в конце списка нет. Фотографии большинства офицеров, о которых идёт речь в данном документе, публиковались в Приложении к Донским областным ведомостям[17].

Согласно Пояснению в альбоме «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны» было 98 фотографий, при этом Хрещатицкий сожалел, что размер альбома не позволял использовать все имеющиеся фотографии[18]. Данный факт свидетельствует о том, что было сделано фотографий значительно больше и были другие фотографии, описание которых не сохранилось.

Следует отметить, что фотографии в 26-м Дкп изготавливались не только для полкового альбома, но и попадали в частные руки для оформления личных альбомов. Автору известно о существовании как минимум двух таких альбомов. Поэтому наверняка одна и та же фотография имела несколько экземпляров.

Что касается авторства фотографий, включенных в альбом, большая их часть, несомненно, сделана Василием Ивановым, однако некоторые фотографии сделаны другими фотографами. Так фотография под № 58 сделана полковым врачом В. Ф. Платоновым[19], а фотография № 80, скорее всего казаком Столяровым из 25-го Дкп.

---

[15] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1–10 об.

[16] Там же. Л. 11, 21–30 об.

[17] См. ДОВ. Иллюстрированное приложение. 1917. № 7, 8.

[18] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 30 об.

[19] Там же. Л. 27.

Пояснение к альбому «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны» было составлено в Лифляндской губернии на мызе Анненгоф, в составлении принимал участие лично Хрещатицкий. При этом Пояснение к альбому «Участники войны 1914 года 26-го Донского казачьего полка» было составлено позже передачи самого альбома, так как в тексте Пояснения упоминается о том, что альбом был привезён в Новочеркасск 8 ноября 1916 года, а в конце Пояснения стоит дата 9 декабря 1916 года за подписью Хрещатицкого[20]. Но, в тексте Пояснения содержится так же информация о передаче иконы образа Господа Вседержителя в качестве благословления Войсковому наказному атаману М. Н. Граббе, которая была доставлена с фронта в Новочеркасск 21-го декабря 1916 года[21]. Поэтому дата составления окончательной редакции Пояснения остаётся под вопросом.

Таким образом, наличие в ГАРО отдельных документов – Приложения к альбому «Участники войны 1914 года 26-го Донского казачьего полка» и Пояснения к снимкам альбома «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны» – оставляет открытым вопрос о том, сколько было фотографий в альбоме, доставленном в г. Новочеркасск 8-го ноября 1916 года войсковым старшиной Лобовым и сотником Маргушиным.

Известно достаточно много сохранившихся атрибутированных фотографий, имеющих отношение к 26-му Донскому казачьему полку. Эти фотографии получили широкое распространение как в сети интернет (социальные сети «Одноклассники», «Вконтакте»), так и в различных изданиях[22]. В основном, это серия фотографий В. С. Иванова, сделанная во время пребывания 26-го Дкп в Лифляндской губернии (Латвии) в 1916 году. Часть фотографий из этой серии с портретами офицеров и казаков 26-го Дкп, сценами из боевой жизни была опубликована в Приложении к газете Донские

[20] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 30 об.

[21] Там же. Л. 22.

[22] *Корягин С. В.* Чеботаревы и другие. Вып. 90. Москва: Русаки, 2010. С. 422–430; *Корягин С. В.* Дьяковы и другие. Вып. 98. Москва: Русаки, 2011. С. 431–442.

областные ведомости в 1916–1917 гг[23]. Оригиналы части фотографий, опубликованных в Приложении к газете Донские областные ведомости, хранятся в архивах, музеях и частных коллекциях.

Большая часть известных фотографий, имеющих отношение к 26-му Донскому казачьему полку хранится в ГА РФ[24], незначительная их часть была опубликована на сайте РГАСПИ в рамках историко-документальной выставки «Казачество в Великой войне 1914–1918 гг.» в разделах «Казачество в военных действиях в 1914–1916 гг.» и «Казачество и Церковь в годы Великой войны»[25].

Однако при публикации некоторых фотографий были допущены ошибки в их атрибуции. Так, например, в аннотации к одной из фотографий указано, что на ней запечатлены «Казаки 46-го Донского казачьего полка в противогазовых масках»[26], что не соответствует действительности, так как на фотографии казаки 26-го Донского казачьего полка (фото 8). Данная фотография была опубликована в Приложении к газете Донские областные ведомости[27] и упоминается в Пояснении к снимкам альбома «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны»[28].

В аннотации к другому фотоснимку указано, что на фотографии «Георгиевский кавалер 26-го Донского казачьего полка прапорщик Мистрюков»[29], в то время как офицер с такой фамилией никогда в 26-м Дкп не служил. На самом деле, на фотоснимке (фото 3) запечатлён прапорщик Василий Николаевич Гаврилов, и эта же его фотография была опубликована в Приложении к газете Донские областные ведомости[30].

---

[23] ДОВ. Иллюстрированное приложение.1916. № 38, 39, 47, 48, 50. 1917. № 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14.

[24] ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691.

[25] Казачество в Великой войне 1914–1918 гг. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/cossacks2024 (дата обращения: 30.09.2025).

[26] Казачество в Великой войне 1914–1918 гг. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/cossacks2024/object/958275185_973831481 (дата обращения: 30.09.2025).

[27] ДОВ. Иллюстрированное приложение 1916. № 39, 25.09. С. 2.

[28] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 25об.

[29] Казачество в Великой войне 1914–1918 гг. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/cossacks2024/object/958275185_974076864 (дата обращения: 30.09.2025).

[30] ДОВ. Иллюстрированное приложение 1916. № 38, 18.09. С. 3.

Много вопросов вызывает фотография с подписью «Офицеры 26-го Донского казачьего полка на празднике светлого Христова Воскресения в казармах Волынского полка[31], учитывая, что Пасха в 1916 году приходилась на 23 апреля. На данной фотографии (фото 9) видны украшения, которые используют при праздновании Нового года, но никак не Пасхи, а офицеры одеты в зимнюю форму. Именно в январе 1916 года 26-й полк находился на отдыхе в г. Двинск Витебской губернии и был размещен в казармах 99-го Ивангородского пехотного полка. Ожидался приезд и посещение полка Великими княжнами Марией Павловной и Викторией Фёдоровной, поэтому казармы были убраны и украшены декорациями[32]. С 14 марта по 4 июня 1916 года 26-й Донской казачий полк занимал позиции по р. Западная Двина на участке к. Балод – мз. Клауденшейн[33] и не мог находиться во время Пасхи в казармах в г. Двинск. Что касается 53-го пехотного Волынского полка, то он дислоцировался в г. Кишинёв, там же располагались и его казармы.

Требует уточнения и фотография «Взвод самокатчиков 26-го Донского казачьего полка в строю»[34] (фото 10) так как в 26-м Дкп и в других казачьих полках никогда не было своих самокатных команд, а самокатные роты входили только в состав дивизий. В состав 4-й Донской казачьей дивизии с октября 1915 года входила 14-я самокатная рота[35], запечатленная на этом и ещё двух снимках (фото 11, 12).

В сборнике документов «Донское казачество, Донская земля в Первой мировой войне»[36] в 2015 году был опубликован ряд фотографий, имеющих отношение к 26-му Дкп, в том числе, по крайней

[31] Казачество в Великой войне 1914–1918 гг. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/cossacks2024/object/958275392_973623442 (дата обращения: 30.09.2025).

[32] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 23 об.

[33] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.

[34] Казачество в Великой войне 1914–1918 гг. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/cossacks2024/object/958275185_973831491 (дата обращения: 30.09.2025).

[35] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 212. Л. 195.

[36] Донское казачество, Донская земля в Первой мировой войне: Сборник документов / Ком. по упр. арх. делом Ростовской обл., ГКУ РО «ГАРО». Ростов н/Д., 2015.

мере, восемь фотографий из альбома «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны».

Это фотографии:

1) рота велосипедистов при 4-й Донской казачьей дивизии;

2) стрельба по неприятельскому аэроплану из пулемёта;

3) группа казаков 5-й сотни с бывшим начальником дивизии графом Граббе на реке Перзе (при публикации допущена ошибка в названии реки – вместо Перзе указана река Сперзе);

4) казаки в противогазных масках в ожидании газовой атаки;

5) офицеры 25-го и 26-го полков с вр. командующим бригадой полковником Хрещатицким И. К. у глиняной скульптуры (голова из глины);

6) беспроволочный (искровый) телеграф при штабе 4-й Донской казачьей дивизии;

7) санитарный отряд Союза земских городов с женщиной врачом и сёстрами милосердия;

8) Группа Георгиевских кавалеров на мызе Эйзенгамер.

Однако данные фотографии, несмотря на наличие в ГАРО подробного их описания, не получили должной аннотации. Кроме того, не указан источник и место хранения данных фотографий.

Благодаря подробному описанию фотографий в Пояснении к снимкам альбома «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны», включенных в альбом и сохранившимся разрозненным фотографиям из разных источников возможна как атрибуция большинства безымянных фотографий 26-го Дкп, так и восстановление самого альбома. Сведения о фотографиях данного альбома и их описание приводятся ниже в Приложении.

Автор выражает благодарность М. И. Максимову, В. И. Вегерину, С. А. Громову за оказанную помощь при написании данной статьи.

Приложение

Альбом «Из боевой и повседневной жизни 26-го Донского казачьего полка за время Великой войны», пояснение к фотоснимкам

№	Название фотографии согласно Пояснению к альбому	Краткое описание фотографии	Сведения о публикации или месте хранения
1	Георгиевский штандарт		ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 1.
2.	Георгиевский штандарт	Ст. урядник Морозов с георгиевским штандартом 26-го Донского казачьего полка	ДОВ. Илл. прил.1916. № 38, 18.09. С. 1. Частная коллекция
3.	Казак Устинов с полковым значком 26-го Донского казачьего полка	Казак Пётр Устинов ст. Романовской с полковым значком 26-го Донского казачьего полка	ДОВ. Илл. прил.1916. № 38, 18.09. С. 1. Частная коллекция
4.	Полковой штандарт лицевая сторона		ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 1.
5.	Полковой штандарт обратная сторона		ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 1.
6.	Грамота на пожалование Георгиевского штандарта	Снимок с Высочайшей грамоты на пожалование Георгиевского штандарта	

7.	Грамота на пожалование Георгиевского штандарта	Снимок с Высочайшей грамоты на пожалование Георгиевского штандарта	
8.	Нерукотворный образ Иисуса Христа	Икона Нерукотворный образ Иисуса Христа, благославление императора Николая II перед походом на Японскую войну в 1904 г.	
9.	Образ Святителя Николая	Икона Святителя Николая – благословление полку от Войска Донского перед отправлением на Японскую войну в 1904 г.	
10.	Образ Господа вседержителя (икона). Благословление 26-го Донского казачьего полка Войсковому Наказному Атаману графу М. Н. Граббе		
11.	Образ Холмской Богоматери	Икона Холмской Богоматери	ДОВ. Илл. прил.1916. № 38, 18.09. С. 1.
12.	Полковой знаменщик, георгиевский кавалер Морозов с полковым штандартом верхом	Полковой знаменщик ст. урядник И. Н. Морозов с полковым штандартом верхом на коне	ДОВ. Илл. прил.1916. № 38, 18.09. С. 4.

13.	Штаб-трубач, георгиевский кавалер вахмистр Е.С. Филимонов ст. Константиновской	Штаб-трубач вахмистр Е. С. Филимонов верхом на коне	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 3.
14.	Отец Василий Кравченко	Бригадный священник отец Василий Кравченко верхом на коне	ГА РФ, частная коллекция
15.	Группа начальствующих лиц 4-й Донской казачьей дивизии, 1916 год, июнь	Командный состава 4-й донской дивизии и командиры полков	Частная коллекция
16.	Группа офицеров 26-го Дкп с командиром полка	Группа офицеров 26-го Дкп, январь 1916 года, г. Двинск, казармы Ивангородского полка.	
17.	Группа офицеров 26-го Дкп	Группа офицеров 26-го Дкп, январь 1916 года, г. Двинск, казармы Ивангородского полка	ГА РФ
18.	Группа урядников и казаков 26-го Донского казачьего полка	Группа урядников и казаков 26-го Донского казачьего полка (35 человек)	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 1. ГА РФ, частная коллекция
19.	Добровольцы полка	Добровольцы полка (групповое фото)	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 4.
20.	Первая сотня 26-го Дкп с командиром сотни войсковым старшиной Лобовым	Первая сотня 26-го Дкп с командиром сотни войсковым старшиной Лобовым (спешенная, на фоне здания)[1]	Частная коллекция

[1] Фото 1-й сотни в конном строю опубликовано в ДОВ. Иллюстрированное приложение.1916. № 47, 20.11. С. 3.

21.	Пятая сотня 26-го Дкп с командиром сотни есаулом Ермаковым	Неизвестно, возможно спешенная[2]	
22.	Вторая сотня 26-го Дкп с командиром сотни есаулом Шелякиным	Фото спешенной 2-й сотни на фоне деревьев[3]	ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 4. Частная коллекция
23.	Группа казаков 5-й сотни с бывшим начальником дивизии графом Граббе на реке Перзе	Группа казаков 5-й сотни с бывшим начальником дивизии графом Граббе на реке Перзе во время нахождения в окопах	«Донское казачество …»*
24.	Столпы полка	Общее фото командиров сотен полка	ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 4. Частная коллекция
25.	Ближайшие помощники командиров сотен – сотенные вахмистры	Сотенные вахмистры верхом на конях по порядку сотен слева направо	ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 4. Частная коллекция
26.	Группа типичных представителей казаков 26-го полка	Фото семи казаков в пешем строю	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 3.
27.	Командиры сотен верхами в порядке номеров слева направо	Командиры сотен верхом на конях в порядке номеров слева направо	Частная коллекция

[2] Фото 5-й сотни в конном строю опубликовано в ДОВ. Иллюстрированное приложение.1916. № 47, 20.11. С. 3.

[3] Фото 2-й сотни, спешенной на фоне казаков в конном строю опубликовано в ДОВ. Иллюстрированное приложение.1916. № 47, 20.11. С. 3.

28.	Разъезд	Разъезд пробирается по опушке леса, двигаясь слева направо	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 2. ГА РФ, частная коллекция
29.	Разъезд под начальством подъесаула Дронова расположился на привале	Спешенный разъезд, пики и винтовки составлены в пирамиды, в центре Дронов (сидит)	Частная коллекция
30.	Разъезд	Разъезд пробирается по опушке леса, двигаясь справа налево	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 1.
31.	Германские лошади под сёдлами, отбитые у противника	Казаки держат лошадей, отбитых у противника	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 1.
32.	Германский пулемёт на службе у казаков	Трофейный германский пулемет	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 2.
33.	Могила приказного 6-й сотни Казьмичева		ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 3. Частная коллекция
34.	Противогазы	Трое казаков в противогазных масках разных систем	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 2. ГА РФ, частная коллекция
35.	Противогазы	Казаки в противогазных масках в ожидании газовой атаки	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 4. «Донское казачество …»*

36.	Окопы	Фотография боевого участка занимаемого 4-й сотней полка по реке Двине	ГА РФ
37.	Окопы	Фотография боевого участка занимаемого 4-й сотней полка по реке Двине	
38.	Окопы	Фотография боевого участка занимаемого 4-й сотней полка по реке Двине	
39.	Окопы	Фотография боевого участка занимаемого 4-й сотней полка по реке Двине	
40.	Полковой перевязочный пункт	Полковой врач Платонов с фельдшерами и санитарами оказывает помощь раненым казакам	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 2. Частная коллекция.
41.	Полковой перевязочный пункт	Полковой врач Платонов с фельдшерами и санитарами оказывает помощь раненым казакам	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 3.
42.	Способ перевозки тяжелораненных к перевязочному пункту		ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 3.
43.	Санитарный отряд Союза земских городов с женщиной врачом и сёстрами милосердия		ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 3. «Донское казачество …»*
44.	Следы немецкого разрушения	Фольварк Драминек Плоцкой губернии	Частная коллекция

45.	Железнодорожный мост вблизи местечка Попеляны Курляндской губернии, разрушенный при отступлении	Уничтоженный мост	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 2. Частная коллекция
46.	Что осталось после боёв, бывших в январе и феврале месяцах 1915 года	Фольварк Влодки, на границе Плоцкой и Варшавской губерний	Частная коллекция
47.	Бумажная фабрика	Здание фабрики было занято 3-й сотней полка и приспособлено к обороне	
48.	Полк в походе	Движение полка в походной колонне на отдых в июне 1916 г.	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 1.
49.	Полк на привале	Появились бубен и гармонь, привлекшие нескольких девиц, и начались танцы	ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 2.
50.	Полк на привале	Появились бубен и гармонь, привлекшие нескольких девиц, и начались танцы	ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 2.
51.	Полк в походе	Командир полка с офицерами на мосту через реку Эгель в Лифляндской губернии	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 1.
52.	Получение боевой задачи	Офицеры получают боевую задачу	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 1.
53.	Сотня на бивуаке		ДОВ. Илл. прил.1916. № 47, 20.11. С. 2.

54.	Полковой хор трубачей		ДОВ. Илл. прил.1917. № 14, 2.04. С. 6.
55.	Казачки в гостях у мужей		ДОВ. Илл. прил.1917. № 14, 2.04. С. 4.
56.	Редкий снимок	Момент разрыва тяжелого немецкого снаряда	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 2.
57.	Отступление из Курляндии	Разрушение полотна железной дороги при отступлении наших войск	
58.	Уснули	Казаки и офицеры, утомлённые переходами, уснули накануне конной атаки полка на германскую пехоту	Частная коллекция
59.	Елизаветинский госпиталь города Пскова	Лежит казак 1-й сотни Борис Мартыненков ст. Семикаракорской, сидит доброволец Заикин. Сестра милосердия Зинаида Соколова	
60.	Рота велосипедистов при 4-й Донской казачьей дивизии	Известны две фотографии велосипедистов 4-й Донской казачьей дивизии	ГА РФ, частная коллекция
61.	Посещение 10-й Донской казачьей батареи начальником участка, командиром 26-го полка	Хрещатицкий И. К. среди офицеров и артиллеристов	Частная коллекция

62.	Купание строевых лошадей	Июнь 1916 года, мыза Анненгоф	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 1. Частная коллекция
63.	Осмотр дивизионным контролером И. А. Дмитриевым пришедшего в негодность конского снаряжения и составление акта		ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 2. Частная коллекция
64.	Змейковый аэростат	Вывод аэростата из убежища	Частная коллекция
65.	Снимок местности с аэростата при помощи аппарата Герца	С высоты 300 метров вид на мельницу	
66.	Змейковый аэростат	Приготовление аэростата к подъёму	Частная коллекция
67.	Снимок местности с аэростата при помощи аппарата Герца	С высоты 500 метров вид на фольварк	
68.	Беспроволочный (искровый) телеграф при штабе 4-й Донской казачьей дивизии		Частная коллекция. «Донское казачество …»*
69.	Стрельба по неприятельскому аэроплану из пулемёта	Пулемет установлен на мотоцикле	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 4. Частная коллекция. «Донское казачество …»*

70.	Змейковый аэростат на посту	Аэростат наблюдает за противником	Частная коллекция.
71.	Средства связи. Мотоцикл с корзиной для пассажира	Командир полка передвигается по боевому участку	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 2. Частная коллекция
72.	Награждение достойных	Командир полка навешивает Георгиевские кресты	ДОВ. Илл. прил.1916. № 48, 27.11. С. 4. Частная коллекция
73.	Группа Георгиевских кавалеров	На мызе Эйзенгамер, в центре командир бригады и командир полка	«Донское казачество …»*
74.	Группа Георгиевских кавалеров	Снимок сделан в Ратницане	Частная коллекция
75.	Дербет	Танец калмыков 2-й сотни	ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 1.
76.	Железнодорожный пост № 93	Прибытие подарков на бригаду к Св. Пасхе 1916 года	
77.	Разъезд сотника Дронова		ДОВ. Илл. прил.1916. № 39, 25.09. С. 3. ГА РФ, частная коллекция
78.	Присяга на верность казаками пополнения	Январь 1916 г., г. Двинск	
79.	Напутственный молебен при прощании графа Граббе с полками	Май, 1916 г.	ГА РФ, частная коллекция

80.	На отдыхе. В гостях у 25-го Донского казачьего полка	Во время кратковременного отдыха офицеры 26-го Дкп с бывшим командиром полка полковником Поляковым в гостях у командующего 25-м полком полковником Хрещатицким. Март, 1915 г., дер. Липники Плоцкой губернии	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 2. Частная коллекция
81.	Офицеры 25-го Донского казачьего полка в гостях у 26-го Донского казачьего полка	Встреча на мызе Эйзенгамер. Слева дочь командира полка, затем супруги есаула Шелякина и полковника Хрещатицкого, 1916 г.	Частная коллекция
82.	В гостях у командира 6-го кавалерийского корпуса генерала Павлова	Генерал Павлов читает телеграммы, мыза Валеденроде, июнь 1916 г.	
83.	Командир 6-го кавалерийского корпуса генерал Павлов со штабом и гостями на офицерских скачках и состязаниях во владении холодным оружием в 26-м Дкп	По окончании гостям был предложен чай в специально устроенном шатре, снимок сделан при разъезде гостей. В центре жена и дочь командира полка	
84.	Старшие офицеры, прибывшие с поздравлениями к командиру полка по поводу годовщины его командования	За завтраком на мызе Анненгоф, 28 июня 1916 г.	Частная коллекция

85.	Старшие офицеры, прибывшие с поздравлениями к командиру полка по поводу годовщины его командования		Частная коллекция
86.	Церковь мызы Козенгоф	После панихиды, сентябрь 1916 г.	
87.	Офицеры с командиром полка, бригадным и местным священником у школы мызы Козенгоф	После панихиды и обеда в память годовщины боя у д. Корженевшизна (23.09.1915), сентябрь 1916 г.	
88.	Скульптурные произведения из глины на берегу реки Дзялдувка у д.Шляхетски-Пански, где полк занимал окопы в течение апреля и части мая 1915 года	Офицеры 25-го и 26-го полков с вр.командующим бригадой полковником Хрещатицким И. К.	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 2. «Донское казачество …»*
89.	Скульптурные произведения из глины на берегу реки Дзялдувка у д. Шляхетски-Пански	Фигура русского солдата, показывающая кукиш немецкому пехотинцу	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 2. Частная коллекция
90.	Общий вид на скульптуры на берегу	Те же скульптуры снятые с лодки	ДОВ. Илл. прил.1916. № 50, 11.12. С. 3.

91.	Полк в составе дивизии на Высочайшем смотру	Государь Император проезжает мимо 6-й сотни и приближается к пулеметчикам. Недалеко от станции Вышки в 30 верстах от г. Двинск, 29 января 1916 года. Фотография очень плохого качества	
92.	Виды и живописные места Лифляндской губернии	Развалины старинного рыцарского замка «Кокенгузен» некогда обнесенного широким валом, теперь осевшим и заросшим кустами и лесом	Частная коллекция
93.	Виды и живописные места Лифляндской губернии	Река Перзе с водопадом в 5-ти верстах от впадения в Двину	
94.	Виды и живописные места Лифляндской губернии	Река Перзе с водопадом в 5-ти верстах от впадения в Двину	Частная коллекция
95.	Виды и живописные места Лифляндской губернии	Река Перзе с водопадом в 5-ти верстах от впадения в Двину	Частная коллекция
96.	Снимок с крышки альбома	Альбом, доставленный в Новочеркасск 8.11.1916.	
97.	Снимок первой страницы альбома	Фотография Хрещатицкого И. К., украшенная полковыми и сотенными значками и другими военными атрибутами	
98.	Дуб «Мафусаил»	У дуба стоят полковники: Потоцкий Д. Н., Хрещатицкий И. К., Попов А. Н.	ДОВ. Илл. прил. 1916. № 50, 11.12. С. 4.

* Донское казачество, Донская земля в Первой мировой войне: Сборник документов / Ком. по упр. арх. делом Ростовской обл., ГКУ РО «ГАРО». – Ростов н/Д., 2015.

Отдельные фотографии 26-го Донского казачьего полка во время Великой войны

Фото 1. Командир 26-го Донского казачьего полка полковник Иван Константинович Хрещатицкий
ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 6.

Фото 2. Полковой фотограф 26-го Донского казачьего полка казак Василий Иванов, ст. Романовской

Фото 3. Прапорщик 26-го Донского казачьего полка Василий Николаевич Гаврилов, ст. Семикаракорской
ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 43.

Фото 4. № 2. Георгиевский штандарт 26-го Донского казачьего полка. Знаменщик ст. урядник Морозов Иван Никитич ст. Николаевской, 1916 г.

Фото 5. № 3. Казак Устинов Пётр Мартынович (ст. Романовской, хут. Лазнов) с полковым значком 26-го Донского казачьего полка, апрель–начало мая 1916 г.

Фото 6–7. Страницы альбома с фотографиями 26-го Донского казачьего полка, частная коллекция

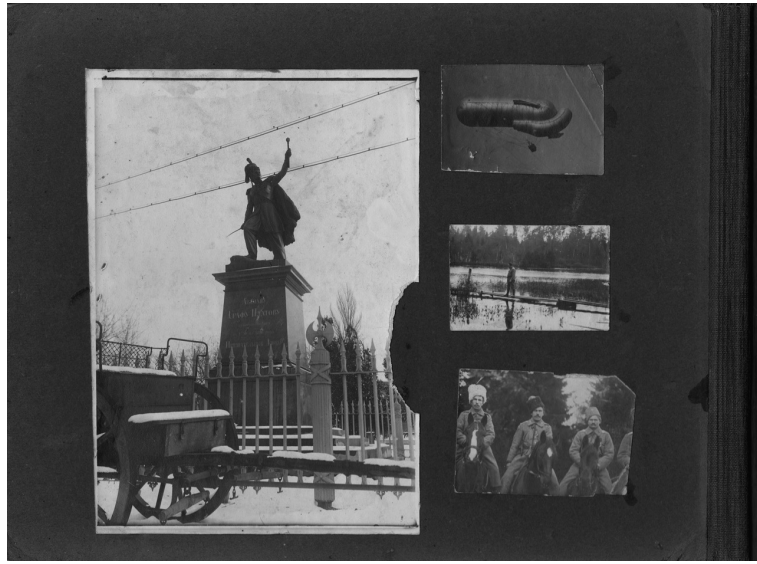

Фото 8. № 34. Казаки 26-го Дкп в противогазных масках разных систем
ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 155.

Фото 9. № 17. Группа офицеров 26-го Дкп, январь 1916 года, г. Двинск, казармы Ивангородского полка
ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 121.

Фото 10. № 60. 14-я самокатная рота 4-й Донской казачьей дивизии 17 июля 1916 г. ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 193.

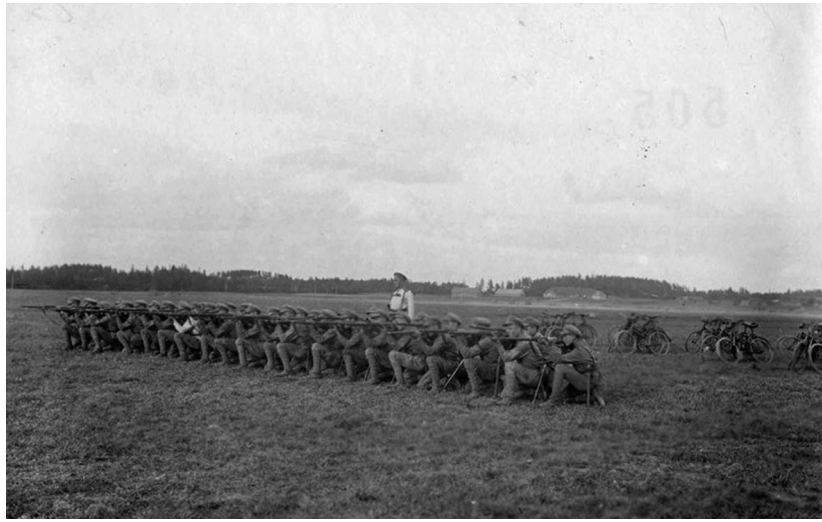

Фото 11. Взвод 14-й самокатной роты 4-й Донской казачьей дивизии

Фото 12. № 69. Стрельба по неприятельскому аэроплану из пулемёта, установленному на мотоцикле. 14-я самокатная рота 4-й Донской казачьей дивизии.1916 г.

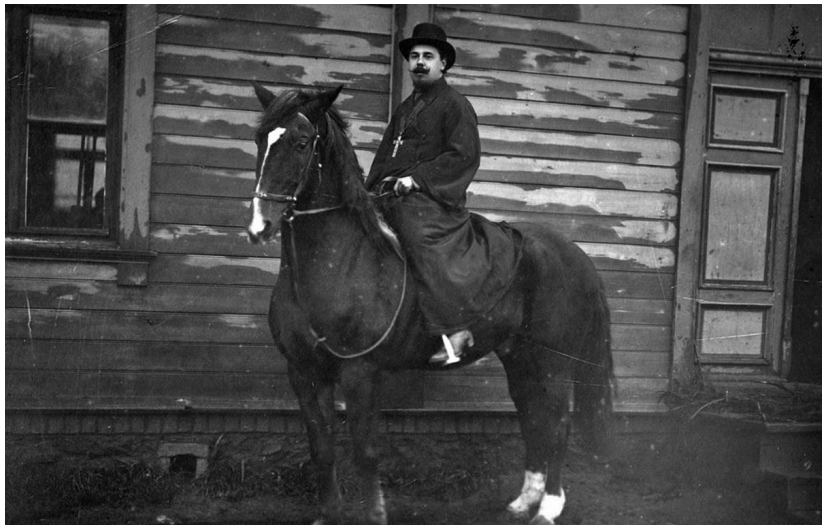

Фото 13. № 14. Отец Василий Кравченко, уроженец Екатеринославской губернии Мариупольского уезда. Бригадный священник 2-й бригады (25-й Дкп и 26-й Дкп) 4-й Донской казачьей дивизии. Лифляндская губерния. 1916 г. ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 137.

Фото 14. № 15. Группа начальствующих лиц 4-й Донской казачьей дивизии, июнь 1916 г.

Сидят (слева направо):
1. Родионов Василий Матвеевич, генерал-майор, командир 1-й бригады;
2. Каледин Василий Максимович, генерал-майор,
командующий дивизией;
3. Махов Михаил Михайлович, генерал-майор, начальник штаба дивизии;
4. Потоцкий Дмитрий Николаевич, полковник, командир 2-й бригады.

Стоят (слева направо):
1. Хрещатицкий Иван Константинович, полковник, командир 26-го Дкп;
2. Мангатов Борис Леонидович, войсковой старшина,
временно командующий 19-м Дкп;
3. Черевков Николай Николаевич, полковник, командир 24-го Дкп;
4. Анохин Сергей Викторович, полковник, командир 25-го Дкп.

Фото 15. № 24. «Столпы» полка: командиры сотен 26-го Донского казачьего полка, октябрь 1916 г.

Слева направо:
1. Лобов Григорий Петрович, ст. Митякинской, войсковой старшина, командир 1-й сотни;
2. Шелякин Виктор Иванович, ст. Новочеркасской, есаул (с 30 марта 1916), командир 2-й сотни (с 10.06.1915);
3. Ермаков Авраам Васильевич, ст. Константиновской, есаул (с 5.11.1916), командир 5-й сотни;
4. Гужвин Филимон Петрович, ст. Кочетовской, есаул (с 14.09.1916), командир 6-й сотни (с 3.04.1915);
5. Фетисов Петр Германович, ст. Баклановской, есаул (с 25.06.1915), командир 3-й сотни (с 20 июня 1915);
6. Попов Иван Семенович, ст. Кумшацкой, войсковой старшина (20.06.1916), командир 4-й сотни.

Фото 16. № 27. Командиры сотен 26-го Донского полка верхами, октябрь 1916 г.

Слева направо:
1. Лобов Григорий Петрович, ст. Митякинской, войсковой старшина, командир 1-й сотни;
2. Шелякин Виктор Иванович, ст. Новочеркасской, есаул (с 30 марта 1916), командир 2-й сотни (с 10.06.1915);
3. Фетисов Петр Германович, ст. Баклановской, есаул (с 25.06.1915), командир 3-й сотни (с 20 июня 1915);
4. Попов Иван Семенович, ст. Кумшацкой, войсковой старшина (20.06.1916), командир 4-й сотни;
5. Ермаков Авраам Васильевич, ст. Константиновской, есаул (с 5.11.1916), командир 5-й сотни;
6. Гужвин Филимон Петрович, ст. Кочетовской, есаул (с 14.09.1916), командир 6-й сотни (с 3.04.1915).

Фото 17. № 18. Группа урядников и казаков 26-го Донского казачьего полка. Лифляндская губерния. 6 октября 1916 г.

ГА РФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 691. Л. 210а.

1. Крюков Пимон, ст. Богоявленской;
2. Селезнёв Алексей, ст. Филоновской;
3. Дорофеев Тимофей, ст. Богоявленской;
4. Карасёв Дмитрий, ст. Богоявленской;
5. Леонов Иван, ст. Николаевской;
6. Синьков Стефан, ст. Мариинской;
7. Сисюкин Петр, ст. Чертковской;
8. Ермаков Георгий, ст. Константиновской;
9. Болдырев Георгий, ст. Богоявленской;
10. Фоминичёв Петр, ст. Константиновской;
11. Иванов Максим, ст. Богоявленской;
12. Белов Андрей, ст. Николаевской;
13. Данилов Георгий, ст. Николаевской;
14. Абломков Семён, ст. Николаевской;
15. Осипов Николай, ст. Мариинской;
16. Данилов Андрей, ст. Ермаковской;
17. Сотников Исай, ст. Богоявленской;
18. Ломаков Артём, ст. Николаевской;
19. Трофимов Антон, ст. Мариинской;
20. Селезнёв Казьма, ст. Богоявленской;
21. Веденеев Казьма, ст. Мариинской;
22. Лобов Максим, ст. Константиновской;
23. Павлов Иван, ст. Богоявленской;
24. Черячукин Василий, ст. Константиновской;
25. Свинарёв Артем, ст. Ермаковской;
26. Павлов Александр, ст. Мариинской;
27. Вифлянцев Давыд, ст. Николаевской;
28. Рыжкин Никифор, ст. Мариинской;
29. Фёдор Рычков, ст. Ермаковской;
30. Дерезин Епифан, ст. Богоявленской;
31. Чернобылов Карп, ст. Константиновской;
32. Кирилин Фёдор, ст. Николаевской;
33. Агеев Аким, ст. Богоявленской;
34. Казанцев Панфил, ст. Николаевской;
35. Филиппов Иван, ст. Филипповской.

М. Л. Гончаров

Советские мозаики в Ростовской области. Проблемы учёта, сохранения, реставрации

4 ноября 1955 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», положившее конец стилю, который мы называем «сталинский ампир» в архитектуре. Ушли в прошлое колонны, скульптуры на фасадах, пилястры и прочие архитектурные элементы. Наступил период минимализма в архитектуре, массового типового строительства. Основные черты нового в архитектуре – прагматизм и функциональность. Началось массовое строительство типовых панельных домов. Но вскоре выяснилось, что однотипные прямолинейные серые здания обезличены, создают унылую городскую среду, вступают в явный диссонанс с предыдущим ярким, колоритным сталинским стилем. Возникла острая потребность как-то украсить, оживить унылую современную застройку. Вот тогда, с середины 60-х годов начинается массовое применение мозаик и других видов монументально-декоративного искусства (витражи, чеканка, сграффито). Массово мозаика стала применяться в архитектуре в 70-х и до конца 80-х годов. То есть, всё, что было создано художниками-мозаичистами, всё это обилие, украшающее до сих пор наши города и посёлки, было создано в довольно короткий период – 20, максимум 25 лет.

На территории Ростовской области сохранилось довольно много советских мозаик, сграффито, витражей, но подавляющее большинство из них находятся в ветхом состоянии, не получают должного ухода и внимания.

Именно о внимании к этому виду советского искусства хотелось бы сказать несколько слов. Видимо оттого, что мозаика это один из символов советского период, я бы сказал, один из основных визуальных символов, то и отношение к ней, особенно в 90-е и нулевые годы было равнодушным, на грани отрицания. Я бы ска-

зал, что в те годы (да и сейчас еще осталась эта тенденция, хотя в меньшей степени) отношение к мозаикам было как к иконам, церковным фрескам в годы иконоборчества. При первой же необходимости (ремонт здания, общая ветхость и необходимость реставрации) решение принималось однозначно – снос, заштукатуривание, закрытие щитами или панелями, что, кстати дает мозаикам шанс на возрождение!

Однако, в последние годы (5–10 лет) ситуация изменилась и продолжает меняться в лучшую сторону. По всей стране, особенно, конечно, в крупных городах просыпается интерес к советскому периоду нашей истории, создается множество частных музеев советского быта, началось повальное коллекционирование и собирательство всего советского (от автомобилей и мебели до игрушек и посуды). Конечно, и мозаики, и другие объекты монументально-декоративного советского искусства, как яркий символ советской эпохи, тоже попали в разряд советских артефактов, о которых появилось множество статей, книг, исследований искусствоведов. Возникла новая тенденция на сохранение мозаичного наследия. Хотелось бы сказать, что советские мозаики, вопреки сложившимся штампам, далеко не всегда, я бы даже сказал довольно редко несут откровенную пропагандистскую нагрузку. Не часто можно встретить на мозаиках лозунги или изображения вождей. В основном темы мозаик вполне бытовые, общечеловеческие – детство, материнство, спорт, природа, космос, индустриальные и аграрные темы, сказочные и абстрактные мотивы.

Возникла новая тенденция на сохранение и реставрацию мозаичного наследия. Особенно это заметно в крупных городах, индустриальных и научных центрах.

Так одними из самых крупных реставрационных проектов стали:

1. Огромное мозаичное панно «Исцеление человека» на фасаде библиотеки Московского медицинского университета им. Пирогова. Площадь этой мозаики 2000 м^2.

2. Мозаичное панно «Радость труда» в Тольятти, 550 м^2.

3. Мозаичное панно, триптих «Связь времен» в Нижнем Новгороде.

4. Монумент «Боевой и трудовой славы автозаводцев» в Нижнем Новгороде.

5. Рельефное мозаичное панно «Народное искусство» г. Володарск, Нижегородская область.

6. Мозаичные подземные переходы в Липецке.

7. Мозаичные панно на фасадах 16-ти пятиэтажных домов в г. Ангарске.

8. Мозаичное панно «Быстрее. Выше. Сильнее» в Нижнем Новгороде.

Теперь хотелось бы вернуться к нашей Ростовской области. Сейчас группа энтузиастов (Никита Уваров, Михаил Гончаров, Дмитрий Зенюк), под эгидой РРО ВООПИиК ведет большую работу по составлению реестра объектов советского монументально-декоративного искусства Ростовской области. На сегодняшний день в реестр вошли 342 объекта: 205 мозаик, 68 остановок, 29 сграффито и 35 других форм. Все они в разном состоянии сохранности и в том числе те, которых уже нет, но остались их достоверные фото. Это мозаики, панно, мозаичные остановки, монументальные чеканки (рельефы в металле), сграффито, витражи и т. д.

Сведения собираются с помощью соцсетей, местных краеведов, работников клубов и районных библиотек, а также лично, во время «экспедиций за мозаиками» по области.

Следует сказать, что подобная работа уже проведена в Нижегородской области, Крыму и Татарстане. Но там она проводилась под эгидой министерств культуры этих регионов, и стала этапом в программе по спасению советского художественного наследия. У нас же работа над подобным реестром – инициатива краеведов-энтузиастов и можно только надеяться, что когда-то реестр послужит для системной работы по сохранению нашего культурного наследия. Пока же одна из целей создания такого реестра – ознакомить широкую аудиторию с творческим наследием советских художников, которые оформляли города и поселки Ростовской области в советскую эпоху.

Каково же на сегодня положение дел с сохранением советского монументально-декоративного наследия в области? Только за последние пару лет исчезли несколько панно, которые не требовали каких-то огромных вложений, исчезли от равнодушия и недальновидности: мозаики на фасаде ДК х. Лозной, ДК х. Саркел (32 м^2) (фото 1–2, *см. на вклейке*), ДК станицы Маркинской (фото 3–4) (все это в Цимлянском районе). Снесены вместе с заводом очень интересные мозаики Новочеркасского молзавода, мозаика в стиле абстракция на фасаде недостроенного корпуса Мелиховского дома отдыха, мозаичное панно по мотивам произведений донских писателей Закруткина, Калинина и Шолохова в хуторе Пухляковском (100 м^2) (фото 5–6), мозаики на Сулинском металлургическом заводе и т. д.

Отдельно нужно сказать о мозаичных остановках общественного транспорта. Совершенно очевидно, что это уникальное явление! Ничего подобного в обозримом будущем в нашей жизни, а тем более в пейзажах нашей глубинки не предвидится. Яркие цвета, часто высокохудожественные изображения, мотивы максимально привязанные к особенностям местности, удобство и монументальность – вот что такое остановки, оставшиеся от СССР. Но они и наиболее уязвимы, при необходимости ремонта их безжалостно сносят, заменяя на простенькие конструкции. Сейчас в нашем реестре 68 остановок, но некоторые из них уже не существуют, от них остались только фото! Их сносят быстрее, чем мы успеваем их поставить в реестр! Довольно много сохранилось остановок в Орловском, Чертковском, Бело-Калитвенском районах. В Усть-Донецком районе сохранились мозаичные остановки на самом оживленном туристическом маршруте – от Мелиховской до Усть-Донецка. Правда, все они ввиду ветхости мозаик покрыты несколькими слоями краски, но это всего лишь задача реставраторов, это шанс на их возрождение!

Хотелось бы упомянуть опыт Крыма в сохранении остановок. При строительстве новых дорог остановки, и без того ветхие, оказались под угрозой сноса. Возникло целое общественное движение за сохранение этого уникального наследия, проводились сборы

подписей, создан отдельный реестр советских остановок Крыма. И вот сейчас многим остановкам присвоен статус ОКН, планируется их реставрация.

Казалось бы, как можно сохранить мозаику, если сносится какое-то здание (дом отдыха, завод или остановка). Можно! У нас в области есть пару удачных примеров такой работы. Практически любое мозаичное панно можно демонтировать и перенести на новое место! Но, к сожалению, это крайне редкие у нас случаи. Например, в Каменоломнях, на площади перед администрацией в 2024 г., демонтировали мозаичное панно «Достижения советского народа» с аварийной, отдельно стоящей стены. Площадь панно – 36 м^2. Потом построили новую стену на том же месте и вернули мозаику назад. Весь перенос мозаики выполнил один (1) реставратор! (фото 7).

В Ростове-на-Дону мозаичист-реставратор Марина Яблонская, при поддержке фонда сохранения исторического наследия «Внимание» и благотворительного фонда «Том Сойер фест» демонтировала мозаику 1967 года с фасада заброшенного ресторана «Балканы», и с помощью волонтёров заканчивает сейчас реставрацию этого панно, площадь которого 22 м^2. Впереди монтаж на новое место, на одной и центральных улиц Ростова.

Примеров реставрации мозаик, к сожалению, у нас в области немного. Ещё можно упомянуть реставрацию в 2021 году мозаичной скульптурной композиции «Рыбка и волна» (фото 8) на ул. Пушкинской в Ростове-на-Дону (реставратор М. Яблонская) и реставрацию фонтана «Лиры» из белой смальты в 2022 году (фото 9) (также на ул. Пушкинской, реставратор М. Яблонская) Все эти удачные примеры реставрации мозаик в Ростове проходили по инициативе и при поддержке независимых общественных фондов, и при помощи волонтёрского движения!

Но уже появились примеры и государственного участия в сохранении мозаичного наследия. В 2020 и 2023 г. мозаичные панно в 4-х подземных переходах Ростова-на-Дону признаны «Объектами культурного наследия». После этого началась длительная процедура обследования, утверждение проекта капитального ремонта

переходов и реставрации уникальных мозаичных панно. Выделены деньги на капремонт и реставрацию первого подземного перехода (пр. Кировский / ул. Большая Садовая). Работы начнутся в 2026 г. Надеемся на успех!

Хочется отдельно подчеркнуть, что в крупных городах области, где есть интерес общественности к проблеме сохранения советского культурного наследия, сейчас безнаказанный снос мозаик или других объектов советского монументально-декоративного искусства становится всё менее возможным. Но на периферии, в районах, продолжаются сносы. В некоторых районах не осталось вообще ничего. В нашем реестре совершенно белые, пустые страницы Боковского, Советского, Багаевского, Заветинского, Шолоховского районов. По одному объекту в Тацинском, Семикаракорском, Песчанокопском, Аксайском, Дубовском, Верхнедонском, Обливском и Милютинском районах. Всего по 2 объекта в Целинском и Егорлыкском районах. Кстати, в Егорлыкском районе, в посёлке Мирный красивейшая мозаика «Дружба народов» (фото 10), которая украшает фасад местного ДК, под угрозой сноса! Намечен капитальный ремонт этого ДК, которого не было лет 40. Но ввиду отсутствия средств, а скорее от нежелания связываться с непонятной реставрацией, местная администрация, которая является и заказчиком, не стала включать в проектно-сметную документацию ни реставрацию, ни хотя бы укрепление и консервацию панно. Так что в следующем году снесут и этот артефакт, созданный 50 лет назад!

В заключение хотелось бы сказать, что сохранение и даже реставрация объектов советского культурного наследия порой не требует каких-то огромных затрат или перенапряжения сил. Иногда достаточно проявлять внимание и заботу, как хорошему хозяину. Вовремя обработать камнеукрепляющими составами, уберечь от влаги и разрушения конструкции, для этого можно привлекать волонтёров (школьников, студентов). Всё что мы сейчас теряем, уходит не столько от ветхости, сколько от нашего равнодушия и недопонимания ценности богатейшего культурного наследия позднего советского периода, которое нам досталось!

О. В. Валуйскова

Будни районной газеты: от «Колхозного знамени» до «Донских огней» (по документам Центра документации новейшей истории Ростовской области)

18 июля 2025 года общественно-политическая газета Константиновского района «Донские огни» отметила своё 105-летие. За пройденные годы она поменяла ряд названий: «Пролетарий Дона», «Красный хлебороб», «Колхозное знамя», «Знамя коммунизма», «Ленинец», «Донские огни». Но неизменно оставалась не просто источником местных новостей, но и важным инструментом воспитания, формирования мировоззрения и активной жизненной позиции.

По причине утраты архивных документов 1920-х годов и отсутствия их в муниципальных и областных архивах сохранившиеся экземпляры районной газеты зачастую становятся единственным историческим источником для восстановления хроники событий на территории сельского района.

Один из самых ранних сохранившихся в Центре документации архивных документов, рассказывающих о роли газеты «Колхозное знамя» в повышении политического и культурного уровня населения, – резолюция «О подготовке и проведении Дня печати» к протоколу заседания бюро Константиновского РК ВКП (б) от 30 апреля 1931 года. В ней подчёркивается особое значение районной печати «как орудия партии по организации масс на осуществление задач сплошной коллективизации и ликвидации на её основе кулачества как класса, по социалистическому воспитанию и культурному подъему масс»[1].

С 1 по 5 мая 1931 года планировалось провести широкие колхозные гражданские собрания с освещением роли и задач печати

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

в третьем году пятилетки, вербовкой стенкоров и рабселькоров из лучших ударников труда, созданием дозорных постов газеты «Колхозное знамя» при МТС, совхозах, колхозах, бригадах. Культпропу[2] и редакции в День печати 5 мая поручалось провести районный слёт селькоров в станице Константиновской.

1 июня 1931 года бюро РК ВКП (б) положительно оценило работу газеты «Колхозное знамя» в деле подъёма общественно-политического уровня населения. Это нашло выражение в развертывании социалистического соревнования и ударничества, росте рабселькоровского движения, объединявшего в 1930 году всего 14 человек и выросшего в 1931 году до 400 человек.

В то же время райком партии поставил перед редакцией газеты следующие основные задачи: «широко освещать вопросы международного и внутреннего положения нашей страны, военные вопросы, интернациональное воспитание масс и обратить особое внимание на систематическое освещение вопросов колхозного, совхозного и МТС строительства»[3].

В одном из протоколов заседаний бюро райкома от 11 сентября 1931 года в должности редактора газеты «Колхозное знамя» значится тов. Свирякин (имя и отчество отсутствуют)[4].

В постановлении «О работе редакции “Колхозное знамя“ и состоянии низовой печати» от 23 ноября 1933 года бюро Константиновского РК ВКП (б) отмечало активное участие газеты в хлебозаготовках, организации выездных редакций и выпуске специальной газеты «Элеватор». Однако в том же документе немало критических замечаний в адрес редакции. Вот одно из них: «Газета в значительной степени потеряла своё собственное лицо организатора масс, подчас сводя свою работу к простой перепечатке партийных и правительственных решений»[5].

22 июля 1934 года в целях ликвидации отставания в деле продвижения большевистской печати в массы бюро Константиновского

[2] Культпроп – отдел культуры и пропаганды при партийных и советских органах в 1920–30-е годы

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

[4] Там же. Д. 42. Л. 18.

[5] Там же. Д. 114. Л. 65.

РК ВКП (б) постановило: «Обязать парторгов немедленно ликвидировать прорыв по всем изданиям деревенской, районной и политотдельской печати; добиться в кратчайшие дни распространения деревенской печати на 100%, с охватом подпиской всех без исключения колхозников и, в первую очередь, членов партии и комсомольцев»[6]. Редакции газеты «Колхозное знамя» вменялось в обязанность систематическое освещение хода подписной кампании.

В 1938 году районная газета стала выходить под новым названием – «Знамя коммунизма»[7]. Точной даты переименования найти не удалось ввиду отсутствия в архивном фонде Р-55 Константиновского РК КПСС документов за 1938 год. Тираж районки постепенно увеличивался, достигнув к 1939 году 4000 экземпляров[8].

Из протокола заседания бюро РК ВКП (б) от 29 апреля 1939 года узнаём, что незадолго до празднования Дня большевистской печати редакция газеты «Знамя коммунизма» проводила собрания селькоров, редакторов стенных газет с сельским колхозным активом и интеллигенцией. В Доме культуры 5 мая планировалось провести конференцию читателей с обсуждением доклада редактора районной газеты[9].

Газета своевременно откликнулась на постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»: «напечатала две передовицы на основе местных фактов, организовала отклики колхозников, опубликовала ряд статей, разоблачающих лжеколхозников, лодырей, тунеядцев – нарушителей колхозного устава»[10].

К своему 10-летию районная газета «Знамя коммунизма» пришла с известными успехами. Сотрудники редакции Сердюков, Ковалёв, Кузьмин, а также селькоры Коротков и Тищенко стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1940 года в Москве. 3 декабря 1940 года на очередном заседании бюро

[6] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 124. Л. 40.

[7] Донские огни (Константиновский район). 2025. 4 января. № 1. С. 2.

[8] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 159. Л. 10.

[9] Там же. Д. 170. Л. 3–4.

[10] Там же. Д. 179. Л. 11.

РК ВКП (б) секретарь райкома А. Смирнов в своем выступлении подчеркнул: «Издательство газеты является инициатором нового стахановского метода в полиграфии, известного под именем метода набора на две верстатки. Отмечая заслуги коллектива работников и руководителей редакции и типографии, бюро считает необходимым премировать в размере месячного оклада из фондов издательства ответредактора тов. Сердюкова и заведующего издательством т. Пащенкова»[11].

С первых дней Великой Отечественной войны газета являлась не только главным источником информации, но и мотивирующим орудием, объединяющим людей в понимании того, что в борьбу с захватчиками включилась вся страна.

22 июня 1941 года бюро Константиновского РК ВКП (б) обязало редактора газеты «Знамя коммунизма» А. И. Сердюкова ежедневно выпускать газету, мобилизуя внимание населения на выполнение первостепенных задач в условиях военного времени, «сочетая эту работу с выполнением государственных и производственных планов, подготовкой колхозов к проведению уборочных сельскохозяйственных работ»[12].

А. И. Сердюков

Еще 10 октября 1941 года руководство Константиновского района считало необходимым увеличить тираж районки до 10 тысяч экземпляров[13]. Однако 25 декабря 1941 года, в соответствии с постановлением бюро Ростовского обкома ВКП (б), был утвержден тираж в 3500 экземпляров. Ответ редактору

[11] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

[12] Там же. Д. 276. Л. 48.

[13] Там же. Д. 277. Л. 83.

Сердюкову вменялось в обязанность «беречь бумагу, используя её только по прямому назначению и строго придерживаться утверждённого лимита тиража и периодичности газеты»[14].

Из материалов пленума РК ВКП (б), состоявшегося 7 апреля 1942 года, удалось узнать о том, что районная газета «Знамя коммунизма» систематически помещала на своих страницах сведения о злодеяниях оккупантов на территории Ростовской области («О зверствах в Ростове», «Акт о чудовищных зверствах над ранеными красноармейцами», «Зверства в Таганроге»), статьи земляков, находящихся в действующей армии об издевательствах над мирным населением временно оккупированных советских районов.

Газета регулярно публиковала письма с фронта и на фронт, заметки о доблести и мужестве бойцов, командиров и политработников Красной армии, освещала вопрос о шефстве Константиновского района над частью генерал-майора Пархоменко, ход соревнования фронта и тыла.

На пленуме отмечалась значительная роль редакции районки по организации и сбору средств в фонд обороны страны, на постройку танковой колонны и эскадрильи самолётов, а также по организации и сбору теплых вещей и подарков для бойцов.

Особенно часто с первых месяцев войны газета «Знамя коммунизма» рассказывала о трудовых подвигах женщин, заменивших ушедших на фронт мужчин на предприятиях и в колхозах[15].

19 октября 1943 года бюро Константиновского РК ВКП (б) приняло постановление «Об организации выездных редакций газеты «Знамя коммунизма» с целью ликвидации отставания колхоза им. Дзержинского и шахт местной промышленности[16].

В это же время для улучшения качественного содержания газеты, роста рабселькоровского актива при редакции была создана общественная редколлегия из шести секций: сельского хозяйства, партийно-комсомольской жизни, советского строительства, военно-физкультурной работы, народного образования, местной про-

[14] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 277. Л. 101.

[15] Там же. Д. 283. Л. 15, 15 об.

[16] Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 52 об.

мышленности и транспорта. В состав общественной редколлегии входило 33 человека – стахановцы, специалисты сельского хозяйства, представители сельской интеллигенции, партийные и комсомольские работники[17].

С целью усиления социалистического соревнования среди коллективов шахт Константиновского шахтоуправления и поощрения передовиков было учреждено переходящее Красное Знамя редакции газеты лучшей шахте района.

В отчёте о работе редакции «Знамя коммунизма», представленном на заседании бюро РК ВКП (б) 21 февраля 1945 года редактором Г. М. Кузьминым, приводятся следующие цифры: «Всего редакция газеты за два года получила 1944 заметки, из них использовано 1747 заметок, в том числе в отделе партийной жизни было использовано 228 заметок, в отделе с/х – 249, в отделе животноводства – 88, в отделе культуры и быта – 157, в отделе местной промышленности и транспорта – 189, переписка с фронтом – 102 заметки»[18].

Отдельные статьи, заметки, сообщения, которые публиковались в газете «Знамя коммунизма» в 1943–1945 годах, вновь «ожили» в рамках интернет-проекта «Газеты Дона в зеркале войны», подготовленного сотрудниками Центра документации новейшей истории Ростовской области к 80-летию Великой Победы.

В период послевоенного восстановления райком ВКП (б) поставил перед редакцией ряд неотложных задач и требований: регулярно вести в газете раздел «Партийная жизнь», шире пропагандировать план четвертой пятилетки, систематически показывать работу советов, опыт передовых методов работы, уделять внимание освещению работы школ, техникумов, культурных учреждений, рассказывать о лучших людях науки и искусства[19].

30 августа 1952 года на заседании бюро Константиновского РК ВКП (б) было отмечено, что газета «Знамя коммунизма» оказывает партийной организации значительную помощь в мобили-

[17] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 2. Д. 3. Л. 53, 53 об.

[18] Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 39.

[19] Там же. Оп. 5. Д. 23. Л. 4об.

Я. М. Аполосов

зации трудящихся на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства[20].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) «О мерах по улучшению районных газет» ответственному редактору Я. М. Аполосову необходимо было организовать деятельность редакции так, чтобы «газета в полной мере отражала производственные особенности и экономику района, заполнялась преимущественно материалами на местные темы»[21].

На страницах газеты освещались не только достижения района, но и разворачивалась острая критика недостатков в работе колхозов, МТС, предприятий, учреждений и организаций. Редакция добивалась своевременного получения ответа о реально принятых мерах по критическим выступлениям газеты и обращениям граждан. Так, 7 апреля 1957 года в районной газете было опубликовано обращение работников Константиновского автохозяйства «Благоустроим родной посёлок». А 8 апреля 1957 года исполком райсовета и бюро РК КПСС постановили: «Одобрить инициативу коллектива работников автохозяйства об отработке каждым сотрудником по 32 часа по благоустройству рабочего посёлка»[22]. Исполкомам сельских и поселковых советов было рекомендовано обсудить обращение и принять конкретные обязательства по благоустройству своих населённых пунктов.

26 марта 1958 года в своем сообщении «О действенности критических выступлений районной газеты «Знамя коммунизма» ответ-

[20] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 11. Д. 33. Л. 36а.

[21] Там же. Л. 37а–38.

[22] Там же. Оп. 16. Д. 19. Л. 52.

редактор М. Г. Киселев отметил: «За 4 месяца газета опубликовала 67 критических выступлений рабселькоров, 20 неопубликованных писем послала для расследования и принятия мер, но только на 45 получила ответы. Многие секретари партийных организаций, руководители колхозов, МТС, предприятий и учреждений района проявили невнимание к критическим выступлениям газеты, а остальные – формально-бюрократическое отношение»[23].

М. Г. Киселев

В постановлении по данному вопросу бюро РК КПСС строго предупреждало: «Районная газета является органом райкома КПСС и исполкома райсовета депутатов трудящихся, и поэтому на её запросы и критические выступления должны даваться ответы в обязательном порядке и в сроки, указанные редакцией»[24].

Неоднократно, в течение 1954–1956 годов Константиновский РК КПСС обращался в Ростовский обком КПСС с просьбой «возбудить ходатайство перед ЦК КПСС о переводе Константиновской газеты “Знамя коммунизма“ на трехдневный выпуск в неделю форматом четыре страницы»[25].

8 января 1957 года бюро Константиновского РК КПСС приняло постановление «Об увеличении разового тиража районной газеты “Знамя коммунизма“» со следующей констатацией: «По состоянию на 1 декабря 1956 года редакция районной газеты “Знамя коммунизма“ в связи со слиянием двух районов Константиновского и Николаевского имеет подписчиков на 4500 экземпляров. Установленный обкомом КПСС разовый тираж в 3800 экз. не по-

[23] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 17. Д. 14. Л. 73.

[24] Там же. Л. 75–76.

[25] Там же. Оп. 13. Д. 32. Л. 38, 38об. Оп. 15. Д. 9. Л. 8.

крывает имеющуюся подписку. В розничной продаже ни одного экземпляра районной газеты нет. Трудящиеся района проявляют большое желание иметь по подписке районную газету»[26]. Учитывая желание многочисленных подписчиков, райком КПСС обратился к Каменскому обкому с просьбой увеличить тираж газеты «Знамя коммунизма» до 5000 экземпляров.

В 1960 году при районной газете с целью усиления идеологической работы были созданы внештатные отделы пропаганды, культуры и комсомольской жизни[27], в 1962 году – внештатный отдел промышленности[28].

С 27 апреля 1962 года по 26 февраля 1963 года газета носила название «Ленинец»[29].

16 февраля 1963 года в соответствии с постановлением секретариата ЦК КПСС от 11 февраля 1963 года «О местных газетах и местном радиовещании» бюро Ростовского сельского обкома КПСС постановило преобразовать межрайонные газеты в органы парткомов производственных колхозно-совхозных управлений и районных Советов депутатов трудящихся, а также утвердить названия вновь создаваемых газет[30].

27 февраля 1963 года читатели Константиновского района впервые взяли в руки свежий номер районный газеты с уже новым названием – «Донские огни». 13 апреля 1963 года Ростовский сельский обком КПСС утвердил газету «Донские огни» Константиновского района в числе газет – органов парткомов производственных колхозно-совхозных управлений[31].

«Донским огням» уже 105 лет. Но история газеты продолжается, и сегодня каждый житель Константиновского района, внимательно следящий за хроникой событий в жизни своей малой Родины, с удовольствием сохраняет добрую традицию чтения печатных газет и с нетерпением ждёт каждого выпуска любимой газеты с поэтическим названием «Донские огни».

[26] ЦДНИРО. Ф. Р-55. Оп. 16. Д. 15. Л. 15.

[27] Там же. Оп. 19. Д. 12. Д. 64. Д. 27. Л. 53–54.

[28] Там же. Оп. 21. Д. 7. Л. 50.

[29] Донские огни (Константиновский район). 2025. 19 июля. № 29. С. 2.

[30] Донские огни (Константиновский район). 2013. 27 февраля. С. 4.

[31] Там же.

Н. М. Калашникова

Историко-биографические и художественно-публицистические контексты цикла В. Севского «Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска»

Фото 1. В. Севский в 1909 г.

Личная и творческая биография журналиста и писателя В. Севского стараниями исследователей и краеведов постепенно восстанавливается. В частности, мы представляем вашему вниманию цикл очерков В. Севского «Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска»[1] на предмет возможных параллелей с константиновским материалом. Это первое крупное произведение в творческой биографии В. Севского. Первая редакция книги появилась в ростовском журнале «Грёзы» в октябре 1911 года[2]. На момент их публикации автор был молод – лишь 21 год, но за плечами был опыт журналисткой работы в ростовских изданиях, богатый багаж личных впечатлений и жизненных наблюдений. Все это нашло отражение в его цикле «Провинциальные картинки».

[1] *Севский В.* Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска. М.: Общественная организация «Гражданская преемственность – право, жизнь, достоинство», 2020. (Далее цитаты – по данному изданию).

[2] *Севский В.* Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска // Грёзы. 1911. № 1–2.

Насколько важен был для него этот материал, можно судить по появлению в 1912 году второй редакции цикла, отдельной книгой, изданной в Петербурге. К этому времени В. Севский с семьей перебрался в Петербург и вошел в круг журналистов северной столицы[3].

В примечании к петербургскому изданию цикла В. Севский извещал читателя о том, что главы им были «переработаны, и материал размещен иначе»[4].

Фото 2. В. Севский с женой, сыном и сестрой, 1914 год

Вымышленный городок с красноречивым названием Глушинск – средоточие пошлости и косности обывательской жизни. История Глушинска – это история не места, даже не событий, а одного лица – некоего Балабошкина[5]. Так что фактических реалий для идентифицирования повествования с конкретным локальным материалом, по сути, нет. Однако обращение к хронологически близкому

[3] *Зеев Бар-Селла.* В. Севский // Собирая лепестки истории: сборник материалов к 100-летию еженедельника «Донская волна». Ч. 1. Редактор и его команда. Сост. Н. Н. Зайцева. – Ростов-на-Дону, 2018; Русские писатели. 1800–1917. Словарь. – М., 2007. – Т. 5. – С. 539–541.

[4] *Севский В.* Указ. соч. С. 9. (Пунктуация авторская. – *Н. К.*).

[5] *Севский В.* Указ. соч. С. 11–12.

биографическому и литературно-художественному материалу все же позволяет установить возможные имплицитные связи.

Биографический контекст. В биографическом плане 1911 год знаменательный и плодотворный для В. Севского. Он на взлете своей профессиональной и творческой деятельности, второй или третий год в счастливом браке (женился приблизительно в 1908–1909 г.[6]).

В писательско-журналистской работе ему обеспечена полная поддержка со стороны родственников его жены, Веры Александровны Краснушкиной (в девичестве Севрюговой), – ее матери Марии Иосифовны и отца Александра Ефимовича Севрюговых. У Марии Иосифовны Севрюговой (в девичестве Косоноговой) в арсенале ближайшие родственники: брат – профессор физики и математики Киевского университета Иосиф Иосифович Косоногов, сестра – профессор славянских языков Лидия Иосифовна Косоногова, вторая сестра – хирург Александра Иосифовна Пащинская (в девичестве Косоногова), второй брат – инженер-путеец Сергей Иосифович Косоногов. Александр Ефимович Севрюгов, – из рода известных на Юге купцов Севрюговых, внук основателя династии Василия Петровича Севрюгова. Как видим, все люди образованные, мыслящие, интересные, деятельные и предприимчивые. Поездки В. Севского к ним в рамках семейных встреч составляют обширную географию: Киев, Москва, Петербург, по Донскому краю – станицы Каменская, Раздорская, Новочеркасск. Станица Константиновская не входит пока в круг активных передвижений: с 1908 по 1914 годы Севский отторжен от родительского гнезда, т. к., узнав о раннем браке и прекращении обучения, отец разорвал отношения с сыном. И потому основное место жизни и работы В. Севского – Ростов-на-Дону. Но в Константиновской живут (или, возможно, часто бывают) родственники жены. Петр Васильевич Севрюгов имеет в Константиновской мануфактурный магазин на Базарной площади и мебельную мастерскую. А теща, Мария Иосифовна предпринимает активные попытки помирить отца и сына Краснушкиных. Все это могло стать предлогом для поездок семьи

[6] Свидетельство Падалкина.

журналиста в станицу Константиновскую. Да и личные впечатления детства, отрочества и ранней юности – отличный материал для провинциальных этюдов.

Литературно-художественный контекст. В. Севский пишет в русле сложившейся сатирической традиции, и потому в работе с исходным материалом прибегает к обобщению и типизации. Конкретные детали-маркеры локального материала исчезают, о чем Севский открыто заявляет во вступительной статье к своей книге. Однако обращение к параллельным источникам позволяет нащупать имплицитно представленный «константиновский» материал в цикле В. Севского. Нами использованы сохранившиеся номера газеты «Константиновские известия и объявления» за 1912 год и художественно-очерковая проза П. Н. Краснова, жившего в станице Константиновский с февраля 1918 года и написавшего здесь рассказ «На брехалке»[7] и очерк «В донской станице при большевиках»[8]. Несмотря на то, что произведения П. Краснова относятся к более позднему периоду, текстовое сопоставление представляется вполне корректным: за 7–8 лет в станице коренных изменений не могло быть в силу инертности станичной власти.

В качестве главных достопримечательностей города Глушинска в цикле В. Севского указаны два места – бульвар и клуб.

Бульвар у Севского явно имеет приметы центрального бульвара станицы Константиновской[9]. Он был расположен на улице Архангельской, соединяя Николаевский собор и Покровскую церковь.

Часть аллеи – два квартала от собора (ныне построен Дом культуры на улице Комсомольской) до Центральной улицы (ныне улица Ленина) – была излюбленным местом гуляния и называлась бульваром – на языке местных обывателей – «брехалкой».

[7] *Краснов П. Н.* На Брехалке // Донской временник. Год 2009-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2008. Вып. 18. С. 122–128. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/2/art.aspx?art_id=466 (дата обращения: 11.09.2025).

[8] *Краснов П. Н.* В донской станице при большевиках // URL: https://litlife.club/books/133226/read?ysclid=mik0yubbzx809910166 (дата обращения: 11.09.2025).

[9] Второй бульвар также шел от Собора, но в перпендикулярном направлении: от Собора до военно-ремесленной школы (ныне на улице Комсомольской). На нем, действительно, были посажены молоденькие тополя.

Фото 3. Улица Архангельская

Фото 4. Брехалка

Сравним описание бульвара в цикле В. Севского с текстами П. Краснова:

В. Севский «Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска»	П. Краснов «На брехалке»[10]
От *церкви до церкви* протянулся *бульвар*, засаженный тополями. (…). Публике бульвара самой предоставлено шлифовать неровности грунта и награждается за это пылью, лезущей в рот и нос. (…)	*Посредине главной улицы города шла широкая аллея из чахлых белых акаций*. Аллея эта возвышалась примерно на пол-аршина над мостовой, была обведена невысоким забором из столбиков с наложенной на них одной узенькой дощечкой, забором, который по его незначительности игнорировали все: и люди, и собаки, и скот. Вдоль аллеи, между деревьями, стояли простые низенькие скамейки без спинок. На перекрестке с центральной улицей, шедшей к реке, было две будки. Одна пустая, круглая для объявлений, другая пятигранная, с окнами и помещением внутри для продавца и его товаров. Обе будки были выкрашены масляной краской в бледно-зеленый цвет. Когда-то они видели хорошие времена. Будка для объявлений была сплошь заклеена большими цветными афишами, извещавшими о приезде в город различных столичных знаменитостей, а в пятигранной будке бойко торговали газетами и иллюстрированными изданиями, (…) папиросами и подсолнухами.

[10] *Краснов П. Н.* На Брехалке // Указ. соч.

Деталь – фонарь на границе бульвара/брехалки – фигурирует в обоих текстах. Если Краснов просто упоминает о нем: «Тут же на углу, на высокой мачте висел одинокий керосино-калильный фонарь», то у Севского у фонаря разыгрывается яркая и экспрессивная сценка: «Вот пара глушинцев “на десятом взводу“ останавливается у *едва мерцающего фонаря*. Один лезет на столб закурить от лампы. Столб шатается, трещит (…) А полицейские свистки заливаются, как соловьи»[11].

Одно из популярных развлечений обывателей – биограф – так назывался в Константиновской синематограф.

Фото 5. Биограф

В «Провинциальных картинках» Севского *биограф* один. В рассказе П. Краснова упомянуты два биографа. К 1912 голу в Константиновской функционировало два биографа: Рубцова и «французский» – Бикернека[12]. Если расположение биографа Бикернека неизвестно, то здание биограф Рубцова сохранилось (ныне в

[11] *Севский В.* Указ. соч. С. 48.

[12] Константиновские известия и объявления. 1912. №№ 3 (с. 3), 4 (с. 3), 7 (с. 3), 9 (с. 2), 13 (с. 2), 15 (с. 1), 17 (с. 2), 18 (с. 3).

нем спортивная школа). Кстати, это здание находится в полутора кварталах от дома, где жили родители В. Севского. Правда, свидетельств, что Севский посещал биограф в станице, нет.

Сравним упоминания о биографе в текстах Севского и Краснова:

В. Севский «Провинциальные картинки. Из жизни города Глушинска»	П. Краснов «На брехалке»[13]
Глушинцы развлекаются в местном ***биографе*** «Фантазия», где от души смеются над проделками Дурашкина и находят в нем общее со своими родными и знакомыми… (глава «Привозное искусство»)[14]	(…) Жизнь в городе замирает рано. В семь часов большая часть брехалки перекочевывает в два ***«биографа»***; люди посолиднее собираются в общественном клубе и в «комитете». И тут и там (…) идет игра в карты до зари.

В «Провинциальных картинках» упоминается два клуба. Первый из них – «общественное собрание», т. н. «благородное» заведение. В цикле описано только летнее помещение клуба: «Чахлый садик с маленькою ротондой именуется летним помещением *“общественного собрания“*»[15]. Второй клуб – «приказчичий», о чем пишет Севский: «Публика попроще ходит в свой клуб – *“приказчичий”* – там свободнее, проще, нет на людях масок показной приличности и порядочности…»[16].

В станице Константиновской, действительно, было два клуба, и они были различны, о чем сообщает газетная заметка «Клубы»:

«У нас существует *два клуба*. Один – *Общественное собрание*, или так называемый “благородный“, и другой – *Собрание коммерческих служащих*, или “приказчичьий“. И вот когда приказчики устраивают у себя в клубе два раза в неделю танцевальные вечера, а в ближайшее воскресенье даже предполагается устройство вокально-музыкального вечера и костюмированного бала, по-

[13] *Краснов П. Н.* На Брехалке // Указ. соч.

[14] *Севский В.* Указ. соч. С. 36.

[15] *Севский В.* Указ. соч. С. 41.

[16] *Севский В.* Указ. соч. С. 45.

сетители “благородного“ клуба развлекаются картежной игрой и кутежами. Причем кутежи устраиваются именно благородные – с вызовом гармониста и пляскою “до упаду“ в полном значении этого слова. А ведь, казалось бы, благородные и развлечения должны устраивать более или менее благородные. Положим, кому что нравится. *Сверчок»*[17].

Фото 6. Общественное собрание

В очерках В. Севского говорится о гостинице с неблагозвучным названием «Лужа»:

«С бульвара глушинцы “залетают“ в единственную гостиницу “Лужа“ с биллиардами и номерами. Там по номерам идет азартная игра в карты, а в зале под пиликанье скрипки и гармонию слепого идет выпивка»[18].

В Константиновской была гостиница Куницына «Дон»[19]. Предположительно, она располагалась на Базарной улице (ныне улица Карташова) вблизи Базарной площади. Свидетельство – очерк П. Краснова «В донской станице при большевиках. Февраль 1918 года». Он пишет: «Мы *проехали мост* раньше казаков *и втянулись в улицу, идущую наверх*. (…) Мы остановились *у гостиницы*

[17] Константиновские известия и объявления. 1912. № 18. С. 3.

[18] *Севский В.* Указ. соч. С. 48.

[19] Константиновские известия и объявления. 1912. № 10. С. 2.

Куницына...»[20] Мост в станице располагался почти против улицы Базарной, так что вектор пути «мост – улица с базарной площадью – гостиница» вполне логичен.

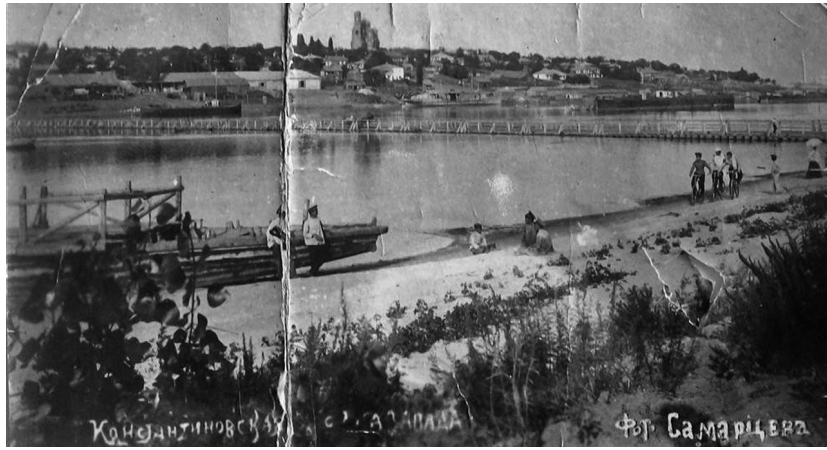

Фото 7. Мост через реку Дон. Вид станицы Константиновской с противоположного берега

Фото 8. Базарная площадь

[20] *Краснов П. Н.* В донской станице при большевиках // Указ. соч.

Еще один топос – *общественный сад*. В главе XVIII цикла («Привозное искусство») сад упоминается как место культуры и отдыха обывателей города Гушинска:

«В центре Глушинска – *старинный сад с десятком-другим деревьев*, когда-то носивший громкое имя “Эльдорадо”. В центре его – *деревянный театр*, выстроенный еще в доисторическое время (…) Летом приезжают артисты (…) во главе с тороватым антрепренером»[21].

В станице Константиновской до 70-х годов XX века был вполне благоустроенный Летний сад, с деревянным театром (т. н. «зеленый театр» в 60-е годы располагался возле стены, смежной с внутренним двором здания милиции).

Итак, константиновские приметы – бульвар, два клуба (общественное собрание и приказчичий), гостиница и сад. Эти объекты вполне могли входить в личные впечатления В. Севского. Тем более что бульвар и Летний сад, а позднее биограф Рубцова располагались всего в двух кварталах от родительского дома В. Севского.

Несмотря на немудреные «очаги культуры», станица Константиновская под едким пером местной сатирической журналистики 1912 года не раз называлась «медвежьим углом». Подчеркивалась не только ее оторванность от железной дороги и других городов, но и повальная скука жизни, а также стойкое сопротивление местных властей цивилизации. Севский передает ее атмосферу:

«В Глушинск не проникал благодетельный луч света, и люди с мелкими страстишками барахтаются в тине болота, которое напоминает любой уездный городишко Руси-матушки»[22].

Таким образом, в контексте представленного материала город Глушинск и окружная станица Константиновская, затерянная в степях Дона, ассоциативно сближаются.

Это вроде бы вступает в противоречие с общим впечатлением о Константиновской у П. Краснова. Он пишет:

«Станица Константиновская лежит на реке Дон в девяноста верстах от Новочеркасска в *глуши степей*. Железной дороги к ней

[21] *Севский В.* Указ. соч. С. 33.

[22] *Севский В.* Указ. соч. С. 9.

нет, и сообщение поддерживается летом пароходами по Дону, зимой лошадьми по степным шляхам на станцию Тацынскую или прямо на Новочеркасск. Станица хлебная и виноградная, очень богатая, в ней много каменных домов, электрическое освещение, водопровод, что, впрочем, не мешает ей утопать в садах, иметь маленькие домики, окруженные службами, *чахлый станичный бульвар*, *место сбора всей станицы по вечерам, именуемый "брехалкою",* и жить тихой, размеренной жизнью, полной мелких будничных сплетен и разговоров...»[23]

Это описание варьируется им в рассказе «На брехалке»:

«Тихий город, уснувший на берегу реки, *живущий простыми сплетнями "брехалки",* напоенный весною ароматом белой акации, вставал весь с его тихою любовью, с его покойным благовестом *красного кирпичного собора* и тихими и теплыми вечерами. Вставал этот город, сытый и дешевый, *далекий от железной дороги*, (…). Вставал он весь с маленькими домиками среди фруктовых садов и виноградников, с маленькими интересами, со старыми обычаями и песнями…»[24]

Как видим, П. Краснов более благосклонен к Константиновской, нежели В. Севский. Но Краснов – временный человек в станице, на Донщине, а Севский писал преимущественно о родном, больном и потому его посвящение своей книги «всем обитателям медвежьих углов с их пошлостью, косностью нравов», открыто выраженное желание «заклеймить эту пошлость и косность»[25] оправданно в контексте биографических впечатлений и сохранившегося художественно-публицистического материала.

[23] *Краснов П. Н.* В донской станице при большевиках // Указ. соч.

[24] *Краснов П. Н.* На Брехалке // Указ. соч.

[25] *Севский В.* Указ. соч. С. 10.

Сведения об авторах

Антонов Олег Михайлович, краевед, старший научный сотрудник ГБУК РО «Волгодонский художественный музей».

Бочарников Роман Александрович, основатель Фонда архитектурных деталей, специалист в области истории кирпичного строительства на Дону, г. Ростов-на-Дону.

Валуйскова Ольга Владимировна, зав. отделом научной информации, публикации и использования документов ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области», г. Ростов-на-Дону.

Вегерин Василий Иванович, преподаватель информационных дисциплин, руководитель музея ГБПОУ РО «Константиновский педагогический колледж», член Союза краеведов России.

Гелисханова Анна Петровна, учитель русского языка и литературы, завуч Владимировской СОШ, Морозовский район.

Гончаров Михаил Леонидович, председатель Донского клуба коллекционеров и реставраторов старинной техники «ДонРетро», член РРО ВООПИиК, г. Ростов-на-Дону.

Градобоев Вячеслав Александрович, командир сводного поискового отряда «Донской» им. Анатолия Калинина, член Союза журналистов России и Союза краеведов России, г. Константиновск.

Джакели Абесалом Эднарьевич, преподаватель, аспирант-соискатель, ГБПОУ РО «Таганрогский механический колледж».

Донскова Елена Николаевна, краевед, г. Морозовск.

Заболотский Иван Анатольевич, научный сотрудник ГБУК РО Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские Высоты».

Изюмский Александр Борисович, канд. ист. наук, независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону.

Ильюков Леонид Сергеевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

Калашникова Наталья Марковна, краевед, канд. филол. наук, г. Константиновск.

Кальниченко Владислав Николаевич, научный сотрудник экспозиционно-этнографического отдела ГБУК «Раздорский этнографический музей-заповедник», Усть-Донецкий район.

Камышан Константин Васильевич, краевед, г. Морозовск.

Карабанчук Дмитрий Константинович, преподаватель ГБПОУ РО «Волгодонский техникум информационных технологий, бизнеса и дизайна имени В. В. Самарского».

Коновалова Татьяна Александровна, зав. отделом информационно-библиографической и краеведческой работы МБУК Красносулинского района «Межпоселенческая центральная библиотека».

Луночкин Михаил Николаевич, зам. директора по науке Чернышковского казачьего музея, заслуженный работник культуры РФ, Волгоградская область.

Мартыненко Вероника Юрьевна, студентка 4 курса Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Мартыненко Виктория Юрьевна, канд. ист. наук, заместитель директора по основной деятельности ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области».

Мининков Николай Александрович, д-р ист. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Морозова Ольга Михайловна, д-р ист. наук, доцент кафедры Связи с общественностью Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Свечникова Елена Юрьевна, канд. ист. наук, доцент, преподаватель ГБПОУ РО «Волгодонский педагогический колледж».

Сорокин Георгий Анатольевич, краевед, режиссёр документального кино, координатор совместных археологических экспедиций Института археологии РАН и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Волгодонск.

Токаренко Сергей Фёдорович, краевед, археолог, главный технолог ЗАО «Аксинья», г. Семикаракорск.

Украйченко Павел Иванович, директор МБУК «Морозовский краеведческий музей».

Ушакин Михаил Савельевич, учитель географии МКОУ «Басакинская средняя школа», Чернышковскй район, Волгоградская область.

Харитонов Андрей Васильевич, учитель истории МБОУ Тацинская СОШ № 1.

Цыбрий Андрей Витальевич, канд. ист. наук, зам. председателя РРОО Донское археологическое общество, г. Ростов-на-Дону.

Черненко Иван Иванович, научный сотрудник ГБУК «Раздорский этнографический музей-заповедник», Усть-Донецкий район.

Шевченко Сергей Александрович, учитель биологии и экологии МБОУ Северная казачья средняя общеобразовательная школа № 13, п. Гашун, Зимовниковский район, член Союза краеведов России.

Щербак Дмитрий Александрович, краевед, член экспертного совета комиссии по канонизации святых Донской митрополии, г. Ростов-на-Дону.

Содержание

КРАЕВЕДЕНИЕ. ОБЩИЕ РАБОТЫ. ГОРОДА, СТАНИЦЫ, ХУТОРА ДОНСКОГО КРАЯ

Н. А. Мининков 5
«Выскочка из мужиков, разбогатевший кулак»:
столичный журналист о Ростове конца XIX в.

О. М. Морозова 15
Северокавказский край в карьерной вертикали
чиновников Наркомата земледелия РСФСР

А. Э. Джакели 30
Взаимодействие республиканских и местных органов
самоуправления в 1930-е годы на примере донского региона

Г. А. Сорокин 46
Довоенная жизнь в станице Цимлянской.
По материалам дневника Леонида Гельмбрехта

О. П. Дорофеева, И. И. Черненко 61
Фабричный или фабрикант? Николай Прохоров –
легенда хутора Старозолотовский

Е. Ю. Свечникова 68
«Праздник советского народа».
К истории открытия Волго-Донского судоходного канала

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В. Ю. Мартыненко 76
Шахтинские дети в период оккупации

Вер. Ю. Мартыненко 91
Массовый угон населения г. Шахты в Германию
во время оккупации 1942–1943 годов

И. А. Заболотский 95
Последний рейд.
Атака группы танков 63-й тбр под командованием
капитана М. В. Юдина 14 марта 1942 г. по документам
противоборствующих сторон

М. С. Ушакин 136
Чернышковцы в Великой Отечественной войне

Д. К. Карабанчук 141
Миропольский Иван Парамонович на защите Отечества

Т. А. Коновалова 152
Максимов Николай Дмитриевич. Страницы биографии

В. А. Градобоев 162
Фронтовик Родион Шутенко. Вспоминая годы военные

С. А. Шевченко 170
Памяти красноармейца И. М. Миндрина.
По следам одной публикации

М. Н. Луночкин 175
Из истории льгот демобилизованным воинам Красной армии

АРХЕОЛОГИЯ

С. Ф. Токаренко, А. А. Колесников 180
Южный форпост России.
О местоположении Раздорского городка

А. В. Цыбрий 224
Татьяна Дмитриевна Белановская (1918–2010).
Из истории археологических исследований на Нижнем Дону

ЭТНОГРАФИЯ. ЭТИМОЛОГИЯ

Л. С. Ильюков 233
Некрасовская кичка: оформление и истоки

В. Н. Кальниченко 245
Построение новой социалистической обрядности
в сельской местности Нижнего Дона в 1920–1930-е гг.:
проблемы изучения и пути их решения

О. М. Антонов 271
Фамилии донских казаков XVIII века
(на примере станиц Цимлянского района Ростовской области)

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

П. И. Украйченко 291
Николаевская церковь
станицы Цесаревичской (Вольно-Донской)

ОБРАЗОВАНИЕ

Е. Н. Донскова 302
Этапы развития образовательной системы
на примере учебных заведений в хуторе Чекаловом
в конце XIX – начале XX века

А. Б. Изюмский 325
Донские учителя в революции 1905 года

К. В. Камышан 331
Горькая судьба учителя
Саввы Георгиевича Борисова (1888–1937)

А. П. Гелисханова 342
От начальной школы I ступени до средней
общеобразовательной школы – путь в 100 лет:
история Владимировской средней школы
Морозовского района Ростовской области

НАУКА. КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. ЛИТЕРАТУРА

В. И. Вегерин 367
От самолётов к космическим кораблям.
К 100-летию Заслуженного конструктора
Труфанова Юрия Николаевича

Д. А. Щербак 382
Материалы к биографии Г. А. Ознобишина.
Находки последних лет

Р. А. Бочарников 386
Кирпич Области Войска Донского: производство, виды,
типы кладок середины XIX – начала XX веков

А. В. Харитонов 393
Пропавшая фотолетопись: фотографии 26-го донского
казачьего полка периода Первой мировой войны

М. Л. Гончаров 426
Советские мозаики в Ростовской области.
Проблемы учёта, сохранения, реставрации

О. В. Валуйскова 432
Будни районной газеты: от «Колхозного знамени»
до «Донских огней» (по документам Центра документации
новейшей истории Ростовской области)

Н. М. Калашникова 441
Историко-биографические и художественно-публицистические
контексты цикла В. Севского «Провинциальные картинки.
Из жизни города Глушинска»

Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова 2025

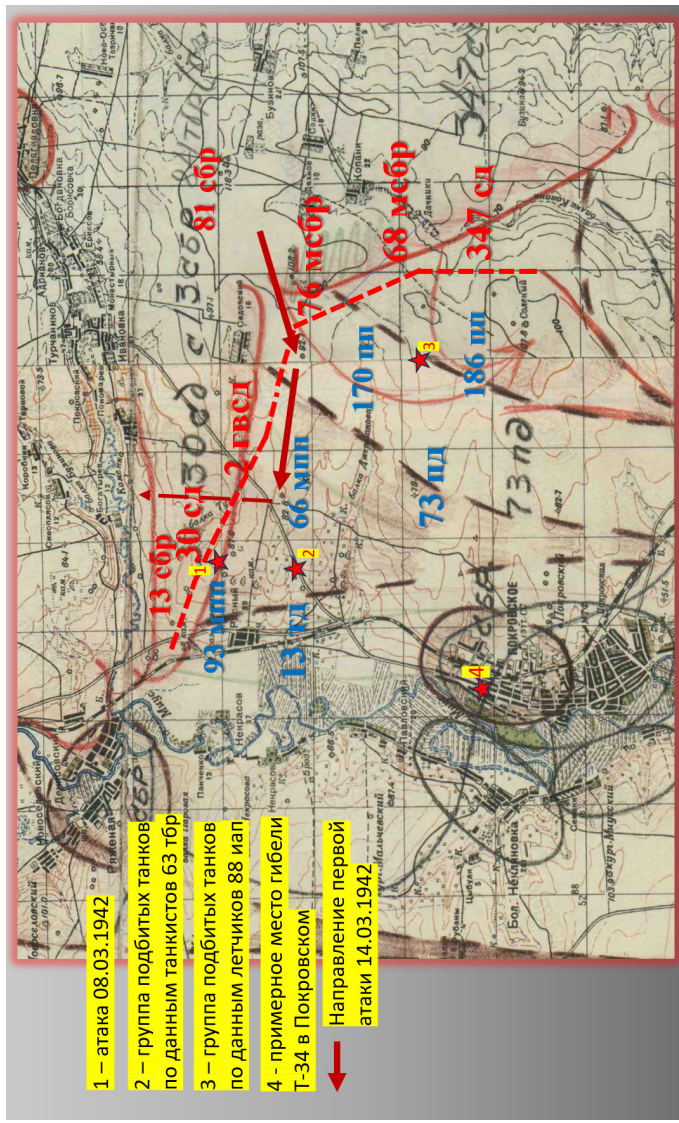
Составитель и ответственный редактор – *В. И. Вегерин*
Предпечатная подготовка – *ООО «Альтаир»*

Сдано в набор 24.12.2025. Подписано в печать 22.02.2026.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. 30 п. л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
http://altair-rostov.ru/

И. А. Заболотский

Последний рейд.
Атака группы танков 63-й тбр под командованием капитана М. В. Юдина 14 марта 1942 г. по документам противоборствующих сторон

Карта боёв 63 тбр 8 и 14 марта 1942 г.

С. Ф. Токаренко, А. А. Колесников

Южный форпост России. О местоположении Раздорского городка

Карта И. Массе и её увеличенная часть с казачьими городками

Л. С. Ильюков

Некрасовская кичка: оформление и истоки

Рис. 1. Женский головной убор – кичка из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Лицо

Рис. 2. Женский головной убор – кичка из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Оборот

Р. А. Бочарников

Кирпич Области Войска Донского: производство, виды, типы кладок середины XIX — начала XX веков

Рис. 1. Пролётка на 4 кирпича. Из собрания Егорлыкского историко-краеведческого музея

Рис. 2. Отпечатки лап собак на местных кирпичах кон. XIX — нач. XX вв.

Рис. 3. Примеры основных форматов местного кирпича

Рис. 4. Огнеупорные кирпичи производства заводов в Ростове-на-Дону и Сулине, кон. XIX — нач. XX вв.

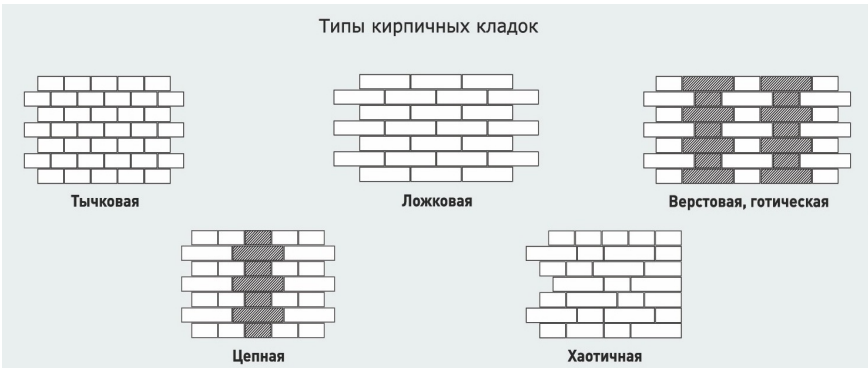

Рис. 5. Основные типы кирпичных кладок в ОВД в сер. XIX — нач. XX вв.

Рис. 6. Фрагмент фасада с верстовой «донской» кладкой, втор. пол. XIX в., Новочеркасск

Рис. 7. Фрагмент фасада с узорчатой кладкой. Покровская церковь, нач. XX в., Константиновск

Рис. 8. Кирпичи нахичеванских производителей с рельефными клеймами, 1880-е гг. Нижний — клеймо завода предп. Лукьяна Гайгаева

Рис. 9. Кирпичи с клеймами завода предп. Якова Василенко. Ростов-на-Дону, 1880-е гг.

Рис. 10. Клейма с контр-рельефом и углубленным рельефом на ростовских и нахичеванских кирпичах кон. XIX — нач. XX в.

Рис. 11. Клеймо местной артели. Производство 20-е – 30-е гг. XX в.

М. Л. Гончаров

Советские мозаики в Ростовской области. Проблемы учёта, сохранения, реставрации

Фото 1. Мозаика на фасаде ДК в поселке Саркел

Фото 2. Фасад ДК в поселке Саркел после ремонта.

Фото 3. Мозаичные панно на фасаде ДК в станице Маркинской до ремонта

Фото 4. Фасад ДК в станице Маркинской после ремонта

Фото 5. Мозаика в х. Пухляковский перед демонтажем

Фото 6. Реконструкция общего вида мозаики в х. Пухляковский

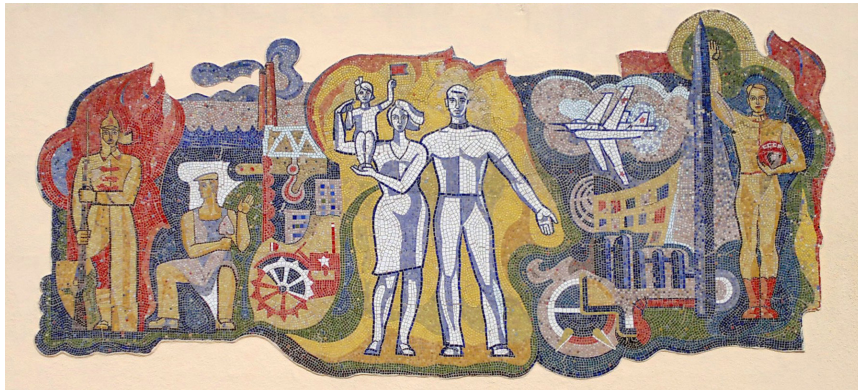

Фото 7. Мозаичное панно в г. Каменоломни

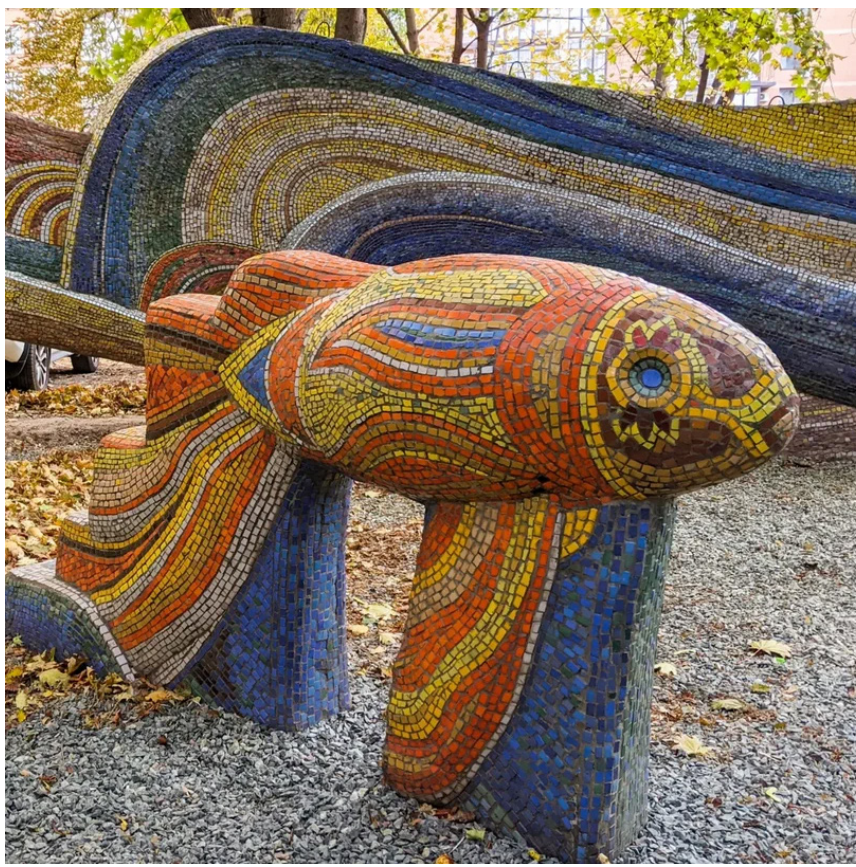

Фото 8. Мозаичная композиция «Рыбка и волна» в г. Ростове-на Дону

Фото 9. Фонтан «Лиры» на ул. Пушкинской в Ростове-на-Дону

Фото 10. Мозаичное панно «Дружба народов» на фасаде ДК в поселке Мирный

В. И. Вегерин

От самолётов к космическим кораблям. К 100-летию Заслуженного конструктора Труфанова Юрия Николаевича

Начальник космодрома, генерал-майор Захаров А. Г. с делегацией на площадке № 95 космодрома Байконур. Слева направо: 1-й – Дружинин М. И., Герой Советского Союза, начальник политотдела, 4-й – Труфанов Ю. Н., 6-й – генерал-майор Войтенко А. М., 7-й – полковник Долинин А. П., 9-й – Челомей В. Н., главный конструктор. 1961–1965 гг.

Байконур. На митинге перед строем испытательной части и управления промышленности после 3-го пуска ракеты-носителя «Протон». Март 1966 год.
Слева направо: В. П. Глушко, Ю. Н. Труфанов, Г. А. Тюлин (за ним Н. М. Корнеев), Д. А. Полухин, Л. М. Кайдалов (нач. политотдела управления), В. П. Бармин, И. А. Пругло (командир части), А. Д. Конопатов, А. А. Курушин (нач. полигона), В. Н. Челомей, М. И. Дружинин (нач. политодела полигона)

Байконур. Группа сотрудников Филиала № 1 ЦКБМ и 1641 ВП МО, площадка 92, 16 ноября 1968 г.
Ю. Н. Труфанов сидит по центру

В Институте геохимии и аналитической химии (ГЕОХИ), где анализировался доставленный на Землю лунный грунт. Слева направо: в первом ряду – Г. А. Тюлин, Г. Н. Бабакин, С. А. Афанасьев; за ними – Б. Н. Петров, Б. А. Строганов, Ю. Н. Труфанов; стоят – М. Я. Маров, В. А. Сальников, В. В. Демоховский, Ю. Н. Коптев, Р. С. Кремнев. 1970 г.

Встреча коллектива НПО «Энергия» с экипажем космического корабля «Союз-14».
Сидят слева направо: 2-й – Ю. Н. Труфанов, П. Р. Попович, В. П. Глушко, Ю. П. Артюхин,
Б. Н. Петров, А. Г. Карась. 21 июля 1974 г.

Встреча коллектива НПО «Энергия» с экипажем космического корабля «Союз-15».
Слева направо: Л. С. Дёмин, В. П. Глушко, Ю. Н. Труфанов, Г. В. Сарафанов.
Конец августа – начало сентября, 1974 г.

Творцы «Бурана».
Слева направо: Е. Л. Кутякин, В. И. Пономаренко, А. И. Красиков,
Г. Е. Лозино-Лозинский (в центре) – генеральный директор,
главный конструктор НПО «Молния», Ю. Н. Труфанов. 1989 г.

Макет летательного аппарата многоразового использования «Байкал»
на 44-м Парижском международном авиационно-космическом салоне. Аэропорт Ле Бурже, 16–24 июня 2001 г.
Слева направо: А. И. Киселев, Ю. Н. Труфанов, А. А. Медведев.

Ю. Н. Труфанов в рабочем кабинете. НПО «Молния», 30 июня 2005 г.